

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Гринев Андрей Михайлович

**УСАДЬБЫ НЕРЕВСКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА В X
в. (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА)**

Исторические науки:
специальность 07.00.06 – археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н., проф. Рыбина Е.А.

Москва, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	C.5
Глава 1. История изучения усадеб X в. средневекового Новгорода	C.11
Глава 2. Материковые отложения Неревского раскопа и проблема доярусного слоя Неревского раскопа	C. 23
2.1. Модель поверхности материка Неревского раскопа	C. 23
2.2. Доярусный слой Неревского раскопа	C. 26
Глава 3. Улицы Неревского конца в X в..	C. 32
Глава 4. Усадьбы Неревского раскопа в третьей четверти X в.	C. 36
4.1. Усадьба «К» в третьей четверти X в.	C. 36
4.1.1. Застройка усадьбы «К»	C. 36
4.1.2. Материальная культура усадьбы «К»	C. 39
4.1.3. Общая характеристика усадьбы «К» в третьей четверти X в.	C. 45
4.2. Усадьба «И» в третьей четверти X в.	C. 47
4.2.1. Застройка усадьбы «И»	C. 47
4.2.2. Материальная культура усадьбы «И»	C. 48
4.2.3. Общая характеристика усадьбы «И» в третьей четверти X в.	C. 59
4.3. Усадьба «И-2» в третьей четверти X в.	C. 60
4.3.1. Застройка усадьбы «И-2»	C. 60
4.3.2. Материальная культура усадьбы «И-2»	C. 60
4.3.3. Общая характеристика усадьбы «И-2» в третьей четверти X в.	C. 63
4.4. Усадьба «Е» в третьей четверти X в.	C. 63
4.4.1. Застройка усадьбы «Е»	C. 63
4.4.2. Материальная культура усадьбы «Е»	C. 65
4.4.3. Общая характеристика усадьбы «Е» в третьей четверти X в.	C. 70
4.5. Территория усадеб «Б», «Б-1», «А» в третьей четверти X в.	C. 71
4.5.1. Материальная культура усадеб «А», «Б», «Б-1»	C. 72
4.5.2. Общая характеристика территории усадеб «А», «Б», «Б-1» в третьей четверти X в.	C. 83
Глава 5. Усадьбы Неревского раскопа в последней четверти X в.	C. 87
5.1. Усадьба «К» в последней четверти X в.	C. 87
5.1.1. Застройка усадьбы «К»	C. 87
5.1.2. Материальная культура усадьбы «К»	C. 89
5.1.3. Общая характеристика усадьбы «К» в последней четверти X в.	C. 94

5.2. Усадьба «И» в последней четверти X в.	С. 96
5.2.1. Застройка усадьбы «И»	С. 96
5.2.2. Материальная культура усадьбы «И»	С. 97
5.2.3. Общая характеристика усадьбы «И» в последней четверти И в.	С. 104
5.3. Усадьба «И-2» в последней четверти X в.	С. 105
5.3.1. Застройка усадьбы «И-2»	С. 105
5.3.2. Материальная культура усадьбы «И-2»	С. 105
5.3.3. Общая характеристика усадьбы «И-2» в последней четверти X в.	С. 108
5.4. Усадьба «И-1» в последней четверти X в.	С. 109
5.4.1. Застройка усадьбы «И-1»	С. 109
5.4.2. Материальная культура усадьбы «И-1»	С. 109
5.4.3. Общая характеристика усадьбы «И-1» в последней четверти X в.	С. 114
5.5. Усадьба «Е» в последней четверти X в.	С. 115
5.5.1. Застройка усадьбы «Е»	С. 115
5.5.2. Материальная культура усадьбы «Е»	С. 118
5.5.3. Общая характеристика усадьбы «Е» в последней четверти X в.	С. 125
5.6. Усадьба «Е-1» в последней четверти X в.	С. 126
5.6.1. Застройка усадьбы «Е-1»	С. 126
5.6.2. Материальная культура усадьбы «Е-1»	С. 128
5.6.3. Общая характеристика усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.	С. 135
5.7. Усадьба «Б» в последней четверти X в.	С. 136
5.7.1. Застройка усадьбы «Б»	С. 136
5.7.2. Материальная культура усадьбы «Б»	С. 137
5.7.3. Общая характеристика усадьбы «Б» в последней четверти X в.	С. 146
5.8. Усадьба «Б-1» в последней четверти X в.	С. 148
5.7.1. Застройка усадьбы «Б-1»	С. 148
5.7.2. Материальная культура усадьбы «Б-1»	С. 148
5.7.3. Общая характеристика усадьбы «Б-1» в последней четверти X в.	С. 151
5.9. Усадьба «А» в последней четверти X в.	С. 152
5.9.1. Застройка усадьбы «А»	С. 152
5.9.2. Материальная культура усадьбы «А»	С. 152
5.9.3. Общая характеристика усадьбы «А» в последней четверти X в.	С. 156
5.10. Усадьба «Д» в последней четверти X в.	С. 156
5.10.1. Застройка усадьбы «Д»	С. 156
5.10.2. Материальная культура усадьбы «Д»	С. 158

5.10.3. Общая характеристика усадьбы «Д» в последней четверти X в.	С. 166
5.11. Усадьба «Д-2» в последней четверти X в.	С. 168
5.11.1. Застройка усадьбы «Д-2»	С. 168
5.11.2. Материальная культура усадьбы «Д-2»	С. 169
5.11.3. Общая характеристика усадьбы «Д-2» в последней четверти X в.	С. 173
Заключение	С. 174
Список использованных источников	С. 180
Список использованной литературы	С. 180
Список сокращений	С. 194
Приложение 1. Планы усадеб Неревского раскопа и таблицы находок	С. 195

Введение

Актуальность темы исследования. Усадьбы является основной градообразующей единицей города и поэтому их исследование имеет большое значение для полноценной реконструкции средневекового города. При отсутствии письменных свидетельств об усадьбах Древней Руси основным источником становятся археологические материалы. Городские средневековые усадьбы впервые были открыты и изучены при раскопках Новгорода во время работ на Неревском раскопе, где был вскрыт целый квартал средневекового города.

Археологические исследования на Неревском раскопе (1951-1962), расположенном в трехстах метрах к северу от Новгородского Кремля, стали очень значимым событием в отечественной и мировой археологии. За двенадцать полевых сезонов здесь было раскопано несколько кварталов средневекового города общей площадью 8840 м², вскрыты на большом протяжении мостовые трех улиц, исследовано 17 усадеб, найдено около 1100 хорошо определимых построек и свыше 90 тысяч индивидуальных находок (Рис. 2). Благодаря исключительной сохранности дерева по материалам Неревского раскопа впервые в отечественной историографии был разработан и применен дендрохронологический метод датирования. В результате была создана дендрохронологическая шкала, которая дала возможность получить абсолютные даты и датировать мостовые, постройки и находки с большой точностью. Все эти материалы стали ценнейшим источником по истории и археологии не только Новгорода X-XV вв., но и Древней Руси в целом.

Вместе с тем облик Новгорода в эпоху образования древнерусского государства, его роль в этих процессах, быт и материальная культура X в. остаются малоизученными. Внимание исследователей при решении многих значимых проблем ранней истории и археологии лесной зоны Восточной Европы, как правило, сосредотачивается на других важных протогородских и раннегородских центрах, таких как Ладога, Рюриково Городище, Псков, Гнёзово, Белоозеро, Тимерево и пр. Во многом это обусловлено тем, что основная часть материалов, связанных с Новгородом X в., остается неопубликованной и не введена в научный оборот (Носов, 2012. С. 118-119). Необходимость заполнить эту лакуну и обусловила актуальность изучения усадеб Неревского конца X в.

Степень разработанности темы. К настоящему времени материалы Неревского раскопа, касающиеся раннего Новгорода, введены в научный оборот очень слабо. Опубликованы лишь постройки, детали транспорта, роговые гребни, ювелирные изделия, отдельные предметы вооружения, находки из дерева, в то время как улицы и большинство других категорий предметов исследованы частично. Комплексный подход к изучению усадеб был предпринят лишь П.И. Засурцевым, однако, его труд носит в значительной степени

обзорный и научно-популярный характер. Подробнее об этом будет сказано в главе 1 настоящей работы. Кроме того, в работах предшественников был выявлен ряд неточностей, исправление которых также стало одной из задач настоящего исследования.

Объектом исследования являются городские усадьбы, под которыми понимается комплекс одновременно существовавших построек, составляющих единое хозяйственное и архитектурное целое, выходящий на улицу и огражденный от других участков забором, и материальная культура этих усадеб.

Предметом исследования являются застройка, планиграфия, материальная культура усадеб Неревского конца X в.

Цель исследования заключается в комплексном изучении усадеб X в. Неревского конца средневекового Новгорода на основании анализа имеющихся источников.

Поставленная цель определила основные задачи исследования, к которым относятся:

1. Рассмотрение первоначального рельефа местности и его особенностей к началу ее антропогенного освоения.
2. Изучение доярусного слоя Неревского раскопа.
3. Исследование улиц X в. Неревского раскопа: уточнение конструкции мостовых 26-28 ярусов, анализ динамики уличного замощения, соотношение рельефа материка и направления улиц с целью проследить изменение наклона дневной поверхности от середины X в. к концу столетия.
4. Построение ярусов усадеб X в. с учетом особенностей первоначального рельефа.
5. Характеристика обнаруженных на усадьбах построек.
6. Характеристика вещевых комплексов усадеб, выявление планиграфии находок, поиск аналогий, определение этнокультурных аспектов статусных находок.

Научная новизна работы. В работе впервые в полном объеме были подвергнуты комплексному исследованию усадьбы X в. Неревского конца. Также впервые исследованы материковые отложения Неревского раскопа и построена цифровая модель поверхности на момент освоения этой территории. Была решена проблема так называемого «доярусного слоя», под которым понималась прослойка культурного слоя, предшествующая появлению первых построек. Благодаря комплексному подходу к анализу источников были обоснованы и впервые полностью построены планы мостовых X в. Великой, Кузьмодемьянской и Холопией улиц и отмечены особенности их устройства на всем протяжении. Помимо этого были внесены многие поправки в вопросе динамики застройки усадеб в эпоху становления города, уточнена стратиграфия и хронология усадебных комплексов. В научный оборот вводятся материалы двенадцати усадеб Неревского конца X в. и впервые публикуются многие находки.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала антропогенного освоения Неревского конца в середине X в. до большого пожара 90-х гг. X в.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее материалы во многих аналитических исследованиях по материальной культуре раннего средневековья, а также в обобщающих работах по истории и археологии Новгорода и Древней Руси в целом. Уточнение хронологии и атрибуция многих ранее неопознанных вещей может быть востребовано музейными работниками при создании экспозиций и каталогов.

Источники. В работе был использован широкий круг источников, которые разделяются на следующие группы.

Архивные источники включают в себя первую очередь отчеты о работах Новгородской археологической экспедиции и приложения к ним, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. Для работы были использованы дела Ф-1, Р-1 №№ 587, 860, 993, 1157, 1278, 1597, 1802, 1940, 2137, 2381, 2542, содержащие сведения о работах на Неревском раскопе за 1951, 1953-1962 гг. При таком значительном объеме данных, часть информации была утрачена. В приложениях к делам №№ 1802, 1940 и 2542 отсутствовали чертежи профилей профилей, что существенно повлияло на уровень анализа стратиграфии. К сожалению, из других источников эту информацию восполнить не удалось.

Камеральные описи. При изучении материальной культуры усадеб первоочередным источником стали камеральные описи Новгородской археологической экспедиции, хранящиеся в Архиве НАЭ ИА РАН. Для работы были использованы описи находок из черного и цветного металла, дерева, кости, стекла и камня за 1951, 1953-1958 гг. Благодаря им удалось получить информацию о коллекции Неревского раскопа в целом, однако значительная часть предметов, в особенности из дерева, черного металла и камня, оказалась в нее не включена. Описи за 1959 – 1962 гг. хранятся на кафедре археологии МГУ и сохранились частично. Среди них более полно представлены лишь описи предметов из черного металла и кости.

Музейные коллекции. Для непосредственного знакомства с археологическим материалом были исследованы коллекции фондов НГОМЗ (21 опись, в том числе крупные описи КП 35698, КП 35471, КП 35338, А5, А40, А56, А110, А125 и пр.), ГИМ (опись №1965) и Государственного Эрмитажа (опись ЭРА-31). Благодаря им удалось получить изображения основной части предметов, включенных в камеральные описи, и частично дополнить эти описи. Кроме того, было выяснено, что часть вещей, в особенности изделия из дерева и камня, не сохранились в музейных собраниях.

Изобразительные источники. В качестве дополнительного источника в работе использованы рисунки предметов, сделанные командой художников НАЭ сразу по ходу археологических раскопок. Архив рисунков хранится в ЦОАИ НГОМЗ. С их помощью удалось

в значительной мере восполнить сведения о многих находках, преимущественно из дерева и кости.

Полевые дневники. Эта группа источников предоставила ценную информацию о характере культурного слоя, который фиксировался в процессе проведения полевых исследований, а также о массовых и некоторых индивидуальных находках. Однако, содержащиеся в дневниках описания не были унифицированы, часть данных была утрачена, и поэтому данные материалы использовались как вспомогательные.

Методология и методы исследования. В основу исследования положен комплексный подход к изучению усадеб, который подразумевает изучение культурного слоя, построек и находок, построение «дневных поверхностей» ярусов и согласование пластов и ярусов.

Конструирование и сопоставление между собой ярусов мостовых и ярусов застройки усадеб опиралось на принцип выделения стратиграфически обособленных пространств, обоснованный М.И. Петровым. Этот принцип заключается в том, что на многослойном памятнике пространство, как правило, ограничено стратиграфическими и архитектурными объектами (частоколами, траншеями, мостовыми), поэтому для каждого из таких пространств необходимо разрабатывать отдельную схему развития и впоследствии согласовывать эти схемы между собой (Петров, 2008. С. 113-114). В условиях отсутствия полноценной дендрохронологической шкалы и тщательно зафиксированной стратиграфии, объем информации, которой можно оперировать для построения подобных схем, сильно ограничен. В таком случае приходится руководствоваться общими представлениями о глубине залегания построек относительно материка, уклоне первоначальной поверхности и большими прослойками, которые перекрывают несколько сооружений или прослеживаются на большом расстоянии. Одним из таких связующих звеньев стал слой пожара конца X в., который был отмечен на большей части раскопа и на мостовых Великой и Кузьмодемьянской улиц 26-го яруса. Таким образом, весь культурный слой X в. был «зажат» между поверхностью материка и слоем пожара.

Внутри каждой из усадеб на основании анализа глубин залегания построек, подкладок под постройки, дворовых вымосток и обширных угольных прослоек с помощью средств географических информационных систем были построены цифровые модели поверхностей яруса (Коробов, 2011. С. 129-131). Данные модели легли в основу процедуры согласования пластов и ярусов с последующим соотношением комплексов построек и находок, что подробно описано М.И. Петровым (Петров, 2009. С. 226-242).

Материальная культура усадеб исследовалась с точки зрения качественных, количественных и пространственных характеристик. Весь массив обнаруженных предметов был разделен на группы, сформированные по принципу близости выполняемых функций.

Впоследствии эти группы были рассмотрены планиграфически с целью выявления особенностей их использования и выпадения в культурный слой.

В целом в работе использованы различные методы: стратиграфический, хронологический, сравнительно-типологический, пространственный анализ, метод аналогий, исторический

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов, предоставленных в этой работе, обеспечена комплексным изучением большого объема взаимосвязанных источников: архивных и вещественных.

Ряд положений работы изложен автором в пяти статьях (четыре опубликованы в рецензируемых изданиях). По теме исследования автор неоднократно выступал с научными докладами на Новгородском научном семинаре, всероссийских и международных конференциях: «Новгород и Новгородская земля: история и археология» (Великий Новгород, 2016, 2017, 2018 гг.), «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Псков, 2015, 2017 гг.), «Археология Новгорода: 85 лет исследований и открытий» (Москва, 2017 г.), «Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина» (Москва, 2018 г.).

Положения, выносимые на защиту.

1. В середине X в. на Софийской стороне Великого Новгорода находилось два холма: Софийский и Неревский, между которыми располагалась пологонаклонная равнина, образованная осадочными породами. Эта территория был наиболее пригодной для хозяйственного освоения.

2. Первоначальный рельеф местности имел уклон на северо-восток. Под воздействием временных водотоков в у подножья Неревского холма была образована промоина, в которая впоследствии затянулась культурным слоем.

3. Первоначальный рельеф местности predetermined направление улиц, а также последовательность освоения усадеб Неревского раскопа.

4. Древнейшие постройки, обнаруженные на Неревском раскопе, располагались на предматерике. Культурных отложений, образовавшихся до появления первых построек, зафиксировано не было.

5. С X в. связаны мостовых трех ярусов, которые последовательно сменяли друг друга. Удлинение мостовых в каждом следующем ярусе совпадает с процессом заселения новых усадеб и отражает этот процесс.

6. В середине X были освоены четыре усадьбы, расположенные у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц: «К», «И», «И-2», «Е». Эти усадьбы обладали рядом общих черт в планировке.

7. В третьей четверти X в. наиболее рельефно прослеживается скандинавский компонент в материальной культуре. Вероятно, выходцы с Северной Европы были среди первопоселенцев Неревского конца.

8. В северной части Неревского раскопа застройка третьей четверти отсутствовала, но здесь было обнаружено большое число находок, в особенности в области промоины в материке. Вероятно, часть этих находок попала сюда в результате смыва под воздействием временных водотоков.

9. В 70-е гг. наблюдается активное развитие застройки, обновляются уличные настилы. В последней четверти X в. обновляется застройка на усадьбах «К», «И», «И-2», «Е», а также появляются первые постройки на усадьбах «Е-1», «Б», «А», «Г», «Д» и «Д-2».

10. В последней четверти X в. становится менее осязаемым скандинавский компонент в материальной культуре, но зато на многих усадьбах появляются импорты из Византии и Южной Руси. Предположительно, этот процесс был связан с приходом в Новгород князя Владимира в 970 г.

11. Финно-угорский компонент в материальной культуре практически незаметен, за исключением некоторых находок на усадьбах «Д», «И-1», «К».

12. В конце X в. на Неревском конце произошел большой пожар, уничтоживший значительную часть застройки. Пожар носил общегородской характер и, вероятно, был связан с крещением Новгорода.

Структура диссертации определена целью работы и поставленными задачами. Работа состоит из введения, пяти глав основной части, заключения и приложения, включающего планы усадеб и таблицы находок.

Глава 1. История изучения усадеб X в. средневекового Новгорода

Библиография работ, связанных с материалами Неревского раскопа, насчитывает сотни разного рода публикаций. Все эти работы можно разделить на три блока: 1. Усадебная застройка, домостроительство и благоустройство. 2. Вещевые комплексы, материальная культура. 3. Комплексное изучение усадеб на основе построек, берестяных грамот и вещевых находок. Материалы X в. отдельно в этих работах не рассматривались. Различные аспекты, касающиеся данного периода, как правило, являлись частью общих тем, и лишь в исключительных случаях акцент делался конкретно на проблемах ранней истории города.

Необходимость систематизировать и анализировать огромное количество разнородного археологического материала, который ежегодно увеличивался, предопределила и способ его изучения. За каждым из сотрудников Новгородской археологической экспедиции была закреплена тема исследования, в результате чего были классифицированы и изучены строительные сооружения (мостовые, постройки), а также различные вещевые комплексы.

I. Усадебная застройка, домостроительство, благоустройство. Первыми исследователями усадебной застройки и домостроительства были Б.А. Колчин и П.И. Засурцев. Большая заслуга в разработке новгородской хронологии, стратиграфии и усадебной застройки принадлежит Б.А. Колчину, который впервые обратился к этим проблемам в 1954 г., когда площадь раскопа составила более 3000 кв.м. Он разделил культурный слой на ярусы под которыми понималась совокупность хронологически связанных между собой мостовых, жилищ и других сооружений, а также находок, обнаруженных в этих постройках или рядом с ними. К X в. были отнесены три строительных яруса (26–28), для которых на основании комплексного анализа археологических и письменных источников Б.А. Колчин получил следующие даты: 28 ярус – середина X в.; 27 – 70-80-е гг. X в., 26 – 90-е гг. X в. – начало XI в. (Колчин, 1956. С. 137). Впоследствии, благодаря дендрохронологическому методу уличные мостовые получили абсолютные даты и хронология ярусов была существенно уточнена. По новым данным ярус 28 был сооружен в 953 г.; 27 – в 972 г.; 26 сооружен в 989 г. и просуществовал до 1005 г. (Колчин, 1963. С. 85, 95). В этой же статье исследователь кратко охарактеризовал постройки усадеб X в., и отметил плохую сохранность дерева для этого периода (Колчин, 1956. С. 113-115).

Изучение усадеб и построек средневекового Новгорода стало темой исследования П.И. Засурцева. В 1963 г. им была опубликована большая статья, в которой автор подробно рассмотрел конструкцию жилищ, разработал типологию жилых домов, детально изучил застройку усадеб X-XV вв., отметил особенности их развития (Засурцев, 1963. С. 6-126). Эта работа до сих пор является основным трудом в исследовании усадеб Неревского раскопа. При изучении усадеб X в., П.И. Засурцев отметил, что первые поселенцы уже были носителями

определенных традиций жилищного строительства и возведения общественных сооружений. Для их владений были характерны один довольно крупный дом, и несколько хозяйственных построек. В конструктивном плане жилые постройки различались. Большинство из них представляли собой однокамерные постройки без сеней, и лишь некоторые имели привходные сооружения. Рассматривая динамику застройки усадеб, П.И. Засурцев предположил, что первоначально в Неревском конце существовало два поселка, которые по мере развития города соединились друг с другом. Один из них, более ранний, был расположен в северной его части (усадьбы А, З), другой, основанный позднее, – в южной (усадьбы К, И, Е) (Засурцев, 1963. С. 84-86).

В начале 70-х гг. к теме новгородского домостроительства обратился Ю.П. Спегальский. Он показал неоднозначность интерпретации археологических материалов и предпринял попытку пересмотра конструктивных особенностей ряда построек, реконструировав два сруба в качестве боярских домов с галереями вдоль стен (Спегальский, 1973. С. 184-187). В качестве основного источника автор использовал опубликованные материалы, не обращаясь к полевой документации памятника. Вольность обращения с археологическими данными была отмечена П.И. Засурцевым и В.Л. Яниным, критически рассмотревшими данные реконструкции (Засурцев, Янин, 1975. С. 274-276).

Благодаря работам на Троицком раскопе (с 1973 г.), площадь которого достигла к 2017 г. 8200 кв.м, появилось много новых данных об устройстве домов Новгорода, в том числе относящихся к начальному периоду освоения города. В этой связи многие из построек Неревского раскопа, особенно древнейшие, в последние десятилетия были пересмотрены Н.Н. Фараджевой (Фараджева, 1997. С. 401-410; Фараджева, 1998. С. 70-75; Фараджева, 2009. С. 567; Фараджева, 2010. С. 166-188). В ряде статей она отметила сходство некоторых приемов домостроительства Троицкого и Неревского раскопов, которые не были выявлены ранее. У ряда построек X в. на Неревском раскопе были обнаружены фундаментные площадки, по-новому были атрибутированы некоторые привходные конструкции (крыльца-площадки, трехстенные прирубы). Это привело к принципиально новой оценке использовавшихся строительных приемов.

Теме благоустройства усадеб посвятил ряд своих работ А.Н. Сорокин, который рассмотрел в них вопросы устройства мостовых улиц и дворовых вымосток, планировки усадеб, возведения оград, обеспечения водоснабжения. Для раннего Новгорода А.Н. Сорокин отметил существование наряду с «традиционными мостовыми», состоящими из трех параллельных лаг и перпендикулярно уложенных плах, довольно необычных строительных приемов. К их числу относились мостовые, опирающиеся на две лаги, или комбинированное мощение, когда настилы клались не только поперек, но и вдоль движения (Сорокин, 1995. С. 8-

10; Sorokin, 2007. P. 37-41). Среди других особенностей сооружения уличных трасс в ранний период отмечена частичная или полная разборка настила, в то время как лаги оставались на месте и использование разнообразных подкладок, повышавших уровень мостовой (Сорокин, 1995. С. 8-10). По мнению А.Н. Сорокина, срок эксплуатации настилов в ранний период (X-XI вв.) был больше обычного и достигал 30 лет, что объясняется невысокими темпами накопления культурного слоя (Сорокин, 1995. С. 11, 16-17). В отношении способов ограждения территорий исследователь вслед за П.И. Засурцевым отметил, что наряду с традиционными частоколами в слоях X в. встречались и иные способы ограждения владений, к числу которых относились плетни и заборы, сооруженные в «заплот». А.Н. Сорокин обратил внимание также и на укладку дворовых вымосток. Среди особенностей, характерных для X-XII вв., исследователь указал, что для этого периода было свойственно сооружение настилов сложных конструкций, когда в продольных лагах вырубалась выемка в $\frac{1}{4}$ диаметра или выдалбливался продольный паз, служивший опорой настила (Сорокин, 1995. С. 21-27).

II. Вещевые комплексы, материальная культура.

Параллельно с исследованием строительных сооружений активно велась работа по изучению разнообразных категорий предметов из всех известных в средневековом Новгороде материалов: железа, цветного металла, кости, глины, стекла, камня и янтаря, кожи и дерева. Изделия X в. в основном рассматривались в рамках обобщающих работ по той или иной категории находок. На первых порах основной задачей изучения вещевых коллекций была систематизация находок, разработка типологии и хронологии изделий, поиски аналогий и установление этнокультурных взаимосвязей. Работ такого формата очень много, поэтому в рамках данной работы будут рассмотрены лишь основные из них.

Орудия труда и другие многочисленные железные изделия стали предметом многолетних исследований Б.А. Колчина, который наряду с традиционным типологическим методом изучения вещей впервые применил металлографический анализ. Этот метод дал возможность выяснить технологию изготовления тех или иных изделий, ее развитие в разные хронологические периоды и, наконец, определить уровень развития железообрабатывающего ремесла в средневековом Новгороде (Колчин, 1959. С. 7-120). Автор систематизировал большую коллекцию железных инструментов, собранную на Неревском раскопе с 1951 по 1955 гг., разработал их типологию и хронологию. Весь инструментарий исследователь разделил по функциональным признакам на девять групп: металлообрабатывающий инструмент, деревообделочный, универсальный инструментарий, сельскохозяйственные и промышленные орудия труда, замки и ключи, весы и гири и хозяйственный и домашний инвентарь, принадлежности костюма и разный инвентарь.

Характеризуя коллекцию предметов X в. первой группы, Б.А. Колчин отметил в ней наличие разнообразных специализированных инструментов (топоры, пилы-ножовки, сверла, долота, свёрла, резцы и т.д.). Несмотря на малое число этих предметов, они свидетельствуют о том, что с начала появления города его жителям был известен практически весь спектр ремесел, которыми занимались новгородцы и в последующее время. Наряду со специализированными инструментами в коллекции широко представлены и универсальные инструменты (ножи, ножницы, шилья, швейные иглы). Важный вывод был сделан исследователем при металлографическом анализе режущих инструментов, прежде всего ножей. Оказалось, что для X в. характерна сложная технология изготовления лезвий из трех или пяти чередующихся железных и стальных полос, что позволяло инструменту самозатачиваться в процессе эксплуатации. Такой технологический прием был характерен для производства в X-XII вв., а затем сменился более примитивной наваркой стального лезвия на железную основу. Среди бытовых предметов Б.А. Колчин выделил характерные для X в. типы замков и ключей, а также другие предметы домашнего и хозяйственного инвентаря.

Большую группу изделий из железа составляют предметы вооружения, которые рассматривались в работах А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова. Первые обобщения по этой теме были предприняты в конце 50-х гг. А.Ф. Медведевым в его статье «Оружие Новгорода Великого», где были рассмотрены предметы, исследованные на Неревском раскопе до 1956 г. Все оружие разделено исследователем на четыре категории: оружие ближнего боя, оружие дальнего боя, защитное вооружение и предметы снаряжения коня и всадника. В ранних слоях Новгорода автор зафиксировал разнообразные деревянные рукояти игрушечных мечей, имитирующие боевые мечи, железную секиру-чекан, два наконечника сулиц и костяную гирьку кистеня. Об оружии дальнего боя А.Ф. Медведев пишет, что для жителей древнейшего Новгорода были характерны луки и стрелы. Использование луков также подтверждается находками детских игрушек, имитирующих боевое оружие (Медведев, 1959. С. 121-191). Наконечники стрел X в. в этой работе были представлены разнообразными типами, но все наконечники Неревского раскопа были введены в научный оборот в своде «Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв.», опубликованном в 1966 г. (Медведев, 1966).

Предметы защитного вооружения и снаряжения коня и всадника представлены в ранний период очень невыразительно. Из этой категории А.Ф. Медведев приводит лишь фрагмент кольчуги, обнаруженный в слоях третьей четверти X в., и псалий.

В дальнейшем материалы Неревского раскопа были привлечены для общей характеристики военного дела А.Н. Кирпичниковым, составившего свод предметов вооружения IX-XIII вв. с территории Древней Руси. Из новгородских находок автор учел в данном своде в основном материалы, опубликованные до 1956 г. Несмотря на это работа А.Н. Кирпичникова

имеет большое значение для изучения раннего Новгорода, поскольку предметы вооружения, найденные на Неревском раскопе, рассмотрены в ней в широком культурно-историческом контексте (Кирпичников, 1966а; Кирпичников, 1966б; Кирпичников, 1973).

Коллекция ювелирных изделий, насчитывающая сотни разнообразных предметов, была собрана, систематизирована и проанализирована М.В. Седовой, посвятившей этой проблематике несколько работ. Началом для ее исследования послужила коллекция ювелирных изделий, обнаруженных на Неревском раскопе до 1956 г. включительно (Седова, 1959. С. 232-261). Среди многочисленных предметов из цветного металла автор выделила изделия, характерные для X в., в числе которых преобладали различные нагрудные привески. Их анализ привел исследовательницу к выводу о том, что богатый набор привесок был связан с языческими культами дохристианского Новгорода и эти вещи служили амулетами. Некоторые из ювелирных предметов носили выраженные этнические признаки: финно-угорские или скандинавские. Данная работа стала основой монографии М.В. Седовой «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.)», в которой автор обобщила весь материал Неревского раскопа и дополнила его находками других раскопов (Седова, 1981. С. 180-192). В этой монографии были систематизированы и проанализированы практически все категории ювелирного производства: разнообразные украшения, христианские древности (крестики, иконки, детали паникадил), детали костюма, бытовые предметы, различные накладки и др. Исследовательница отметила характерные для X в. изделия, в числе которых оказались поясные накладки, пластинчатые и массивные браслеты и перстни с определенными типами орнамента, височные кольца. Отдельно были рассмотрены предметы скандинавского происхождения X–начала XI вв., количество которых незначительно. На основании анализа ювелирных изделий с этнической окраской М.В. Седова сделала вывод о наличии в ранних слоях Неревского конца изделий западнофинского и балтийского происхождения.

В конце 80-х гг. к теме ювелирных изделий обратился Ю.М. Лесман. Основываясь на тех же материалах, он поставил цель создать сводную систему датирующих типов на базе новгородской коллекции ювелирных изделий. По мнению автора, границы бытования типов не всегда были корректно определены, поскольку при датировании не учитывалось количественное распределение находок в слое, а хронология предметов устанавливалась по ограниченному числу вещей. Эти обстоятельства побудили исследователя пересмотреть и расширить набор датирующих предметов ювелирного производства, в том числе и изделия из слоев X в. (Лесман, 1990. С. 29-98).

В последние десятилетия ювелирные украшения стали темой исследования Л.В. Покровской, которая, прежде всего, систематизировала коллекцию ювелирных изделий Троицкого раскопа и сравнила их с материалами Неревского раскопа. Особое внимание

исследовательница обратила на ранний период, когда этнокультурная принадлежность изделий проявляется особенно ярко. В статье, посвященной ювелирным украшениям X-XI вв., найденным на Неревском и Троицком раскопах, она распределила их на четыре группы: древнерусские, финно-угорские и балтские, скандинавские и этнически неопределимые (Покровская, 1999. С. 51-64). Л.В. Покровская обратила внимание на значительное присутствие в материальной культуре Новгорода X-XI вв. финно-угорского и балтского компонента. Количественное распределение этих вещей в древнейших слоях Неревского и Троицкого раскопов было примерно равным. Кроме того, она отметила крайне незначительное скандинавское влияние на новгородскую культуру. Общий вывод исследовательницы состоял в том, что формирование городского населения складывалось на основе разноэтничных компонентов – славянского и общебалтского.

Для эпохи раннего средневековья одной из важнейших категорий предметов являются стеклянные бусы. Благодаря их многочисленности и большого разнообразия форм и типов они стали надежным хронологическим индикатором. К теме стеклянных бус Неревского раскопа в середине 50-х гг. прошлого века обратилась Ю.Л. Шапова (Шапова, 1956. С. 164-179). В своей работе она предложила типологию этой категории вещей и определила временные рамки бытования каждого типа. Все бусы она разделила на два отдела, сформированные по формальным признакам: круглые бусы и ребристые. С отложениями X в. Ю.Л. Шапова связала цветные лимонovidные бусы, синие и зеленые бусы, цилиндрические синие бусы глушеного стекла, желтый рубленый бисер, эллипсоидные ребристые бусы, и глазчатые бусы. Отчасти в X в. встречались боченкообразные золочёные и серебрёные бусы и крупные битрапециoidные бусы, хотя в основном они датируются XI веком. Результатом изучения данной категории стал обоснованный вывод о том, что наибольшее количество бус на Неревском раскопе было найдено в слое X века. Впоследствии этот вывод подтвердился и материалами других раскопов.

Для исследователей Древней Руси работа Ю.Л. Шаповой приобрела особое значение. Благодаря надежной датировке стеклянных бус из раскопок Новгорода, она стала одной из опорных статей в изучении памятников не только северо-западной Руси, но и всей Восточной Европы, поскольку бусы являются важнейшей датирующей категорией находок. Однако, надо отметить, что в статье Ю.Л. Шаповой анализу подверглись бусы, найденные только до 1954 г. Следовательно, они не получили привязки к дендрохронологической шкале, поскольку данный метод датирования стал применяться только с 1959 г. К сожалению, значительная коллекция стеклянных бус из раскопок 1955-1962 гг. до сих пор не обработана.

В отличие от стеклянных бус коллекция украшений из камня и изделий из янтаря, найденных на Неревском раскопе была полностью проанализирована М.Д. Полубояриновой. В статью, посвященную полудрагоценным камням и янтарю из раскопок Новгорода, она

включила также материалы других раскопов, что делало ее выводы надежно аргументированными. Автор отметила характерные для X в. бусы из сердолика и хрусталя, а также появление в ранний период изделий из янтаря. Заслуживает внимание предпринятое исследовательницей сопоставление хронологии новгородских находок и аналогичных изделий других памятников, продемонстрировавшее различия в датировках одних и тех же предметов (Полубояринова, 1994. С. 75-82).

Изделия кожевенного ремесла были впервые рассмотрены С.А. Изюмовой, которая в статье «Кожевенное и сапожное ремесло Новгорода Великого» систематизировала коллекцию кожаных изделий, найденных до 1955 г. (Изюмова, 1959. 210-220). Несмотря на то, что в древнейших слоях Новгорода кожа сохраняется довольно плохо, исследовательница выделила основные типы изделий, характерные для X в.

Самую многочисленную группу в вещевой коллекции Новгорода составляют деревянные предметы, ассортимент которых необычайно велик. Дерево было основным поделочным материалом, начиная от строительства дома и кончая разнообразными изделиями бытового и хозяйственного назначения. Систематизацией этого материала занялся Б.А. Колчин, подготовившей два свода деревянных изделий из раскопок Новгорода, в которых рассмотрел все их категории (Колчин, 1968; Колчин, 1973). Для X в. был зафиксирован чрезвычайно широкий набор деревянной посуды: бондарной, резной, долбленой, токарной и пр. Кроме того для этого времени были характерны двусторонние деревянные гребни, большие массивные мисы и ковши, украшенные резьбой по рукояти (чаще всего в виде головы дракона). Наряду с ними в слоях X в. обнаружено немало деревянных предметов бытового, хозяйственного и промыслового назначения, форма и типы которых не менялись на протяжении столетий.

Изделия из кости долго оставались вне поля зрения исследователей Новгорода. Лишь на исходе XX в. изучением косторезного ремесла занялась Л.И. Смирнова, которая, прежде всего, проанализировала видовой состав костей и рогов животных, использованных для изготовления костяных предметов. Кроме того она предприняла и изучение отдельных категорий. В частности, ею были рассмотрены многочисленные в слоях X в. проколки из заостренной кости животного непонятного назначения, которые практически отсутствуют в более позднее время. Исследовательница установила их функциональное назначение и уточнила датировку, оказалось, что костяные проколки предназначались для ткацко-прядельного ремесла. Сокращение количества таких находок в более позднее время, по мнению автора, свидетельствует о технологических инновациях в сфере городского ткачества (Смирнова, 1999а. С. 142-161).

Кроме того в монографии, посвященной производству костяных гребней в Новгороде, Л.И. Смирнова провела планиграфический анализ этой категории находок на Неревском

раскопе. Она обратила внимание на то, что наибольшее количество односторонних гребней ранних типов было обнаружено в северо-восточной части памятника на усадьбах А и Б, из чего сделала вывод о более раннем освоении территории к востоку от Великой улицы, что согласуется с гипотезой П.И. Засурцева о древнейшем поселке в северной части Неревского раскопа (Smirnova, 2005. P. 92-94).

Работа с категориями индивидуальных находок привела к созданию сводных типохронологических таблиц, что стало одной из исследовательских задач Б.А. Колчина. В статьях, посвященных хронологии новгородских древностей, автор рассмотрел разнообразные категории индивидуальных находок, обладающих датирующими признаками, обозначил время их бытования и проследил эволюцию типов (Колчин, 1958. С. 92-111; Колчин, 1982. С. 156-177). Наряду с опубликованными категориями находок автор включил в свою работу шиферные пряслица и костяные и деревянные гребни. Их находки исчисляются тысячами, что дает надежные аргументы для обоснования смены типов и динамики бытования. В частности было установлено, что для X в. были характерны только односторонние костяные расчески. Результатом масштабной работы Б.А. Колчина явились сводные типохронологические таблицы, ставшие основой не только новгородского, но и древнерусского вещевода в целом.

Наряду с систематизацией коллекций индивидуальных предметов началось изучение массового материала и прежде всего керамики, неревская коллекция которой составляет более миллиона обломков. Их анализу посвятила свою научную деятельность Г.П. Смирнова. Обработку керамического материала Неревского раскопа она начала с коллекции из раскопок 1951-1954 гг. Ею впервые были выделены основные типы керамической посуды, бытовавшей в Новгороде на протяжении X-XV вв., каждый из типов получил надежную дату. Исследовательница обратила внимание на присутствие в слоях X в. наряду с преобладающей гончарной керамикой нескольких образцов лепной керамики. Кроме того керамические материалы X в. свидетельствовали об этнокультурной связи между Новгородом и Ладогой (Смирнова, 1956. С. 234-237).

В дальнейшем керамика из слоев X в. стала предметом особого внимания Г.П. Смирновой. В новых исследованиях она обратилась к анализу трех типов раннегончарных горшков, которые, как оказалось, имели ближайшие аналогии в материалах городов южной Балтики. Это наблюдение привело исследовательницу к выводу о тесном контакте поморских славян и древних новгородцев в X в. (Смирнова, 1974. С. 17-22), позже оно нашло подтверждение при лингвистическом анализе берестяных грамот. Особый интерес Г.П. Смирновой вызывали находки фрагментов лепной керамики, впервые отмеченные ею на усадьбах северной части Неревского раскопа. По его окончанию исследовательница занялась находками лепной керамики в южной части раскопа, она выделила типы лепной посуды и

проследила количественное распределение фрагментов лепной керамики в нижних слоях Неревского раскопа. На основании аналогичных сосудов из Южной Балтики и памятников Северо-Запада Руси Г.П. Смирнова установила, что лепная посуда Неревского раскопа датируется временем ранее середины X в. Это привело к появлению гипотезы о существовании на Неревском раскопе доярусного слоя, т.е. культурных отложений более древних, чем первые ярусы мостовых. Именно в этом слое и находятся скопления лепной керамики (Смирнова, 1976. С. 3-10). Мощность доярусного слоя, по мнению Г.П. Смирновой, составляла от 30 до 100 см., и она датировала его концом IX-первой половиной X (Смирнова, 1978. С. 165-170).

В 2000-е годы проблема новгородской керамики вновь была затронута В.М. Горюновой, которая исследовала раннегончарную керамику городских центров Северо-Запада Руси. Наряду с изучением материалов Троицкого раскопа, она еще раз обратилась к древнейшим напластованиям Неревского раскопа, где уточнила типологию и хронологию сосудов. В особенности были откорректированы данные об использовании южно-балтийской керамики в Новгороде. Эта работа приобрела большое значение благодаря сопоставлению раннегончарной посуды X-начала XI в. Новгорода и других городских центров (Пскова, Ладоги, Рюрикова городища), что позволило рассмотреть в динамике эволюцию керамического набора Северо-Запада (Горюнова, 2005. С. 97-121).

Одновременно с изучением раннегончарных сосудов велась работа по анализу лепной посуды. К решению данной проблемы обратился А.В. Плохов. Он проанализировал лепные сосуды Троицкого и Неревского раскопов, уточнил их типологию и хронологию. Автор отметил некоторые противоречия между работами П.И. Засурцева, который утверждал, что древнейшие мостовые располагались на поверхности материка, и работами Г.П. Смирновой, писавшей о значительной прослойке культурного слоя под первыми ярусами мостовых. На основании анализа обширного керамического материала Северной Руси А.В. Плохов передатировал распространение лепной керамики в Новгороде, обозначив верхнюю границу 960-ми гг. Распространение лепной посуды на Неревском раскопе ограничено, по мнению исследователя, 50-60-ми гг. X в., а попадание обломков лепных сосудов в слои конца X в. А.В. Плохов объясняет движением и перемешиванием культурного слоя под воздействием внешних факторов. Характеризуя керамический набор жителей древнейшего Новгорода в целом, автор отмечает, что его составляли в основном лепная посуда и примитивные раннегончарные горшки (Плохов, 2009. С. 417-431).

Таким образом, за годы обработки материалов Неревского раскопа были исследованы многие категории предметов, разработана их типология и хронология, некоторым из них дана этническая характеристика

III. Комплексное изучение новгородских усадеб. Это направление является логическим продолжением и реализацией итогов двух предыдущих разделов. Анализ совокупного материала, происходящего с одной усадьбы позволяет определить социальный статус жителей города, охарактеризовать их повседневную жизнь и приблизиться к пониманию духовной жизни древних новгородцев (Рыбина, 2004. С. 99-102). Но подобные работы сопряжены и с рядом проблем. Во-первых, быстрое накопление археологического материала не позволяло исследователям успевать за его научной обработкой. Во-вторых, целостное исследование усадьбы само по себе требует приложения больших усилий, поскольку данный анализ является одним из самых трудоемких форм исследования в городской археологии. В-третьих, среди ученых отсутствуют единое понимание методики подобных работ, критерии разграничения хронологических горизонтов и принципы интерпретации материалов. Все вместе эти проблемы сказались на довольно небольшом количестве исследований в данной области.

Одной из первых попыток такого целостного подхода к усадьбам является научно-популярная работа П.И. Засурцева «Новгород, открытый археологами». В ней автор вкратце рассмотрел все усадьбы X-XIV вв., изученные на Неревском раскопе, предпринял попытку охарактеризовать материальную культуру и социальный статус ее владельцев. Одна из глав была посвящена Новгороду X в., в которой П.И. Засурцев дал общее описание усадеб и устанавливает их принадлежность. Он отметил, что усадьбами «К» и «Е» владели, вероятнее всего, феодалы; усадьба «И» имела земледельческий, а затем ремесленный характер; а хозяином усадьбы «Д», возможно, был «незадачливый купец» (Засурцев, 1967. С. 71-83).

Эталоном комплексного изучения усадеб по праву считается публикация усадьбы А Троицкого раскопа второй половины XII – начала XIII в. Речь идет о знаменитой усадьбе новгородского иконописца Олисея Гречина. Прежде всего, авторы исследования путем детального анализа дендрохронологических образцов и стратиграфии обосновали хронологию каждого яруса застройки. Благодаря корпусу берестяных грамот была установлена принадлежность усадьбы, охарактеризована динамика застройки владения и проанализирована вещевая коллекция. Итогом исследования стало полноценное описание жизни новгородского художника XII в. Олисея Гречина (Колчин, и др. 1981. С. 5-165).

Вновь к вопросу изучения усадеб вернулись лишь в 2000-е. В это время данная проблема разделилась на два направления: теоретическое и методологическое обоснование принципов исследования и публикация материалов. В основном в этом направлении вел свои исследования М.И. Петров. Он в ряде своих статей разработал методику анализа динамики усадебной застройки и принципы соотношения пласта и яруса, а, следовательно, принципы привязки находок к сооружениям.

М.И. Петров акцентирует внимание на том факте, что нарастание культурного слоя в пределах усадьбы идет с разной скоростью, поэтому рассматривать схему застройки надо в пределах стратиграфически обособленного пространства (СОП) и застройка в пределах одного СОП протекает в независимости от застройки другого СОП. В качестве инструмента создания схемы застройки автор предлагает «матрицу Харриса», которая позволяет установить стратиграфическое соответствие между прослойками и сооружениями (Петров, 2008. С. 108-119). Затем автор обосновал критерии выделения поверхностей возникновения и разрушения ярусов и описал методы анализа этих данных в географических информационных систем (ГИС), что позволяет создавать модели дневных поверхностей ярусов (Петров, 2009. С. 226-242).

В дальнейшем М.И. Петров продолжил разработку этого метода, добавив ко всему аналитические возможности ГИС для обработки массового материала. Это дает возможность на основе количественных данных оценить плотность распределения керамики, кости и кожи в культурном слое, позволяет обнаружить точки скопления вещей и охарактеризовать зоны хозяйственной активности на усадьбе (Петров, 2012. С. 27-36). Разработанная М.И. Петровым методика была апробирована им на ряде раскопов Великого Новгорода и нашла свое отражение в публикации средневековых усадеб.

Таким образом, к настоящему времени накоплен большой объем информации о культуре и быте жителей древнейших усадеб Новгорода, выработаны методические приемы обработки этих данных. Подводя итоги многолетнего анализа материалов Неревского раскопа, можно сделать следующие выводы.

Структура научного исследования, сформированная в первые годы работ на Неревском раскопе, определила во многом вектор дальнейшего изучения. Анализ археологического материала проводился параллельно по разным направлениям, концентрируясь вокруг определенных тем. Благодаря этому возникли разработанные концепции по вопросам домостроительства и благоустройства усадеб, выработана хронология и типология вещевых комплексов (бусы, изделия из железа и цветного металла, предметы из кости, кожаные изделия и пр.). Однако, эта работа проведена на неполном материале. По причине того, что основное число публикаций вышло до завершения археологических исследований, значительная часть информации осталась вне поля зрения исследователей и по-прежнему не введена в научный оборот.

На настоящий момент отсутствуют работы, посвященные комплексному изучению усадеб Неревского раскопа. В значительной мере это было обусловлено нехваткой методологически обоснованной программы исследования и теоретической базы для такого рода работ. Но за последние годы в этом направлении достигнуты большие успехи, и это

стимулирует комплексный научный анализ городских владений, материальной и духовной культуры их владельцев, что позволяет целиком обозреть картину жизни древних новгородцев. Таким образом, за время исследований на Неревском раскопе была подготовлена хорошая основа для того, чтобы начать комплексное исследование усадеб первых десятилетий истории Новгорода с привлечением широкого массива источников и ввести в научный оборот неопубликованные ранее материалы, изучив их на современном уровне.

Глава 2. Материковые отложения Неревского раскопа и проблема доярусного слоя

2.1. Модель поверхности материка Неревского раскопа

За годы работ на Неревском раскопе был исследован обширный участок средневекового Новгорода (8840 м²), что дало возможность построить модель поверхности материковых отложений на большой площади и проследить первоначальный рельеф местности на нескольких городских кварталах (Рис.1). Подобная модель с одной стороны демонстрирует уровень и облик дневной поверхности, существовавшей на момент прихода сюда первых поселенцев (Петров, 2009. С. 229), а с другой стороны, позволяет понять многие особенности хозяйственного освоения исследуемого участка и служит базой для дальнейшего изучения усадеб.

Первым шагом для построения модели стал анализ пластовых чертежей всех исследованных участков и составление сводной карты с нивелировочными отметками глубин залегания материка. На этом этапе выяснилось, что Неревские раскопы были привязаны к разным реперам, поэтому их необходимо привести к единой системе отсчета. За основу был взят первоначальный репер раскопов НА/НЯ.

В 1955 году при закладке раскопов XV-XVIII «условный 0» для удобства расчетов был смещен на 2 м. Это было вызвано тем, что дневная поверхность постоянно повышалась к югу и к западу, что делало невозможным вычисления от репера раскопов НА/НЯ (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1157. Т.1. Л. 3). В то же время, при сопоставлении смежных друг с другом раскопов было установлено, что поправка от первоначального репера на уровне материка не всегда составляла 2 м. Раскопы XXI-XXV; XXVIII-XXX, исследованные в 1958-1960 гг. отклоняются от репера 1951 года на 1,6 м; а исследованные в 1961-1962 гг. участки XXXI-XXXIII имеют разницу с изначальной точкой отсчета приблизительно в 2,3 - 2,4 м. Раскопы XXVI-XXVII (1958-1959 гг.) отсчитывались от первоначального репера, однако, и у них было отклонение от примыкающих с востока раскопов VIII и IX, составляющее 0,2 м.

На точность вычисления этой погрешности влияют несколько факторов. Во-первых, отсутствовала единая методика нивелировки материка. Полное или практически полное измерение глубины первоначальной поверхности проводилось почти на всех участках, при этом на раскопах I, XIII, XIV, XIX-XX, XXV, XXIX, XXXII, XXXIII план материка был выведен отдельным чертежом. В то же время, на раскопе XXIII нивелировка материка отсутствовала, на раскопе IX были зафиксированы только крайняя северная, крайняя южная и центральная линии квадратов, а еще на ряде раскопов (НА-НЯ, III, IV, V, VI, VII) глубина залегания материка определялась линией, обозначающей границу между материком и культурным слоем в подножии пласта.

Во-вторых, нельзя быть уверенным в том, что соседние квадраты двух смежных раскопов имеют один и тот же уровень, поэтому при вычислении погрешности было сделано допущение, что поправка должна быть кратной десяти. Таким образом, при 20-сантиметровом пласте Неревского раскопа получилось, что 28-ой пласт раскопа XXV равен 30-му пласти раскопа XVII, а 21-ый пласт раскопа XXVII равен 32-му пласти раскопа XXXI.

С учетом этих особенностей, после приведения всех раскопов к единой стратиграфической шкале с помощью средств географических информационных систем была создана цифровая модель поверхности (Коробов, 2011. С. 129-131), а на ее основе – гипсометрический план с сечением горизонталей в 20 см (Рис. 3).

Модель поверхности материковых отложений показала, что рельеф Неревского раскопа постоянно понижается в сторону Волхова, общая разница в уклоне поверхности от северо-западной части раскопа XXX до восточной части раскопа I составляет 4,6 м.

В южной и юго-западной части Неревского раскопа (раскопы XXX, XXVIII, XXI-XXV, XV-XVI, XXVII, XVII-XVIII, XIX) рельеф практически пологий, уклон поверхности с запада на восток – северо-восток незначительный ($1^\circ - 1^\circ 20'$). К северу и северо-западу от этой области (раскопы XXIX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXVI, VII) крутизна склона увеличивается и достигает в среднем $1^\circ 40' - 2^\circ$.

Начиная с раскопов VII и XX направление склона приобретает выраженное северо-восточное направление и довольно резко увеличивает крутизну, местами до $3^\circ 20' - 5^\circ$. На раскопах III, XII, XIV, рельеф становится более пологим ($1^\circ 20' - 2^\circ$), но затем, в северо-восточной части раскопа III, юго-западной части раскопа HA и северо-восточной части раскопа XIV, наклон вновь увеличивается до $5^\circ - 6^\circ$.

На раскопах II, IV, V направление наклона изменяется с северо-восточного на восточное и наклон здесь составляет в среднем $2^\circ - 3^\circ$, местами достигая $5^\circ - 7^\circ$. В самой северной части Неревского раскопа (раскопы X и XI), направление наклона юго-восточное около $2^\circ 40' - 4^\circ$.

Отдельного рассмотрения требует рельеф Неревского раскопа I. По мере приближения к этому участку с юго-запада, запада и северо-запада угол наклона плавно увеличивается, но на границе раскопов I и II наклон резко увеличивается, достигая в максимуме 39° , а затем вновь выравнивается до 4° в среднем. Таким образом, на данном участке образовалась полукруглая ложбина глубиной около 40 – 60 см, спуск в которую идет с северо-запада, запада и юго-запада. По всей видимости, такой рельеф стал результатом размывания грунта под воздействием временных водотоков (Рис. 4,5).

Благодаря проведенным ранее исследованиям палеорельефа Новгорода, получившуюся модель рельефа материка Неревского раскопа можно поместить в определенный известный контекст.

Вдоль западного берега реки Волхов в направлении с северо-востока на юго-запад прослеживается гряда холмов, из которых наиболее значимыми являются два: Софийский холм и Неревский, расположенные на удалении в 700 м. друг от друга (Казеннов, 1995. С. 137-140; Петрова и др., 1999. С. 182). Неревский холм наибольший и наивысший (+ 31,57 м. БС), склоны его ассиметричны: восточный склон, обращенный к Волхову, более крутой, чем западный. Литологически вершина этой возвышенности сложена из гравелистых песков и гравийно-галечниковых грунтов ледникового генезиса; на север и восток по склону залегают пески; а на западном склоне и к югу, на равнине между двумя холмами, находятся глинистые отложения, имеющие озерное происхождение (Петрова и др., 1999. С. 182). На границе холма и равнины образовалась ложбина, которая из-за направленности понижения на восток, являлась, вероятно, водостоком.

Исследованная на Неревском раскопе часть древнего Новгорода располагалась у подножья Неревского холма с юга и юго-востока. Если непосредственно обратиться к литологической характеристике Неревского раскопа, то оказывается, что материковые отложения исследованного участка хорошо укладываются в этот более широкий контекст.

Материк Неревского раскопа слагают две основные осадочные породы: серая глина (на некоторых участках отмечен розоватый оттенок) и серый песок.¹ По площади планиграфически они распределяются неравномерно. Пески преобладают в северной части, на раскопах XI, X, II, III, НЯ, НА (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 587. Л. 83, 163; Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860. Л. 94, 143; Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 993. Л. 198, 253). Кроме того, серый песок был отмечен на раскопе XX (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Д. 48, 175). Область залегания глины сосредоточена в центральной и южной частях Неревского раскопа, на раскопах VI – IX, XII-XIII, XV-XIX, XXI-XXXIII, при этом несколько «инородно» выглядит глиняный слой на площади раскопа I (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860. Л. 55). Учитывая, что в пределах этого раскопа была обнаружена западина, о чем отмечено выше, песок, по-видимому, был вымыт здесь под действием временных водотоков.

Причины формирования рельефа материка Неревского раскопа и его геолого-литологических особенностей может объяснить обращение к геоморфологии этого региона. Неревский раскоп, как и вся Софийская сторона Великого Новгорода, расположен на плоской пологонаклонной озерной равнине, имеющей слабый уклон в сторону озера Ильмень (Вербицкий и др., 2012. С. 235). Возникновение этой формы рельефа связано с существованием огромного озера, образовавшегося здесь в результате начавшейся около 14-15 тыс. лет назад деградации валдайского ледника (Вербицкий и др, 2012. С. 252; Деревянко и др., 1994. С. 31).

---

¹ Эти породы слагают лимниевые отложения, характерные для северо-западной, северо-восточной и восточной части озерной котловины.

В результате стока воды Привалдайское озеро стало уменьшаться, и оно образовало несколько новых озер, среди которых возникло Новгородское озеро. Около 11,5 тыс. лет назад произошел спуск этого водоема, и уровень воды резко понизился до 16 м. над уровнем моря. В результате этого, его площадь уменьшилась, и образовался древний Ильмень, схожий по размерам и уровню воды с современным. В течение бореального и атлантического периодов наблюдался постепенный прирост воды, но уровень в среднем колебался около 20 м. Однако, в течение суббореального периода, на уровне Волхова и Ильменя сказались так называемая ладожская трансгрессия, в результате чего произошел довольно резкий прирост воды до 25-30 м над уровнем моря, и вся территория будущего города оказалась затоплена. Здесь в это время формируются озерно-аллювиальные отложения. После регрессии озера Ильмень около 2,5 – 2,8 тыс. лет назад уровень воды падал, и к X в. он оказался около отметки 16 м над уровнем моря (Васильева и др., 2012. С. 143-147). Таким образом, происходившие здесь в эпоху голоцена процессы определили характер дневной поверхности и литологический состав рассматриваемой территории на исходе I тыс. н.э.

В результате проделанного исследования была построена модель залегания материковых отложений, которая, в сущности, является моделью дневной поверхности середины X в., когда сюда пришли первые люди. С учетом полученных данных необходимо рассматривать дальнейшее освоение территории Неревского раскопа, особенно во время существования 28 яруса. Характер этой поверхности предопределил логику застройки и некоторые особенности хозяйственной деятельности древних новгородцев в первые десятилетия их жизни здесь.

2.2. Доярусный слой Неревского раскопа

Начиная с первых лет археологического изучения Новгорода вопрос о начале заселения этого города был одним из наиболее важных. В значительной степени это было связано со стремлением проверить первое летописное упоминание Новгорода под 859 г. в Никоновской летописи. Отчасти, необходимостью обнаружить наиболее ранние культурные слои были продиктованы первые раскопки на Славне, проводившиеся с 1932 по 1937 гг., поскольку ряд историков того времени полагал, что именно на холме в южной части Славенского конца располагалась древнейшая часть Новгорода (Арциховский, 1956. С. 10). В результате этих раскопок было выяснено, что никаких отложений IX-X вв. в этой части города нет, а нижние слои датируются XI-XII вв. (Арциховский 1949. С. 119-151). Проведенные в 1938-1939 и 1947-1948 гг. работы на Ярославом Дворище также не выявили в Славенском конце слоя раньше XI вв. (Арциховский, 1950. С. 3-16).

В 1951 году были начаты археологические исследования в Неревском конце, в тот же год первый раскоп был доведен до материка, в результате чего было установлено, что древнейшие слои в этой части города датируются X в. (Арциховский, 1953. С. 342-371). Благодаря

обнаружению берестяных грамот площадь Неревского раскопа удалось расширить, в результате чего ранние слои были изучены на большой площади. Были открыты мостовые улиц X в., частоколы, ограничивающие усадьбы, различные постройки и многочисленные находки этого периода.

Научная обработка быстро накапливающегося материала была начата сразу, и одним из важнейших направлений исследования стала разработка и обоснование хронологии Неревского раскопа. За первые четыре года исследований была вскрыта площадь около 3400 кв. м. и материалы этих работ легли в основу статьи Б.А. Колчина «Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа». В ней весь культурный слой был разделен на 28 ярусов, под которыми понималась совокупность хронологически связанных между собой мостовых, построек и относящихся к ним комплекса находок. На основании перекрестного анализа летописных сообщений о пожарах, сфрагистических и нумизматических данных, хорошо изученных категорий массовых находок каждый ярус был датирован в пределах двух-трех десятилетий. Общая хронология ярусов Неревского раскопа занимает период с середины X до середины XVI в. (Колчин, 1956. С. 44-137).

Однако, в северо-восточной части Неревского раскопа, на участках НА, НЯ, I и II, Б.А. Колчин выделил тонкую прослойку культурного слоя с вещами X в., которая залегала ниже самого раннего 28-го яруса. Таким образом, впервые в научный оборот было введено понятие «ниже 28 яруса», которое подразумевало наличие отложений ранее середины X в. (Колчин, 1956. С. 115). В соответствии с этим А.В. Арциховский датировал древнейшие наслоения Неревского раскопа началом X в. (Арциховский, 1956. С. 42-43).

Введение дендрохронологического метода датирования позволило надежно установить начало возведения первых мостовых. Древнейшая лага мостовой Кузьмодемьянской улицы, обнаруженной в южной части Неревского раскопа, была датирована 953 г. (Колчин, 1963. С. 85-95). Таким образом, было принято считать началом освоения Неревского конца середину X в. Тем не менее, идея наличия более ранних отложений получила свое дальнейшее развитие в работах П.И. Засурцева, который проанализировал усадебную застройку Неревского раскопа после завершения на нем полевых работ. Автор предположил, что изначально на территории Неревского конца существовало два поселка, которые со временем соединились в единое целое. Первый располагался в северной части раскопа на усадьбах А и З, именно в той части, где по Б.А. Колчину был обнаружен слой «ниже 28 яруса». Второй поселок составляли усадьбы К, И и Е, примыкавшие к Кузьмодемьянской улице, с которой были получены древнейшие спилы середины X в. На основании того, что культурный слой, связываемый с мостовой 28 яруса, был мощнее в северной части Неревского раскопа, П.И. Засурцев предположил что заселение усадеб А и З началось раньше времени освоения усадеб Кузьмодемьянской улицы (Засурцев, 1963. С.

86). Таким образом, наблюдения Б.А. Колчина о слое «ниже 28 яруса» нашли свое отражение в работах П.И. Засурцева.

В дальнейшем проблема изучения древнейших отложений Неревского раскопа получила свое развитие в трудах Г.П. Смирновой. Она обратила внимание на несоответствие датировок первого летописного упоминания о Новгороде и наиболее ранних дат, полученных с мостовых Кузьмодемьянской улицы. Разрыв между ним составлял почти столетие (Смирнова, 1978. С. 165). При том, что основной археологический материал Неревского раскопа не противоречит древнейшим датам и вполне укладывается в эти рамки, в нижних слоях было обнаружено большое число лепной посуды, составляющей около 20 процентов керамической коллекции первых ярусов. Г.П. Смирнова отметила, что на большинстве памятников лепная керамика, аналогичная Новгородской, датируется VIII-IX вв., и лишь в Новгороде она появляется с середины X в.

Вместе с тем автор отметила, что в ходе работ на Неревском раскопе практически на всей исследованной площади была выявлена прослойка культурного слоя, достигавшая местами значительной мощности, которая залегала под лагами нижних мостовых. Слою под мостовыми соответствовали отложения на прилегающих усадьбах. Именно эти напластования были названы доярусным слоем. Его толщина по Г.П. Смирновой варьировалась в зависимости от участка раскопа: между материком и мостовой Кузьмодемьянской улицы (раскопы XV и XXXI) имелся слой мощностью от 14 до 37 см; между материком и мостовой Великой улицы эта прослойка составляла от 27 см (раскоп XVI) до 53 см (раскоп XVII). На площади усадеб наибольшая мощность доярусного слоя (63-98 см) была ею отмечена на раскопах XVII– XVIII (усадьба К) и на раскопах XIX-XX (73-86 см, усадьба Е) (Смирнова, 1978. С. 169-170)² Также доярусный слой был зафиксирован Г.П. Смирновой в северной части усадьбы И-1 (раскопы XXIX, XXVIII), в восточной части усадьбы И (раскопы XV, XXI, XXIV-XXV), на усадьбе Д-2 (раскопы XXXI-XXXIII) и в юго-восточной части усадьбы Д (раскоп XVI). Концентрацию лепной керамики, а также архаичной гончарной Г.П. Смирнова связывала с теми областями, где были открыты культурные напластования 28-го яруса и доярусный слой, хотя отдельные фрагменты лепной посуды встречались вплоть до конца X в. (Рис. 6). Она полагала, что доярусный слой такой мощности мог накопиться только в результате длительной хозяйственной деятельности, и он должен был начать нарастать задолго до середины X в. (Смирнова, 1976. С. 9). Таким образом, Г.П. Смирнова предприняла попытку снять

---

² Здесь необходимо отметить противоречие в работах Г.П. Смирновой и П.И. Засурцева. П.И. Засурцев отмечает, что в южной части Неревского раскопа нижние бревна первых построек и лаги первых мостовых лежали непосредственно на погребенной почве (Засурцев П.И. Усадьбы и постройки ... С. 86.)

противоречие между принятой в то время датировкой лепной керамики и древнейшими датами Неревского раскопа.

Уже в начале 2000-х анализу лепной керамики Новгорода посвятил свою работу А.В. Плохов, который изучил фрагменты лепных сосудов с Троицкого и Неревского раскопов и отметил схожесть типов горшков двух районов Новгорода. Автор сделал вывод, что основной период бытования лепных сосудов в Людином и Неревском концах закончился в середине 60-х гг. X в., а находки этих сосудов в более поздних слоях, скорее всего, могут быть связаны с нарушенностью древнейших отложений (Плохов, 2009. С. 429-431). Таким образом, использование лепной керамики для датировки слоя не дает точного результата.

Как следует из обзора исследований прошлых лет, проблема датировки самых ранних слоев Неревского раскопа и изучения доярусного слоя по-прежнему не решена и сохраняет свою актуальность до сих пор. Для ее решения необходимо обратиться непосредственно к археологическому материалу.

Прежде всего, надо отметить, что методика оценки мощности доярусного слоя путем расчета высоты залегания построек над поверхностью материка, чем оперировала в своих работах Г.П. Смирнова, не совсем верна, поскольку первоначальное освоение территории происходило все же не на уровне материка, а на уровне погребённой почвы.

Под погребенной почвой на Неревском раскопе чаще всего понимается прослойка серой или темно-серой супеси мощностью 15-20 см, залегающей поверх материка (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л.56, 219); слабо гуммированный темно-серый слой, содержащий мелкие угольки и корни растений (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л.174) или темно-серый суглинок с угольками (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1940. Л. 21). Во всех случаях между погребенной почвой и предматериковым слоем не делалось никаких различий и эти два термина отождествлялись друг с другом.

Объяснить происхождение предматерикового слоя довольно трудно, и здесь можно предложить несколько вариантов. С одной стороны, погребенная почва могла быть древним дерновым слоем, который впоследствии был перекрыт культурными отложениями; с другой стороны, это мог быть пахотный слой; с третьей стороны этот слой мог образоваться в процессе перемешивания материковой глины и темно-коричневого слоя со щепой и навозом. Важно отметить, что в предматериковом слое практически не встречается никаких находок.

Обращение к материалам отчетов и к отчетным чертежам свидетельствует о том, что практически все сооружения середины X, а также более поздние, которые возводились на неосвоенных ранее участках, находились на предматериковом слое и ниже уровня построек не было обнаружено никаких культурных отложений. Поэтому величина доярусного слоя, отмеченная Г.П. Смирновой (особенно на усадьбах К и Е) не соответствует действительности.

Даже с учетом расчетов мощности этих отложений от уровня материка, высота залегания древнейших сооружений на этих усадьбах едва превышала 35 см над его поверхностью, а в среднем составляла 25-30 см. Если учесть, что высота залегания построек измеряется по верхней точке, то за вычетом диаметра бревна или ширины оказывается, что сооружения залегают выше уровня предматерикового слоя всего на несколько сантиметров.

Также надо обратить внимание на одно важное методологическое противоречие в работе Г.П. Смирновой. Она отмечает на плане участок доярусного слоя в северной части усадьбы И-1 (на основании того, что под самой нижней мостовой залегает культурный слой), однако в ее работе не учтено, что это мостовая 25-го яруса Кузьмодемьянской улицы и слой, лежащий ниже нее, является доярусным только технически, но не хронологически, то есть он относится лишь к концу X в.

То же относится и к усадьбе Д-2, где древнейшие постройки, стоящие на предматерике, стратиграфически относятся лишь к 27 или 26-му ярусам, поэтому доярусный слой, отмеченный там Г.П. Смирновой, вряд ли может быть датирован временем ранее середины-последней четверти X в.

Наличие более мощных напластований X в. в северной части Неревского раскопа (на усадьбах А, Б, З), о которых писал Б.А. Колчин, объясняется ландшафтными особенностями. При построении модели материковой поверхности всего раскопа выяснилось, что в его северо-восточной части наблюдается резкое понижение рельефа, отмеченное на территории раскопов НА, НЯ, I и II, как раз в том месте, где Б.А. Колчин установил отложения «ниже 28 яруса». Также это понижение было отмечено на чертеже северного профиля раскопа II. Более широком контексте это углубление поверхности находится в одной системе с направлением водотока, ориентированного на северо-восток в сторону Волхова (Петрова и др., 1999. С. 182). Надо полагать, что в рассматриваемом случае культурный слой отложился в промоину, образованную какими-то временными течениями воды. Такие явления уже отмечались ранее в новгородской археологии. Важно отметить при этом, что на территории раскопов НА, НЯ, I и II, где был открыт слой «ниже 28 яруса» отсутствуют следы построек, практически не встречено лепной керамики (всего несколько обломков) (Смирнова, 1956. С. 234–236) и преобладают мелкие находки. В особенности здесь встречена одна из наиболее крупных концентраций стеклянных бус, объемы которой нехарактерны для жилых усадеб. Вероятнее всего, нижние отложения этой промоины являются переотложенным слоем, который вряд ли может датироваться временем ранее середины X в.

Таким образом, можно сделать вывод, что доярусного слоя как прослойки культурных отложений, накопившихся здесь до появления первых построек в середине X в., не было. Лепная керамика, встреченная в древнейших напластованиях, также не является достаточным

аргументом для датирования слоя временем ранее середины X в. Если учесть, что лепная керамика доярусного слоя (по Г.П. Смирновой) относится, скорее всего, к 28-му ярусу, то соотношение обломков сосудов 27-го и 28-го ярусов довольно резко меняется (43 и 143 обломка соответственно). Таким образом, подтверждается тезис А.В. Плохова, что основное время употребления лепной керамики на Неревском раскопе пришлось на 50-60-е гг. X в.

Также необходимо обратить внимание на сходство стратиграфии древнейших слоев Неревского и Троицкого раскопов. Так, например, на Троицком VIII, X, XI раскопах расстояние между уровнем материка и верхней точкой бревен самых ранних сооружений в среднем составляет около 25-35 см., то есть нижний край бревна располагался непосредственно на поверхности предматерикового слоя или в нескольких сантиметрах над ним.³

---

³Были использованы большеформатные чертежи Троицкого VIII, X, XI раскопов из архива НАЭ ИА РАН.

Глава 3. Улицы Неревского конца в X в.

(Рис. 7, 32, 77)

Улицы являлись своеобразным каркасом, вокруг которых образовывался средневековый город, и развитие каждой из них было связано с динамикой развития определенного района. На Неревском раскопе проходят трассы трех улиц: Великой, Кузьмодемьянской и Холопьевой. Со слоями X в. традиционно связываются мостовые 26-го, 27-го, 28-го ярусов.

Специальных исследований, посвященных улицам Неревского раскопа, до сих пор не проводились. В первых публикациях, носящих обобщенный характер, А.В. Арциховский только отмечает, что Новгород был замощен уже с X в. (Арциховский, 1956. С. 16). Б.А. Колчин в статье, посвященной топографии, стратиграфии и хронологии Неревского раскопа, дает более подробную характеристику улицам. Он в общих чертах отмечает направление, устройство, ширину и сохранность мостовых, однако, такой анализ был проведен только для раскопов НА-XI (Колчин, 1956. С. 111-117). При дальнейшем исследовании Неревского раскопа, большого внимания устройству улиц не уделялось. Это особенно хорошо видно по иллюстрациям к статье П.И. Засурцева «Усадьбы и постройки Древнего Новгорода», где мостовые 28-го и 27-го ярусов в южной и центральной части Неревского раскопа показаны схематично (Засурцев, 1963. С. 85, 87). В середине 90-х устройство мостовых средневекового Новгорода специально было рассмотрено А.Н. Сорокиным, который изучил различные способы сооружения мостовых и выделил ряд особенностей, характерных именно для X века, о чем подробнее было сказано в главе 1 настоящей работы.

Таким образом, к настоящему времени имеется неполное представление о древнейших улицах Неревского конца, что стало причиной более детального их исследования на новом методическом уровне. Для решения данной проблемы были проанализированы чертежи и тексты полевых отчетов, осуществлена привязка ярусов мостовых к единой стратиграфической шкале и изучена конструкция настилов. Рассмотрим улицы Неревского раскопа X века более подробно по мере их развития с юга на север, начиная с древнейшей.

28 ярус - 953 г. (рис. 7)

Древнейшие мостовые Великой и Кузьмодемьянской улиц были обнаружены в южной половине Неревского раскопа в слоях середины X века. Великая улица в это время прослеживается с юга на север на 53 м, образующая с ней перекресток Кузьмодемьянская улица – на 19 м с запада на восток. Затем мощение прерывается на 80 м, сменяясь грунтовой дорогой (Засурцев, 1963. С. 121) и возобновляется на 20 м на ограниченном участке в северо-восточной части раскопа в зоне материковой западины (раскопы I, X).

Практически везде древнейшие ярусы мостовых залегают на предматериковом слое на расстоянии 25-30 см от материка для Великой улицы и 15-20 см для Кузьмодемьянской (Архив

ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Ед. хр. 1802. Л. 262). В северо-восточной части Неревского раскопа конструкции, относящиеся стратиграфически к 28-му ярусу, залегают на 45-50 см. выше уровня материка и не повторяют его рельефа

Сохранность мостовых на всем их протяжении неудовлетворительная, однако, имеющиеся материальные свидетельства позволяют реконструировать их внешний облик. Известно, что древнейшие улицы имели «традиционное» устройство и состояли из плах шириной около 20 см и трех лаг диаметром 16-20 см, опиравшихся на перпендикулярные подкладки. (Сорокин, 1995. С. 8-9). На ограниченном участке Великой улицы рядом с перекрестком использовалось продольное мощение бревнышками длиной до 3 м., что встречается только в ранний период. (Сорокин, 1995. С. 10).

В северной части Неревского раскопа в области материковой западины был зафиксирован небольшой участок мощения Великой улицы длиной около 20 м и ответвляющийся на восток от нее настил. Эти конструкции имели такое же устройство, как и остальные мостовые, но при их сооружении были использованы более тонкие бревна (13-15 см в диаметре), на некоторых участках зафиксированы следы *пожара* (Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Ед. хр. 993. Л. 227).

Назначение и причины появления этого мощения на значительном удалении от остальных улиц остаются не до конца решенными вопросами. С одной стороны, подобные сооружения они могли служить в качестве временных настилов в затопляемой низине, что отчасти подтверждается моделью палеорельефа. С другой стороны, 28-ой ярус в северо-восточной части раскопа мог быть сооружен для того, чтобы поднять уровень следующего яруса мостовой и уберечь ее от затопления в период паводков. Подобная ситуация уже встречалась в Новгороде на Посольском-2006 раскопе, где три яруса мостовой имели одну порубочную дату (Петров, 2007. С. 34), однако, в данном случае отсутствие дендродат делает это предположение зыбким. А.Н. Сорокин предполагал, что ответвляющийся от на восток настил мог быть первоначальной Холопьевой улицей (Сорокин, 1995. С. 10).

27 ярус - 972 г. (Рис. 32)

В 70-е годы X века происходит дальнейшее развитие уличной сети. Мостовые 27-го яруса Великой и Кузьмодемьянской улиц на большей части раскопа залегают поверх мостовой 28 яруса, и с незначительными отклонениями повторяют ее уклон. Вдоль усадеб «Е» и «Б» мостовая 27-го яруса являлась древнейшей и залегала непосредственно на предматерике.⁴ Длина мостовой Великой улицы с юга на север увеличивается на 32 м и достигает 85 м. Затем она прерывается на 28 м и продолжается снова, удлиняясь на 23 м длиннее по сравнению с

---

⁴ Б.А. Колчин отмечал, что на IX и VII раскопах древнейшие мостовые залегают непосредственно на материке. (Колчин, 1956. С. 115). Это наблюдение не соответствует действительности

предыдущим ярусом. Таким образом, можно утверждать, что в 70-е гг. X в. (27 ярус) Великая улица практически полностью сформировалась в данной части Неревского конца. Кузьмодемьянская улица также в 27-ом ярусе развивается и удлиняется к западу на 17,5 м, достигая общей длины в 36 м.

Сохранность конструкций 27-го яруса в целом плохая. Как и в предыдущем ярусе, мостовая имела «традиционное» устройство, она состояла из трех лаг, лежащих на перпендикулярных подкладках, и настила из плах, досок и небольших бревен. Вдоль усадьбы «Б» частично использовалось продольное мощение из нескольких бревен длиной около 3 м, опиравшихся на подкладки, и двух бревен длинных бревен (6,25 и 9,4 м), служивших, вероятно, лагами (Архив ИА РАН. Ф.1 Р.1. Ед. хр. 860. Л. 125, 156). Также в северной части Неревского в 27-м ярусе зафиксирован второй ярус настила, ответвляющегося от Великой улицы. Сооружение имело «традиционную» для улиц конструкцию, в качестве настила были использованы тонкие бревна и доски.

26 ярус - 989 г. (Рис. 77)

В 26-ом ярусе мостовая Великой улицы прослеживается на всю длину в пределах Неревского раскопа (155 м), и практически на всем своем протяжении она лежит непосредственно поверх настила 27-го яруса. Кузьмодемьянская улица не изменяется в размерах по сравнению с предыдущим периодом. В северной части раскопа рядом с усадьбами «А» и «Г» между двумя ярусами Великой улицы наблюдается мощная глиняная прослойка толщиной около 30 см, благодаря которой уровень мостовой 26-го яруса значительно поднимается. Причины этого пока остаются невыясненными. Также в данном ярусе исчезает настил, ответвляющийся от Великой улицы в северной части Неревского раскопа и формируются контуры будущей Холопьевой улицы.

Целостность конструкций традиционно для ранних мостовых очень плохая. Относительно хорошо сохранились только лаги и подкладки Кузьмодемьянской улицы, в то время как на остальной части Неревского раскопа практически все элементы мостовых представляют собой небольшие обломки бревен, плах и досок. В нескольких случаях на поверхности настила Великой и Кузьмодемьянской улиц зафиксированы следы пожара (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 260-261; Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1940. Л. 296-297).

Мостовые улиц X в., исследованные на Неревском раскопе, свидетельствуют о том, что уже во времена возникновения города был выработан «традиционный» способ устройства мостовых, который остался практически неизменным до XV в. Особенностью древнейших мостовых Неревского конца являются различные способы устройства настилов. Их основу составляли, как правило, плахи, но наряду с ними также использовались доски и бревна, которые, по мнению А.Н. Сорокина, были следствием ремонта мостовой (Сорокин, 1995. С. 8-

9). По завершении эксплуатации настил частично разбирался (этим во многом объясняется его плохая сохранность), но некоторые бревна и плахи настила использовались вторично в качестве подкладок под лаги следующего яруса. Об это свидетельствуют распространенные в 27 и 26 ярусах бревна с вырубками в верхней части. Таким образом, эти подкладки маркируют уровень настила предыдущего яруса.

Заслуживает внимания изменение от яруса к ярусу ширины улиц. В 28-ом ярусе средняя ширина Великой улицы составляла 3,4-3,6 м; Кузьмодемьянской – 3,6 м. В 27-ом ярусе мостовые сужаются, и средняя ширина мостовой Великой улицы уже равняется 2,5 – 2,7 м., местами уменьшаясь до 2,1 м. В 26-ом ярусе происходит значительное расширение Великой улицы, средняя длина бревен настила здесь колеблется от 3,2 до 4,4 м, в то время как Кузьмодемьянская улица сохраняет размеры 27 яруса и равняется в среднем 2,5 – 2,7 м. Таким образом, размеры Великой улицы в 26-ом ярусе свидетельствуют о том, что эта улица была основной магистралью Неревского конца.

Направление улиц во многом объясняется особенностями рельефа местности, что наглядно демонстрирует сопоставление планов материка и трасс улиц. Первоначально мостовая была проложена по участкам с наименьшим перепадом высот. По мере продвижения на север уклон поверхности стал смещаться к северо-востоку, и вслед за ним изменилось и направление улицы. По всей видимости, строители при возведении древнейших мостовых старались обогнуть Неревский холм.

Глава 4. Усадьбы Неревского раскопа в третьей четверти X в.

Согласно образному определению В.Л. Янина, усадьбы являлись «основными структурными ячейками» города (Янин, 1994. С. 11). В процессе археологического исследования на Неревском раскопе было открыто 17 усадеб, из которых девять были раскопаны полностью. Все они были обозначены буквами русского алфавита в той последовательности, в которой открывались во время работ. Таким образом, на Неревском раскопе были изучены усадьбы «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Д-1», «Д-2», «Е», «Е-1», «Ж», «З», «И», «И-1», «И-2», «К», «К-1», и «К-2».

В литературе сложилось устойчивое представление о стабильности границ владений с момента их формирования в X и до XV в. (Колчин, 1956. С. 49; Хорошев, 1997. С. 411; Янин, 1977. С. 224). Этот тезис справедлив лишь отчасти, поскольку в X в. наблюдается только становление городской структуры, что выразилось в постоянном изменении положения частоколов. В это время отсутствует граница между усадьбами «Д» и «Д-1», «Г» и «Ж»; не была зафиксирована застройка на усадьбах «В», «И-1», «Б-1» и «А» (Рис. 7).

Вся застройка усадеб X в. разделяется на два горизонта: усадьбы третьей четверти X в. и усадьбы последней четверти X в. В середине – третьей четверти X в. начинается заселение Неревского конца, что подтверждается датировками вещевых комплексов, лепной керамикой и дендрохронологией. В первую очередь закладываются усадьбы, расположенные на перекрестке Великой у Кудьмодемьянской улиц («К», «К-2», «И», «И-2», «Е»). Ближе к концу третьей четверти происходит освоение участков к востоку от Великой улицы (территории будущих усадеб «Б», «Б-1», «А»). Усадьбы «Д», «Д-2», «И-1», несмотря на найденную там лепной керамику, были, по-видимому, заселены позднее, что подтверждается хронологией других находок. Также отсутствуют свидетельства освоения в третьей четверти X в. усадеб в северной части Неревского раскопа (усадьбы «В» и «Г»).

Рассмотрим усадьбы Неревского конца в третьей четверти X в. по мере их продвижения с юга на север.

4.1 Усадьба «К» в третьей четверти X в.

4.1.1 Застройка усадьбы «К» (Рис. 8, 9)

Усадьба «К» располагалась к юго-востоку от пересечения Великой и Кузьмодемьянской улиц. Размеры ее установить довольно трудно, поскольку восточная граница усадьбы выходит за пределы раскопов, а частоколы южной границы сохранились очень плохо. Только по остаткам частокольной ограды длиной около 1 м можно предполагать, что южный край усадьбы отстоял на 21,5 м. от Кузьмодемьянской улицы (Архив ИА РАН. Ф.1 Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 285; Буров, 1985. С. 94).

В середине X века на усадьбе располагалось три постройки, расположенные, как и древнейшие лаги мостовой Великой улицы, на предматерике, что позволяет говорить о синхронности этих сооружений. В юго-восточной части усадьбы находился сруб К28А. Сруб рублен в обло из бревен толщиной 0,16 – 0,18 м, западная стена его не сохранилась, удалось зафиксировать северную и южную несущие стенки, а также восточную стенку, перерубленную на две части более поздним столбом (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 307). В юго-западной части постройки под углом сруба находились подкладки из плах, ориентированные перпендикулярно стене.

Восточные концы несущих стенок имеют выпуск на 0.7 – 0.8 м и опираются на бревно длиной 6 м, расположенное параллельно восточной стене сруба и залегающее немного ниже его. На том же уровне находились еще два бревна: длиной 6,7 м на расстоянии 1,1 м к северу от северной стены сруба и длиной 4,2 м в 0,4 м к югу от южной стены. Судя по всему, данная конструкция представляет собой остатки обносков, укреплений фундаментных площадок. Этому не противоречат и данные о культурном слое. На уровне обносков под нижними венцами сруба был обнаружен массивный слой глины, перемешанной местами с серой землей,⁵ залегающий на предматерике, и лишь к востоку от постройки слой глины и предматерик разделялись тонкой прослойкой навоза (около 5-7 см).⁶

В четырех метрах к западу от постройки были обнаружены остатки частокола, ориентированного параллельно западной стене сооружения. П.И. Засурцев предполагал, что на этом месте находилась столбовая пристройка, хлев или сени (Засурцев, 1963. С. 107), однако, не исключено, что найденные остатки частокола принадлежали внутриусадебной ограде, северный край которой выходил за пределы фундаментной площадки.

Внутри сруба была обнаружена переводина пола, расположенная в средней части постройки в направлении с севера на юг, следовательно, направление половиц в доме было с запада на восток (Засурцев, 1963. С. 107). Также внутри постройки предположительно находилось отопительное устройство, о чем свидетельствует ряд косвенных данных. В профиле на границе квадратов 1257/1268 в заполнении фундаментной площадки были зафиксированы следы прокала, а также отмечены крупные камни, большое количество угля, золы и песка рядом с ним.⁷ Таким образом, печь, по всей видимости, располагалась в северо-восточной части сруба или в ближнем левому углу от входа в постройку.

---

⁵ Пласт 32, квадраты 1240-1241, 1254-1256, 1265-1270, 1276-1281, 1287-1292.

⁶ Данные сведения получены по материалам полевых дневников XVII и XVIII раскопов, а также по данным чертежей профилей стенок участков В и Г раскопа XVIII.

⁷ Полевые дневники участка Г раскопа XVII и участков В и Г раскопа XVIII.

На место входа указывает примыкающая к бревнам обноска деревянная вымостка длиной 4,4 м, которая вела от дома к Кузьмодемьянской улице, обозначая также въезд на усадьбу.

С востока к этой вымостке примыкают и частично ложатся на нее бревна длиной 7,6 м, относящиеся к постройке К28Б. В заполнении этого сооружения зафиксированы обильные включения и линзы навоза, сам слой плотно спрессован; под бревнами была обнаружена яма размерами 4 × 2 м глубиной до 0,9 м с довольно пологими стенками, которая была заполнена навозом со щепой. Можно предположить, что в данном случае исследователями был открыт хлев или конюшня, внутри которой располагалась навозная яма – один из атрибутов построек, где содержались домашний скот или лошади. Подобная интерпретация данного сооружения согласуется с точкой зрения П.И. Засурцева, который считал, что сохранившиеся бревна представляют остатки конюшни или нижнего этажа двухэтажного дома (Засурцев, 1963. С. 108; Засурцев, 1967. С. 73). Однако, существует и другая интерпретация данной постройки, предложенная Н.Н. Фараджевой. В качестве одного из вариантов она предлагает рассматривать эти бревна как обвязки фундаментной площадки, окружавшие несохранившийся сруб (Фараджева, 2010. С. 178).

С северо-запада к дворовому настилу примыкают остатки сруба К28В. От него сохранились только обломки бревен и досок, локализованные на участке 3,5 × 3,5 м. П.И. Засурцев характеризует это сооружение как хозяйственное (Засурцев, 1963. С. 108; Засурцев 1967. С. 72).

В пяти метрах к северо-западу от этого скопления обнаружено бревно длиной 4,6 м и 0,22 м в диаметре, являвшееся, по-видимому, венцом несохранившегося сруба. В двух метрах к северу от него были расчищены еще два бревна, перекрывавшие раннюю яму, и перебитые ямой XI в., на дне которой был положен дощатый пол размерами 1 × 1 м (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 86). Вероятно у перекрестка улиц в третьей четверти X в. существовала еще одна постройка, но ни размеры, ни конструкцию, ни назначение ее установить в настоящее время невозможно.

В северо-восточной части усадьбы был открыт колодец размером 0,7 × 0,5 м и глубиной около 1 м, который был сложен из поставленных на ребро досок, укрепленных плотно подогнанными кольями (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 233). Он был расположен в 3,5 м к северу от бревен сруба К28Б, и теоретически оказывается внутри данной постройки. Поэтому вопрос назначения колодца и хронологического соотношения этих двух объектов остается открытым.

4.1.2 Материальная культура усадьбы «К»

Вещевая коллекция усадьбы «К» этого яруса насчитывает 195 предметов из железа, цветных металлов, дерева, кости, стекла, камней и других материалов, которые были разделены на группы по функциональному назначению вещей (Рис. 10-13).

Домашняя утварь

Столовая посуда включает в себя три обломка деревянных чаш и одну заготовка резной чаши с ручкой.

Кухонные принадлежности. К данному ярусу к ним относятся две деревянные ложки, заготовка ложки, а также мутовки (7) и лопаточки (3), применяемые для смешивания и взбивания различных продуктов.

Берестяная тара представлена находками двух днищ берестяных тусов.

Большая часть предметов домашней утвари была сосредоточена внутри постройки К28А, где были обнаружены все экземпляры чаш, а также одна лопаточка. Ложки были зафиксированы за пределами сооружений, но в непосредственной близости от них. Мувки и днища тусов, напротив, были встречены исключительно на периферии усадьбы.

Хозяйственный инвентарь

Универсальные деревянные орудия труда представлены двумя деревянными лопатами (2) и черенком от нее.

К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* относятся железное кольцо и звено железной костыльковой цепи.

Коневодческие приспособления. Предметы этой группы являются довольно редкими на усадьбах Неревского конца X в. К их числу принадлежат деревянная скребница (льночесало?), а также деревянная колода от конских пут, обнаруженная рядом с частоколом к западу от сруба К28А. Пути применялись для сдерживания передних ног лошади во время выпаса, чтобы она не могла убежать с пастбища. Подобные изделия известны в Северной Германии, а также в этнографических материалах Средней Швеции (Szabo et. al., 1985. S. 160. Taf. 38, 344; Гринев, 2017. С. 250-252).

Универсальный инструментарий

Ножи представлены четырьмя экземплярами с прямой спинкой и уступом при переходе от черенка к клинку (группа IV по Р.С. Минасяну). Один из них сохранился с деревянной рукоятью. Кроме того, были найдены две *рукояти* от ножей или шильев, одна из них деревянная, другая – из рога.

Приспособления для заточки инструментов. В их числе два точильных бруска и семь сланцевых оселков, из которых три имели сильные следы стертости от постоянной заточки инструментов. Особого внимания заслуживают два оселка, изготовленных из *полосатого*

сланца, в верхней части которых было просверлено отверстие для подвешивания. Подобные оселки известны на обширной территории от Британских островов до Восточной Европы. Предполагается, что они происходят с территории Скандинавского полуострова (Resi, 1990. S. 65). Вопрос о функциональном назначении данных оселков остается предметом дискуссий. Ряд исследователей рассматривает их в качестве приспособлений для заточки инструментов, которые должны были подчеркивать статус владельца (Зайцева, Макаров, 2008. С. 255). С другой стороны, некоторые ученые полагают, что эти предметы не имели утилитарного назначения, и применялись как амулеты или украшения. Важным аргументом здесь служат данные петрографических анализов, свидетельствующие о том, что подобные оселки были непригодны для заточки в силу разности свойств и неравномерного распределения порообразующих материалов (Resi, 1990. S. 65; Бычкова и др., 2008. С. 313).

Инструменты металлообработки. Из предметов этой функциональной группы здесь встречено лишь железное зубило прямоугольного сечения со следами оббивки на обушке.

Рассматривая распространение инструментов и их частей по территории усадьбы, необходимо отметить, что эти вещи не были обнаружены в скоплениях, и в основном встречались на территории двора ближе к окраинам усадьбы.

Крепежи на территории усадьбы «К» представлены находкой гвоздя и скобами (3 экз.).

Инструменты взвешивания. Из вещей этой категории здесь был найден только железный крюк безмена, что является довольно редкой находкой для средневекового Новгорода.

Инструменты прядения и ткачества представляют многочисленную категорию находок. В их числе девять пряслиц: шесть битрапециoidных из розового шифера, одно из серого, одно битрапециoidное из глины и одно полусферическое из кости. Также в данную группу входят железная игла и семь костяных классических проколов, из которых одна, уплощенная и более широкая, скорее всего, использовалась в качестве кочедыка.

Распределение этих вещей на территории усадьбы демонстрирует следующую картину. Практически все пряслица были обнаружены за пределами основной постройки, но на довольно близком расстоянии от нее. Особенно показательна концентрация пряслиц между срубами К28А и К28Б, что, вероятно, маркирует место, где изготавливалась пряжа.

Распределение костяных проколов фиксирует противоположную ситуацию: практически все они были обнаружены внутри постройки К28А, что наглядно показывает особенности использования этих инструментов. Исследовательница костяных изделий Л.И. Смирнова вслед за Мартой Хоффманн пришла к выводу, что проколки служили орудием ткача и использовались для подбивания нитей утка к нитям основы в процессе работы на вертикальном ткацком станке

(Смирнова, 2000. С. 240). В этом контексте данные находки будут рассматриваться в дальнейшем.

Рыболовный инвентарь представлен двумя группами предметов: орудиями сетевого лова и крючковыми снастями. Среди вещей первой группы встречены два деревянных поплавок, один из которых использовался для невода, и обломок деревянной петли для поставной сети (Колчин, 1968. С. 23). Из инструментов крючкового лова найдены рогулька жерлицы для ловли крупной рыбы и два жерличных крючка из прутиков можжевельника, на которые надевали живца (Колчин, 1968. С. 21; Куза, 2016. С. 68-69). Все они были обнаружены вместе внутри сруба К28А.

Украшения

Стеклянные бусы являются самой массовой категорией находок в слоях X в. Всего на усадьбе «К» найдено (52 экз.). Все они характерны для X в. и служат дополнительным датирующим материалом.

Среди стеклянных бусин наиболее массовыми являются бусы, выполненные в технике тянутой трубочки (21 экз.). Многочастные лимонovidные пронизки без декора представлены желтыми лимонovidными двухчастными пронизками (6 экз.) и синей лимонovidной двухчастной пронизкой. Декорированных многочастных пронизок не встречено.

Однoчастные бусины без декора включают в себя желтые лимонovidные бусины (9 экз.) и лимонovidную бусину синего стекла.

Декорированные однoчастные бусы представлены золотостеклянной лимонovidной бусиной, и продольно-полосатой лимонovidной бусиной.

Также были найдены еще две рубленные *бисерин*ы из стекла желтого цвета.

Среди бусин без декора, изготовленных в технике навивки, больше всего встречено зонных бусин из прозрачного и полупрозрачного стекла синего цвета (8 экз.). В одном экземпляре найдены двухчастная зонная бусина из стекла синего цвета и боченковидная бусина из непрозрачного стекла молочно-белого цвета.

К декорированным навитым бусам относятся черная глазчатая петельчатая бусина, орнаментированная голубыми петлями и глазками красного цвета; подтреугольная глазчатая бусина с несохранившимися глазками и молочно-белая зонная бусина с волнистым пояском коричневого стекла.

Отмечу, что молочно-белые бусы в целом не часто встречаются на территории Древней Руси. Боченковидной бусине и зонной бусине с волнистым пояском в наибольшей степени соответствуют бусы типов A021 и B011 по типологии Ю. Кальмера, широко распространенные в Скандинавии (Callmer, 1977. P. 78, 81). Вероятно, обнаруженные на усадьбе «К» экземпляры

могли быть импортированы в Новгород из Северной Европы (Доброва, 2018а. С. 38; Френкель, 2000. С. 94-95).

Единственная мозаичная бусина выполнена в технике миллефиори с сердцевинной бесцветного стекла. Данный тип бусин был широко распространен в лесной Зоне Восточной Европы в третьей четверти X-XI вв. (Доброва, 2018б. С. 118; Френкель, 2007. С. 104).

Наряду с разрозненными находками бус был найден комплект ожерелья из десяти глазчатых желтых бус и ширококорогой лунницы с маленькими гроздьями на концах рожков (Седова, 1981. С. 24). Стилистически наиболее близкие аналоги ей происходят с памятников Великой Моравии, в особенности с Подунавья, где в IX – первой половине X в. были распространены двух и трехрогие лунницы, украшенные небольшими гроздьями шариков (Рябцева, 2005. С. 113, 115, 119; Рябцева, 2009. С. 369; Dekan, 1979. Cat. 153-155).

Кроме упомянутой лунницы к украшениям из металла относится круглая литая биллоновая привеска с изображением «молоточка Тора» (Седова, 1981. С. 37). Подобная подтреугольная композиция свойственна некоторым привескам, круглым и трилистным фибулам, характерным для Северной Европы (Callmer, 1989. S. 23, 26. Abb. 3,5; Capelle, 1968. Taf. 4, 1-6, 11, 6,8; Petersen, 1928. S. 143, № 166). Тем не менее, аналоги предмету из Новгорода удалось найти только в Белоозере, и на территории Белоруссии (Захаров, 2004. С. 173. Рис. 64, 2-3; Дернович, 2006. С. 40. Рис. 30). На территории Скандинавии известна лишь литейная форма для подобных привесок, обнаруженная в Бирке. Вероятнее всего, происходящая с усадьбы «К» привеска была сделана древнерусскими мастерами под влиянием определенных скандинавских образцов (Рыбина, Хвоцинская, 2010. С. 69).

Бусы из камня. В их числе три бусины из янтаря (две зонных и одна биконическая), сердоликовая битрапециоидная с пояском посередине и заготовка многогранной сердоликовой бусины.

По территории усадьбы бусины распределены относительно равномерно, образуя небольшие скопления в зоне между постройками К28А и К28Б. Внутри сруба К28А бусин встречено не было.

Детали костюма представлены железной булавкой и небольшой подковообразной спиралеконечной фибулой, изготовленной из бронзового дрота круглого сечения. Эти предметы имеют широкое распространение в Прибалтике, Скандинавии и Восточной Европе и не несут на себе какой-то выраженной этнической окраски (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 95-96; Мальм, 1967. С. 152, 156-157; Хвоцинская, 1999. С. 47). Также к элементам костюма может относиться находка свинцового конусообразного грузика, предположительно использовавшегося в качестве застежки верхней одежды (Седова, 1981. С. 156-158).

Среди элементов поясной гарнитуры обнаружено лишь небольшое бронзовое поясное кольцо, использовавшееся в качестве соединительных элементов ремней (Зайцева, 2008. С. 84)

Предметы личного пользования

К этой категории относятся *гребни* (2 экз.) и одна *копоушка*. Один из гребней односторонний из рога, найденный в заполнении колодца, относится к типу В1:1 по К. Амброзиани (Ambrosiani, 1981. P. 25, fig. 9; Ambrosiani, 1984. S.164). Другой гребень двусторонний из самшита типа 1 по Б.А. Колчину (Колчин, 1968. С. 84).

От *копоушки* была найдена орнаментированная штриховкой и циркульным орнаментом рукоять редкого для Новгорода типа пластинчатых копоушек, принадлежащих к кругу восточнофинских древностей. Широкий круг аналогий им известен среди памятников Белозерского региона, Северо-Восточной Руси, Прикамья и Поветлужья (Иванова, 1998. С. 162-163; Леонтьев, 1997. С. 216; Меснянкина, 2008. С. 228-229).

Вооружение

Боевой топорик. Рядом с постройкой К28А был обнаружен боевой топорик с обломанным лезвием, использовавшийся, вероятно, вторично после утраты своей основной функции. По форме, по-видимому, он относится к типу II по А.Н. Кирпичникову, который был широко распространен как среди степных народов юга Восточной Европы, так и среди воинских захоронений Древней Руси (Кирпичников, 1966. С. 36). При этом довольно необычным для данной группы предметов вооружения является оформление тыльной части топора, представлявшей из себя загнутый внутрь заостренный клевец. Точных аналогий данному топору на территории Восточной Европы найти не удалось. С одной стороны использование клевцов находит некоторые параллели среди древностей Подунавья (Йотов, 2004. С. 99-101. Таб. LI, LII). С другой стороны, что в процессе повторного использования тыльная часть топора могла быть перекована из молоточка, а изначально предмет имел форму по типу топора из кургана №6 Шестовицкого могильника (Станкевич, 1962. С. 24-25, рис. 9, 15).

Стрелы. Рядом с основной постройкой было обнаружено два наконечника стрелы. Один из них черешковый ромбовидной формы, относится к широко распространенному в Восточной Европе типу 41 (по А.Ф. Медведеву), так называемому «гнездовскому типу» (Медведев, 1966. С. 65). Второй наконечник черешковый долотовидной формы с боевой головкой круглого сечения, относится к типу 98 (по А.Ф. Медведеву). Такие наконечники использовались, как правило, в бою, их основной задачей было пробивание кольчуг и щитов неприятеля (Медведев, 1959. С. 169; Медведев, 1966. С. 78, 85, 145. Таб. 17, 43).

Снаряжение всадника В слоях середины X в. была обнаружена втулка от шумящей плети с лировидными привесками. Подобные плети, как отмечает А.Н. Кирпичников, имели

широкое распространение в IX – первой половине XI в. от Верхнего Поднепровья до Финляндии (Кирпичников, 1973. С. 72-73).

Предметы культа. К предметам этой группы относятся три привески-амулета, две из которых представлены просверленными кабаньими клыками, которые по своему происхождению исследователи связывают со Скандинавией. В эпоху викингов там был распространен культ вепря, сопряженный с почитанием бога Фрейра (Новикова, 1992. С. 18-20; Тянина, 2011. С. 165). Также в заполнении колодца был обнаружен амулет из медвежьего клыка, которые не вполне характерны для X в. и чаще встречается в XI – XIII вв. По мнению Е.А. Тяниной данная категория амулетов служила в качестве защитного отгонно-поражающего апотропея и в тоже время несла в себе благожелательную функцию, принося владельцу силу и здоровье (Тянина, 2011. С. 163-164; Покровская, Тянина, 2015. С. 90).

Транспортные средства

Сухопутный транспорт на усадьбе «К» представлен деталями саней, а именно санными копылами (5 экз.), найденными в основном на периферии владения.

Об использовании владельцами усадьбы *водных средств передвижения* свидетельствуют деревянный кляп, необходимый для соединения концов тросов, и деревянное гнездо мачты, применяющееся для крепления конца мачты к днищу лодки (Дубровин, 2000. С. 116-117). Подобные гнезда были обнаружены в средневековом Волине и в Ральсвике на острове Рюген (Filipowiak Wl., Filipowiak Woj., 2014. S. 362; Herfert, 1968. S. 211). Вместе с тем, необходимо отметить, что применение кляпов не ограничивается корабельным делом, их могли использовать в хозяйстве в качестве крупных застежек. Что касается находки мачтового гнезда, то по материалам этнографии известно, что похожие предметы могли также использоваться в качестве накладных ручек для крышек от бочки

Игрушек на усадьбе было найдено немного. В их числе два обломка детских деревянных стрел и два деревянных шара и один волчок.

Элементы интерьера представлены находкой одного деревянного подвесного крюка, обнаруженного внутри постройки К28А.

Различные предметы из дерева

В эту категорию включены предметы, функциональное назначение которых не определено или представляется размытым. К их числу принадлежат 24 различные деревянные *поделки*, встреченные на всей территории усадьбы, дверная накладка и три деревянных навершия, причем одно, обнаруженное в заполнении колодца, было богато украшено резьбой, в которой ряд исследователей рассматривают скандинавские мотивы (Жилина, 2014. С. 292; Колчин, 1971. С. 45).

Рядом с постройкой К28А найдены три деревянных *подпятника* треугольной формы и два деревянных предмета в виде миниатюрного коромысла с полукруглой выемкой в основании, которые предположительно использовались в качестве мельничного подшипника.

Кроме того в восточной части усадьбы был найден обломок поделки полукруглой формы с выемками посередине и на краю. Аналогичные вещи известны в Новгороде на усадьбе «И» Неревского раскопа в слоях X в., на Троицком раскопе (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 218), а также в Ростове (XI-XII вв.), Бирке (X в.) и Сигтуне (нач. XI в.) (Леонтьев, 1998. С. 142-143, 147-148, рис. 7,9, 12,1; Olsson, 2017. S. 88, fig. 106). Назначение предмета пока не установлено.

Различные предметы из кости

Среди предметов из кости за рамки основного обзора были вынесены опиленный рог лося, костяной конек, а также небольшая костяная накладка, изготовленная, возможно, из футляра костяного гребня. Аналогичная накладка была найдена в слоях того же времени на усадьбе «И».

Различные предметы из металла

К числу неопределенных предметов из металла относятся различные железные пластины (5 экз.) и четыре железных изделия неустановленного назначения.

4.1.3 Общая характеристика усадьбы «К» в третьей четверти X в.

На усадьбе «К» в середине X в. располагалось три постройки, связанные друг с другом деревянным настилом, ориентированным на Кузьмодемьянскую улицу. Основным сооружением этого периода являлся сруб К28А, который представлял собой четырехстенную конструкцию на фундаментной площадке с отопительным устройством в северо-восточном углу. Внутри постройки были обнаружены различные обломки столовой посуды, подвесной крюк, рыболовные принадлежности, а также костяные проколки, указывающие на использование вертикального ткацкого станка внутри помещения. Дом, очевидно, имел жилое назначение.

К северо-востоку от него располагалось заполненное навозом хозяйственное сооружение К28Б, от которого сохранилась только южная стена, перекрывающая большую навозную яму. С ним связаны находки деревянной скребницы (чесала?), лопаты, нескольких бусин и ряда других предметов. Характер слоя и сопровождающие сруб находки допускают возможность атрибуции этой постройки в качестве конюшни. К северу от этой постройки находился деревянный колодец, вырытый вглубь материка.

Территория двора между сооружениями К28А и К28Б была плотно заполнена различными предметами, в числе которых разнообразные бусы, предметы вооружения, хозяйственные принадлежности и пряслица. Концентрация последних с большой вероятностью свидетельствует о том, что изготовление пряжи осуществлялось за пределами дома, но в

непосредственной близости от него. Также зона между жилой постройкой и предполагаемой конюшней отмечена наиболее высокой концентрацией фрагментов керамики и костей для этого яруса усадьбы. В совокупности такая высокая концентрация предметов в пределах небольшой территории свидетельствует о высокой хозяйственной активности в этой зоне.

На основании анализа вещевой коллекции этого периода можно сделать вывод, что владелец усадьбы был связан воинским делом. Об этом в первую очередь свидетельствует комплекс вооружения, представленный боевым топором «хазарского типа» и специфическими стрелами, которые предназначались для пробивания защиты противника. В распоряжении владельца также имелась лошадь, на что указывают находки конских пут, наверхняя шумящая плетка. Вполне возможно, хозяин владения являлся участником торговых или военно-торговых операций, что привело к появлению на территории усадьбы различных импортов, которые с одной стороны указывают на связи со странами Северной Европы (полосатый сланцевый оселок, молочно-белые бусы, бронзовое ожерелье с изображением «молоточка Тора», амулеты из клыков кабана), с другой – на контакты с финно-угорским миром Поволжья и Прикамья и странами Центральной и Южной Европы (костяная пластинчатая копоушка, ожерелье с ширококорой лунницей со свисающими на концах гроздьями, возможно, боевой топорик). При этом важно отметить, что появление в слое находок, связанных с территорией Подунавья, хронологически совпадает с походами князя Святослава на земли болгар.

Характеризуя быт усадьбы в эти десятилетия, важно отметить владение жителями усадьбы различными ремеслами. Они занимались резьбой по дереву, изготовлением чаш, обработкой металла, но при этом все свидетельства ремесленной активности являются незначительными, из чего можно предположить, что подобные работы удовлетворяли в основном внутренние потребности хозяев усадьбы. Важное место также занимало изготовление пряжи и тканей, на что указывают находки шиферных и глиняных пряслиц, костяных проколов и игл.

Особенности питания отражают находки рыболовных принадлежностей, свидетельствующих об использовании разных приемов лова, а также скопления рыбьей чешуи. В отличие от других усадеб X в. на усадьбе «К» не было обнаружено сельскохозяйственных орудий, они появились здесь только с начала XI в.

Из транспортных средств владельцы усадьбы использовали водные средства передвижения, а также сухопутный зимний транспорт, что подтверждается находками корабельных кляпов, гнезда мачты и санных копылов.

Из особенностей духовной культуры раннего периода усадьбы «К» нужно отметить использование амулетов из клыка кабана, которые, по мнению ряда исследователей, относились к распространенному в Северной Европе культу вепря.

4.2 Усадьба «И» в третьей четверти X в.

4.2.1 Застройка усадьбы «И» (Рис. 20,21)

Усадьба «И» располагалась к западу от усадьбы «К» на углу Великой и Кузьмодемьянской улиц. В середине X в. эта территория еще не имела отчетливо выраженных пределов. Небольшие фрагменты ограды, маркирующие южную границу усадьбы, зафиксированы в 23,3 м к югу от Кузьмодемьянской улицы, в то время как западный край владения определяется с трудом, но можно предполагать, что он приблизительно совпадал с распространением мостовой 28-27 ярусов.

На усадьбе «И», в слое середины X в. было зафиксировано две постройки. Четырехугольный в плане сруб на фундаментной площадке И28А размерами 6,2 × 6,2 м был сооружен на предматериковом слое и располагался непосредственно у перекрестка улиц. Он представлен северной, западной и восточной стенами обвязок, западной и южной стенами основной камеры, подкладками под западную стену, переводиной пола и несколькими досками в центральной части сооружения (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 133). С запада к постройке примыкали два перпендикулярно расположенных бревна, являвшихся, по всей видимости, остатками привходного сооружения.

Заполнение сруба составлял темно-коричневый слой с редкими глинистыми прослойками, следов отопительного сооружения обнаружено не было, однако, были предприняты попытки реконструировать его положение. П.И. Засурцев, проанализировав расположение переводин пола, предполагал, что печь могла находиться в северо-восточном углу дома (Засурцев, 1963. С. 102). Н.Н. Фараджева, основываясь на результатах исследований в Людином конце, выдвинула идею о полифункциональном назначении сруба И28А и центральном расположении печи, на что по ее мнению указывает направление коротких бревен внутри постройки (Фараджева, 2010. С. 128-129). Исходя из положения сооружения в общей планировке усадьбы, его размеров и характера сопутствующего инвентаря сруб, вероятно, имел жилое назначение.

В одиннадцати метрах к юго-западу от сооружения И28А располагалась малая постройка И28Б размерами 4,6 × 4,2 м. От нее сохранились четыре стены, а также две переводины пола, одна из которых имела сквозную врубку, что подразумевает более высокий уровень пола (Фараджева, 2010. С. 129). Очевидно, постройка имела хозяйственное назначение (Засурцев, 1963. С. 102).

Между двумя этими сооружениями был обнаружен дворовый настил, сохранившийся на длину 6 м., который представлял собой ряд небольших бревнышек длиной 1,8 – 2 м, опиравшихся на две продольные лаги. Судя по всему, изначально настил имел большую протяженность и выходил на Кузьмодемьянскую улицу, обозначая тем самым въезд на усадьбу.

Также с ранним периодом связываются бревна в юго-восточной части владения, которые могли быть остатками какого-то разобранного сооружения. Рядом ними находилась яма, состоящая из большого числа перерезающих друг друга более мелких ям, которая предположительно служила для добычи глины, а затем использовалась как мусорная. По своей структуре это очень напоминает сооружение в северной части усадьбы «Е».

4.2.2 Материальная культура усадьбы «И»

Вещевая коллекция усадьбы «И» в данном ярусе составляет 455 предметов из дерева, стекла, железа, кости, цветного металла, камня, воска и др. материалов. Рассмотрим эти в вещи подробнее в рамках функциональных групп (Рис. 22-25).

Домашняя утварь

Данная группа предметов представлена вполне традиционным набором вещей, характерных и для других усадеб этого времени: столовой посудой, кухонными принадлежностями, мелкой тарой и пр.

К *столовой посуде* относятся следующие находки: две деревянные чаши, тип которых установить не удалось, обломок стенки с ручкой от точеной чаши и обломок резной рукояти ковша в виде головы зверя. Также здесь были найдены четыре обломанные деревянные ложки, из которых в коллекции сохранилась лишь одна, относящаяся к характерному для X-XI вв. типу с крутым переломом от лопасти к черенку (Колчин, 1968. С. 43).

Кухонные принадлежности представлены деревянными мутовками (3 экз.) и двумя деревянными лопатками.

Берестяная тара включает в себя восемь днищ берестяных туесов.

Об использовании *бондарной тары* на усадьбе «И» свидетельствуют находки различных деталей бочек и ведер: деревянные круглые днища (3 экз.), деревянная клепка от ведра или ушата, бондарные ободы (3 экз.) и железные дужки ведра (2 экз.).

В распределении домашней утвари по территории усадьбы можно отметить две зоны скопления: в районе большой ямы в южной части усадьбы и вокруг хозяйственной постройки И28Б. В первую зону концентрации входят фрагмент чаши, обломки ложки и рукояти ковша, днища туесов. Вероятно, эти предметы были утилизированы здесь как бытовой мусор. Второе скопление включает в себя все кухонные принадлежности, а также ложки и днища туесов, что свидетельствует об особенностях использования хозяйственного помещения и пространства рядом с ним. С основной постройкой усадьбы И28А связаны только чаша и рукоять ложки. Такое распределение предметов домашней утвари частично совпадает с планиграфией подобных предметов на остальных усадьбах.

Хозяйственный инвентарь

К *универсальным орудиям труда из дерева* относятся чекмари (3 экз.), лопата, наверхие лопаты в виде цилиндрической рукояти с прямоугольным отверстием, деревянные клинья (2 экз.)

Орудия обработки прядильных растений на усадьбе включают в себя деревянный валец, который был универсальным орудием, но в значительной степени использовался для обмолота льна, и деревянное трепало, применявшееся для дальнейшей очистки волокон (Колчин, 1968. С. 19, 64-65).

К числу *универсальных металлических предметов хозяйственного назначения* относятся два звена костыльковой цепи, железный пробой и пробой с кольцом.

Сельскохозяйственный инвентарь в древнейших слоях усадьбы «И» представлен только железной косой, происходящей из ямы в южной части усадьбы.

В пространственном отношении предметы данной функциональной группы сосредоточились по большей части в западной половине усадьбы, то есть в ее хозяйственной зоне.

Универсальный инструмент

Ножей на усадьбе обнаружено восемь экземпляров: семь целых и один обломок черенка. Все они относятся к наиболее распространенному в лесной зоне Восточной Европы, Прибалтике и Скандинавии IV группе по Р.С. Минасяну с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку (Минасян, 1980. С. 70). Из них четыре ножа сохранились со своими рукоятками, из которых три были изготовлены из дерева и одна из двух роговых деталей, украшенных циркульным орнаментом и скрепленных между собой железными заклепками.

Единственный экземпляр *пружинных ножниц* был украшен двумя бронзовыми ободками на каждом из стержней.

К универсальным инструментам относятся также *шилья* (2 экз.), одно из которых сохранилось с деревянной рукоятью и имело круглое сечение.

Об использовании различных инструментов свидетельствуют находки *рукоятей* (5 экз.), из которых четыре изготовлены из дерева и из рога.

Здесь же были обнаружены многочисленные *приспособления для заточки инструментов* (10 экз.), к числу которых относятся различные точильные бруски средних размеров (3 экз.) и сланцевые оселки призматической формы без отверстий для подвешивания (7 экз.). На многих из этих предметов заметны следы использования – характерные желобки и потертости.

Большая часть универсальных инструментов сосредоточена в западной и южной частях усадьбы в районе хозяйственной постройки И28Б и рядом с большой ямой. С крупнейшей постройкой на усадьбе И28А связаны нож, шило и деревянная рукоять.

Инструменты деревообработки

Топор обнаружен здесь в единственном экземпляре, однако, невозможно сказать к какому типу он принадлежал, поскольку он не зафиксирован ни описи, ни в музейных коллекциях. Известно только, что этот предмет был обнаружен вместе с деревянной рукоятью.

Крепеж

Средства крепежа, обнаруженные в слое 50-60-х гг., делятся на две группы: деревянные крепежи и металлические.

В первую группу входят нагели (8 экз.) различной формы и длины (от 13,3 до 32,2 см). По меньшей мере, пять нагелей по морфологическим признакам близки к известному в Хедебю типу 4 по Ф. Вестфалу, который характеризуется наличием полуцилиндрического навершия и прямоугольным сечением стержня. Стержни новгородских нагелей имели круглый разрез, что, видимо, является местной особенностью. Ф. Вестфаль отмечает, что подобные изделия применялись, как правило, в строительстве при возведении массивных конструкций и имеют известные параллели в материальной культуре западных славян (Westphal, 2010.S. 90-92). Близкие по форме нагели были обнаружены также в Йорке, где они также рассматриваются в качестве конструктивных крепежей в строительстве и быту (Morris, 2000. P. 2376-2377).

Еще один нагель (32.2 см в длину) имел навершие в виде усеченного конуса и вытянутый стержень. По всей видимости, он также использовался как соединительное средство для каких-то хозяйственных устройств. Форма еще трех нагелей неизвестна.

Металлические средства крепежа представлены традиционными для всей средневековой культуры кованными гвоздями и железными скобами.

Все эти вещи по территории усадьбы располагались относительно равномерно, не образуя каких-то выраженных скоплений. Большая их часть была сосредоточена в пространстве между хозяйственной постройкой И28Б, дворовой вымосткой, срубом И28А и ямой в южной части двора. В целом в пространственном распределении крепежей на территории усадьбы «И» наблюдаются тенденции, отмеченные и для других усадеб этого времени.

Запорные системы

Эта категория в основном представлена ключами от навесных и нутряных замков (5 экз.), характерных для X – первой четверти XII вв. Среди них ключ с квадратной лопастью от навесного кубического замка. (тип А по Б.А.Колчину), (Кудрявцев, 2014. С. 81-82). К деталям навесного замка относится также железная пружина с дужкой.

Остальные находки характеризуют нутряные запорные механизмы. К их числу принадлежат два железных коленчатых ключа с зубьями, применявшиеся к деревянным замкам. (вид 1, тип А по А.А. Кудрявцеву). Один из них довольно массивный с обломанным концом предназначался, по-видимому, для запираения построек. Второй ключ был меньших размеров

(около 13 см в длину) и имел раскованную уплощенную ручку с отверстием для кольца, и, вероятно, использовался для сундуков и ларцов (Кудрявцев, 2014. С. 93-94). Кроме того были найдены два втульчатых ключа от комбинированного замка 1 типа (по Б.А. Колчину) и обломок пружины от такого замка (Колчин, 1959. С. 89-91).

Находки деталей замков и ключей были сосредоточены рядом с основным срубом усадьбы. Большая часть предметов этой группы, включающая в себя дужку от навесного замка, а также ключи и пружину от комбинированных замков, располагалась к югу от постройки. Коленчатые ключи от деревянных засовов были найдены рядом с дворовой вымосткой к западу от сооружения И28А.

Охотничий инвентарь

Занятие жителей усадьбы охотой характеризуют два роговых томара и обломок древка стрелы с особым уступом для крепления наконечника. Один из томаров был украшен ребристой резьбой на краю и процарапанными изображениями стрел. Кроме того, здесь был обнаружен обломок железной черешковой стрелы, тип которой ввиду плохой сохранности определить не удалось. Эти предметы были найдены в разных частях двора и по большей части не связаны с сооружениями.

Рыболовный инвентарь

Рыболовные снасти представлены средствами сетевого и индивидуального лова. К первым относятся круглый деревянный поплавок с отверстием посередине, глиняный грузик и галечное грузило с отверстием на краю.

Из крючковых снастей встречены железный жерличный крючок большого размера и две деревянные рогульки жерлиц. Также значение рыбной ловли подчеркивают скопления рыбьих костей и чешуи между въездом на усадьбу и срубом И28А.

Инструменты прядения и ткачества

Эту сферу деятельности жителей усадьбы характеризуют следующие находки: пряслица из шифера и известняка, деревянные веретена, костяные проколки, глиняные грузила вертикального ткацкого станка и железная игла с обломанным ушком.

Всего в слоях третьей четверти X в. обнаружено одно пряслице из известняка и шесть пряслиц из шифера. Известняковое пряслице уплощенно-линзовидной формы имеет диаметр 36 мм и высоту 8 мм, что делало веретено более устойчивым при вращении. Все пиррофиллитовые пряслица были изготовлены из розового шифера и имели битрапециоидную форму. Прядильное дело характеризуют также четыре деревянных веретена, однако, атрибуция большей части этих предметов не бесспорна, поскольку ни одного из них не сохранилось в коллекции.

«Классические» костяные проколки, использовавшиеся при работе на ткацком станке (Смирнова, 2000. С. 240), обнаружены в девяти экземплярах. Об использовании здесь

вертикального станка достоверно свидетельствуют глиняные грузила дисковидной формы (4 экз.), необходимые для натяжения нитей основы. Эти грузила получили широкое распространение в Балтийском регионе в IX-X вв. и тогда же при посредничестве скандинавов они проникли на территорию Руси, что подтверждается топографией находок (Штакельберг, 1962. С. 111-115).

Интересным представляется планиграфическое распределение инструментов для прядения и ткачества. Шиферные пряслица на усадьбе концентрируются в двух зонах: у постройки И28А (3 экз.) и в северо-западной части усадьбы рядом с мостовой (3 экз.). Первое скопление демонстрирует аналогичную другим владениям этого времени картину, когда орудия прядения относятся преимущественно к главной постройке усадьбы. Второе скопление с наибольшей вероятностью свидетельствует о вертикальном перемешивании слоев, поскольку густая концентрация пряслиц наблюдалась здесь внутри постройки И27Г следующего яруса.

Часть костяных проколов (4 экз.) была обнаружена у предполагаемой западной границы владения на небольшом удалении от хозяйственного сооружения И28Б. Еще две проколки были найдены в большой яме в южной части владения. В основном сооружении И28А были зафиксированы только две проколки и железная игла.

Глиняные грузила от ткацкого станка сосредоточены в пределах одного квадрата в юго-западной части усадьбы рядом с бревнами от предположительно разобранный постройки. Наблюдения за пространственным распределением этих предметов в Старой Ладоге, Новгороде и на Рюриковом городище показали, что грузила в основном встречаются в сооружениях (Гайдуков, 1988. С. 62; Носов и др., 2017. С. 63; Штакельберг, 1962. С. 112-113). Если принимать во внимание, что существование постройки в юго-западной части усадьбы проблематично, то находки усадьбы «И» попадают в контекст этих наблюдений лишь частично. Также необходимо отметить, что рядом с глиняными грузилами не было обнаружено костяных проколов.

Особенности распределения предметов, свидетельствующих о ткацко-прядильном деле не позволяют надежно реконструировать производственные зоны, но по совокупности данных все же можно предположить, что основное место изготовления и пряжи и тканей находилось в основной постройке И28А, что согласуется с материалами других усадеб. Возможно также, что в какой-то период эта деятельность могла вестись рядом с хозяйственными сооружениями.

Литейное дело и металлообработка

С выплавкой цветного металла связано всего три фрагмента тиглей, среди которых два обломка небольших открытых тиглей и обломок тигля-купели, применявшегося для очистки металлов от примесей. (Ениосова, Митоян, 1999. С. 58), и два обломка небольших открытых тиглей. Все они были расположены в южной части двора рядом с большой материковой ямой. В

качестве сырья для ювелирного производства, вероятно, следует рассматривать кусок проволоки из цветного металла, найденный рядом с постройкой И28Б.

Украшения

Эта категория предметов, к которой относятся стеклянные бусы (64 шт.), бусы из хрусталя (2 шт.) и сердолика (1 шт.), традиционно представлена в раннее время наиболее массово.

Стеклянные бусы. Из общего числа бус 45,3 % составляли бусы, выполненные в технике тянутой трубочки (29 шт.). Среди многочастных недекорированных пронизок этой технологической группы в слоях третьей четверти X в. были встречены желтые лимоновидные трехчастные пронизки (3 экз.), желтые лимоновидные двухчастные пронизки (7 экз.) и синие лимоновидные двухчастные пронизки (3 экз.).

Декорированные многочастные бусины представлены лишь двумя двухчастными серебростеклянными пронизками. Многочастные пронизки составляют всего 51,7% от общего числа бус из тянутой трубочки, что в целом значительно меньше по сравнению с другими усадьбами этого времени.

Остальные 49,3% относятся к одночастным бусинам, которые также можно разделить на декорированные и бусины без декора. В числе недекорированных украшений присутствуют желтые лимоновидные одночастные бусы (7 экз.) и прозрачная лимоновидная бусина.

Бусы с декором включают в себя лимоновидные продольно-полосатые бусины из полосок желтого и красного стекла (2 экз.), лимоновидную продольно-полосатую бусину из полосок желтого и светло-коричневого стекла и лимоновидную золотостеклянную бусину.

По одному экземпляру представлены также ребристая эллипсоидная бусина из непрозрачного стекла желтого цвета и тянутая из трубочки бусина округло-цилиндрической формы, изготовленная в два слоя, где сердцевина из бесцветного стекла обернута непрозрачным стеклом травянисто-зеленого цвета, инкрустированного продольными черными полосами. Аналогий этой бусине обнаружить не удалось.

Среди бус, изготовленных методом навивки, наибольшее число составляют синие зонные и кольцевидные бусины из полупрозрачного и непрозрачного стекла (21 экз.). Интерес представляет их пространственное распределение. Одиннадцать бус данного типа были найдены вместе рядом с материковой ямой на западной окраине усадьбы и принадлежали одному набору, а остальные синие зонные бусины достаточно строго локализируются в западной части усадьбы в районе сооружения И28Б.

В единичном экземпляре была обнаружена бусина зонной формы из заглушенного стекла черного цвета. Такие бусины на территории Древней Руси встречаются редко, отдельные экземпляры известны в материалах Старой Ладогe на уровне горизонта Д и в Гнездово. Также

некоторые из них были найдены в Скандинавии, где по Ю. Кальмеру датируются второй половиной X в. (Львова, 1968. С. 77; Callmer, 1977. P. 78).

Ребристые навитые бусины представлены одним экземпляром, изготовленным из непрозрачного стекла темно-зеленого цвета. Аналогичная бусина была обнаружена в слоях последней четверти X в. на усадьбе «Е».

Довольно редкой является находка навитой 14-гранной бусины непрозрачного желтого стекла. Украшения в подобной технике изготовления известны в материалах Гнездовского комплекса (Доброва, 2018а. С. 38).

Также в слоях третьей четверти X в. присутствуют несколько декорированных навитых бусин. Глазчатые бусы представлены здесь четырьмя экземплярами, два из которых имели зонную и цилиндрическую форму и украшены монохромными глазками. Одна бусина была изготовлена из непрозрачного стекла желтого цвета, а другая из полихромной массы непрозрачного стекла синего, светло-коричневого и белого цветов. Еще две глазчатые бусины черного цвета имели неправильно цилиндрическую форму и были украшены глазками, заключенными в петли белого стекла. Одна из бусин имела монохромные глазки из капель печеночного цвета, в то время как глазки второй бусины были полихромными с ядрышком из стекла синего цвета, окруженным красными и белыми ресничками. Подобные бусы имели очень широкое распространение в X – XI вв. в Центральной и Восточной Европе и Скандинавии (Седых, Френкель, 2012. С. 302-305). Из прочих декорированных навитых бус в одном экземпляре представлена уплощенно-шаровидная бусина черного стекла, украшенная накладной нитью стекла молочно-белого цвета.

Мозаичные бусины также представлены всего одной находкой, а именно поперечно проколотой бусиной желтого цвета, украшенной глазком красного цвета, окруженным кольцами белого и зеленого стекла, от которых расходятся реснички в виде полос белого, черного и красного цвета. Такие бусины довольно редко встречаются на древнерусских памятниках. Подобные по технологии экземпляры известны в Старой Ладогe в горизонтах E₂, E₃, Д (вторая пол. IX-X в.), в Мордовских могильниках и в Подонье (Львова, 1968. С. 68, рисю 1:21; Плетнева, 1989. С. 119-120; Ястребов, 1893. Таб. XII: 2,5). Морфологически близкие им бусины, но без полосатого декора были найдены в Минино и Бирке (Захаров, Кузина, 2008. С. 180, рис. 170:5, 195; Arbman, 1940. Taf. 122, 10d).

Бусы из камня представлены всего тремя находками: двумя хрустальными бусинами и одной сердоликовой. Данные об одной хрустальной бусине отсутствуют, вторая имела 8-гранную призматическую форму. На территории Древней Руси этот тип встречается на основных памятниках вдоль речных путей: в Ладогe, Приладожье, Гнездово, Тимерево, на

Рюриковом и Супрутском городищах и бытует с 20-х гг. X в. до конца столетия, хотя по материалам Бирки такие бусы могут датироваться и более ранним временем.

Сердоликовая бусина также имела 8-гранную призматическую форму. В Новгороде они встречаются до первой четверти XI в. (Полубояринова, 1994. С. 75).

По территории усадьбы бусы сосредоточены в основном вокруг сооружений. Первая зона их концентрации связана с постройкой И28А, где было обнаружено десять украшений из стекла, большая часть которых находилась внутри дома. Вторая зона скопления бус (31 экз.) находилась рядом со срубом И28Б и расположенным вблизи дворовым настилом. Третья зона концентрации находилась в северо-западной части владения, и включала в себя восемь бусин. Скорее всего, часть из них попала сюда в результате перемешивания слоев более позднего времени, поскольку здесь такая большая плотность распределения стеклянных украшений наблюдалась в следующем ярусе в связи с постройкой И27Г.

Детали костюма

К деталям костюма относятся шаровидный гладкий бубенчик с линейной прорезью, изготовленный из двух спаянных между собой тисненых половинок (Рындина, 1963. С. 247). Подобные бубенчики являлись частью женского костюма и входили в состав поясных или нагрудных украшений, бытовавших в Новгороде в XI – начале XIV вв. (Поветкин, 2009. С. 79; Седова, 1981. С. 156). Появление бубенчика данного типа в столь ранних отложениях с наибольшей вероятностью объясняется вертикальным перемещением культурных напластований. Предположительно, он мог попасть в столбовую или иную яму, прорезавшую вышележащую постройку И27Г. С другой стороны, в данном случае может иметь место ошибка заполнения музейной документации.

В той же части двора была обнаружена подковообразная спиралеконечная фибула диаметром около 5 см, сделанная из латунного дрота ромбического сечения (Коновалов, 2008. С. 66). Этот тип фибул являлся одним из наиболее популярных в Северо-Западной Руси в X-XI в. и получил широкое распространение на территории Скандинавии, Финляндии, Прибалтики и в лесной зоне Восточной Европы (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 96; Мальм, 1967. С. 155-157; Хвоцинская, 1999. С. 45-47).

Предметы личного пользования

К этой категории относятся четыре роговых гребня и обломок роговой вставки. Из гребней два экземпляра относились к широко распространенному в X веке типу В2 по К. Амбросиани, характерной чертой которого являются вертикальные линии на краях боковых накладок (Ambrosiani, 1981. Р. 62). Тип третьего гребня из-за плохой сохранности определить трудно, но, вероятно, он сопоставим с типом В4 по К. Амбросиани.

Еще один односторонний гребень заслуживает отдельного внимания. Он имеет более крупный по сравнению с остальными размеры (16,3 см в длину), сложен из трех пластин с крупными грубо сделанными зубьями, каждая из которых была прикреплена к боковым накладкам с помощью двух железных заклепок. На средней пластине в верхней части имелось ушко для подвешивания. Боковые накладки декорированы вертикальными линиями на краях и композицией в центральной части из вертикальных и диагонально пересекающихся линий. Подобные расчески известны в Скандинавии, в Средней Швеции, и на Готланде, где они рассматриваются как «конские гребни» (Ambrosiani, 1984. S. 166-167; Thunmark-Nylen, 2006. S. 258). Почти все из них происходят из раскопок погребений, включавших в качестве инвентаря в том числе элементы конского снаряжения (Ambrosiani, 1984. S. 167). На территории Восточной Европы гребни с такими крупными зубьями и ушками для подвешивания известны среди материалов Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 150-151, рис. 63).

Вооружение

Внутри сруба И28А был обнаружен обоюдоострый боевой нож длиной 33 см и шириной клинка 3,3 см. (Медведев, 1959. С. 125). Среди орудий ближнего боя X в. подобные кинжалы не были широко распространены, и рассматриваемая находка является одной из самых ранних на территории Древней Руси.

Сухопутный транспорт

Сухопутный транспорт представлен деталями саней, в числе которых обнаружены копылы (3 экз.) и обломок грядки с прямоугольными пазами, расположенными на расстоянии 20 см. друг от друга.

Предметы культа

К числу предметов, характеризующих верования жителей усадьбы «И», относится небольшая деревянная фигурка высотой 4,8 см, сделанная в форме бюста с остроконечной макушкой, обозначающей шлем с вырезанным наносником (Колчин, 1971. С. 44). Фигурка была обнаружена на западной окраине усадьбы недалеко от сооружения И28Б. Как правило, эти вещи рассматриваются в качестве домашних идолов, символизирующих домовых, или каких-то иных духов (Pokrovskaya, 2007. P. 411).

Игрушки

В самых ранних отложениях усадьбы «И» встречено довольно большое число предметов, рассматривающихся в качестве детских игрушек. В первую очередь к их числу относятся обломки небольших стрел от детских луков с расширенным или слегка скругленным концом (11 экз.). Тонкие древки и грубая обработка наконечников свидетельствуют о том, что эти предметы вряд ли служили в качестве охотничьих орудий, хотя часть из них могла применяться для этих целей (Хорошев, 1998. С. 85). Показательно пространственное

распределение этих вещей. Они довольно компактно располагались к северу и к востоку от сруба И28Б, и вероятно обламывались и разлетались в результате стрельбы по этой постройке.

Кроме того, к детским игрушкам относятся деревянные фигурки (2 экз.) и деревянные шары (3 экз.), также обнаруженные рядом с хозяйственным сооружением И28Б. Таким образом, пространственное распределение находок в западной части усадьбы свидетельствует о том, что здесь находилась зона детской активности.

Предметы интерьера

Данная категория предметов представлена находками деревянных подвесных крюков (5 экз.), из которых два были связаны с постройкой И28А и находились с внешней стороны сруба, а остальные крюки были обнаружены во дворе усадьбы рядом с дворовым настилом.

Различные предметы из дерева

Значительную часть коллекции составляют деревянные изделия, которые не вписываются в функциональные группы. Большую часть из них составляют различные деревянные *поделки* и *детали* невыясненного назначения (118 экз.), основное число которых не сохранилось в доступных для исследования источниках (83 экз.). Среди этих предметов стоит отдельно выделить группу из трех деревянных кружков с отверстиями по центру, которые, вероятно, могли служить поплавками, а также две деревянные детали с отверстиями, одна из которых была орнаментирована и напоминает по своей форме боковые ограничители для подвесных жердей внутри дома.

Также на территории двора найдены подпятник, предмет в виде небольшого коромысла, близкий по форме к подшипнику ручной мельницы, и деревянная точеная балясина.

Различные предметы из кости

Два костяных предмета с усадьбы «И» заслуживают особого внимания. Рядом с постройкой И28А находилось украшенное точечным орнаментом костяное острие, верхняя часть которого была оформлена в виде стилизованной головы животного с отверстием для подвешивания. Острие сильно заполировано в результате постоянного взаимодействия с мягкими материалами (Сергеева, 2010. С. 35), также на его поверхности имеются множественные перпендикулярные отметины, сделанные, вероятно, ножом. Подобные предметы в IX-XI вв. известны на обширной территории, связанной с присутствием скандинавов: от Дании, Норвегии, Швеции и Британских островов до Среднего Поднепровья (Schwarz-Mackensen, 1976. S. 11). На территории Древней Руси эти изделия были встречены как в составе погребального инвентаря, так и в культурном слое поселений в Старой Ладоге, Юго-восточном Приладожье, Старой Руссе, Гнездово, в Полоцкой земле, Тимирево, Киеве, Шестовицах и ряде других мест (Иванова, Иванов, 2012. С. 132-133; Пушкина, 1993. С. 64-67; Торопова и др., 2013. С. 85-86). Из раскопок могильников известно, что зооморфные острия

характерны для мужских погребений и находились там рядом с поясом и среди остатков сумочек (Пушкина, 1993. С. 66). В то же время в Норвегии, по меньшей мере, в одном случае такое изделие было обнаружено в составе женского захоронения, однако, его положение там не было установлено (Schwarz-Mackensen, 1976. S. 68).

Стилистическое разнообразие в оформлении зооморфных головок очень велико, и на основании изменения этого признака была прослежена хронологическая тенденция, выражающаяся в том, что с течением времени зооморфные образы стремились к примитивизации и упрощению (Schwarz-Mackensen, 1976. S. 17). Таким образом, найденное на усадьбе «И» острие явно выражает более позднюю «традицию».

Наиболее дискуссионным является вопрос о функциональном назначении этих предметов. На раннем этапе изучения выдвигалось предположение об использовании этих проколов в качестве писал по воску или бересте (Медынцева, 1983. С. 87-91), что в свою очередь плохо сочетается с общими представлениями о распространении письменности на Руси. В последние десятилетия зооморфные костяные острия рассматриваются рядом ученых как утилитарные, так и ритуальные предметы. Согласно одной из гипотез, получившей развернутую аргументацию, эти предметы являлись кочедыками для распутывания узлов (Щавелев, 2003. С. 185-194), что объясняет сильную заполированность предметов. С другой стороны, считается, что остроконечники сочетали в себе определенные сакральные функции, связанные как с магическим значением узла как оберега, так и со специфической распространенностью данных предметов в воинской среде. Вероятно, зооморфные острия имели важное для этой прослойки общества значение, и тем самым на них формировался спрос (Сергеева, 2010. С.34). Вместе с тем, нужно отметить, что единая точка зрения о функции этих предметов не выработана и необходимо продолжать вести исследования в данном направлении.

Второй предмет представляет собой небольшое роговое (?) втульчатое навершие длиной 3,8 см с зооморфным окончанием в виде объемной головы медведя с отчетливо различимыми деталями, такими как уши, глаза и ноздри. Стилистически наиболее близкие изображения известны в Финляндии на ритуальных каменных навершиях конца I тыс. н.э., являвшихся атрибутами медвежьего культа. В Новгороде на протяжении всего средневековья было обнаружено большое количество амулетов, свидетельствующих о почитании этого животного, но данные находки в наименьшей степени характерны для X в. (Тянина, 2018. С. 304-307).

Различные предметы из железа

Неопределенные находки из железа представлены в этом ярусе разнообразными обломками (4 экз.), пластинами (3 экз.), стержнями (5 экз.), железным обручем и прочими предметами (5 экз.), из которых наибольший интерес вызывает кованая ручка с загнутой петлей и раздвоенными уплощенными концами, где на каждом из них было сделано отверстие,

предполагающее какой-то подвижный механизм. Аналогий этому изделию пока обнаружить не удалось. Также здесь была найдена небольшая железная лировидная привеска, подобные которой, как правило, встречаются в составе шумящих плетей, распространенных в это время на территории Скандинавии, Финляндии и лесной зоны Восточной Европы (Кирпичников, 1973. С. 71-72). Вместе с тем, по материалам Готланда известно, что лировидные привески могли также крепиться к петлям ключей от замков (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 204: 2,3), и по этой причине рассмотрение отдельной находки в качестве элемента конского снаряжения не представляется достаточно обоснованным.

Прочие находки

Среди прочих находок на территории усадьбы обнаружены обрывки веревки (42 экз.), большая часть которых (26 экз.) концентрируется в районе постройки И28Б, обрывки войлока (2 экз.), кусок войлока с дегтем, обрывки ткани (4 экз.). Также здесь встречены кусочки слюды (4 экз.), скорлупа грецкого ореха, раковина моллюска, горшочек с воском, восковая свеча и отдельные кусочки воска (12 экз.), основное число которых сосредоточено между срубом И28Б и дворовой вымосткой.

4.2.3 Общая характеристика усадьбы «И» в третьей четверти X в.

Усадьба «И» на начальном этапе своего существования представляла собой комплекс из двух построек, одна из которых располагалась на пересечении улиц и занимала доминирующее положение, а вторая была хозяйственной и находилась в юго-западной части двора. Эти два сооружения были связаны между собой дворовой вымосткой, проходившей от Кузьмодемьянской улицы к центру усадьбы.

Количество проживавших здесь людей установить невозможно, но в состав материальной культуры этого периода входят предметы, традиционно связываемые с мужской активностью (предметы вооружения, специальные инструменты и пр.), с женской деятельностью (инструменты прядения, украшения) и с детьми (детские игрушки).

В хозяйственном отношении усадьба «И» вполне типична для владений этого периода. Важную роль здесь играли рыболовство и охота. Также на усадьбе занимались изготовлением тканей, причем, в отличие от большинства других владений этого периода, здесь не прослеживается четкой привязки орудий прядения и ткачества к какой-то одной постройке. Важно также подчеркнуть, что только здесь были обнаружены глиняные грузила от вертикального ткацкого станка, которые в своем происхождении традиционно связываются со Скандинавией. Предположительно, в это же время на усадьбе начинают заниматься ювелирным ремеслом или, по меньшей мере, плавлением цветных металлов, о чем свидетельствуют находки тиглей в южной части двора. Кроме того, обращает на себя внимание в целом крупное скопление вещей в хозяйственной зоне вокруг постройки И28Б, а именно обрывков веревок и

различных неопределенных поделок, указывающих на ведение здесь какой-то специфической деятельности.

Несмотря на то, что комплекс предметов вооружения на данной усадьбе невыразительный, можно предположить, что ее хозяин имел какое-то отношение к военному делу. Косвенно об этом свидетельствует найденный здесь был найден боевой обоюдоострый нож, а также костяной остроконечник с зооморфным навершием, подобные которому на территории Древней Руси связаны в основном с дружинными погребениями. Также на усадьбе имеются некоторые вещи, позволяющие предположить наличие лошади в хозяйстве. К их числу относятся лировидная привеска, предположительно, от шумящей плети, «конский» гребень и обломок удила.

4.3. Усадьба «И-2» в третьей четверти X в.

4.3.1 Застройка усадьбы «И-2» (Рис. 20,21)

Как было отмечено выше, граница, разделяющая усадьбы «И» и «И-2» в середине X в. определяется не достаточно точно. Она представлена тонкими колышками диаметром 0,05 м, нижние концы которых были укреплены горизонтально лежащими жердями (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 261), что, вероятно, является остатками плетневого ограждения, периодически встречающегося в Новгороде в X – XI вв. (Сорокин, 1995. С. 22). Пределы владений маркирует также положение описанной выше многоуровневой ямы, так как сложные ямы для добычи глины располагались обычно на окраинах.

На усадьбе «И-2» зафиксирована только одна постройка И28В очень плохой сохранности и, вероятно, разобранный в древности. От нее сохранились северо-восточный угол, сложенный в обло из двух коротких бревен длиной 2 и 1,4 м, часть восточной стены, конструкция из четырех заваленных и двух перпендикулярно примыкающих к ним бревен, а также яма, находящаяся к югу от этой конструкции (Архив ИА РАН. Ф. 1. Р.1 Ед. хр. 1802. Л. 263). Определить форму и назначение этой постройки довольно трудно. Вероятно, она служила в хозяйственных целях (Засурцев, 1963. С. 102).

4.3.2 Материальная культура усадьбы «И-2»

Поскольку усадьба «И-2» исследована лишь частично, ее материальную культуру невозможно охарактеризовать целиком. Всего в напластованиях третьей четверти X в. здесь был обнаружен 91 предмет, что примерно составляет 20-25% от возможного числа находок на этой территории. Это непосредственно отразилось на характере выделяемых здесь функциональных групп (Рис. 26).

Домашняя утварь

Данная категория предметов включает в себя деревянную ложку, мутовку, днища берестяных туесов (5 экз.), дно деревянной бочки и две железные дужки ведра.

Хозяйственный инвентарь

К этой группе относятся деревянные лопаты (2 экз.), деревянный валец и угольный совок.

Сельскохозяйственные инструменты представлены деревянным грабельным зубом с выемкой на конце.

Универсальные инструменты на включают в себя железные ножи (3 экз.), на одном из которых сохранилась деревянная рукоять, железное шило круглое в сечении, пружинные ножницы с обломанным лезвием. Из приспособлений для заточки найден только обломок сланцевого оселка.

Практически все универсальные инструменты оказались сосредоточены в северо-западной части усадьбы. Внутри постройки И28В был найден только нож с деревянной ручкой.

Инструменты деревообработки

В материковой яме, находящейся под срубом И27Д, были обнаружены вместе железное долото и втульчатое тесло с деревянной ручкой. Оба предмета предназначались для изготовления выемок и пазов в различных изделиях: от долбленной и резной посуды до деталей станков и других устройств (Колчин, 1959. С. 29-30, 36-38; Сингх, 2015. С. 202-203).

Рыболовный инвентарь

К предметам, характеризующим эту сферу деятельности на усадьбе, относятся два галечных грузила и большой железный жерличный крючок для ловли крупной рыбы. Все они были обнаружены в районе постройки И28В, при этом оба грузила располагались внутри сооружения.

Инструменты прядения и ткачества

В исследованной части усадьбы обнаружены два пряслица (одно глиняное и одно битрапециоидной формы из розового шифера) и шесть костяных проколов.

Практически все костяные проколки были найдены в центре хозяйственного сооружения И28В, в котором, вероятно, мог находиться ткацкий станок. Шиферные пряслица были найдены в северо-западной части усадьбы.

Литейное дело и металлообработка

Как и на соседнем владении, предметы литейного производства на усадьбе И-2 немногочисленны. Здесь были обнаружены обломок стенки тигля и два обломка керамического шлака, вероятно, также относящихся к тиглям.

Украшения из стекла

В северной части усадьбы «И-2» были встречены 15 стеклянных бусин и одна бисерина, большинство из которых было изготовлено в технике тянутой трубочки, одна в технике навивки и одна была мозаичной.

Среди бусин из тянутых трубочек без декора преобладают желтые лимоновидные одночастные бусины (4 шт.) и желтые лимоновидные двухчастные пронизки (3 шт.). В одном экземпляре присутствует трехчастная желтая пронизка. Бисер представлен одной рубленой бисериной желтого цвета.

В общей массе обнаруженных здесь бус доля декорированных довольно велика (5 шт.). Продольно-полосатые бусины (3 шт.) представлены лимоновидной одночастной бусиной белого цвета, украшенной нитями черного стекла; лимоновидной желтой бусиной с полосами красного белого и черного цветов и лимоновидной желтой бусиной с полосами коричневого стекла.

Из бус с металлической прокладкой на усадьбе обнаружена только шестичастная серебростеклянная пронизка. В Старой Ладогe такие бусы зафиксированы в нижних слоях городища от горизонта E₃ до горизонта Д (Львова, 1968. С. 84).

Среди навитых бус был найден только обломок зонной бусины из полупрозрачного стекла синего цвета.

Мозаичные бусины представлены в одном экземпляре бусиной лимоновидной формы, сваренной из стерженьков желтого, белого, коричневого и черного стекла.

Информация еще об одной из бусин утрачена.

Стеклянные украшения в целом были равномерно распределены в северной части усадьбы «И-2», их связь с сооружениями не прослеживается. Только в северо-западной части двора число и плотность распределения бусин несколько больше, что предположительно, можно объяснить перемешиванием отложений вышележащего яруса, поскольку в отложениях последней четверти X в. прослеживается схожая концентрация стеклянных украшений рядом с постройкой И27Д.

Детали костюма. В восточной части усадьбы была обнаружена подковообразная спиралеконечная фибула из латунного дрота ромбического сечения, аналогичная застежке, найденной на усадьбе «И» (Коновалов, 2008. С. 66).

Вооружение

В западной части усадьбы был обнаружен железный наконечник стрелы, однако, его определить тип этого предмета невозможно, поскольку информация о находке утрачена.

Средства учета. Внутри сруба «И28В» была найдена деревянная счетная бирка.

Сухопутный транспорт. Из деталей сухопутного транспорта отмечено только два санных копыла в северо-восточной части усадьбы.

Из *игрушек* в северной части усадьбы найдены два деревянных точеных шара.

Различные предметы из дерева

К ним относятся 13 деревянных поделок и деталей неустановленного назначения, а также деревянный подпятник, являющийся предметом универсального назначения.

Прочие находки

В данную категорию включены обрывки веревок (3 экз.), два отдельных куска войлока, фрагмент войлока, прикрепленный к палке, войлочная рукавица, раковина каури и кусочек слюды.

4.3.3 Общая характеристика усадьбы «И-2» в третьей четверти X в.

Поскольку усадьба «И-2» была изучена не полностью, представить комплексно ее облик не представляется возможным. Здесь была зафиксирована одна постройка, располагавшаяся у северной границы владения и носившая, по-видимому, хозяйственный характер. Судя по скоплению классических костяных проколов, можно предположить, что в ней располагался ткацкий станок, к которому, возможно, могли относиться каменные грузила.

В северно-западной части усадьбы выделяется скопление предметов, включающее бусины, хозяйственный инвентарь и инструменты. Вероятно, оно образовалось в результате перемешивания слоев, поскольку в следующем ярусе здесь же располагалась постройка И27Д.

В хозяйственном плане усадьба не отличается какими-то особыми чертами. По имеющимся в наличии данным можно сделать вывод о том, что ее жители занимались рыбной ловлей, изготовлением тканей, деревообработкой и пр.

4.4 Усадьба «Е» в третьей четверти X в..

4.4.1 Застройка усадьбы «Е» (Рис. 14,15)

Усадьба «Е» располагалась на пересечении Великой и Кузьмодемьянской улиц к северу от усадьбы «К». Для середины X в. границы этого владения установить трудно, поскольку частоколы, которые можно было бы связать с этим временем, не сохранились.

В древнейших слоях на усадьбе «Е» прослежены остатки нескольких сооружений. Большая постройка Е28А располагалась у въезда на усадьбу и являлась основной на этой территории. Она была возведена на глинисто-углистом слое, за которым следует слой погребенной почвы и предматерик.

От постройки сохранились два бревна размерами $8,8 \times 0,2$ и $9 \times 0,3$ м., обозначающие северный и восточный пределы сооружения. Оба они не были скреплены между собой и не имели следов рубки в обло (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 84, 86), что, вероятно, свидетельствует об их принадлежности обноскам фундаментной площадки (Фараджева, 2010. С. 124). К восточному бревну с запада примыкал торец другого бревна размерами $3,7 \times 0,12$ м., на конце которого была сделана угловая вырубка. Исходя из конструкции близких по типу построек X в. (Фараджева, 2015. С. 127, рис. 2), вероятно, это бревно являлось южной стеной основной камеры, а угловая вырубка, таким образом, обозначала положение восточной стены

сруба. Северо-восточный угол постройки маркируют две небольшие подкладки, расположенные у конца восточной обноски. В южной части сооружения были обнаружены различные доски и тонкие бревнышки, представляющие остатки пола или какие-то подкладки. П.И. Засурцев и Н.Н. Фараджева полагали, что это следы привходного помещения неясной конструкции, ширина которого составляла около 2 – 2,5 м. (Засурцев, 1963. С. 115; Фараджева, 2010. С. 124). Исходя из размеров сохранившихся фрагментов сруба, можно предполагать, что его общая площадь составляла около 70 м².

Основное заполнение в южной части постройки составлял глинистый слой, в котором встречались тонкие угольные прослойки, а в северной части сруба заполнение было представлено темно-коричневым слоем с обильными угольными включениями. Также к югу от переводины (кв. 1352) было обнаружено большое количество камней, оставшихся, вероятно, от отопительного устройства.

В четырех метрах к югу от сруба E28A были обнаружены остатки мощения, от которого сохранилось продольное бревно размерами 4,2 × 0,18 м и два других бревна размерами 2 × 0,25 и 2,5 × 0,35 м (Архив ИА РАН. Ф.1, Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 86). Н.Н. Фараджева предполагает, что эта конструкция может быть остатками дворового мощения, выходящего на Великую улицу, или дополнительным привходным сооружением перед постройкой E28A, аналогичное которому было встречено перед срубом K27A (Фараджева, 2010. С. 124). Данная конструкция перекрывает другой более ранний настил, представленный четырьмя плотно подогнанными досками длиной 2,9 м., ориентированными с запада на восток. Подобная комбинация одновременных настилов была зафиксирована для усадьбы «К» последней четверти X в.

Еще один настил примыкал к восточной обноске сруба E28A. От него сохранились три широкие доски длиной 1,8 м., концы которых упирались в перпендикулярно уложенные бревнышки. Дальше к северу находились остатки еще какого-то мощения, представленного развалом бревен диаметром 12 – 15 см, длиной 3 – 3,5, ориентированных в направлении север – юг.

На расстоянии 6,5 м к северу от сруба E28A находилось небольшое сооружение E28, от которого сохранился северо-западный угол, сложенный из соединенных в обло бревен, а также отдельные бревна и чурки внутри постройки. К западу от сруба были зафиксированы доски, являвшиеся, вероятно, какой-то вымосткой перед домом (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 993. Л. 42). Заполнение внутренней площади сруба состояло из плотного пластового навоза, рядом с северной стеной находилась яма прямоугольной формы глубиной около 30 см также заполненная навозом. П.И. Засурцев охарактеризовал эту постройку как хозяйственную (Засурцев, 1963. С. 116).

В восточной части усадьбы⁸ на предматериковом слое было обнаружено еще несколько бревен и досок, ориентированных с севера на юг, которые П.И. Засурцев интерпретировал как остатки большой жилой постройки, размеры которой невозможно установить ввиду плохой сохранности (Засурцев, 1963. С. 116). Однако, представляется очевидным, что эти доски и бревна не могут рассматриваться в качестве сооружения, о чем свидетельствует общий невыразительный характер остатков, отсутствие скопления находок и характер культурного слоя.

Также П.И. Засурцев предполагал наличие в южной части усадьбы хозяйственной постройки (Е28В) размерами 3 x 3 м (Засурцев, 1963. С. 116). Исходя из материалов отчета видно, что такую атрибуцию получили тонкая жердь (2,7 x 0,07 м), поперек которой была расположена доска (1,9 x 0,2 м) (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 238), поэтому в данной работе эта конструкция не рассматривается как постройка.

4.4.2 Материальная культура усадьбы «Е»

Вещевая коллекция усадьбы «Е» третьей четверти X в. состоит из 208 предметов из различных материалов: железа, цветных металлов, дерева, кости, рога, стекла, камня и пр. Рассмотрим их подробнее в рамках функциональных групп (Рис. 16-19).

Домашняя утварь включает в себя различные предметы, предназначенные для приготовления и потребления пищи, а также бондарную и берестяную тару.

К *столовой посуде* относятся деревянные ложки (4 шт.), обломки небольших точеных чаш (3 шт.) и две рукояти ковши, одна из которых имела резной орнамент в виде головы дракона (Колчин, 1971. С. 35).

Среди *кухонного инвентаря* обнаружены небольшие лопаточки (3 экз.) и мутовки (4 экз.)

Берестяная тара представлена днищами берестяных туесов (3 шт.).

К *бондарной таре* относятся деревянные днища бочек (3 экз.) и бондарные обручи (2 экз.)

Основная концентрация предметов домашней утвари приходится на область постройки Е28А, где были найдены деревянная чаша, ложки (3 экз.), лопаточки (3 экз.), мутовка, днища туесов. Рядом с сооружением Е28Г обнаружены дно туеса, обломок точеной чаши и ложка. Остальные предметы были найдены на территории двора, на удалении друг от друга. Таким образом, в целом для этого яруса усадьбы прослеживается та же тенденция, что и для усадьбы остальных усадеб этого времени.

Хозяйственный инвентарь

---

⁸ П.И. Засурцев разделяет в 28 ярусе усадьбу Е на две части: усадьбу Е и Е-1, на которой, по его мнению, и расположена постройка Е28В. Но так как в нижних слоях и в материке на уровне 28 яруса не прослеживаются следов частотола, то, вероятно, нет оснований для деления этого владения на участки.

Среди *деревянных орудий труда* на усадьбе «Е» встречены чекмари (2 шт.), деревянный валец, использовавшиеся для обмолота и валяния шерсти (Колчин, 1968. С. 64), коромысло и мельничный шток.

Отдельно выделяются предметы *сельскохозяйственного инвентаря*, представленные двумя грабельными зубьями и грабельной грядкой. На территории усадьбы хозяйственный инвентарь сосредоточен в основном рядом с постройками.

Универсальный инструментарий

Из предметов этой функциональной группы на усадьбе «Е» обнаружены железные *ножи* с прямой спинкой и уступом при переходе к черенку (2 экз.), костяная полая *рукоять* с отверстием для подвешивания и *приспособления для заточки инструментов*, представленные точильными брусками (3 экз.). Эти находки были сосредоточены в основном в северной и северо-западной частях усадьбы рядом с сооружением Е28Г.

Также на этой территории был найден *полосатый сланцевый оселок* с отверстием для подвешивания. Оставляя за рамками дискуссию о назначении этих предметов, отметим только, что такие оселки характерны для скандинавского круга древностей.

Из универсального *крепежа* к слоям третьей четверти X в. относятся только шесть железных гвоздей, найденных на территории двора вдали от сооружений.

Рыболовный инвентарь на усадьбе представлен разнообразным набором предметов сетевого и крючкового лова. Первая группа включает в себя деревянный поплавок от невода, и два грузила из просверленной гальки. Во вторую группу входят две жерличных рогульки, и большой железный жерличный крючок. А.В. Куза отмечает, что именно такие «горловые» крючки использовались для ловли крупной речной рыбы (Куза, 2016. С. 67-69). В основном рыболовные принадлежности были обнаружены на территории двора ближе к окраинам усадьбы.

К *охотничьему инвентарю* относится костяной томар, происходящий из ямы в восточной части усадьбы.

Инструменты прядения и ткачества представлены на усадьбе вполне традиционным набором находок. Он включает в себя одиннадцать пряслиц, из которых одно было сделано из глины, одно из просверленного эпифиза кости животного полусферической формы и шесть из розового шифера (пять биконической формы, одно зонной) и три из темно-серого шифера (два биконических и одной зонное). Основная часть пряслиц была обнаружена рядом с основной постройкой Е28А, еще часть из них располагалась разрозненно на территории двора ближе к хозяйственной постройке Е28Г.

Среди ткацких орудий на усадьбе были встречены пять классических костяных проколов, применявшихся для работы на вертикальном ткацком станке. Их концентрация

приходится на зону основной постройки, только одна проколка была найдена на периферии усадьбы. В целом наблюдается та же тенденция распределения инструментов прядения и ткачества, что и на других усадьбах этого периода.

Украшения являются одной из самых массовых категорий находок второй половины X в. и представлены бусами и бисером.

Набор *стеклянных бус* (39 экз.) является типичным для древнерусских памятников конца I – начала II тысячелетия н.э. Традиционно наиболее массово представлены желтые лимоновидные бусы и многочастные пронизки, изготовленные из тянутой трубочки. Одночастных лимоновидных бус всего было найдено 14 экз., двухчастные лимоновидные желтые пронизки обнаружены в количестве 12 экз., в единичном экземпляре обнаружены трехчастные и пятичастные пронизки. Таким образом, бусы и пронизки, изготовленные из желтого стекла, составляют 72% общей коллекции стеклянных бус этого яруса.

Из прочих бус, изготовленных из тянутой трубочки, к слоям третьей четверти X в. относились двухчастная голубоватая пронизка, крупная ребристая прозрачная бусина бесцветного стекла, и округлая лимоновидная полихромная мозаичная бусина, образованная из белого, желтого и коричневого стекла.

Рубленный *бисер* представлен всего одной находкой бирюзово-голубой бисерины глухого стекла.

Таким образом, в данных слоях бусы из тянутой трубочки заметно преобладают, они составляют 84% от общего числа бус.

Навитые бусы без декора представлены двумя синими зонными бусинами и двумя прессованными бочонковидными бусинами из стекла песочно-красного цвета. Последние были довольно широко распространены в Северной и Восточной Европе на протяжении всей Эпохи Викингов. Значительное количество аналогий им было обнаружено среди могильников и поселений Скандинавии, в том числе в Средней Швеции и на Готланде.

Среди декорированных бус интерес представляет цилиндрическая продольно полосатая бусина, ядро которой составляет бесцветная основа, поверх которой нанесен второй слой стекла из полос белого, светло-коричневого и коричневого цветов. Аналогов этой бусине пока найти не удалось.

Каменные бусы найдены в трех экземплярах. В их числе четырнадцатигранная сердоликовая бусина, сердоликовая шарообразная и так называемая «тыквообразная» хрустальная ребристая бусина. Последняя является довольно редкой для древнерусских памятников. Исходя из положения «тыквообразных» бусин в комплектах из погребений, они занимали центральное место в ожерелье. Бусы такого типа известны в курганах Приладожья, в

Тимерево, в Гнездово, в Шестовицах, а также среди погребений Бирки (Дубов, 1982. С. 205, рис. 8, 13; Бліфельд, 1977. С 211. Таб. XXII).

Основная концентрация бус приходится на зону рядом с главным срубом на усадьбе, дальше на территории двора и у сооружения E28Г их найдено сравнительно немного и они не образуют выраженных скоплений.

Детали костюма в слоях этого времени почти отсутствуют. С осторожностью в данную группу можно включить только небольшое круглое в сечении железное кольцо диаметром 4 см. По размерам оно близко бронзовым поясным кольцам, однако, нельзя исключать и другие варианты использования таких колец (Адаменко, Захаров, 2008. С. 46-47, рис. 30).

К *предметам личного пользования* принадлежат в основном роговые односторонние гребни (3 экз.) и детали сопутствующих им аксессуаров. Два гребня имеют гладкие неорнаментированные накладки и близки к типу В2 и В4 по К. Амбросиани., а один, относящийся к типу В1:1, имел на накладках орнамент из пересекающихся параллельных линий (Ambrosiani, 1981. P. 19, fig. 4; Ambrosiani, 1984. S. 163-165). Эти типы гребней являются широко распространенными среди памятников Восточной и Северной Европы второй половины X в. К числу аксессуаров относится накладка футляра одностороннего гребня с орнаментов в виде переплетающихся под прямым углом полос, использованная, вероятно, вторично как проковка. Гребней и футляров с подобным орнаментом в Новгороде найдено немного.

Необычной для середины X в. является находка костяного двустороннего гребня, ромбического сечения. Такие предметы известны в основном с XI в., и их попадание в более ранние отложения, очевидно, стоит связывать с вертикальным перемещением находок в результате внешнего воздействия на слой (Колчин, 1982. С. 164-165).

Среди *предметов культа* одной из наиболее ярких находок является железная шейная гривна, сделанная из перекрученного на всю длину дрота четырехгранного сечения, покрытого сверху тонким слоем олова, что придало изделию эффект посеребрения. Концы гривны не сохранились, поэтому установить точно форму замка и способ ее крепления на шее не представляется возможным, но, известно, что замок обычно состоял из петли и крючка или двух завитков (Фехнер, 1967. С. 62-63).

Подобные предметы найдены на многих памятниках Восточной Европы, преимущественно расположенных вдоль основных речных путей сообщения: в Гнездово, на Рюриковом городище, в Псковском некрополе, среди погребений Юго-Восточного Приладжья, в Тимерево, на Сарском городище, в Супрутах, на поселениях Суздальского Ополя, среди курганов бассейна р. Москвы и проч. (Мусин, 2012. С. 559). За пределами Восточной Европы такие гривны были обнаружены на Аландских островах и на территории

Скандинавии (Kivikoski, 1980. S. 24). Особенно характерны гривны из четырехгранного железного дрота для Средней Швеции в провинциях Уппланд, Вестманланд, Сёдерманланд, только в одной Бирке их было найдено 58 экз. (Ström, 1984. S. 127, 130). Во многих случаях, как в Скандинавии, так и в Восточной Европе, гривны сопровождаются привесками в виде «молоточков Тора», в таком сочетании они были встречены в том числе и в Новгороде (Покровская, 2005. С. 280-284; Рыбина, Хвощинская, 2010. С. 72-74, рис. 4, 6).

Железные гривны в эпоху викингов имели определенное магическое значение и носились на шее в качестве личных амулетов, о чем свидетельствуют находки гривен среди ингумаций. Также предполагается, что они могли использоваться как обереги кораблей (Ström, 1984. S. 137). Исследования последних десятилетий в Скандинавии показали, что в ряде случаев гривны являлись оберегами жилищ или строительными жертвами (Мусин, 2012. С. 565). В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что находки крученых гривен из четырехгранного дрота на территории Руси являются чертой скандинавской материальной культуры, и их следует рассматривать в качестве импорта из Средней Швеции (Янссон, 1999. С. 32-35).

Еще один необычный предмет, характеризующий предметы культа, представляет собой орнаментированную округлую костяную поделку с продольным отверстием, на каждой из сторон которой были процарапаны символы. На одной – стилизованное изображение трискелиона в виде трех изогнутых под углом сужающихся полос, исходящих из одной точки; на другой – аналогичный трискелион, а также квадрат с вписанными в него диагонально пересеченными линиями, над которым изображены еще две линии об прямым углом. Функциональное назначение этого предмета неясно, однако, его символическое значение представляется очевидным.

Знаки трискелионов получили широкое распространение в Европе в раннее средневековье, в особенности в кельтском и англосаксонском мире, где они, помимо декоративного, имели религиозно-магическое значение. В отложениях X в. Рюрикова Городища был найден моржовый клык с похожим рисунком, который, вероятно, попал сюда из Норвегии (Носов и др., 2009. С. 376-380).

Кроме этого, в слоях третьей четверти X в. был обнаружен небольшой деревянный идол в форме стилизованной скульптуры человечка высотой 7,5 см. с плоской площадкой для установки. Примерно половину высоты фигурки занимает голова с очерченными контурами стрижки, губами, глазами и носом. Б.А. Колчин полагал, что этот идол являлся изображением домашнего духа (Колчин, 1971. С. 44).

Предметы для взвешивания представлены двумя бронзовыми пластинами от чаш весов, одна из которых представляет небольшой обломок венчика с отверстием для подвешивания к

коромыслу, а вторая – обломок корпуса чаши. Оба предмета были обнаружены на территории двора рядом с сооружением E28Г.

Среди *игрушек* на усадьбе «Е» встречен только небольшой деревянный детский ножик.

Предметы транспорта

Сухопутный транспорт на усадьбе «Е» включает в себя четыре санных копыла и обломок санного полоза.

К *водному транспорту* относятся находка лодочной рыбины, лодочной уключины и двух деревянных нагелей типа Б по Г.Е. Дубровину, которые по его мнению использовались в судостроительном деле (Дубровин, 2000. С. 100). В основном детали транспорта были найдены на территории двора вокруг сруба E28А.

Архитектурные детали, представленные балясинами (7 экз.), часть из которых была обнаружена на территории двора рядом с центральной постройкой (4 шт.), а одна балясина – внутри постройки.

Различные предметы из дерева включают в себя деревянные *поделки* неустановленного назначения (39 экз.), деревянное зооморфное навершие, которое Г.Е. Дубровин рассматривает как кнутовище (Дубровин, 2000. С. 150-152) и подпятник, использовавшийся в тех случаях, когда была необходима опора вращения: в основании двери, в токарном станке и т.д. (Колчин, 1968. С. 74).

К *прочим находкам* относятся неопределимые железные предметы (6 экз.), железная пластина, костяная трубочка, кусок войлока, два кусочка воска и стеклянный шлак.

4.4.3. Общая характеристика усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

На предматерике располагались два сруба, соединенных дворовой вымосткой. Один из них имел значительные размеры и определенно был жилым, о чем свидетельствует характер конструкции сруба, заполнение его площади и наличие отопительного сооружения. К северу от него находилось хозяйственное сооружение небольших размеров, заполненное внутри навозом.

Материальная культура усадьбы вполне типична для этого времени. С уверенностью можно сказать, что в круг занятий хозяев усадьбы входила промысловая добыча (охота, рыбная ловля), заготовка сена для скота, изготовление тканей.

Также необходимо подчеркнуть характерное для этого времени большое количество стеклянных бус, большинство из которых относятся к бусам массового производства и самым дешевым в изготовлении, хотя встречаются и уникальные экземпляры.

Также в материальной культуре усадьбы «Е» отсутствуют предметы вооружения и снаряжения коня и всадника, что отличает это владение от соседних усадеб.

По совокупности имеющихся в распоряжении данных можно предположить, что эта территория принадлежала горожанам среднего достатка и была вполне ординарной. Из

особенностей следует выделить довольно яркий набор предметов, связанных с языческими верованиями (шейная гривна, предмет с изображениями трискелионов, фигурка «домового»). Ряд исследователей считает, что элементы скандинавской духовной культуры, неразрывно связаны с этнической принадлежностью, поскольку духовная культура распространяется ее носителями (Мусин, 2012. С. 574). Однако, за исключением полосатого сланцевого оселка другие предметы, относящиеся к кругу древностей Северной Европы, на усадьбе отсутствуют.

4.5 Территория усадеб «Б», «Б-1», «А» в третьей четверти X в. (Рис. 27, 28)

К северу от усадьбы «Е» и с восточной стороны от грунтовой дороги, был зафиксирован культурный слой, предшествовавший появлению здесь первых построек, в котором содержалось большое число находок. Первоначальный рельеф, сформировавшийся на момент антропогенного освоения данной территории, представляет собой довольно сильно уклоняющуюся на северо-восток равнину, состоящую из чередующихся участков с пологой поверхностью уклоном около $0,5 - 1,5^\circ$ и участков, с крутизной склона около $4 - 6^\circ$. Рядом с грунтовой дорогой и деревянным настилом, отходящим на северо-восток от нее, угол наклона поверхности увеличивается, достигая местами $15 - 17^\circ$ и отчетливо образуя тем самым впадину (Рис. 3, 4, 5.).

Усадебные границы в третьей четверти X в. здесь не прослеживаются. Линия частокола длиной 17 м была зафиксирована вдоль грунтовой дороги и отходящего на северо-восток от нее настила. Также небольшой фрагмент частокола длиной 4 м, ориентированный с юга на север, был обнаружен в 13 м от грунтовой дороги (кв. 107, 118) Установить назначение и связь данной конструкции с усадебными границами не представляется возможным.

Построек в этой части Неревского конца на уровне древнейших отложений не обнаружено. Рядом с грунтовой дорогой (южная часть раскопа II) зафиксирован небольшой колодец размерами $1,05 \times 1,05$ м, сложенный из четырех опорных столбов и поставленных на ребро досок. Отдельные доски, бревна и материковые ямы встречены только в центральной части участка, рядом с границей усадьбы «Е» (восточная часть раскопа III, южная часть раскопа НЯ, западная часть раскопа XIV). К югу от настила и линии частоколов (южная половина раскопа I, кв. 137, 128) зафиксированы обрубок ствола и пень от дуба, сохранившийся на высоту 0,7 м. Вероятно, дерево было срублено перед заселением этого участка, а глубина залегания обрубка ствола примерно маркирует уровень дневной поверхности, на котором началось хозяйственное освоение.

Состав культурного слоя, относящегося к третьей четверти X в., однороден. Его основу составляет темно-коричневый слой с примесью щепы и навоза, переходящий затем в предматериковую гумуссированную глину (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1 Ед. хр. 860. Л. 51, 53, 55). Местами внутри темно-коричневого слоя зафиксированы включения глины и материкового

песка. Выраженные прослойки строительной щепы на большей части будущих усадеб «А» и «Б» не обнаружены, но в материалах отчетов встречаются упоминания о перегнивших остатках древесины (северная часть раскопа III, раскоп XII). Прослоек угля в нижних слоях встречено не было.

4.5.1 Материальная культура усадеб «А», «Б», «Б-1»

Поскольку в 50-70-е гг. X в. усадьбы «А», «Б», «Б-1» не были поделены между собой, все находки, происходящие с этой территории, рассматриваются в едином комплексе. Всего к этому периоду относится 664 предмета (Рис. 29-31).

Домашняя утварь

Столовая посуда. В данную группу включены резные и точеные чаши, ковши, рукояти ковшей и стояны. Резные чаши, представляющие собой плоскодонные неглубокие сосуды с вырезанной сбоку ручкой, обнаружены здесь в трех экземплярах. На дне одной из них вырезан двузубец Рюриковичей, а сама чаша орнаментировала узором из переплетающихся чешуек. Подобный орнамент был также встречен на бондарной крышке, обнаруженной на усадьбе «Е». Все чаши были обнаружены в южной части будущей усадьбы «Б».

Резные ковши представлены одним обломком, обнаруженным в материковой яме вместе с резными чашами, и двумя рукоятями ковшей. Одна из этих рукоятей искусно украшена вырезанной головой дракона (Колчин, 1971. С. 35).

Стояны сосудов (2 экз.), относятся к распространенному в X в. первому типу по Б.А. Колчину, который характеризуется наличием широкого основания, переходящего в конусовидный столбик (Колчин, 1968. С. 39).

Кухонные принадлежности. К их числу относятся деревянные и костяные ложки (13), мутовки (13), деревянные лопаточки (6), деревянный колпачок (затычка?) и железная сковорода. Деревянные ложки представлены двумя типами: с удлиненной ручкой и крутым переломом от черенка к лопасти и дорожными ложками, для которых характерна более короткая ручка и более плавный переход от ручки к лопасти (Колчин Б.А., 1968. С. 43-44). Одна из ложек была изготовлена из кости.

В пространственном распределении столовой посуды и кухонных принадлежностей наблюдается две зоны концентрации. В южной части усадьбы «Б» в материковых ямах сосредоточены почти все деревянные сосуды (чаши, ковш), там же найдена половина ложек. Во впадине на территории будущей усадьбы «А» собрана большая часть кухонных принадлежностей (мутовки, лопаточки, ложки), при этом посуда представлена только двумя рукоятями ковшей.

Берестяная тара. В слоях третьей четверти X в. обнаружено 15 днищ туесов и одна чаша из бересты. В основном эти предметы были сосредоточены в области материкового понижения на территории будущей усадьбы «А».

Бондарная тара. Эта группа предметов представлена деревянными днищами (2), бондарными ободами (2), железными дужками ведра из стержней прямоугольного сечения (2) и деревянными затычками от бочки (2). Пространственное распределение этих вещей в значительной мере совпадает с распределением остатков берестяных сосудов.

Глиняная тара. К данной категории относится только обломок амфоры, обнаруженный в области материковой западины.

Хозяйственный инвентарь

Универсальные орудия труда. На рассматриваемой территории были обнаружены обломки деревянных лопат (3), пест, деревянный валец и чекмарь. Эти предметы сосредоточились в основном в южной части усадьбы «Б», в то время как на усадьбе «А» не было найдено ни одной вещи этого круга.

Кресала. В южной части усадьбы «Б-1» было найдено железное калачевидное кресало, служившее для разведения огня.

Универсальные металлические предметы хозяйственного назначения. Число этих предметов также не велико. Здесь были найдены только железное кольцо прямоугольного сечения и два звена железной цепи, одно из которых имело вид несомкнутой восьмерки и было изготовлено из круглого в сечении стержня. Этот тип цепей был наиболее массовым в средневековой Руси (Колчин, 1959. С. 113).

Универсальный инструмент

Ножи традиционно являются наиболее массовыми находками среди инструментов, на рассматриваемой территории их найдено десять. Все они относятся к распространенному в лесной зоне Восточной Европы типу ножей с прямой спинкой и уступом при переходе к черенку (группа IV по Р.С. Минасяну). Три ножа сохранились вместе с деревянными рукоятками.

Рукояти. На территории будущих усадеб «А» и «Б» обнаружено три рукояти, одна из которых была изготовлена из дерева и две из кости или рога. Одна из костяных рукоятей была украшена в центре орнаментом в виде зигзагообразно переплетающихся лент с точками, а на краях - волчьим зубом и пересекающимися линиями, образующими сетку.

Ножницы. В слоях этого времени обнаружено двое пружинных ножниц, которые, судя по размерам, использовались в хозяйственных целях (Колчин, 1959. С. 59). Один из экземпляров был украшен лужением на поверхности пружинного конца и двумя бронзовыми выступами на стержнях лезвия.

Шилья. К их числу относится прямоугольный в сечении железный стержень длиной 37 см и 0,7 см шириной. Один конец этого стержня заострен, второй обработан для насаживания рукояти. Традиционно длина острия у новгородских шильев составляла около 10 – 16 см и данная находка заметно выделяется из общего ряда (Колчин, 1959. С. 64).

Приспособления для заточки инструментов. Эти предметы представлены точильными брусками прямоугольного сечения (4) и сланцевым оселком с отверстием на конце.

Территориально в отложениях третьей четверти X в. универсальные инструменты распределены довольно равномерно и отсутствуют только в западной и юго-западной части усадьбы «Б». В трех случаях зафиксировано близкое расположение ножа и точильного бруска, что не однократно уже встречалось на других усадьбах, в одном случае – ножа и рукояти.

Инструменты деревообработки

Топоры. В материковой западине в северной части усадьбы «А» был обнаружен топор с двумя парами боковых щекавиц и опущенным лезвием, обломанным на конце. По типологии А.Н. Кирпичникова данный топор относится к VI типу, распространенному в лесной зоне Восточной Европы в X-XII вв. Основное время бытования этих орудий приходится на XI-XII вв. (Кирпичников, 1966б. С. 38-39).

Сельскохозяйственный инвентарь

Эта категория предметов представлена обломком железной косы, обнаруженной на границе с усадьбой «Е».

Крепежи

Из крепежных средств на рассматриваемой территории преобладают металлические средства крепежа, к которым относятся железные гвозди (19), скобы (5) и заклепка с ромбовидной шайбой. Деревянные средства крепежа представлены только обломком деревянного нагеля.

В пространственном распределении этих предметов необходимо отметить выраженную концентрацию скоб в восточной части участка (северные половины раскопов НА – НЯ) и равномерное распространение гвоздей на всей остальной площади. Эта тенденция характерна и для остальных усадеб.

Запорные системы

Ключи. Всего на данной территории было обнаружено пять железных ключей. Два из них принадлежали к коленчатыми ключам типа А от нутряных деревянных замков, для которых характерно наличие нескольких зубьев на конце (Кудрявцев, 2014. С. 93-94). Один ключ представлял собой Г-образный стержень с загнутым концом и относился к ключам-отмычкам типа Б (Кудрявцев, 2014. С. 95). К комбинированным нутряным замкам первого варианта относится один ключ с втульчатым стержнем. Последний ключ имел вид Г-образной пластины

с подтреугольной ручкой с кольцом для подвешивания и прямоугольной лопастью с тремя вырезами. Предположительно, он мог использоваться в качестве сундучного.

Три ключа, обнаруженные в западной части двора, располагались на незначительном удалении друг от друга, остальные предметы были найдены по отдельности.

Охотничий инвентарь

Среди предметов, характеризующих охотничий промысел, обнаружено четыре наконечника томара и два отдельных древка. Наконечники томаров представляют собой роговые цилиндры, часть из которых была украшена линейным орнаментом. Для древков отличительной чертой является наличие специально вырезанного выступа на конце, на который насаживается наконечник.

Рыболовный инвентарь

Эта группа предметов традиционно представлена орудиями сетевого лова и крючковыми снастями. К орудиям сетевого лова относятся деревянные поплавки (3 экз.), берестяные поплавки (2 экз.) и каменные грузила с отверстиями на концах и без них (16 экз.). Среди деревянных поплавков два имели форму полукруга подтреугольного сечения с двумя отверстиями на концах. Подобные поплавки, как правило, использовались в больших отцеживающих сетях типа неводов (Колчин, 1968. С. 22)

К числу крючковых снастей относятся два железных крючка, один из которых отличался большими размерами, и жерличная рогулька.

В пространственном распределении этой группы предметов можно выделить три зоны концентрации. Одна часть рыболовного инвентаря компактно располагалась в зоне материковой западины вдоль частокола. Вторая группа находилась в западной части усадьбы «Б», где были обнаружены отдельно лежащие доски и впоследствии расположилась постройка Б27Е. Возможно, часть каменных грузил могла попасть сюда в результате вертикального перемещения слоя. Третья группа рыболовных снастей связана с материковыми ямами у южной границы усадьбы «Б».

Бортнический инвентарь

Уникальной для Новгорода является деревянный *крюк от бортнического лазива*, происходящий из северной части усадьбы «Б-1». Это приспособление использовалось для подъема на деревья при добыче меда и выдалбливании бортей (Колчин, 1968. С. 23).

Инструменты прядения и ткачества

Пряслица. На рассматриваемой территории в отложениях третьей четверти X в. обнаружено 19 пряслиц: 13 шиферных, два глиняных, три костяных и одно известняковое. Шиферные пряслица были все изготовлены из розового пиррофиллита, десять из них имели битрапециоидную форму, одно – зонную, форма еще двух пряслиц не установлена. Глиняные

пряслица имели битрапециондную форму, одно из них было лепным, а второе было сделано на гончарном круге и украшено линейным орнаментом. Среди костяных пряслиц два были изготовлены из эпифизов полусферической формы, а одно, битрапециондное, было выточено на токарном станке. Известняковые пряслица представлены заготовкой дисковидной формы.

Находки пряслиц распределяются неравномерно, и выделяется два основных места их скопления. Часть этих предметов (6 экз.) сосредоточилась в зоне материковой впадины вдоль линии частоколов, еще одна часть (6 экз.) расположилась двумя компактными группами у южной границы усадеб (раскоп VI, XII). Остальные пряслица были найдены по отдельности в разных концах двора.

Проколки. На рассматриваемой территории обнаружено 29 костяных проколов для подбивания нитей утка к нитям основы на вертикальном ткацком станке. Большинство из них относится к так называемым «классическим» проколкам, для которых характерной чертой является обработанный заостренный кончик, служащий основной рабочей поверхностью (Смирнова, 1999. С. 149).

В южной части усадьбы «Б-1» найден костяной *игольник*, представляющий собой полуку костяную трубку с двумя отверстиями для подвешивания.

Планиграфия орудий ткачества демонстрирует крайне неравномерное их распределение. Значительная часть проколов (14) была сконцентрирована в северной части в зоне материковой западины. Еще одна часть (9) была достаточно плотно сгруппирована на западе этого участка под постройкой последней четверти X в. Б27Е. Вероятно, несколько предметов из этой группы могли попасть из более верхних слоев и в действительности они относились к вышележащему ярусу. Две проколки, лежащие рядом, были обнаружены в южной части усадьбы «Б-1» (раскоп XIV) вместе с костяным игольником. На основной части описываемого участка проколков встречено не было.

Украшения

Стеклянные бусы. Традиционно основную долю обнаруженных в слое третьей четверти X в. бус составляют бусы, изготовленные из тянутой трубочки (81 экз., 60%). Эта группа включает в себя многочастные пронизки и одночастные бусины, а также бисерины.

Среди не декорированных многочастных пронизок здесь присутствуют желтая лимоновидная четырехчастная пронизка, желтая лимоновидная трехчастная пронизка, желтые лимоновидные двухчастные пронизки (12 экз.) лиловые лимоновидные двухчастные пронизки (2 экз.), синие полупрозрачные и прозрачные лимоновидные двухчастные пронизки (3 экз.), синяя непрозрачная двухчастная пронизка, светло-зеленые непрозрачные лимоновидные двухчастные проинзки (2 экз.).

К числу декорированных многочастных пронизок относятся двухчастная золотостеклянная и трехчастная серебростеклянная пронизки.

Среди одночастных бусин без декора, изготовленных из тянутой трубочки, встречены желтые лимоновидные бусины (30 экз.), синие лимоновидные бусины полупрозрачного стекла (4 экз.) и желтая лимоновидная ребристая бусина.

Декорированные одночастные бусины представлены продольно-полосатыми черно-белыми лимоновидными бусинами (3 экз.), продольно-полосатой черно-белой бусиной с вставками коричневых полос, продольно-полосатой серо-коричневой бусиной, продольно-полосатой желто-коричневой лимоновидной бусиной и золотостеклянными (ложнозолотостеклянными?) лимоновидными бусинами (3 экз.)

Доля многочастных пронизок относительно одночастных в древнейших культурных отложениях усадеб «А», «Б», «Б-1» составляет всего 33 %. Здесь этот показатель значительно ниже, чем на других усадьбах третьей четверти X в., и более характерен для усадеб конца X в.

Рубленые бисерины, изготовленные в технике тянутой трубочки, обнаружены на рассматриваемой территории в 12 экземплярах. Среди них восемь были сделаны из желтого стекла, три из голубого и одна из стекла светло-зеленого цвета.

Бусы из тянутой палочки, соответствующие IX группе по З.А. Львовой, на древнерусских памятниках встречаются довольно редко (Львова, 1968. С. 90-91). Из них здесь обнаружена только одна биконическая бусина из синего стекла, относящаяся к типу А176Т по Ю. Кальмеру (Callmer, 1977. P. 80).

Навитые бусы представлены большим разнообразием типов. Среди недекорированных бус этой группы преобладающими являются синие зонные бусы из прозрачного, полупрозрачного и непрозрачного стекла (19 экз.). Эта тенденция характерна и для других усадеб этого времени. В единичном экземпляре здесь были найдены кольцевидная бусина светло-синего прозрачного стекла, зонная бусина светло-зеленого непрозрачного стекла, двухчастная зонная бусина светло-зеленого непрозрачного стекла, зонная бусина из прозрачного стекла цвета морской волны, зонная бусина черного стекла, зонная бусина бесцветного стекла. Цвет еще одной зонной навитой бусины, оплавившейся в огне, определить не удалось.

Боченовидные навитые бусы представлены находками одной бусины синего стекла и одной бусины желтого стекла. Также здесь были найдены эллипсоидная навитая бусина бесцветного стекла и цилиндрическая навитая бусина из стекла цвета морской волны. Из ребристых бус присутствует только навитая ребристая бусина темно-зеленого непрозрачного стекла.

Декорированные навитые бусы представлены довольно малочисленно. Среди глазчатых бус здесь обнаружены желтая непрозрачная зонная бусина с гладким реснитчатым глазком, округло-цилиндрическая черная бусина с петлями молочно-белого стекла и глазками синего, белого и красного цвета, а также две короткоцилиндрические бусины желтого цвета с рельефными черными глазками.

Кроме того, на периферии рассматриваемой территории в самых нижних пластах были найдены две навитые золотостеклянные бусины цилиндрической и боченковидной формы. Обе бусины являются нехарактерными для X в. и, вероятно, попали сюда в результате вертикального перемещения слоя. Наиболее ранние экземпляры этих бусин датированы по материалам Старой Ладogi 80-ми гг. X в. (Седых, Френкель, 2017. С. 340-344), однако, широко они распространяются лишь с начала XI вв. На других усадьбах Неревского конца, где слои в меньшей степени были перемешаны, не было найдено ни одного экземпляра подобных бус в отложениях, предшествующих пожару конца X в.

Бусы из камня представлены тремя призматическими сердоликовыми бусинами, одна из которых была пережжена.

К янтарным бусам относится одна бусина битрапечиевидной бусиной.

Пространственное распределение украшений из стекла и камня заслуживает особого внимания, поскольку в пределах рассматриваемой территории данные изделия распределены крайне неравномерно. Самое большое количество бус (92 экз.) было сосредоточено в районе материковой западины, образуя тем самым довольно плотное скопление. Остальные экземпляры располагались разреженно, преимущественно в восточной части территории усадьбы «Б» и на усадьбе «Б-1». В центральной и западной частях усадьбы «Б» было обнаружено всего три бусины.

Украшения из металла

Коллекция украшений из цветного металла, относящихся к третьей четверти X в., включает в себя различные подвески, браслеты и перстни.

К числу *подвесок* принадлежат две ширококорогие подвески-лунницы. Одна из них, длиной 3,2 см, отлита из биллона и, по-видимому, была изготовлена в подражание серебряным лунницам, известным по древнерусским кладам (Седова, 1981. С. 24). Вторая лунница, также отлитая из биллона, имела длину всего 1,1 см.

Браслеты. Рядом с грунтовой дорогой в предматериковых слоях было обнаружено разомкнутое железное кольцо диаметром 6 см из перекрученного железного стержня. Оно сохранилось лишь как изображение в коллекционной описи, поэтому для полноценного исследования недоступно. Предположительно, это мог быть браслет из вторично использованной железной гривны.

Второе украшение этой группы было найдено в одной из материковых ям на южной окраине усадьбы «Б». Оно представляет собой разомкнутый браслет из бронзовой проволоки круглого сечения. Аналогичное изделие было найдено поблизости в северной части усадьбы «Е».

Перстни. Редкой для Новгорода является находка перстня с круглой печаткой, на которой было выгравировано изображение птицы с распростертыми крыльями и повернутой головой. Подобные предметы известны на территории Ярославского и Костромского Поволжья, в землях радимичей, в Болгарии и, вероятно, являются отражением византийского влияния (Седова, 1981. С. 137).

Детали костюма

Фибулы. На территории рассматриваемых усадеб обнаружены фибулы из цветного металла (6 экз.) и железа (2 экз.), отличающиеся большим разнообразием типов. К фибулам из цветного металла относятся две подковообразные спиралеконечные фибулы с дугой треугольного сечения, одна из которых имела железную иглу, небольшая подковообразная спиралеконечная фибула из дрота круглого сечения, ложновитая подковообразная фибула с гвоздевидными концами, массивная подковообразная фибула с ромбовидными щитками на концах и подковообразная фибула с дугой ромбовидного сечения и миниатюрными драконами на концах. Железные фибулы представляют собой подковообразные спиралеконечные застежки, дуга одной из которых была перекручена.

Практически все фибулы из цветного металла были обнаружены на ограниченном пространстве рядом с грунтовой дорогой в западной части территории усадьбы «А». Железные фибулы встречены только на усадьбе «Б-1».

Все представленные на этой территории застежки известны на обширной территории, охватывающей лесную зону Восточной Европы, Прибалтику, Скандинавию и Финляндию. Часть из них, а именно фибула с миниатюрными драконами на концах, ложновитая фибула и подковообразная фибула с ромбовидными концами, имела большее распространение среди древностей балтийских племен (Седова, 1981. С. 84-89; Авдусина, Ениосова, 2001. С. 98-99).

К числу прочих обнаруженных здесь элементов костюма относятся бронзовый грушевидный *бубенчик* с крестовидной прорезью, конусовидный свинцовый *грузик*, служивший, вероятно, застежкой верхней одежды, и две железные *пряжки*, одна из которых имела рамку прямоугольной формы. Также, к атрибутам костюма принадлежит костяная булава с фигурным навершием и отверстием на конце, которая служила для скрепления элементов одежды. Аналоги подобным изделиям известны на южном побережье Балтийского моря, в Хедебю, Фризии и Старой Ладогге (Иванова, Иванов, 2012. С. 132; Schwarz-Mackensen, 1976. Abb.12 2,7;13, 8.).

Предметы личного пользования представлены на данной территории односторонними гребнями и их деталями (всего 14 экз.) и футлярами гребней (4 экз.).

Гребни. Преобладающим типом являются односторонние роговые гребни с вертикальными линиями на концах боковой накладки (5 экз., тип В2 по К. Амбросиани). Один из гребней, обломанный по краям, украшен по центру вертикальными линиями, образующими прямоугольник. По известным аналогиям данный экземпляр также мог принадлежать типу В2 по К. Амбросиани. Роговые гребни с циркульным орнаментом вдоль боковых накладок представлены двумя находками, у одной из которых орнамент был расположен в два ряда. Гребни без орнамента на боковых накладках, относящиеся к типу В4 по К. Амбросиани, также были обнаружены здесь в двух экземплярах. Единично представлен гребень, украшенный диагонально пересекающимися линиями (тип В1:1 по К. Амбросиани), от которого сохранилась только боковая накладка. Тип еще трех расчесок установить невозможно. Кроме того, здесь были найдены две вставки в гребни и одна заготовка накладки гребня, что свидетельствует о возможном местном производстве.

Футляры гребней. Две накладки футляра были украшены сужающимися навстречу друг другу линиями на краях и попарно переплетенными двойными линиями в центре, что по способу внешнего оформления соответствует гребням типа В1:3 по К. Амбросиани. Две других накладки футляров украшены вертикальными линиями на краях и циркульным орнаментом, заключенным в рамку по периметру изделия. На одной из этих накладок располагалось два ряда циркульного орнамента, продольно разделенного тремя линиями.

Пространственное распределение роговых расчесок и футляров заслуживает особого внимания. Всего выделяется две зоны их концентрации. Первая зона связана с материковой впадиной, где было найдено 13 предметов этой категории, расположенных в основном ближе к линии частоколов. Второе скопление связано с территорией усадьбы «Б-1», откуда происходят в основном гребни и футляры украшенные циркульным орнаментом, что больше характерно для усадеб Неревского конца последней четверти X в. В пространстве между двумя указанными зонами роговые расчески практически не были встречены.

Вооружение

Стрелы. На данном участке было обнаружено восемь наконечников стрел. В их числе двушипный втульчатый наконечник (тип 2 по А.Ф. Медведеву), двушипный черешковый наконечник без упора с пером ланцетовидной формы (тип 29, вид 2 по А.Ф. Медведеву), ромбовидный черешковый наконечник без упора (тип 46 по А.Ф. Медведеву), ромбовидный черешковый наконечник с вогнутыми сторонами и наибольшим расширением у острия (тип 50 по А.Ф. Медведеву), двурогий срезень с упором с выпуклыми боковыми и режущими

сторонами (тип 60, вид 2 по А.Ф. Медведеву) и ланцетовидный наконечник с упором (тип 62 по А.Ф. Медведеву).

Большинство стрел принадлежат к орудиям двойного назначения, и могли использоваться как на охоте, так и в военных целях. К категории боевых с большей вероятностью мог относиться ланцетовидный наконечник, который по типологии Э. Вегре – П. Линдбома соотносится с типом А2 – А51. Эти стрелы были легкими, узкими, иногда украшались валиками или поясками по шейке и, по мнению авторов, использовались как боевые (Каинов, 1999. С. 56-57; Wegraeus, 1986. S. 23-25).

Отдельного рассмотрения также заслуживает двушипный втульчатый наконечник, который для средневекового Новгорода является редкой находкой. А.Ф. Медведев в своем своде отметил, что эти наконечники были распространены в VIII – XIII вв. вдоль западных границ Руси и были заимствованы у западных соседей (Медведев, 1966. С. 56). Впоследствии данная идея была развита Р.С. Минасяном, который полагал, что носителями этих предметов были не только западные славяне, но славяне в целом, а география распространения этих наконечников маркирует волны славянской миграции (Минасян, 1978. С. 35-37). На Северо-Западе Руси, где двушипные втульчатые стрелы появляются во второй четверти X в., больше всего их встречено на Рюриковом городище (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 131).

Снаряжение коня и всадника

К *элементам узды* относятся два псалия, один из которых был изготовлен из железа, он имел стержневидную форму с прямоугольной рамкой и использовался в удилах с восьмерковидными грызлами (тип I по А.Н. Кирпичникову), распространенными на Руси в X-XI вв. (Кирпичников, 1973. С. 7). Вторым псалием из рога имел дугообразную форму с заостренным трехлопастным окончанием и два отверстия для продевания концов железной петли.

Навершие шумящей плети (Рис. 30, 8) было изготовлено из железа и сопровождалось лировидными привесками. Аналогичное изделие происходит с усадьбы «К».

Привеска оголовья (решма). Яркой находкой, обнаруженной в материковой западине, является миндалевидная решма с приклепанным сверху ушком, на лицевой стороне которой было изображено человеческое лицо в обрамлении растительного орнамента (Рис. 30, 4). Такие привески чаще всего крепились к крупным, нагрудным ремням и ремням суголовья и занимали центральное место в декоре сбруи (Новиков, 2009. С. 20). Данная вещь имеет выраженный восточный характер и обнаруживает аналогии в Гнездово, Лядинском могильнике, Западной Сибири и Хакасии (Михайлов, 1997. С. 251-255.; Седова, 1981. С. 45).

Инструменты взвешивания

К данной категории относится обломок *чаши весов*, найденный на прилегающей к мостовой территории. Он представляет собой смятую полукруглую бронзовую пластину с отверстиями для подвешивания на концах.

Средства учета

Счетные бирки, являвшиеся наиболее распространенным средством контроля и учета, найдены в шести экземплярах. Практически все они были сконцентрированы в центральной части участка, где впоследствии расположилась усадьба «А». В коллекции сохранился лишь одна бирка, которая представляет собой дощечку с нанесенными на обоих концах зарубками. По-видимому, она относилась к типу расщепленных долговых бирок, использовавшихся для фиксации информации о займах и долгах (Ковалев, 2002. С. 45-47).

Предметы культа

К числу предметов этой группы относится только *кремневый наконечник копья или дротика* эпохи неолита – раннего металла, происходящий из предматериковых отложений в южной части усадьбы «Б». По данным трасологических исследований данный предмет был помещен в металлическую оправу. (Желтова и др., 2017. С. 239) Подобные вещи использовались в средневековом Новгороде в качестве оберегов от злых духов и в лечебной магии (Тянина, 2008. С. 178-183).

Игрушки

К ним относятся рукояти игрушечных мечей (2 экз.), деревянная стрела, волчки (2 экз.) и деревянные шары (9 экз.). Также, вероятно, игрушкой могла являться небольшая деревянная фигурка с изящно вырезанной головой барана. Данные предметы распределены в основном в двух зонах: в материковой западине у деревянных настилов (деревянные шары, рукоять меча) и в южной части территории усадьбы «Б-1» рядом с материковыми ямами (волчки, деревянные шары).

Предметы интерьера и мебель

К данной группе находок относятся деревянные подвесные крюки (3 экз.), деревянная дверная накладка и ножка от стола. Все эти предметы были сосредоточены в основном в северной части в зоне материковой западины.

Различные предметы из дерева

Среди прочих предметов из дерева также были найдены различные *поделки* (106 экз.), большая часть из которых не сохранилась (95 экз.), небольшое деревянное *навершие* в виде головы птицы (?) и деревянные *подпятники* (3 экз.).

Различные предметы из кости

К различным предметам из кости относятся костяная поделка неустановленного назначения, орнаментированная накладка, и ребро животного с вырезанными зубцами.

Отдельно необходимо отметить и изогнутое роговое острие с отверстием для подвешивания и изящно вырезанной головой волка (?), являвшееся воинским атрибутом. Подобные роговые острия были обнаружены так же на усадьбе «И» и подробно описаны выше. Также интересной находкой здесь является костяная привеска из просверленной подъязычной кости оленя или крупного рогатого скота, внешне напоминающая привески в виде «молоточка Тора» (Смирнова, 1999б, С. 130). Аналогичные изделия известны на Неревском раскопе в слоях XI в., а также в Сигтуне.

Различные предметы из железа

В эту группу предметов включены различные *неопределимые предметы* (21 экз.), *пластины* (4 экз.) и *стержни* (2 экз.).

Прочие находки

В их числе были обнаружены веревки (10 экз.), фрагменты прошитой бересты (8 экз.), кусочки воска (5 экз.), обрывки тканей (4 экз.), обрывки войлока (3 экз.), кусочки слюды (2), скорлупа грецкого ореха, стеклянный шлак, обломок тигля.

4.5.2 Общая характеристика территории усадеб «А», «Б», «Б-1» в третьей четверти

Х в.

Территория к северу от усадьбы «Е» и к востоку от грунтовой дороги, где впоследствии пролегла мостовая Великой улицы, представляла собой участок полого-наклонной равнины с уклоном поверхности в сторону Волхова. По мере продвижения на северо-восток уклон рельефа усиливался, и в итоге он переходил в материковую западину (промоину?), образованную под воздействием временных водотоков.

Рассмотрим отдельно северную часть рассматриваемой территории, где впоследствии расположилась усадьба «А». Сооружений в древнейших отложениях этой части Неревского конца практически не сохранилось. Здесь были зафиксированы лишь отдельные участки частокола вдоль уличных вымосток и в зоне материковой западины, а также отдельные доски и бревна, которые не формировали каких-либо выраженных конструкций. При полном отсутствии построек данный участок оказался очень богат находками, которые к тому же имели одну из наиболее плотных концентраций в сравнении с другими усадьбами Неревского конца X в.

Обнаруженные здесь вещи отличаются большим разнообразием представленных категорий, которые в целом характерны и для других владений этого времени (предметы быта, хозяйственный инвентарь, инструменты, промысловые орудия, украшения и пр.). Особенностью данной коллекции является очень высокая концентрация стеклянных бус, разнообразных фибул из цветного металла, роговых гребней и костяных проколов. Такого количества вещей этих категорий не было найдено ни на одной другой усадьбе. Из

специфических деталей следует отметить находки редких для X в. элементов конского и всаднического снаряжения (псалий, орнаментированная каплевидная привеска), большое разнообразие железных стрел и высокую концентрацию счетных бирок, служивших средством учета и контроля. Последнее может быть объяснено вертикальным перемещением предметов в культурном слое, поскольку в отложениях последней четверти X в. здесь было обнаружено еще большее число счетных бирок.

В то же время в этой части Неревского конца ряд вещей, характерных для всех остальных усадеб этого времени, не был обнаружен вовсе или был найден в очень малом количестве. Здесь практически не было встречено деревянных чаш и ковшей, которые, как правило, являются атрибутом жилых сооружений, но в то же время присутствуют ложки. Также отличительной чертой этой территории является отсутствие хозяйственных орудий труда (лопат, чекмарей, вальков, чесал и пр.) и деталей сухопутного транспорта, в особенности копылов.

Вероятно, в первые годы после начала освоения усадеб у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц территория будущей усадьбы «А», расположенная в низине, не была заселена, и постепенно под воздействием временных водотоков здесь аккумулировался культурный слой с находками.

Эта гипотеза также подтверждается топографией артефактов. Большая их часть оказалась сосредоточена в месте наиболее резкого перепада высот, а также рядом с линией частоколов, поскольку в данном случае частокол выступал естественной преградой при плоскостном смыве. Основное число вещей – небольшие предметы, которые могли перемещаться в пространстве вместе с потоками воды, что в особенности касается бус, деревянных поделок, проколов, гребней и пр. Кроме того, нельзя исключать, что в некоторых случаях низина на окраине освоенной территории могла использоваться для утилизации ненужных вещей.

Это же объясняет и отличающееся от других владений пространственное распределение вещей по функциональным группам. Для большинства усадеб характерна определенная логика распространения находок, выражающаяся в том, что некоторые категории предметов чаще встречается в жилой зоне усадьбы, другие – в хозяйственной, и пр. Как правило, это обусловлено особенностями бытовой деятельности жителей той или иной усадьбы.

В данном случае картина представляется иной: находки в этой части Неревского конца расположены скученно, последовательность в их распределении не прослеживается. Кроме того, в центре данного участка росло дерево, которое было срублено на высоте 0,7 м от материка, что служит дополнительным аргументом в пользу того, что данная территория в третьей четверти X в. не была заселена.

Особого внимания заслуживает проблема хронологии древнейших отложений в этой части Неревского конца. Б.А. Колчин, анализируя стратиграфию первых тринадцати Неревских раскопов, отметил большую мощность культурного слоя к востоку от Великой улицы (раскопы НА, НЯ, I, II) и ввел понятие «ниже 28-го яруса», под которым понимался пласт культурного слоя, залегающий ниже соответствующего яруса мостовой (Колчин, 1956. С. 115). Эту идею развил впоследствии П.И. Засурцев, который предположил, что усадьба «А» была заселена раньше остальных владений и именно на ее территории располагалось ядро древнейшего поселка в Неревском конце (Засурцев, 1963. С. 88).

Однако, анализ совокупных данных, включающих в себя изучение палеорельефа, культурного слоя, сооружений и материальной культуры противоречит бытующему мнению.

Вероятнее всего, освоение данной части Неревского конца произошло несколько позже, чем освоение усадеб у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. В этом контексте важно отметить отсутствие здесь лепной керамики, за исключением нескольких обломков (Смирнова, 1956. С. 254-256; Плохов, 2009. С. 429-431). Предположительно, заселение этой территории можно датировать концом 60-х – 70-ми гг. X в.

Вероятно, пространство между промоиной и северной границей усадьбы «Е» (раскоп XII, южная часть раскопа III, восточная часть раскопа VI), также не было освоено в середине X в. Здесь на участке пологонаклонной равнины наблюдается определенное запустение, то есть находки практически отсутствовали. С начальным периодом довольно условно связываются лишь предметы из материковых ям вдоль границы с усадьбой «Е» и вещи из самых нижних напластований рядом с мостовой Великой улицы. Здесь встречено большое число предметов столовой посуды, в том числе несколько резных деревянных чаш, рыболовные принадлежности, пряслица, несколько стеклянных бусин, а также довольно специфические вещи, такие как навершие шумящей плети с привесками и двушипный наконечник стрелы.

Территория к востоку и северо-востоку от усадьбы «Е», где впоследствии расположилась усадьба «Б-1», также представляет собой сложной интерпретации участок. Здесь мощность отложений X в. была невелика, и также отсутствовали сооружения. Находок в самых нижних пластах встречено немного, они располагались разреженно, концентрируясь в основном в районе материковых ям. Пространственное распределение обнаруженных здесь предметов не позволяет выделить зоны активности, связанные с определенными видами хозяйственной деятельностью. Среди вещей здесь встречены универсальные инструменты, роговые гребни и футляры, отдельные бусины, фибулы, орудия прядения и ткачества, роговые томары и железные стрелы, детские игрушки. Из редких находок отмечу роговой остроконечник с зооморфным навершием, являвшийся атрибутом воинской субкультуры, роговой псалий и кремневый наконечник дротика, служивший оберегом.

Освоение территории усадеб «А» «Б», «Б-1», произошло немного позднее чем территории усадеб, расположенных у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Вероятно, этот процесс можно в целом датировать концом 60-х – 70-ми гг. X в., о чем свидетельствует отсутствие фрагментов лепной керамики.

Глава 5. Усадьбы Неревского раскопа последней четверти X в.

В последней четверти X в. в Неревском конце наблюдается активное развитие городской застройки. В это время обновляются и удлиняются мостовые улиц, оформляются границы на усадьбах «Е» и «И», появляются первые постройки на усадьбах «Е-1», «Д», «Д-2», «Б», «А» и «Г». Предположительно, эти изменения были связаны с приходом в Новгородскую землю князя Владимира в 970 г. (Петрухин, 1995. С. 163). В последней четверти X в. на территории к северу от усадьбы «Е» ситуация изменяется: рельеф постепенно выравнивается, материковая западина заполняется культурным слоем, появляются первые постройки и частоколы, ограничивающие владения друг от друга. В это время четко формируется южная граница усадьбы «Б», смежная с усадьбами «Е» и «Б-1», а также западная граница усадьбы «Б-1», отделяющая ее от усадьбы «Е». Граница между усадьбами «А» и «Б» практически не фиксируется, но, принимая во внимание особенности расположения сооружений в этой части Неревского конца, допустимо предположить, что уже в последней четверти X в. это были два самостоятельных владения (Рис. 32).

5.1 Усадьба «К» в последней четверти X в.

5.1.1 Застройка усадьбы «К» (Рис. 33, 34)

В последней четверти X в. обстановка на усадьбе «К» изменяется. В это время более отчетливо проявляется южная граница усадьбы, которая, как и в предыдущем ярусе, отстояла от Кузьмодемьянской улицы на 21,5 м, а также формируется восточная граница владения, проходящая в 21,5 – 22 м. к востоку от Великой улицы (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1 Ед. хр. 1278. Л. 188; Буров, 1985. С. 94, табл. 1). Таким образом, по сравнению с предыдущим периодом размеры усадьбы «К» уменьшились, что предположительно связано с освоением соседней усадьбы «К-1».

В 70-е годы X в. существенно изменилась планировка усадьбы, акцент в застройке сместился к югу, преобладание с сооружениями предыдущего яруса не прослеживалась. К данному периоду относятся две постройки, К27А и К27Б, располагавшиеся в юго-западной и юго-восточной частях усадьбы.

Постройка К27А представляла собой двухчастное сооружение размерами 6,5 x 8 м, стоящее на фундаментной площадке, окруженной бревенчатой обноской (Фараджева, 2010. С. 125). От сруба на два венца сохранились северная и восточная стены, переводина пола и фрагментарно настил пола (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 305). Под постройкой обнаружено большое количество глины, зафиксированной как целыми прослойками, так и отдельными включениями.

Расположение печи в этой постройке является предметом обсуждения и в настоящее время существует две версии. П.И. Засурцев, проанализировав расположение переводины пола, предполагал, что отопительное сооружение могло находиться либо в юго-восточном углу, либо в центре, либо оно вовсе отсутствовало (Засурцев, 1963. С. 108). Н.Н. Фараджева на основании того, что в раннее время печи не могли располагаться поверх настила, утверждает, что печь в данном случае могла быть расположена только в центре помещения (Фараджева, 2010. С. 133, 184). Косвенно это подтверждают прослойки и включения угля и золы, зафиксированные в центральной части постройки.⁹

С востока к дому примыкала привходная конструкция, состоящая из регулярно уложенных в несколько ярусов досок, опирающихся на две бревенчатые лаги. На северо-восточном углу этой конструкции находился столб, по бокам которого были закреплены ограничительные бревна. П.И. Засурцев предполагал, что это остатки сеней столбовой конструкции (Засурцев, 1963. С. 58). Иначе эти же материалы интерпретировала Н.Н. Фараджева, по мнению которой данное привходное сооружение относилось к сеним крыльца-площадки (Фараджева, 2010. С. 93, 184). Согласно ее наблюдениям постройка К27А по целому ряду признаков очень близка к сооружению середины IX в. V-8 (по С.Л. Кузьмину) в Старой Ладогe (Фараджева, 2010. С. 158; Кузьмин, 2008. С. 81, рис. 8).

К юго-востоку от сруба К27А находился небольшой настил размерами 2 × 1,2 м, соединяющий эту постройку с сооружением К27Б. Он состоял из нескольких досок 0,9 × 0,2 м, которые были подтесаны с краев и закреплены в продольных пазах несущих брёвен, которые в свою очередь были зафиксированы в специальных вырубках основного упорного бревна длиной 1,2 м (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 307).

В юго-восточной части усадьбы располагался сруб К27Б размерами 6,5 × 8,5 м. От него сохранилась полностью восточная стена (на два венца) и частично южная и западная стены. В южной половине постройки были обнаружены две переводины, поверх которых лежал настил пола, состоящий из плотно подогнанных друг к другу досок размерами около 2 × 0,25 м. Он сохранился в юго-восточном углу сруба на протяжении 2,7 м, а также частично в юго-западном углу постройки. Над полом был прослежен довольно мощный слой углей мощностью от 0,05 до 0,12 м.¹⁰

Как отмечено в полевых дневниках, в северо-восточной части сруба в пространстве между переводиной пола и предполагаемой северной стеной постройки К27Б было зафиксировано скопление камней и песка, к которому с запада примыкала угольная прослойка. С осторожностью можно предположить, что в северо-восточной части дома находилось

⁹ Раскоп XVII, пл. 30, кв. 1250; раскоп XVIII, пл. 30, кв. 1261, 1272.

¹⁰ Полевой дневник участка Г раскопа XVIII, пл. 30.

отопительное сооружение, однако сохранившиеся его следы представляются недостаточно выразительными.

На расстоянии 0,6 – 0,8 м к югу от стенки сруба и 0,2 – 0,4 м к западу от стен сруба были зафиксированы два бревна, которые своими концами накладываются друг на друга, но при этом чаши в бревнах обнаружено не было (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 306). Вероятно, в данном случае здесь также сохранились остатки обносков, укреплявших фундаментную площадку, что косвенно подтверждается сведениями о культурном слое: на уровне этой конструкции была зафиксирован обширный слой глины, в целом совпадающий по своим контурам с границами постройки.¹¹

Вопрос хронологического соотношения этих двух домов в последней четверти X в. остается нерешенным. Исходя из анализа глубин залегания срубов и наклона дневной поверхности можно предположить, что постройка К27А была возведена немного ранее постройки К27Б. Однако, несомненно, что в течение некоторого времени два сооружения сосуществовали на усадьбе.

5.1.2 Материальная культура усадьбы «К»

Вещевая коллекция усадьбы «К» насчитывает 212 предмета из различных материалов: дерева, кости, рога, железа, цветного металла, стекла, янтра, кожи, глины, камня. (Рис. 36-39).

Домашняя утварь

К *столовой посуде* относятся: резная чаша, резной ковш и рукоять ковша, деревянные блюда (3 экз.), точеная миска и деревянные ложки (3 экз.).

Кухонная утварь включает в себя деревянные лопаточки (3 экз.) и мутовки (3 экз.)

Берестяная тара традиционно представлена днищами туесов (3 экз.).

Среди прочих находок, относящихся к данной группе, здесь была найдена деревянная пробка, вероятно, принадлежавшая бочке.

По территории усадьбы эти предметы обнаружены в основном в северной и северо-восточной части владения, а также в районе постройки К27А. Как и в предыдущем ярусе, основная часть столовой посуды и приспособлений для приготовления пищи связаны с центральным сооружением усадьбы. Внутри сруба К27Б находок этой категории практически не обнаружено.

Хозяйственный инвентарь

Универсальные орудия труда представлены двумя деревянными чекмарями.

Орудия обработки прядильных растений включают в себя деревянный валек для обмолота льна, деревянное трепало для очистки волокон от кострики и чесало для окончательной обработки волокон.

---

¹¹ Полевой дневник участка Г раскопа XVIII, пл. 30; полевой дневник участка Д раскопа XVII, пл. 30.

Из прочих хозяйственных принадлежностей из дерева найдены деревянное коромысло, вертлюг и колышек с выемкой, который, предположительно являлся кнутовищем или рукоятью для втульчатого орудия.

К универсальным металлическим хозяйственным принадлежностям относятся железный обруч и железные кольца прямоугольного сечения (2 экз.), одно из которых было найдено вместе с ключом и жуковиной и, вероятно, относилось к двери.

На территории усадьбы хозяйственный инвентарь был сосредоточен в основном на незначительном удалении от построек, преимущественно рядом со срубом К27А.

Универсальный инструментарий

Данная категория представлена традиционным набором вещей, включающим железные ножи с прямой спинкой и уступом при переходе к черенку (6 экз., группа IV по Р.С. Минасяну), один из которых сохранился с деревянной ручкой, шилья (2 экз.) и инструменты для заточки, представленные двумя точильными брусками.

Особого внимания заслуживает костяная рукоять, обнаруженная в верхних слоях этого яруса. Она имеет размеры 8,2 × 1,6 см, овальная в сечении, на одном из ее концов был сделан небольшой уступ, предназначенный, вероятно, для крепления обоймицы. С двух сторон предмет орнаментирован. На одной стороне изображена рыба с прорисованной чешуей и плавниками, на другой - некий рисунок, напоминающий человеческую ногу, с зигзагами и завитками. Вполне вероятно, что данная рукоять служила для ножа или какого-нибудь другого инструмента.

В пространственном отношении большая часть универсальных инструментов была обнаружена рядом с основной постройкой К27А.

Деревообрабатывающий инструмент представлен крючковидным резцом с обломанным и загнутым концом. Подобные резцы использовались для обработки объемных изделий и могли использоваться как для работы на токарном станке, так и для вырезания внутренних выемов при производстве чаш, ковшей, ложек и пр. (Колчин, 1959. С. 42; Сингх, 2015. С. 207).

Из *крепежных средств* н железные гвозди (12 экз.) и скобы (2 экз.)

Запорные системы

К ним относятся кубический навесной замок типа А с Т-образной прорезью, довольно редко встречающийся в ранних слоях Новгорода (Кудрявцев, 2014. С. 79, 82), железный ключ от комбинированного замка первого варианта и две железные личины с прорезями. Одна из них имела ромбовидную форму с Г-образным отверстием, соответствующим форме ключа. Вторая личина напоминает по форме лунницу и была снабжена прямоугольной прорезью, предназначенной для ручки деревянного засова. Подобные личины были обнаружены на двери

X в., происходящей с Троицкого раскопа (Кудрявцев, 2012. С. 241). Возможно, весь комплект с усадьбы «К» принадлежал похожей двери, относящейся к постройке К27А. Выпадение этих предметов в слой соотносится с пожаром конца X в.

Инструменты прядения и ткачества представлены костяными проколками (7 экз.), костяными иглами (2 экз.), веретеном и пряслицами (10 экз.). В составе пряслиц семь битрапециоидных из розового шифера, два битрапециоидных из серого шифера и одно глиняное.

Планиграфия этих предметов в целом аналогична предыдущему периоду. Большинство костяных проколов, а также похожих на них костяных игл сосредоточено рядом с постройкой К27А, преимущественно в южной ее части. Шиферные пряслица в основном располагались вблизи стен сруба К27А, концентрируясь у южной части сооружения и привходного настила. Два пряслица были найдены рядом с постройкой К27Б, остальные располагались на периферии усадьбы вблизи частоколов.

Рыболовный инвентарь, как и на остальных усадьбах, разделяется на две группы: средства крючкового лова и сетевого. К первой группе относятся пять жерличных крючков из можжевельника для насаживания живца и деревянный конусовидный поплавок с небольшой головкой для привязывания. Вторая группа включает в себя три поплавка из разных материалов: дерева, коры и бересты.

Украшения

Стеклянные бусы в слоях последней четверти X в. представлены сравнительно небольшим числом находок. Всего здесь было найдено 24 стеклянные бусины, что является одним из наименьших показателей в сравнении с другими усадьбами.

Среди бус в технике тянутой трубочки без декора встречены лимоновидные желтые двухчастные пронизки (2 экз.) и лимоновидные желтые бусины (4 экз.). К декорированным бусам этой технологической группы относятся двухчастная серебростеклянная пронизка, лимоновидная золотостеклянная бусина и продольно-полосатая бусина молочно-белого стекла с нитями коричневого цвета.

Навитые бусы представлены зонными бусинами синего и голубого цвета (8 экз.), двумя зонными полупрозрачными зелеными бусинами, одной зонной бусиной зеленого непрозрачного стекла и черной зонной бусиной глушеного стекла.

Среди *бус из камня* здесь встречены две зонные янтарные и одна призматическая сердоликовая бусина.

Рассматривая пространственное распределение этой категории предметов, необходимо отметить, что по сравнению с предыдущим периодом акценты в их размещении в слое немного изменились. В основном бусы были обнаружены вблизи построек, гораздо реже они

встречались на территории двора. Довольно высокая концентрация бусин была зафиксирована внутри сруба К27А и рядом со срубом К27Б.

Украшения из цветных металлов представлены всего одним бронзовым узкопластинчатым браслетом с разомкнутыми концами, которые встречается в Новгороде с начала XI в. до середины XIII в. (Седова, 1981. С. 112). По мнению М.В. Седовой данный браслет является наиболее ранним, и она датирует его началом второго тысячелетия. Однако, анализ стратиграфии показывает, что этот предмет залегал под слоем пожара конца X в. или внутри него.

Из *деталей костюма* обнаружены одна железная пряжка, бронзовая пуговица и железная булавка в двух фрагментах.

Предметы личного пользования представлены роговыми (4 экз.) и деревянными (1 экз.) гребнями. Среди односторонних роговых гребней два относятся к типу В3, характерной чертой которого является циркульный орнамент вдоль всей боковой накладки (Ambrosiani, 1981. Р. 81). Тип еще одного одностороннего гребня установить невозможно из-за его плохой сохранности.

На краю усадьбы в слоях, связанных с пожаром, был найден двусторонний костяной гребень типа Л, который был распространен в XI-XII вв. (Колчин, 1982. С. 166). Предмет был использован вторично, одна его половина, содержащая редкие зубья, была срезана, а край закруглен. Еще один найденный здесь двусторонний гребень изготовлен из самшита и относится к типу 1 (Колчин, 1968. С. 84).

Предметы вооружения

Как и в предшествующий период, эта категория предметов, несмотря на свою малочисленность, очень выразительна. В южной части усадьбы был обнаружен листовидный черешковый наконечник сулицы, использовавшийся в качестве метательного копья (Медведев, 1959. С. 128). Как отмечает А.Н. Кирпичников, в эпоху викингов этот вид вооружения не был широко распространен, хотя подобные наконечники встречаются в инвентаре воинских захоронений и среди поселений этого времени (Кирпичников, 1966. С. 23).

Наконечники стрел встречены в двух экземплярах. Один из них ланцетовидный трехгранный, относящийся к типу 75 по А.Ф. Медведеву. Подобные наконечники были обнаружены в основном на памятниках вдоль торговых путей, где наиболее ощутимо присутствие выходцев из Северной Европы, и большинство исследователей связывает происхождение этих предметов со Скандинавией (Медведев, 1966. С. 37; Каинов, 1999. С. 55-61; Носов, Хвоцинская, 2014. С. 49). Второй наконечник, килевидный сплюснутый с шейкой, относится к типу 82 по А.Ф. Медведеву. Оба эти наконечника являются бронебойными, их основной задачей было пробивание защитного снаряжения противника (Медведев, 1966. С. 78). Таким образом, с большой долей вероятности их можно исключить из круга охотничьих стрел.

Кроме того, среди предметов вооружения необходимо отметить находку железного втока – специального наконечника для нижней части древка копья в форме полый втулки со слегка приостренным концом.

К *конскому снаряжению* на территории усадьбы относится только обломок удила, обнаруженный в верхних слоях яруса между постройками К27А и К27Б.

Детали *поясной и уздечной гарнитуры* представлены двумя бронзовыми накладками. Одна из них имела плоскую сердцевидную форму с тремя шпеньками для крепления и была украшена на лицевой стороне растительным орнаментом в виде симметричных побегов «усиков» (класс XXVIII по В.В. Мурашевой). Аналогичные поясные накладки были обнаружены в Гнездово, в Тимирево, во Владимирских курганах (Мурашева, 2000. С. 45-46, рис. 62, с. 116), в Суздальском Ополе (Зайцева, 2014. С. 163), в Мининском археологическом комплексе (Захаров, 2008. С. 90), а также в могильниках Мордовии и Прикамья (Истомина, 1999. С. 94; Ястребов, 1893. Таб. VI, 15; VIII, 13).

Вторая накладка имела выпуклую форму, была снабжена четырьмя шпеньками для крепления и украшена рельефным изображением медвежьей морды, выполненным в стиле Борре. По мнению В.В. Новикова данный предмет принадлежит конскому оголовью скандинавского облика и имеет аналогии среди памятников Норвегии и Швеции (Новиков, 2009. С. 120). На территории Восточной Европы идентичные вещи обнаружены в верховье Мологи и в Суздальском Ополе (Исланова, Крымов, Романов, 2005. С. 75-76, рис. 3, 1; Зайцева, 2014. С. 367, рис. 2, 17).

В пространственном отношении предметы вооружения, конского снаряжения и ременной гарнитуры принадлежат в основном к постройке К27А. Из этого комплекса выпадает только наконечник сулицы, обнаруженный вместе со скоплением жерличных крючков к югу от постройки К27Б.

Инструменты для взвешивания и нумизматика

К данной группе предметов на усадьбе «К» относятся обломок чаши весов, найденный рядом с сооружением К27Б, и фальшивый дирхем, имитирующий серебряную саманидскую монету 921/922 г. (Гомзин, Гайдуков, 2019. С. 405).

Среди *деталей транспортных средств* преобладают изделия, характеризующие *водные средства передвижения*. К их числу относятся две деревянные уключины, одна из которых, типа А201 по Г.Е. Дубровину с парой крепежных выемок, использовалась в малых судах наподобие лодок-однодревков (Дубровин, 2000. С. 70, 112). Также здесь были найдены судовой кляп для крепления канатов и деревянное весло.

Из деталей *сухопутного транспорта* найден только санный копыл.

К *детским игрушкам* на усадьбе принадлежат деревянный волчок, деревянная фигурка, точеный шар, игрушечный лук и две игрушечные стрелы. По сравнению с предыдущим периодом число находок этой группы возросло.

Настольные игры представлены роговой игральной шашкой полусферической формы, предназначенной для настольной игры в hnefatafl («тавлеи»), распространенной в эпоху викингов в Северной Европе и на Британских островах. На территории Древней Руси подобные шашки встречены на памятниках вдоль торговых путей, связанных со скандинавским присутствием (Корзухина, 1963. С. 85-91; Рыбина, Хвощинская, 2010. С. 75).

К *элементам интерьера* на усадьбе «К» относится только деревянный подвесной крюк и резная мебельная балясина, найденная рядом со срубом К27А.

Различные предметы из дерева включают деревянные поделки неизвестного назначения (25 экз.), наверхия (3 экз.) и заготовку подпятника.

Различные предметы из кости представлены двумя накладками, одна из которых была сделана из футляра гребня и имела два отверстия на концах, а вторая была подтреугольной формы, с многочисленными отверстиями по всей своей поверхности.

К *различным предметам из металла* относятся железные пластины (6 экз.), железные стержни (5 экз.) и предметы неизвестного назначения (3 экз.).

Среди *прочих находок* на усадьбе найдены обрывки войлока (2 экз.), обрывки ткани (5 экз.), кусочек воска, кусочек слюды, опиленный рог и раковина каури.

5.1.3 Общая характеристика усадьбы «К» в последней четверти X в.

В последней четверти X в. застройка на усадьбе сменяется. Оформляются границы владения, вместо сооружений предыдущего яруса появляются две крупные постройки, расположенные в южной части усадьбы. Первая из них К27А представляла собой большой сруб на фундаментной площадке, с отопительным устройством в центральной части помещения. Снаружи к дому примыкала привходная конструкция, в виде крыльца-площадки. Со срубом К27А связано наибольшее количество находок, связанных с этим ярусом усадьбы. Внутри здания были обнаружены обломки деревянной посуды и домашней утвари, ножи, шилья, железные стрелы, различные бусины и костяные проколки. На территории двора рядом с постройкой найдены шиферные пряслица, различный хозяйственный инвентарь, деревянные поделки и прочие предметы. Структура распределения вещевого комплекса сопоставима со срубом К28А, что свидетельствует о жилом назначении постройки К27А.

В юго-восточной части усадьбы располагалось второе сооружение К27Б, представлявшее собой четырехстенный сруб на фундаментной площадке. Вопрос наличия отопительного устройства в этой постройке остается невыясненным, хотя внутри были обнаружены небольшие скопления камней. С этим сооружением практически не связано

никаких находок, здесь были найдены только несколько бусин, железных гвоздей, два скопления рыбьей чешуи и ручка ножа с изображением рыбы. Судя по всему, данная постройка имела хозяйственное назначение.

В северной части усадьбы деревянные конструкции отсутствовали, и эта территория полностью была занята двором. Здесь находки распределялись равномерно, в их числе обнаружен многообразный хозяйственный инвентарь, стеклянные бусы, обрывки ткани, детали транспортных средств, деревянные поделки, поплавки и прочие предметы.

Характер вещевой коллекции в целом свидетельствует о неизменности образа жизни владельцев усадьбы по сравнению с предыдущим периодом. По-прежнему встречаются предметы вооружения, дополняющие картину воинского снаряжения предшествующего яруса. Появляются детали ременной и уздечной гарнитуры, а также новые элементы конского снаряжения. Также с этим периодом связаны находки скандинавского круга древностей, представленные трехгранным ланцетовидным наконечником стрелы, поясной накладкой в стиле Борре и роговой игровой шашкой для игры в hnefatafl, но при этом исчезают импорты из других регионов.

Характер ремесленной деятельности также остался неизменным. Жители усадьбы занимались резьбой по дереву, обработкой льна, прядением и ткачеством. Пространственное распределение этих вещей по территории усадьбы также остается неизменным.

Находки, отражающие особенности питания также в целом совпадают с предыдущим периодом, по-прежнему свою значимость сохраняет рыбная ловля сетями и на жерлицу. Сельскохозяйственный инвентарь отсутствует, он появится на усадьбе только в слоях после пожара конца X в.

Комплекс транспортных средств представлен в основном находками водных средств передвижения, относящимися к малым речным судам. Значительно меньше по сравнению с предыдущим ярусом встречено санных копылов.

В целом можно заключить, что на протяжении второй половины X в. усадьба принадлежала одной семье из нескольких человек. Перемена застройки в 70-е гг. X в. никак не изменила структуру хозяйственной деятельности, что свидетельствует о неизменном владении этой территорией одной семьей. Хозяин усадьбы имел отношение к воинскому делу, и, вероятно, имел контакты с выходцами из Северной Европы, о чем свидетельствует самое большое скопление предметов скандинавского круга древностей на Неревском раскопе.

В конце X в. усадьба подверглась большому пожару, который имел общегородской характер и был прослежен на разных участках Неревского раскопа. С этим пожаром связан обширный, но не очень мощный угольный слой, перекрывающий постройки последней четверти X в., при этом обгоревших деревянных конструкций зафиксировано не было, что

свидетельствует о разборке и вторичном использовании обгоревших сооружений и выравнивании пепелища под дальнейшую застройку. По этой причине выделение отдельно комплекса предметов, связанных с пожаром, невозможно и они рассматриваются в совокупности с вещами предшествующего десятилетия. Вероятно, данный пожар является отражением драматических событий конца столетия, связанных с крещением Новгорода.

5.2 Усадьба «И» в последней четверти X в.

5.2.1 Застройка усадьбы «И»

В 70-е гг. X в. планировка усадьбы «И» подвергается определенным изменениям. Западная граница участка, как и в предыдущий период, не прослеживается четко и реконструируется по ряду материковых ям и зоне с небольшим числом находок между владениями «И» и «И-1». Южная граница смещается на 0,5 м к югу. Трасса частотола 70-90-х гг. перекрывает сруб И28В и сама перекрывается постройками последующего яруса (Рис. 40-41).

В последней четверти X в. на усадьбе «И» находилось четыре постройки. От сруба И27А, располагавшегося в северо-восточной части двора, были обнаружены только остатки привходного сооружения, представленного двумя перпендикулярно расположенным бревнами, одно из которых сместилось на 0,6 м к востоку и перекрывало стены сруба И28А. Других конструктивных элементов этой постройки обнаружено не было, но можно предполагать, что сруб И27А был возведен поверх сруба предшествующего яруса приблизительно в тех же размерах, но был впоследствии разобран. По-видимому, в этом ярусе застройки данное сооружение также играло основную роль на усадьбе.

В нескольких метрах к западу от постройки И27А находилась постройка И27Г размерами 5,5 × 4,5 м. От нее сохранились северная, восточная и южная стенки на два венца, но верхний венец практически сгнил. При этом концы нижних бревен, с вырезами на краях для удобства сплава по рекам, выпущены на 0,6 м (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 91). Внутри постройки в южной ее части были зафиксированы доски пола, столбы опечка и развал обожженных камней от печи, располагавшейся в юго-восточном углу дома.¹² На стенах отмечены следы пребывания в пожаре (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 92).

К южной стене перпендикулярно примыкали два бревна длиной 4,2 и 1,5 м, уложенные на расстоянии около двух метров друг от друга. Предположительно, они могли являться остатками какого-то разобранного дворового мощения. В одном метре от восточной стены находился небольшой настил, представленный двумя досками длиной 2,5 м, опирающимися на лаги длиной около 0,7 м. С запада этот настил ограничивается двумя столбами, маркирующими,

¹² Полевой дневник XXII раскопа, пласт. 27

вероятно крыльцо дома. Таким образом, можно предположить, что вся эта конструкция обозначает вход в постройку И27Г.

Также в двух метрах от северо-восточного угла сруба был зафиксирован небольшой фрагмент настила, указывающего въезд на усадьбу, который своим направлением продолжал вымостку предыдущего яруса. С запада к этому настилу примыкал небольшой часток из тонких бревнышек, сохранившийся на 1,5 м в длину.

В западной части усадьбы на расстоянии 10,5 м к юго-западу от постройки И27А находился сруб И27Б, который располагался поверх сруба И28Б с небольшим смещением к западу. Он довольно хорошо сохранился, от него были зафиксированы все стены и некоторые отдельно лежащие короткие бревна внутри помещения. Следов отопительного устройства не обнаружено. Размеры данного сруба составляли $4,2 \times 4$ м.

В южной части усадьбы поверх большой ямы предыдущего яруса была воздвигнута постройка И27В. Она имела довольно плохую сохранность и пострадала во время пожара. Сооружение представлено бревном южной стены длиной 5 м, бревном северной стены длиной 5,3 м,¹³ подкладками под угол восточной стены, и отдельными досками и столбами внутри сруба. Также к западу неподалеку от этих конструкций находились вытянутые с севера на юг фрагменты бревен, которые могут являться остатками западной стены. Заполнение постройки составлял угольный слой с отдельными включениями обожженной и необожженной глины и камней (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 216, 217).

5.2.2 Материальная культура усадьбы «И» (Рис. 44-46)

Домашняя утварь

Столовая посуда включает в себя находки двух резных чаш, четырех ложек и ручки от ложки. Одна из чаш, обнаруженная в яме на окраине усадьбы, имела ажурно орнаментированную рукоять и была расколота пополам. Вторая чаша неустановленного типа была найдена на стыке ярусов, поэтому ее стратиграфическую привязку установить трудно. Она была уже учтена при описании предыдущего яруса. Среди ложек форму можно установить для одной, имеющей крутой перегиб от рукояти к лопасти.

К *кухонной утвари* относятся две мутовки и две деревянные лопаточки, обнаруженные в одном квадрате.

Берестяная тара представлена тремя днищами туесов.

Бондарная тара включает находки двух деревянных днищ и обруч для стяжки клепок.

Пространственное распределение предметов домашней утвари демонстрирует следующую картину. За исключением двух чаш, найденных на периферии в западной части усадьбы, практически все вещи данной категории концентрируются на участке двора между

¹³ В тексте отчета отсутствует описание этой стены, но оно присутствует на чертеже 26 пласта XXIII раскопа.

хозяйственными постройками И27Б и И27В, что может свидетельствовать об условиях использования этих сооружений. В северной части усадьбы, где находился сруб с печью в углу И27Г и И27А, не было найдено ни одного предмета домашней утвари, кроме деревянной ложки.

Хозяйственный инвентарь

К универсальным орудиям труда из дерева относятся деревянный чекмарь, валец, и деревянный клин.

Инструменты обработки зерна представлены деревянным пестом, необходимым для переработки зерна в крупу или толчения льна (Колчин, 1968. С. 48-49) и мельничным подшипником.

К орудиям обработки прядильных растений принадлежит только деревянное трепало.

Универсальные железные предметы хозяйственного назначения представлены железной заклепанной обоймицей с кольцом и отдельным железным кольцом.

На территории усадьбы хозяйственный инвентарь был обнаружен в основном рядом с постройками, преимущественно с сооружением И27В.

Универсальный инструмент

Данная категория включает типичный набор предметов, который в целом идентичен коллекции предыдущего яруса. *Нож* (4 экз.) относятся к группе IV (Минасян, 1980. С. 70). На одном из них сохранилась деревянная рукоять. Также здесь были найдены железные *шилья* (3 экз.), железные пружинные *ножницы* и деревянная рукоять от какого-то втульчатого орудия. Среди *приспособлений для заточки* встречены три точильных бруска и два обломка призматических оселков без отверстий для подвешивания.

Характер пространственного распределения универсальных инструментов по сравнению с предыдущим периодом практически не изменился. В основном они были сосредоточены в хозяйственной части усадьбы на территории двора между постройками И27Б и И27В.

Крепежи

Из крепежных средств обнаружено 12 кованых гвоздей и две железные скобы. Пространственное распределение этой группы предметов в целом идентично предыдущему ярусу. В основном они были найдены в центральной части владения между постройками И27А и И27Б, несколько гвоздей было зафиксировано рядом со срубом И27Г.

Запорные системы представлены одним ключом от цилиндрического навесного замка, относящегося к типу А (по Б.А. Колчину), распространенному в X – первой половине XIII в. (Кудрявцев, 2012. С. 121). Ключ был найден внутри хозяйственной постройки И27Б.

Охотничий инвентарь

Из предметов, характеризующих охотничий промысел, в этом ярусе были найдены обломок древка стрелы с вырезанным уступом для крепления наконечника и заготовка рогового томара. Также, вероятно, в качестве охотничьего может рассматриваться наконечник деревянной стрелы с массивным навершием и толстым древком, найденный внутри сруба И27А.

Рыболовный инвентарь

Орудия рыбной ловли в слое этого яруса представлены немногочисленно. Здесь находки четырех галечных грузил, три из которых были обнаружены в ямах на западной окраине усадьбы, одно располагалось рядом со срубом И27А. Также на территории двора был обнаружен зуб железной остроги, относящейся к колющим орудиям лова и использовавшейся для ловли речной и озерной рыбы. (Куза, 2016. С. 58).

Инструменты прядения и ткачества

К ним относятся пять пряслиц, четыре из которых были сделаны из розового шифера и имели битрапециодную (3 экз.) и боченковидную (1 экз.) формы. Одно пряслице было изготовлено из глины на гончарном круге (тип 7 по А. фон Мюллер) (von Müller-Muci, 1989. S. 25-28).

«Классических» костяных проколов на усадьбе найдено шесть штук. Их распространение в целом совпадает с распространением в предыдущем ярусе: большая часть этих находок найдена на окраине владения и не связана с сооружениями.

Шиферные пряслица демонстрируют иную картину. Три пряслица были обнаружены в пределах одного квадрата в северной части постройки И27Г и, по-видимому, маркируют место изготовления пряжи. Отметим, что пряслица были найдены в этом же районе в предыдущем ярусе. Два других пряслица находились в северо-восточной части усадьбы, где располагалась постройка И27А

Литейное дело

Как и в предыдущем ярусе, находки, отражающие эту сферу деятельности, немногочисленны, но представлены в основном целыми формами. Вблизи сруба И27Г был обнаружен небольшой целый тигель высотой 3,6 см и открытая плоскодонная льячка с выраженным носиком для слива. В южной части усадьбы недалеко от постройки И27В находились кусочки керамических шлаков, вероятно, относящихся к тиглям. Предположительно, эти предметы относились к ремесленному комплексу предыдущего яруса.

Также на территории двора были встречены отдельные предметы, являвшиеся, по-видимому, сырьем для ювелирного производства. К их числу относятся обломки проволоки из цветного металла диаметром 0,5 – 1 мм (5 экз.), небольшой обломок изделия из свинцового (?) сплава и вытянутая металлическая пластина (Рындина, 1963. С. 207-209).

Украшения

Среди *стеклянных бусин* наибольшее число составляли изделия в технике тянутой трубочки (23 экз.), составляющие 71% от общего числа бус в этом ярусе. В их числе преобладали лимоновидные желтые двухчастные пронизки (9 экз.) и лимоновидные желтые одночастные бусы (9 экз.). В единичном экземпляре встречены одночастная лимоновидная синего полупрозрачного стекла, двухчастная золотостеклянная пронизка и одночастная золотостеклянная бусина. Из прочих бус данной технологической группы здесь были обнаружены ребристая эллипсоидная бусина из непрозрачного стекла желтого цвета и тянутая из трубочки двухслойная бусина округло-цилиндрической формы, покрытая непрозрачным стеклом травянисто-зеленого цвета и продольными черными полосами. Точно такие же бусины были встречены здесь и в предыдущем ярусе. В распространении бус данной технологической группы наблюдается та же тенденция, которая была прослежена и для других усадеб этого времени: к концу X в. доля многочастных пронизок снижается по сравнению с серединой столетия и составляет всего 43%, в то время как процент одночастных бусин возрастает (57%).

Навитых бусин было найдено всего 8 экземпляров, относящихся к разнообразным типам.

Среди бус без декора по сравнению с предыдущим периодом совсем незначительно представлены зонные навитые бусины из синего прозрачного и полупрозрачного стекла (2 экз.). Одна бусина округлой зонной формы была сделана из заглушенного стекла синего цвета и сопровождается очень тонким каналом для нити диаметром около 0,5 мм. Еще одна зонная бусина была изготовлена из пасты (?) зелено-коричневого цвета и, возможно, была выполнена в технике прессования. Точных аналогий ей на территории Древней Руси обнаружить не удалось. Кроме того, здесь была найдена пятигранная навитая призматическая бусина синего прозрачного стекла, также являющаяся редкой для территории Восточной Европы (Доброва, 2018а, С. 38).

В слое 70-90-х гг. были зафиксированы и некоторые декорированные навитые бусы. *Глазчатые бусины* встречены в количестве трех экземпляров. Одна из них короткоцилиндрическая желтого непрозрачного стекла с тремя черными глазками. Вторая имела треугольную форму со скругленными углами, была изготовлена из голубого непрозрачного стекла и на гранях «треугольника» украшена крупными глазками коричневого стекла. Третья бусина черного цвета имела неправильно цилиндрическую форму и была декорирована реснитчатыми глазками из стекла голубого, белого и красного цветов, заключенными в петли молочно-белого стекла. Аналогичные бусины были найдены здесь в слое предыдущего яруса.

Помимо глазчатых бус обнаружена половина цилиндрической бусины желтого непрозрачного стекла, которая была обернута волнистой нитью темно-коричневого стекла по

центру и прямыми нитями того же стекла по краям. На территории Древней Руси такие бусы встречаются нечасто. По типологии Ю. Кальмера они относятся к группе Вс и по форме и декору (но не по цвету) наиболее близки типам В308О, В021О. В Скандинавии бусы этой группы были распространены во второй половине IX – первой половине X в. и во второй половине X в. встречаются значительно реже (Callmer, 1977. Р. 82-83). По всей видимости, попадание данной бусины в ярус 70-90-х гг. следует рассматривать как пережиточное явление.

Глиняные бусы представлены всего одной находкой зонной бусины, которая была обнаружена в комплексе со стеклянными бусинами в постройке И27Г.

Стеклянные перстни встречаются в раннее время довольно редко. На усадьбе «И» был обнаружен один обломок прозрачного гладкого плоско-выпуклого перстня голубого цвета (отдел II, тип 1 по Ю.Л. Щаповой), который был изготовлен из «содового» Na-Ca-Si стекла (Щапова, 1963 С. 107, 109, 111. Таб. 3). Исследования Ю.Л. Щаповой показали, что такой состав является отличительной чертой византийской школы стеклоделия и предметы, выполненные в рамках данной технологии, встречаются на территории Древней Руси с X по XII вв (Щапова, 1963. С. 131). Вероятно, находку этого перстня следует рассматривать как византийский импорт.

На территории усадьбы украшения из стекла распределены очень неравномерно. Основная их часть приходится на постройку И27Г, где внутри было обнаружено 25 разнообразных бусин, большинство которых относится к желтым бусинам в технике тянутой трубочки. Отметим, что к этому же комплексу может принадлежать часть стеклянных украшений, формально отнесенных к предыдущему ярусу, о чем было сказано выше.

С остальными сооружениями бусы практически не связаны, что сильно отличается от распределения бус в предшествующий период. Внутри сруба И27А найдено всего два предмета этой группы и столько же их было обнаружено в постройке И27Б. На территории двора бусы встречаются по отдельности, не образуя скоплений.

Украшения из цветного металла

К ним относятся два бронзовых браслета. Один из них являлся витым и был изготовлен из трех перекрученных между собой проволок круглого сечения. К сожалению, концы браслета были обломаны, поэтому достоверно определить его тип не представляется возможным. Однако, с наибольшей вероятностью он относился к петлеконечным браслетам, широко распространенным на территории Древней Руси в XI – XIV вв. Этот тип браслетов был одним из наиболее популярных в Новгороде (Левашева, 1967. С. 222-224; Седова, 1981. С. 94-96).

Второй браслет – пластинчатый с сужающимися концами (Седова, 1981. С. 103, 110). Он был изготовлен из тонкой ковanej латунной пластины, а его поверхность была украшена т.н.

«волчьим зубом», орнаментом из двух линий треугольников вдоль краев изделия. Обнаружен данный предмет внутри сруба И27Г.

Детали костюма

Основную часть предметов этой функциональной группы составляют подковообразные фибулы из железа и цветного металла. В северо-западной части усадьбы внутри сруба И27Г были обнаружены две подковообразные спиралеконечные фибулы. Одна из них была изготовлена из латунного дрота ромбовидного сечения (Коновалов, 2008. С. 67) и имела диаметр 2,9 см. Эта застежка относится к наиболее распространенному в данном регионе типу, и подобная ей уже была описана в предыдущем ярусе. Вторая фибула была сделана из железа, имела дугу прямоугольного сечения и загнутые в один оборот концы. Близкие ей по форме фибулы отмечены в Тимерево, Владимирских курганах, Мининском комплексе, на территории Финляндии и в Скандинавии (Мальм, 1967. С. 155; Захаров, Адаменко, 2008. С. 48-49). Еще одна целая железная спиралеконечная фибула диаметром около 4 см с кованной дугой овального (шестигранного?) сечения была найдена в юго-западной части двора недалеко от сруба И27Б.

Кроме спиралеконечных застежек внутри постройки И27Г были обнаружены дуга и игла от довольно грубо отлитой подковообразной фибулы с гвоздевидными (воронкообразными) головками, поверхность которой была покрыта едва различимым орнаментом. Застежки такого типа известны в X-XI вв. на территории лесной зоны Восточной Европы, в Швеции, на Готланде, в Финляндии и Прибалтике. Таким образом, их ареал в значительной степени совпадает со спиралеконечными фибулами. В.А. Мальм полагала, что распространение фибул с гвоздевидными головками началось с восточного побережья Балтийского моря, откуда они впоследствии попали на территорию Руси, в Скандинавию и Финляндию (Мальм, 1967. С. 162-163).

К югу от сруба И27А был найден бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью. Такие бубенчики использовались в составе ожерелий, нагрудных или поясных комплектов и были известны в X – середине XII вв. на Северо-Западе, Северо-Востоке Руси, в зоне расселения финно-угорских племен и в Смоленском Поднепровье (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136; Поветкин, 2009. С. 79; Седова, 1981. С. 156).

В яме к западу от сруба И27Г обнаружен трапециевидный свинцовый грузик, использовавшийся в качестве застежки верхней одежды (Седова, 1981. С. 156-158).

Предметы личного пользования

Эти предметы представлены деревянными двусторонними гребнями (2 экз.), роговыми футлярами от односторонних расчесок и их обломками (3 экз.).

Футляры гребней различаются между собой по способу орнаментации. Один из них украшен вертикальными линиями на концах и горизонтальными полосами на краю боковой накладки. Второй имеет также вертикальные линии на краях, но центральная часть накладки декорирована циркульным орнаментом из шести кружков, расположенных вокруг седьмого. Третий футляр, от которого сохранился только один обломок, был орнаментирован заключенной в ограничительный ряд композицией из вертикальных линий на краях боковой накладки и нескольких концентрических кружков, расположенных в ряд вдоль края боковой накладки (вид I Б по О.А. Кондратьевой) (Кондратьева, 1995. С. 78-79).

По сравнению с предыдущим периодом распределение этих находок на территории усадьбы немного изменилось, в основном они были найдены в южной части владения рядом с постройками И27Б и И27В. У сооружения И27А был найден лишь один футляр.

К *сухопутным средствам передвижения* относятся четыре санных копылов и одна оглобля, компактно сосредоточенные в хозяйственной зоне усадьбы между постройками И27В и И27Б.

Предметы культа

К культовым предметам относится деревянная фигурка длиной 17 см, на одном конце которой вырезана человеческая голова с обозначенными носом (наносником шлема?) и глазами (Колчин, 1971. С. 44). Стилистически это изображение очень близко фигурке из предыдущего яруса и, вероятно, символизирует тот же самое божество. Обнаружен данный предмет внутри сруба И27Г.

Игрушки и настольные игры

В сравнении с предыдущим периодом детские игрушки весьма разнообразны. Здесь был обнаружен обломок детского лука и наконечники стрел (5 экз.), которые, как и в предыдущем ярусе, были сконцентрированы в хозяйственной зоне усадьбы. Также рядом с постройкой И27В был найден обломок рукояти игрушечного меча. Из атрибутов коллективных игр на территории двора между сооружениями И27А и И27В находились три деревянных точеных шара и два деревянных волчка.

Предметы интерьера

В их числе два деревянных подвесных крюка, один из которых располагался рядом со срубом И27Г, а второй – рядом с постройкой И27А.

Различные предметы из дерева

Как и на большинстве усадеб, значительную часть вещей составляют разнообразные деревянные поделки и детали (101 экз.), большинство из которых не сохранились (80 экз.). Среди них отдельно следует выделить обломанный деревянный круг, найденный в яме рядом с постройкой И27Г, у которого в центре находилась выемка с отверстием и несколько круглых

выемок по краю окружности. Фрагмент такого изделия был встречен на усадьбе «К» и на Троицком раскопе, также аналогии ему известны в Сигтуне, Бирке и Ростове (Леонтьев, 1998. С. 142-143, 147-148, рис. 7,9, 12,1; Olsson, 2017. S. 88, fig. 106) .

Различные предметы из кости

Из костяных предметов неясного функционального назначения на усадьбе было обнаружено две проколки. Одна из них представляет собой хорошо заполированный костяной стержень длиной 13 см, один конец которого украшен зооморфным навершием, изображающим в довольно упрощенной форме голову дракона, и сопровождается двумя отверстиями для крепления кольца (Рис. 44, 28). Подобное острие с зооморфным окончанием было найдено в предыдущем ярусе и подробно описано в соответствующем разделе. Стоит только добавить, что по стилистическому оформлению данное острие отражает тенденции, характерные для позднего периода их бытования (Schwarz-Mackensen, 1976. S. 17).

Второй костяной стержень длиной 9 см круглый в сечении, имеет вытянутую конусовидную форму с гладкой поверхностью и аккуратно обработанный ножом острый кончик. Предположительно, выточен на станке. Поскольку данное изделие заметно выбивается из ряда «классических» прокопок, определить его назначение затруднительно, но нельзя при этом исключать, что оно могло использоваться в ткачестве.

Различные предметы из железа

К данной группе вещей относятся железные пластины (5 экз.), стержни (3 экз.), неопределенные предметы (7 экз.) и железная обойма. В основном эти вещи были обнаружены в хозяйственной части усадьбы у построек И27Б, И27В и у мостовой Великой улицы.

Прочие находки

Среди прочего были обнаружены орнаментированная береста, обрывки веревок (16 экз.), которые в отличие от предыдущего яруса не имели четкой локализации и были равномерно распределены по территории двора, раковина каури, кусочек слюды и кусочки воска (7 экз.), сконцентрированные в основном вокруг сруба И27Б.

5.2.3 Общая характеристика усадьбы «И» в последней четверти X в.

По сравнению с предыдущим ярусом застройка усадьбы «И» заметно расширилась. В планировке четко выделяются две зоны: жилая (у улиц) и хозяйственная (на периферии). У перекрестка располагался сруб И27А, который, судя по его размерам, занимал доминирующее положение на усадьбе. В северо-западной части владения возникает сооружение средних размеров И27Г с печью в углу и небольшой привходной конструкцией. С данным срубом соотносится очень большое скопление стеклянных бусин, шиферных пряслиц а также находки фибул. Важно также отметить, что концентрация шиферных пряслиц и бусин была здесь отмечена и в предыдущем ярусе, то есть в слое под срубом, что, очевидно, является следствием

вертикального перемещения культурного слоя. По всей видимости, постройка И27Г являлась жилой и была связана с женской деятельностью.

В западной части двора поверх сооружения И28Б возникает постройка И27Б, с которой связано скопление различных деревянных поделок, обрывков веревок и кусочков воска. Эта постройка сохраняет свою хозяйственную функцию. На южной окраине поверх большой ямы возводится сруб И27В, вокруг и внутри которого встречены различные хозяйственные приспособления, некоторая посуда, детские игрушки, детали транспорта и многочисленные деревянные поделки. По-видимому, это сооружение служило хозяйственным целям.

Большая часть сооружений этого яруса имеет явные следы пребывания в огне или непосредственно перекрыта угольным слоем (И27Б), что является отражением бушевавшего в конце X в. пожара.

В хозяйственной деятельности наблюдается преемственность по отношению к предыдущему периоду. По-прежнему важное место занимала рыбная ловля, охота, обработка льна и изготовление тканей, продолжают встречаться предметы, свидетельствующие о небольшом ювелирном производстве. Однако, в отличие от предшествовавшего яруса, исчезают предметы вооружения и элементы всаднического снаряжения, что может свидетельствовать об определенных перестройках в деятельности владельцев усадеб.

5.3 Усадьба «И-2» в последней четверти X в.

5.3.1 Застройка усадьбы «И-2»

Как было отмечено выше, ограда, разделяющая усадьбы «И» и «И-2», смещается по сравнению с предыдущим периодом на полметра к югу и в это время ее удастся проследить на большом протяжении на запад практически до границ Неревского раскопа. Вместе с тем на расстоянии 22 м от Великой улицы формируется западный край усадьбы «И-2», который был зафиксирован только в слоях конца X – начала XI вв. Как и в предшествующий период, все ограждения имели форму плетня (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1940. Л. 299-300).

На усадьбе «И-2» в слое последней четверти X в. зафиксирована только одна постройка И27Д, которая располагалась в северо-западном углу усадьбы (Рис. 40-41). От нее сохранились северная (на высоту двух венцов) и восточная стены на длину 4 м, а также подкладки под северную стену и некоторые отдельные бревна внутри помещения. Отопительное сооружение не обнаружено. Все остатки постройки имели на себе следы воздействия пожара (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1802. Л. 261).

5.3.2. Материальная культура усадьбы «И-2» (Рис. 47)

Домашняя утварь

В северной части усадьбы было найдено небольшое число предметов, относящихся к домашней утвари. Из *столовой посуды* здесь были обнаружены деревянная резная чаша

(Колчин, 1968. С. 46), обломок чаши, точеная миска и деревянная ложка. *Кухонные принадлежности* представлены железной сковородой и мутовкой. Также здесь был встречен обломок небольшого деревянного пенала, предназначенного, по-видимому, для хранения каких-то мелких вещей.

Все предметы, характеризующие домашнюю утварь, сосредоточены в северо-восточной части усадьбы, в зоне, где не было построек. Только один обломок чаши был найден рядом с постройкой И27Д.

Хозяйственный инвентарь

Из деталей *бондарной тары* здесь было обнаружено два деревянных дна и железная дужка ведра.

Орудия труда из дерева представлены находками чекмаря, клина и деревянной лопаты, относящейся по типологии Б.А. Колчина к землеройным (Колчин, 1968. С. 17). Также здесь было найдено одно трепало для обработки льна.

Большая часть этих предметов была сосредоточена в северо-восточной части усадьбы, где не находилось сооружений. Рядом с постройкой И27Д были обнаружены только трепало и дужка ведра.

Универсальный инструмент

Как и в предыдущем ярусе, эта группа предметов немногочисленна. Здесь обнаружены железный нож, пружинные ножницы с одним обломанным лезвием, точильный брусок и обломок сланцевого оселка. На территории усадьбы эти вещи найдены разрозненно в разных частях двора и не образуют скоплений.

Крепежи

Всего в северной части усадьбы из крепежных средств было найдено три кованых железных гвоздя, которые были расположены в разных концах двора и не были связаны с сооружениями.

Запорные системы

Ключи и детали замков на территории усадьбы И-2 представлены всего двумя находками. В северо-восточной части двора в одном квадрате были обнаружены железный ключ с квадратной лопастью типа А (по Б.А. Колчину), характерный для раннего Новгорода, и целая железная пружина от замка комбинированного типа (Колчин, 1959. С. 89-91).

Рыболовный инвентарь

К этой группе относится скопление из семи галечных грузил, обнаруженных в яме в северо-восточной части усадьбы. По-видимому, все они принадлежали одной рыболовной сети.

Инструменты прядения и ткачества

Эта группа представлена двумя шиферными биконическими пряслицами и четырьмя костяными проколками. Шиферные пряслица были обнаружены на территории двора в северной части усадьбы. Костяные проколки также не связываются с сооружениями и располагаются в разных концах владения.

Литейное дело

Комплекс предметов, свидетельствующих о выплавке цветного металла, в отложениях последней четверти X в. весьма представительен. К нему относятся обломки стенок и венчиков цилиндрических и конусовидных тиглей (6 экз.), кусочек керамического шлака, один целый цилиндрический тигель высотой 7,3 см, глиняная плоскодонная льячка, два целых закрытых тигля с треугольным дном, короткой ручкой и боковой щелью для загрузки металла, а также два обломка ручек от закрытых тиглей. Емкости такого типа были одноразовыми и применялись в ювелирном деле при работе с драгоценными металлами: мелкие обрезки металла загружались в боковую щель тигля, где они надежно хранились до заполнения сосуда и последующей переплавки (Ениосова, 1999. С. 58-59; Ениосова, Ререн, 2011. С. 248-249).

Территориально все эти предметы компактно сконцентрированы в северо-восточной части усадьбы и маркируют производственную зону, очевидно, связанную с ювелирным делом. Кроме того, отдельные обломки тиглей и использованный закрытый тигель с боковым отверстием были обнаружены в заполнении прилегающей к этому участку мостовой Великой улицы.

Украшения из стекла и камня

На исследованной части усадьбы было обнаружено восемь бусин и одна рубленая бисерина, изготовленные в технике тянутой трубочки. Одноцветные бусины представлены двумя трехчастными лимоновидными пронизками желтого стекла и четырьмя желтыми одночастными лимоновидными бусинами. Из полихромных бус здесь были встречены двухчастная продольно-полосатая пронизка с основой желтого цвета и наложенными нитями красного стекла и еще одна одночастная бусина такой же расцветки.

На территории усадьбы украшения из стекла сосредоточились в северо-западной части владения в районе постройки И27Д.

Вооружение

Предметы вооружения на усадьбе «И-2» представлены только орудиями дальнего боя. В северо-западной части владения рядом с постройкой И27Д был обнаружен железный ланцетовидный наконечник стрелы, относящийся к типу 62 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 73-74). В восточной части усадьбы была найдена костяная накладка со скругленным краем и двумя отверстиями на конце (Рис. 47, 8), которая являлась «застежкой» мягкого налуча, применявшегося для хранения лука в расслабленном состоянии (Mikhailov, Kainov, 2011. Р.

236-237). Накладки такой формы в основном известны на территории Среднедунайской низменности и в зонах распространения венгерской материальной культуры (Laszlo, 1955. P. 112, fig. 16, 115, fig. 18). В Древней Руси подобные предметы были встречены в Черниговских курганах и погребениях Шестовицкого археологического комплекса (Бліфельд, 1977. С. 220, таб. XXXI, 1-2).

К деталям *сухопутного транспорта* относится один санный копыл, обнаруженный между западным частоколом и сооружением И27Д.

Игрушки представлены обломком рукояти игрушечного меча с вырезанным подтреугольными навершием и обломком деревянной стрелы от детского лука.

Различные предметы из дерева

Разнообразных деревянных поделок и деталей на территории усадьбы встречено одиннадцать штук. Также здесь найдено одно деревянное навершие, два подпятника, деревянная балясина и обломанный с одного конца линзовидный предмет с прорезным орнаментом (Колчин, 1971. С. 20), который предположительно мог быть рукоятью ложки или приспособлением для продевания нитей утка в ткацком станке. Подобный орнамент известен на одной деревянной поделке из Сигтуны и довольно широко встречается в скандинавской этнографии на ткацких челноках.

Различные предметы из железа

В эту группу включены две железные пластины, стержень и ледоходный шип.

Прочие находки

В числе прочего на усадьбе обнаружены обрывки веревок (3 экз.), кусочек воска, слюда и черепок с дегтем

5.3.3 Общая характеристика усадьбы «И-2» в последней четверти X в.

В последней четверти X в. на усадьбе «И-2» произошли некоторые изменения в застройке, выразившиеся в появлении в северо-западной части двора хозяйственной постройки И27Д, уничтоженной впоследствии в пожаре. С этим сооружением связаны находки отдельных стеклянных бусин и предметов хозяйственного назначения, и, возможно, также некоторые бусины, инструменты и шиферные пряслица, обнаруженные на этом же месте в слое, отнесенном к предыдущему ярусу.

В хозяйственном отношении в первую очередь обращает на себя внимание крупнейшее для X в. на Неревском раскопе скопление предметов, связанных с ювелирным производством (тигли, тигли-копилки, чьячки), что позволяет охарактеризовать владельцев этой усадьбы как ювелиров-литейщиков, работавших с драгоценными металлами. Кроме этого, в сферу их деятельности входили рыбная ловля, прядение, ткачество, обработка льна и прочие занятия. Отдельно стоит подчеркнуть появление в это время специфических предметов, связанных с

военным делом, из которых больше всего выделяется костяная накладка на мягкий налуч, аналогии которой чаще всего находятся в степной зоне. Возможно, эта находка является отражением контактов владельцев усадьбы с Южной Русью.

5.4 Усадьба «И-1» в последней четверти X в.

5.4.1 Застройка усадьбы И-1

Усадьба «И-1» располагалась к западу от усадьбы «И» вдоль по Кузьмодемьянской улице. На начальном этапе своего существования ее границы определить затруднительно, поскольку не был обнаружен частокол, ограничивающий эту территорию с востока. Вместе с тем южная граница прослеживается четко по остаткам ограды, отстоящей на 27 м к югу от Кузьмодемьянской улицы и продолжающей линию плетня между усадьбами «И» и «И-2». Ориентировочно площадь усадьбы «И-1» в это время составляла около 500 кв.м.

Застройка этой территории в период ее освоения практически не сохранилась за исключением некоторых отдельных бревен в северной части владения. Однако, рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы и у южной границы участка зафиксировано несколько материковых ям, залегающих под постройками последующего яруса начала XI в. и обозначающих какую-то хозяйственную активность (Рис. 42-43). Также в северной части усадьбы в нижнем пласте отмечено скопление перегоревших камней, оставшихся от отопительного устройства, и ряд отдельных угольных прослоек, которые могли быть как следствием пожара, так и печным выбросом (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1 Ед. хр. 2137. Л. 63-65).

5.4.2 Материальная культура усадьбы «И-1» (Рис. 48)

Домашняя утварь

Из *столовой посуды* здесь были найдены деревянная чаша, резной уполовник, рукоять ковша с зооморфным окончанием, миниатюрная лопаточка, а также две ложки, одна из которых относилась к дорожным, чьей характерной особенностью являлась укороченная ручка (Колчин, 1968. С. 44).

Среди *кухонных принадлежностей* обнаружены только деревянная мутовка и деревянное корыто, использовавшееся для приготовления пищи как для жителей усадьбы, так и для скота.

Также на усадьбе И-1 были найдены пять дниц от берестяных туесов.

Практически все предметы домашней утвари, кроме мутовки и одного берестяного дна, оказались сосредоточены в северной части усадьбы недалеко от мостовой. Несмотря на то, что построек, связанных с этим ярусом, обнаружено не было, такая плотная концентрация вещей этой категории в большей степени характерна для жилой зоны усадьбы.

Хозяйственный инвентарь

Из деревянных орудий труда обнаружены чекмари (3 экз.), деревянная конопатка, лопата и трепало. Кроме того, на территории двора были встречены два каменных жернова для изготовления муки.

Большая часть этих предметов находилась в северной части усадьбы рядом с мостовой и их пространственное распределение совпадает с концентрацией изделий домашней утвари. В средней части двора были найдены только жернова и один чекмарь.

Универсальный инструмент

Данная категория вещей представлена вполне традиционным набором предметов, к которым принадлежат металлические инструменты многофункционального назначения, их детали и средства заточки.

Ножи, найденные на усадьбе И-1 в слое последней четверти X в. в трех экземплярах, относятся к IV группе по Р.С. Минасяну, которая характеризуется выраженным уступом при переходе к черенку и прямой спинкой лезвия. Этот тип является традиционным для Новгорода в рассматриваемую эпоху.

Кроме того, из универсальных инструментов здесь было обнаружено два обломка лезвий от железных пружинных *ножниц* и железное *шило*.

К числу прочих атрибутов этой функциональной группы относятся находки *рукоятей* из дерева и кости, предназначавшихся для крепления черешков орудий (2 экз.), и *приспособлений для заточки*, представленных восемью точильными брусками.

В пространственном распределении этих вещей выделяется две зоны концентрации. Одна зона, включающая в себя находки точильных брусков (4), обломок ножниц, шило и костяную рукоять, находилась в северной части усадьбы у Кузьмодемьянской улицы. Вторая область концентрации располагалась в центре усадьбы и в нее входили все ножи (3), точильные бруски (3), обломок ножниц и рукоять.

Инструменты деревообработки

В северной части усадьбы рядом с мостовой было обнаружено железное долото прямоугольного сечения длиной 12 см. Долота применялись в деревообработке для изготовления различных выемок и пазов в дереве (Колчин, 1959. С. 36-38; Сингх, 2015. С. 203).

Крепежи

Эта категория вещей выражена находками девяти железных гвоздей и одной скобы, которые были обнаружены в разных концах усадьбы. Одна часть этих предметов была сконцентрирована на севере владения рядом с мостовой, другая часть – в южной половине двора.

Запорные системы

В материковой яме в юго-восточной части усадьбы был найден навесной железный замок, относящийся к довольно редкому для Новгорода кубическому замку типа А по Б.А. Колчину (Кудрявцев, 2014. С. 81-82).¹⁴

Охотничий инвентарь

Из предметов этой функциональной группы в северной части усадьбы было найдено древко томара со специальным вырезом для крепления костяного наконечника.

Рыболовный инвентарь

Инструменты рыболовного промысла представлены в основном орудиями сетевой ловли, к которым относятся четыре каменных грузила, деревянная оплетка грузила и полукруглый деревянный поплавок подтреугольного сечения с двумя отверстиями на краях, который применялся в основном в сетях типа неводов (Куза, 2016. С. 75-77; Колчин, 1968. С. 22). Из крючных снастей здесь встречен только один железный крючок от жерлицы, с помощью которого ловили крупную рыбу.

Основная часть рыболовного инвентаря, в которую вошли поплавок, рыболовный крючок и грузила (2), компактно располагалась в северной части усадьбы у Кузьмодемьянской улицы. В средней части двора и на его периферии были встречены еще два грузила и деревянная оплетка.

О значении рыболовного промысла в хозяйстве усадьбы свидетельствуют также многочисленные скопления рыбьих костей и чешуи (8 отмеченных скоплений), которые концентрируются в основном у мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Инструменты ткачества

В их числе шесть классических костяных проколов, расположенных разрозненно в разных частях усадьбы. Важно отметить, что на этой территории не было найдено ни одного пряслица.

В северной части усадьбы были найдены костяная и деревянная иглы с вытянутым овальным ушком на конце. Такие предметы рассматриваются обычно в качестве игл для плетения, с помощью которых можно получать более плотную и тонкую ткань (Szabo et al., 1985. S. 56-58). Вместе с тем данные этнографии свидетельствуют, что иглы подобной формы использовались также для прокалывания рыбьих голов при подготовке к копчению (Bielenstein, 1918. S. 662).

Украшения

Стеклянные бусы представлены 22-мя предметами. Наибольшее число среди них традиционно для этого времени занимают бусы, изготовленные из тянутой трубочки (17 экземпляров или 77% от общего числа бусин данного яруса). В числе недекорированных бус

---

¹⁴ Изображение этого предмета не сохранилось, но на чертеже он назван коробчатым замком

данной технологической группы обнаружены одна трехчастная пронизка желтого непрозрачного стекла, две лимонovidные желтые двухчастные пронизки стекла, и 8 одночастных желтых лимонovidных бусин. Таким образом, среди бус из тянутых трубочек одночастные желтые бусины являются преобладающими в коллекции стеклянных украшений усадьбы «И-1» последней четверти X в., что согласуется с данными, полученными для других владений этого времени. Все бисерины (3 экз.) относятся к типу рубленых и также изготовлены из желтого стекла.

Из декорированных бус в технике тянутой трубочки, встречены двухчастная золотостеклянная пронизка и две продольно-полосатые одночастные бусины с основной из желтого стекла, нитями красного цвета и включениями нитей из белого и черного стекла.

Навитые бусины представлены всего четырьмя находками, которые включают в себя зонные бусины синего и темно-синего полупрозрачного стекла (2 экз.), уплощенно-бочковидную бусину цвета морской волны (1 экз.)¹⁵ и ребристую бусину из синего полупрозрачного стекла (1 экз.).

Тип одной бусины определить не удалось

По территории усадьбы украшения из стекла распространены разрежено и не образуют выраженных скоплений. Немного больше их было найдено в северо-западной части владения рядом с материковыми ямами вблизи Кузьмодемьянской улицы и в центральной части участка.

Украшения из цветного металла

Коллекция украшений из цветного металла, происходящих из наиболее ранних слоев усадьбы И-1, отличается разнообразием представленных предметов. В северной части владения была обнаружена бронзовая привеска, орнаментированная по краю выпуклыми полушариями и ложнозерненными треугольниками, окружающими выпуклое полушарие в центре. Аналогичные предметы были обнаружены в слоях последней четверти X в. на усадьбах «Е» и «Г» (Седова, 1981. С. 37).

В южной части усадьбы была найдена полая птицевидная привеска-амулет без петельки для шумящих лапок (Рис. 48, 19) тип XVIII, вар. 1 по Е.А. Рябинину). Такие изделия получили распространение во второй половине X – первой половине XI вв. на территории Юго-Восточного Приладожья, а также встречаются в Северном Прионежье и Верхнем Прикамье (Рябинин, 1981. С. 35-36).

На территории двора были обнаружены два браслета. Об одном из них информация отсутствует, известно только, что он располагался в юго-западной части усадьбы. Вторым браслет происходит из материковой ямы в юго-восточной части владения, он был сделан из бронзового дрота четырехгранного сечения с суживающимися завязанными концами. Такие

---

¹⁵ Точный тип этой бусины установить не удалось, поскольку сохранился только рисунок в дневнике находок.

браслеты, изготовленные из бронзы и серебра, известны в погребениях и кладах X-XI вв. в Лесной Зоне Восточной Европы (в Гнёздово, Тимерево, во Владимирских курганах) (Авдусина, 2014. С. 98; Фехнер, Недошивина, 1987. С. 80-82; Седова, 1981. С. 94), встречаются также на Готланде (Thunmark-Nylen, 2006. S. 165-168, 178). Также из металлических украшений в южной части двора был встречен бронзовый узкопластинчатый перстень без орнамента (Седова, 1981. С. 131).

Детали костюма и поясной гарнитуры

Фибулы на усадьбе «И-1» представлены в находке целой латунной подковообразной спиралеконечной фибулой с дугой треугольного сечения, происходящей из северной части двора рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы. Данный тип застежек являлся одним из наиболее распространенных на Руси в X-XII вв. (Мальм, 1967. С. 153).

Из деталей поясного набора здесь был найден плоский поясной наконечник с округлым краем, орнаментированный двумя трилистниками в окружении растительных побегов (Рис. 48, 20) класс XII, вид 1Б по В.В. Мурашевой) (Муршева, 2000. С. 64). Идентичный поясной наконечник происходит с Готланда, где он предположительно датируется XI в. (Arne, 1914. P. 130-131, fig. 160).

Также в нижних слоях усадьбы И-1 были найдены две бронзовые спиральные пронизки длиной до 18 см, изготовленные из волоченой проволоки диаметром 0.5 мм. Такие пронизки, представленные, как правило, более короткими фрагментами, встречаются на многих памятниках Северной Руси, Прибалтики и отчасти Скандинавии. Эти изделия предназначались для украшения шнурков, на концах которых крепились различные привески (Захаров, 2004. С. 177; Шнорре, 1957. С. 31-34, 117-120). По материалам погребений Готланда известно, что спиральные пронизки могли также являться частью поясного набора (Thunmark-Nylen, 1992. Abb. 195b; Thunmark-Nylen, 2006. S. 142-143).

Предметы личного пользования

На усадьбе И-1 в слое последней четверти X в. найдено всего два гребня: двусторонний самшитовый, зафиксированный в северной части владения у Кузьмодемьянской улицы, и один односторонний роговой, обнаруженный в центральной части двора. Роговой гребень сохранился не полностью, у него обломаны края, но, по всей видимости, они были орнаментированы несколькими вертикальными линиями. В центральной части предмет украшен рядом концентрических кружков у края накладки, заключенных в ограничительные рамки (вид III по О.А. Кондратьевой) (Кондратьева, 1995. С. 75).

Сухопутный транспорт

К этой функциональной группе относятся только два санных копыла, обнаруженные вместе в одном квадрате в северной части усадьбы.

В нижних слоях усадьбы И-1 обнаружено довольно большое число *детских игрушек*. К их числу принадлежат рукоять детского игрушечного меча, обломок деревянного детского лука, стрела от детского лука и три деревянных точеных шара. Эти вещи встречены как в северной, так и в южной половинах владения.

Из атрибутов *настольных игр* недалеко от мостовой была найдена деревянная игральная кость для стратегической игры «дальдоз» (Гринев, 2018. С. 81-88). Наряду с костью, происходящей с территории усадьбы «Е», этот предмет является одним из наиболее ранних в новгородской коллекции.

Детали интерьера

Как и на других владениях этого времени, данную категорию предметов представляют различные крюки, разделяющиеся здесь на две группы: подвесные и вставные. Подвесных крюков найдено три экземпляра, все они были обнаружены в северной части усадьбы рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы. Вставной крюк встречен в единственном экземпляре и был зафиксирован в центральной части двора. Его особенностью является антропоморфное навершие на конце вешалки в виде маленького человечка с хорошо прочерченными чертами лица.

Различные предметы из дерева

Значительную часть коллекции усадьбы И-1 составляют разнообразные деревянные поделки и детали (37 экз.), равномерно распределенные по территории двора. Большинство этих предметов не сохранилось. Из числа доступных для исследования выделяется г-образная деталь с уплощенным концом на длинной стороне и двумя выжженными отверстиями на короткой.

Различные предметы из железа

В данную категорию включены находки железных пластин (3 экз.), железный стержень и обломки предметов не выясненного назначения (9 экз.). Преимущественно эти вещи были сосредоточены в южной части усадьбы.

Прочие находки

К числу прочих находок на усадьбе относятся обрывки веревок (20 экз.), обнаруженные в разных частях усадьбы, два обрывка ткани, камень с рисунком и кусочек слюды.

5.4.3. Общая характеристика усадьбы И-1 в последней четверти X в.

Несмотря на несохранившуюся застройку усадьбы, имеющиеся свидетельства хозяйственной активности позволяют охарактеризовать планировку этой территории в период ее освоения. В первую очередь обращают на себя внимание две зоны концентрации вещей в северной и южной частях владения, разделенные между собой своеобразным «пустырем», где находок обнаружено значительно меньше. Зафиксированные на участке рядом с мостовой

Кузьмодемьянской улицы отдельные бревна, остатки отопительного устройства, скопление предметов домашней утвари, орудий ткацкого дела, находки универсальных инструментов и проч. позволяют предположить, что в северной части усадьбы находилась основная жилая постройка. Южная часть двора, где была отмечена вторая зона скопления предметов, являлась, по-видимому, хозяйственной, и, возможно, здесь также располагалось какое-то сооружение.

В бытовом плане эта усадьба не имеет особых черт. Ее владельцы занимались рыболовным промыслом, охотой, деревообработкой, обработкой льна и ткачеством. При этом заслуживает внимания полное отсутствие шиферных пряслиц, которые обычно являются неотъемлемой частью хозяйств этого времени. К особенностям усадьбы «И-1» относится яркий комплекс из украшений и деталей костюма, находящийся параллели в Скандинавии и финно-угорской материальной культуре Приладожья. О присутствии здесь детей свидетельствует довольно разнообразный набор игрушек преимущественно имитационного характера.

Говоря о причинах исчезновения древнейшего яруса застройки, трудно сказать, было ли это связано с пожаром конца X в. Отмеченные в нижних пластах угольные прослойки могли отложиться как вследствие катастрофических событий, так и в результате обычной бытовой деятельности.

5.5 Усадьба «Е» в последней четверти X в.

5.5.1 Застройка усадьбы «Е»

В последней четверти X в. в восточной части усадьбы «Е» появляется ограда «в заплот», разделяющая эту территорию на два владения: усадьбу «Е» и усадьбу «Е-1» (Сорокин, 1995. С. 24-25). Конструкция этой ограды довольно оригинальна для средневекового Новгорода. Она представляет собой несколько длинных (до 8,2 м) бревен диаметром 0,18 – 0,20 м, которые были уложены одно за другим, вставлены подтесанными концами в пазы вертикальных столбов, являвшихся опорой ограды, и укреплены по бокам колышками (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 237). Помимо усадьбы «Е» Неревского раскопа, подобная конструкция была встречена в слоях X в. на Троицком раскопе, где она разделяла собой усадьбы «Р» и «И» (Фараджева и др., 2013. С. 131).

В западной части владения располагались две крупные постройки: E27A, сменившая сооружение E28A, и E27Б, возведенная почти у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц (Рис. 49)..

Сохранность сруба E27A довольно плохая, от него зафиксированы только крайние южные бревна (6,8 м), лежащие в два венца, крайнее западное (6,3 м) и восточное (5,5 м) бревно. Все три не имели вырубков на концах и не были соединены друг с другом, исходя из чего, можно предположить, что они относились к обноскам фундаментной площадки.

Внутри этого пространства параллельно крайней восточной обноске находилось еще одно бревно размерами $3,5 \times 0,2$ м. с двумя вырубками на расстоянии 1,6 м. друг от друга. Назначение этих вырубков однозначно установить трудно. С одной стороны, одна из них могла принадлежать южной стене основной камеры, а вторая – переводине пола. С другой стороны, в них могли входить бревна привходной конструкции, как в сооружении VII-25-71 Троицкого раскопа (Фараджева, 2015. С. 127, рис. 2,1). Ввиду того, что сохранилась лишь южная часть постройки, установить ее полные размеры трудно. Предположительно они составляли около 7×7 м., что позволяет относить этот сруб к категории «больших домов» (Фараджева, 2010. С. 182).

Вдоль южной и восточной стены сооружения E27A были проложены две дворовые вымостки. Одна из них длиной 6 м вела от мостовой Великой улицы вглубь усадьбы. Она состояла из брёвен размерами $2,8 \times 0,18 - 0,25$ м, уложенных на две лаги, ориентированных перпендикулярно мостовой, торцы бревен настила вплотную подходили к южной стене постройки E27A. Следов пожара на вымостке не обнаружено (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 84).

В 1,4 м к востоку от постройки E28A проходит другой настил длиной 11,3 м, ориентированный параллельно Великой улице. Способ его сооружения в целом аналогичен: в основании находились два бревна до 6 м длиной и диаметром 20-22 см, поверх которых был уложен настил из плотно подогнанных бревен размерами $2,5 \times 0,12 - 0,15$ м., на многих из которых в нижней части были сделаны вырубki под лаги. Отмечаются следы починки настила, несколько брёвен были во вторичном использовании. Данный настил также не горел (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 85).

К югу от дворовых вымосток находился сруб E27Б, попавший в пределы раскопа лишь частично. Данная постройка была расположена на фундаментной площадке, обозначенной двумя бревнами длиной 8,7 и 3,34 м, которые отстояли на 0,3 м к северу от основной камеры сруба и были связаны в обло в северо-восточном углу (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 83). Н.Н. Фараджева интерпретирует данную конструкцию как обвязку фундаментной площадки (Фараджева, 2010. С. 125).

Сама постройка двухчастная и состоит из основной камеры и привходного сооружения. От основной камеры сохранились полностью северная стена (длиной 7,5 м), западная (4,3 м) и восточная (2 м), южный конец которой уходит за пределы раскопа. О привходной конструкции, относящейся, по-видимому, к сеням открытого типа, можно судить по выпуску северного бревна за пределы восточной стены основной камеры (Фараджева, 2010. С. 125). Аналогичный способ строительства был зафиксирован в постройке конца X в. XI-26-152 Троицкого раскопа (Фараджева, 2015. С. 126). В сооружении E27Б не было обнаружено следов отопительного устройства, однако, нельзя исключать, что оно находилось за пределами раскопа.

В литературе было предложено несколько вариантов интерпретации постройки Е27Б в целом. П.И. Засурцев полагал, что это было двухчастное сооружение, в котором сени отделены врубленной перегородкой (Засурцев, 1963. С. 116). Позже Ю.П. Спегальский рассматривал данный сруб как пятистенник с примыкающей с востока неотапливаемой клетью. Основываясь на том, что расстояние между стеной постройки и дворовой вымосткой было велико, автор поместил в этот промежуток галерею, обращенную к настилу (Спегальский, 1972. С. 184). Эти положения были подвергнуты критике П.И. Засурцевым и В.Л. Яниным в рецензии на монографию Ю.П. Спегальского, в которой авторы пересмотрели конструкцию постройки и описали ее как дом с пристроенными сенями (Засурцев, Янин, 1975. С. 274). Другой вариант интерпретации этой постройки предложила Н.Н. Фараджева. На основании новых данных, полученных в результате дальнейшего изучения Новгорода, она объяснила сруб Е27Б как двухчастную постройку с открытым привходным помещением, пространство которого ограничивали выпуски северной и южной стен (Фараджева, 2010. С. 125).

В северной части усадьбы вблизи мостовой Великой улицы обнаружен развал глинобитной печи и сруб подпечья, составленный из бревен длиной около 2,2 м. Назначение этой конструкции остается невыясненным. Предположительно, это была отдельно стоящая дворовая печь, которые хорошо известны в раннем Новгороде, или остатки разобранной постройки, ориентированной вдоль Великой улицы..

У северной границы усадьбы «Е» находился комплекс из многочисленных ям, перекрывающих друг друга, которые, предположительно служили для добычи глины и использовались затем как мусорные. Также к этому времени можно отнести еще одну яму углубленной конической формы, имевшей хозяйственное значение.

Ближе к концу последней четверти X в. в планировке усадьбы наблюдаются некоторые изменения (Рис. 50). Поверх большой ямы была возведена постройка Б27К (по Б.А. Колчину), представлявшая собой рубленный в обло четырехстенный сруб размерами 4,6 × 5 м. Она сильно пострадала во время пожара, сохранились частично южная и северная стена, обломки западной и восточной стены, а также обгоревшие доски настила пола. Внутри постройки был обнаружен прогар глинобитной печи (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 994. Л. 38-39). Подобные печи круглой формы с поднимающимся вверх бортиком являются характерной особенностью южнорусской домостроительной традиции и встречены в Новгороде впервые (Раппопорт, 1975. С. 50-61).

К юго-западу от сруба Б27К был обнаружен погреб, уходящий в материк, который представлял собой яму четырехугольной формы размерами 1,90 × 1,50 м и глубиной 0,9 м. Дно погреба состояло из четырех досок, прижатых к материковой глине перекладиной из жерди. В середине перекладины было выдолблено отверстие размерами 4 × 4 см., сквозь которое

проходил кол, забитый в материк на 0,3 м. Доски дна не доходили до стенок погребца на 16 – 20 см, что свидетельствует о возможной срубной конструкции внутри ямы (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 994. Л. 41). Заполнение погребца состояло из пожарного слоя, представленного углем, золой и головешками, смешанными с серой глиной и темно-коричневым слоем (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 994. Л. 14).

В южной части усадьбы также были зафиксированы следы пожара, выраженные зольно-угольным слоем, перекрывшим срубы Е27А, Е27Б и дворовые настилы рядом с ними. По всей видимости, в конце X в. здесь, как и на всех соседних усадьбах, имел место большой пожар, уничтоживший застройку.

5.5.2 Материальная культура усадьбы «Е»

Хозяйственно-бытовая деятельность этого периода характеризуется 438-ю находками из различных материалов: дерева, железа, кости, стекла, глины и пр. Рассмотрим их подробнее в рамках функциональных групп (Рис. 52-55).

Домашняя утварь традиционно представлена разнообразным набором предметов, предназначенных для приготовления и потребления пищи, хранения припасов и пр.

Столовая посуда на усадьбе «Е» включает в себя точеные чаши (4 экз.) и точеные мисы (2 экз.), употреблявшиеся в качестве обеденной посуды, резные чаши (2 экз.) и точеную чашу-чарку, которые рассматриваются как посуда для напитков (Колчин, 1968. С. 34, 41, 44), рукояти ковшей (2 экз.) и деревянные резные ложки (8 экз.), большая часть которых принадлежит к ложкам с крутым переходом от лопасти к черенку. Также здесь были встречены три обломка деревянных сосудов, тип которых не был определен, и обломок поливного глиняного сосуда, вероятно имевшего византийское происхождение (Коваль, 2005. С. 163-176).

Среди *кухонного инвентаря* на усадьбе «Е» обнаружены только деревянные мутовки (5 экз.), необходимые для смешивания теста, жидкостей и прочего.

Берестяная тара традиционно представлена днищами берестяных туесов (14 экз.), сосредоточенными в северной части усадьбы рядом с хозяйственными ямами и постройками.

К *бондарной таре* относятся днища бочек (3 экз.), железные дужки ведра (4 экз.) и бондарная крышка, относящейся к третьему типу по Б.А. Колчину, для которого характерны вырезанные выемки для ушек бочки и наличие специального паза для засова (Колчин, 1968. С. 30). Поверхность крышки была украшена плетеным чешуйчатым орнаментом в стиле Борре, который имеет обширные параллели в искусстве Северной Европы и Британских островов (Жилина, 2012. С. 292; Точилова, 2015. С. 265).

Металлические емкости представлены обломком бронзового сосуда и железным ушком котла. Оба предмета не сохранились в коллекции.

В пространственном распределении домашней утвари по территории усадьбы выделяются следующие закономерности. Большая часть столовой посуды была сосредоточена внутри центральной постройки Е27А и в северной части усадьбы рядом с хозяйственными ямами и постройкам. Кухонные принадлежности и детали тары обнаружены в основном в хозяйственной зоне владения на удалении от главных сооружений.

Хозяйственный инвентарь

Универсальные орудия труда из дерева на усадьбе «Е» немногочисленны. К ним относятся чекмарь, деревянная лопата, рукоять лопаты и деревянный клин.

Орудия зернообработки представлены тремя каменными жерновами, которые были компактно сосредоточены в зоне между срубом Е27А и оградой «в заплот».

Кресала представлены двумя кресалами калачевидной формы.

К числу *универсальных железных предметов хозяйственного назначения* принадлежат железное кольцо и кольцо с пробоем.

Сельскохозяйственный инвентарь

Пахотные орудия. На усадьбе «Е» представлена самая большая коллекция пахотных орудий среди всех владений Неревского конца X в. Она включает в себя четыре железных сошника с суженным наконечником без плечиков, относящихся к типу 1 по А.В. Чернецову или типу IA2 по Ю.А. Краснову (Чернецов, 1976. С. 32-35; Краснов, 1987. С. 180-195). Три из них в идеальном состоянии и без следов использования были найдены в заполнении погребца в северо-западной части усадьбы, и, вероятно, были в сокрыты как клад. В Новгородской земле в X в. двузубые и многозубые сохи являлись одними из основных почвообрабатывающими орудии, и применялись наряду с однозубыми ралами (Кириянов, 1959. С. 324; Краснов, 1987. С. 180-187).

Из прочих сельскохозяйственных орудий отмечу деревянную мотыгу и обломок железного серпа, обнаруженные также в северной части двора.

Универсальный инструмент

Данная группа представлена железными *ножами* (6 экз.), относящимися к IV группе по Р.С. Минасяну, *шильями* (5 экз.), два из которых сохранились вместе с рукоятями, и пружинными *ножницами* (2 экз.). Также здесь были обнаружены *приспособления для заточки*, к числу которых относятся точильные бруски (6 экз.) и оселки (3 экз.)

По территории двора универсальные инструменты сосредоточены в трех зонах: рядом с постройкой Е27А, в хозяйственной зоне на севере усадьбы и у ограды «в заплот».

Инструменты деревообработки

Внутри сруба Е27А был обнаружен железный *топор* с опущенным лезвием, слегка изогнутой спинкой и парой небольших щекавиц. По типологии А.Н. Кирпичникова этот топор

относится к типу V, включающему в себя как рабочие, так и боевые орудия (Кирпичников, 1966б. С. 37-38). Не смотря на то, что по габаритам данный предмет удовлетворяет скорее боевым, нельзя исключать его универсального использования, в том числе в деревообработке.

В восточной части усадьбы рядом с оградой «в заплот» было встречено *фигурное долото* с полукруглым лезвием необходимое для выдалбливания пазов в дереве (Сингх, 2015. С. 203).

К более специализированным инструментам на усадьбе «Е» относятся железный *ложкарный резец* с массивной рукоятью, использовавшийся для обработки объемных изделий (Колчин, 1959. С. 42-43; Сингх, 2015. С. 207), и небольшое втульчатое тесло типа II, с помощью которого изготавливались выемки при производстве резной посуды, ложек и т.п. (Сингх, 2015. С. 202-203). С этими находками хорошо согласуются обломки точеной и резной посуды, концентрация которых здесь является одной из наибольших среди других усадеб Неревского раскопа, и токарная бобышка, являвшаяся отходом при токарном производстве.

Крепежи на усадьбе представлены железными гвоздями (16 экз.) и скобами (3 экз.), сосредоточенными вокруг сооружений в северной и южной частях усадьбы.

В срубе E27A была обнаружена железная *заклепка* длиной 15,5 см со стержнем прямоугольного сечения и ромбовидной клинк-шайбой. Как правило, железные заклепки рассматриваются в качестве элементов крепления клинкерной обшивки судов, однако, в этом случае обычно использовались более короткие крепежи (Дубровин, 2000. С. 34-36; Сорокин, 1997. С. 33). Крупные заклепки могли применяться в постройках, в мебели, в наземном транспорте и пр. (Колчин, 1953. С. 126; Ottaway, 1989. P. 197-199), что больше согласуется с контекстом находки на усадьбе «Е».

Запорные системы

К этой группе относятся два ключа от навесных замков типа «А» по Б.А. Колчину. Один из ключей имел прямоугольную лопасть и соответствовал кубическому замку, второй оканчивался круглой лопастью и принадлежал к цилиндрическому замку (Колчин, 1959. С. 78-80; Кудрявцев, 2014. С. 82).

Литейное дело и металлообработка

В северной части усадьбы «Е» были обнаружены три обломка глиняных тиглей, глиняная льячка, металлический слиток и два обломка металлических шлаков. Все эти предметы компактно располагались в районе дворовой печи (?) и, вероятно, попали в культурный слой в результате какой-то ограниченной деятельности, связанной с обработкой металла.

Инструменты прядения, ткачества и плетения

На усадьбе «Е» в отложениях последней четверти X в. было обнаружено деревянное веретено и 23 пряслица, из которых 21 шиферное, одно глиняное боченовидной формы и два костяное из просверленного эпифиза животного.

Среди шиферных пряслиц присутствуют битрапециоидные пряслица из розового пиррофиллита (14 экз.), одно зонное розовое пряслице и битрапециоидные пряслица из серого шифера (4 экз.). Тип еще двух шиферных пряслиц не установлен.

Костяные проколки обнаружены на усадьбе «Е» в 15-ти экземплярах. 13 из них относятся к т.н. «классическим» костяным проколкам, которые рассматриваются как орудия работы на вертикальном ткацком стенке (Смирнова, 2000. С. 239-240). Еще две проколки имели уплощенную форму и являлись, по-видимому, кочедыками для плетения.

В пространственном отношении большая часть пряслиц была обнаружена на окраине усадьбы вокруг постройки Б27К, с которой также связано значительное число костяных проколов. Еще одна зона скопления инструментов прядения и ткачества зафиксирована в восточной части двора между дворовой вымосткой и оградой «в заплот». Внутри основной постройки Е27А найдены только одна проколка и два пряслица.

Охотничье снаряжение

В южной части усадьбы было обнаружено два роговых наконечника томаров, использовавшихся для охоты на пушного зверя. Один из них сохранился вместе с обломком деревянного древка.

Недалеко от сруба Е27А найден железный черешковый наконечник сулицы листовидной формы длиной 16 и максимальной шириной около 2 см. Сохранность наконечника не очень хорошая, боковые грани в нескольких местах обломаны, вследствие чего установить его принадлежность к определенному типу трудно. Вероятно, он мог относиться к типам III или IVa по А.Н. Кирпичникову, которые являлись скорее охотничьими, чем боевыми (Кирпичников, 1966б. С. 23).

Рыболовный инвентарь

Эта категория традиционно разделяется на две подгруппы: орудия сетевого лова и крючковые снасти. О применении на усадьбе «Е» сетевой ловли свидетельствуют следующие находки: полукруглый деревянный поплавок от крупных ставных сетей типа невода (Колчин, 1968. С. 22; Куза, 2016. С. 75-79), берестяные поплавки (2 экз.) и многочисленные каменные грузила, среди которых встречены грузило в берестяной оплетке и галечные грузила с отверстием на конце (18 экз.).

Практически все галечные грузила имели равные размеры (около 9 см в диаметре и 2 см толщиной), некоторые из них были украшены орнаментом. Большая их часть (12 шт.) обнаружена внутри сгоревшей постройки Б27К, где грузила образуют выраженное скопление.

Традиционно считается, что эти предметы использовались в качестве утяжелителя ставных рыболовных сетей (Куза, 2016. С. 75; Салмина, 1994. С. 155-158), однако, сочетание в одной постройке большого числа пряслиц, костяных проколов и каменных грузил наводит на предположение, что данные грузила могли быть атрибутом вертикального ткацкого станка. Серия экспериментов, проведенных группой датских исследователей, подтвердила, что грузила аналогичные найденным в срубе Б27К, использовались для натяжения нитей основы и могли применяться для производства тканей из тонких нитей (Martensson et al., 2009. P. 378-397).

Также необходимо отметить найденную в северной части усадьбы заготовку галечного грузила, орнаментированную с одной стороны знаком Рюриковичей, а с другой стороны – изображением креста. Согласно генеалогической схеме лично-родовых знаков князей-Рюриковичей данный вариант княжеского трезубца наиболее близок к знакам Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (Белецкий, 1998. С. 197-199, рис. 1, 2, 26; Молчанов, 2012. С. 439-446, рис. 10; Янин, 1982. С. 150-151, рис. 10). Исходя из стратиграфического контекста залегания этого предмета, следует полагать, что он, скорее всего, принадлежал Владимиру Святославичу, который княжил в Новгороде с 970 по 980 гг. Практически идентичный знак был нанесен на костяную трапециевидную подвеску, которая была обнаружена на Троицком раскопе в слоях 50 – 70-х гг. X в., что также косвенно подтверждает атрибуцию символов на заготовке каменного грузила.

К крючковым снастям на усадьбе «Е» относится только железный крючок, предположительно, от жерлицы, обнаруженный внутри сруба Е27А.

Украшения

Стеклянные бусы на усадьбе «Е» в слоях последней четверти X в. было найдено 59 стеклянных бусин. Традиционно наиболее массовыми являются бусы из тянутых трубочек (40 экз.). Среди бус этой технологической группы без декора встречены трехчастная лимоновидная пронизка желтого стекла, двухчастные лимоновидные пронизки желтого стекла (5 экз.), желтые лимоновидные бусины (8 экз.), синяя лимоновидная бусина и ребристая лимоновидная бусина желтого стекла. К декорированным бусам в технике тянутой трубочки относятся пятичастная серебростеклянная пронизка и продольно-полосатая лимоновидная бусина из полос желтого и красного стекла. Также к бусам этой технологической группы принадлежит серийный рубленый бисер, включающий желтые бисерины (20 экз.), бордовую и черные бисерины.

Таким образом, в этом ярусе застройки на долю бус из тянутой трубочки приходится всего 68% от их общего числа, что на 16% меньше по сравнению с предыдущим периодом. При этом, как и на других усадьбах, в последней четверти X в. уменьшается доля многочастных пронизок.

Навитые бус представлены небольшим числом находок. Среди бус без декора в данной технологической группе представлены зонные бусины синего полупрозрачного стекла (4 шт.), зонная бусина зеленого стекла, небольшая ребристая бусинка зеленого непрозрачного стекла, и синяя шарообразная бусина.

К декорированным бусам в технике навивки относятся следующие бусы: глазчатая бусина округло-цилиндрической формы темно-синего стекла с ярко-голубыми рельефными глазками, заключенными в капли серого стекла; темно-лиловая петельчатая неправильно цилиндрическая бусина с рельефными глазками красного и белого цвета и петлями молочно-белого стекла; округло-цилиндрическая бусина желтого глушеного стекла с гладкими реснитчатыми глазками.

Отдельно стоит отметить цилиндрическую золотостеклянную ребристую бусину, которая была обнаружена у северной границы усадьбы. Бусы этого типа не характерны для X в. и, встречаются, как правило, в слоях XI - середины XII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 197; Самойлович, 2006. С. 378). По всей видимости, данная находка маркирует близость отложений начала XI в. или отражает вертикальное перемещение вещей в слое.

Мозаичные бусы представлены одной полихромной лимоновидной бусиной. Тип еще семи бусин остается неизвестным.

К числу *каменных бусин* относится только призматическая сердоликовая бусина и зонная бусина из янтаря.

По территории усадьбы бусы распределяются следующим образом. Основная их концентрация приходится на внутреннее пространство сруба E27A и территорию рядом с ним. Подавляющее большинство обнаруженных здесь бус принадлежит к массовым типам (желтые лимоновидные одночастные и двухчастные пронизки, рубленый желтый бисер, синие зонные бусы). Остальные бусины были найдены в северной части усадьбы, рядом с хозяйственными ямами и постройкой B27K.

Из *украшений из цветного металла* встречены два предмета. В северной части усадьбы «Е» недалеко от частокола обнаружены обрывок бронзовой цепочки и половинка бронзового браслета из круглого дрота с разомкнутыми концами. Такие браслеты являются широко распространенными украшениями на всей территории Руси с X по XIV вв. (Седова, 1981. С. 94).

Детали костюма и поясной гарнитуры

Фибулы. На усадьбе «Е» в слоях последней четверти X в. обнаружено две спиралеконечные фибулы, одна из которых была изготовлена из железа и имела дугу четырехгранного сечения, а вторая была бронзовая с дугой круглого сечения. Такие типы застежек были широко распространены в X - первой половине XIII вв. в Северо-Западной и

Северо-Восточной Руси, а также на памятниках X-XII вв. в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии (Мальм, 1967. С. 152-153; Хвощинская, 1999. С. 45-47; Thålin, 1984. S. 15-16; Thunmark-Nylen, 2006. S. 98, 110-111).

Детали поясной гарнитуры представлены металлической пряжкой, бронзовым поясным наконечником и выпуклой пятиугольной накладкой. Поясной наконечник имел вогнутый верхний край, закругленный нижний край и был украшен двумя рядами зигзагообразного орнамента с точками на каждом изгибе и рядом точек по кромке наконечника. Аналогии данному предмету удалось обнаружить в одном из курганов первой половины XI в. могильника в Устреке на западном побережье озера Ильмень (Ершевский, Конецкий, 1985. С. 63-64, рис. 2,13). Поясная накладка имела пятиугольную форму и была украшена рельефным орнаментом из симметричных завитков, обрамляющих небольшой трехлепестковый цветок (Седова, 1981. С. 148-149). Точных аналогий ей пока найти не удалось.

Предметы личного пользования

Гребни. На усадьбе «Е» в слоях последней четверти X в. обнаружено восемь гребней, из которых два были сделаны из самшита и относились к первому виду по Б.А. Колчину (Колчин, 1968. С. 83-84), и шесть являлись роговыми. Среди роговых гребней наибольшим числом представлены односторонние расчески типа В3 по К. Амброзиани (3 экз.), характерной чертой которых является циркульный орнамент на боковых накладках (Ambrosiani, 1984. S. 164). Важно отметить, что все гребни данного типа были найдены в слоях, граничащих с пожаром конца X в. Также здесь присутствует односторонняя расческа типа В2 свыступами на концах, украшенными вертикальными линиями, и боковая накладка от гребня типа В1:3 (Ambrosiani, 1981. P. 24-30; Ambrosiani, 1984. S. 164). Информация еще об одном гребне утрачена.

Футляры гребней представлены на усадьбе «Е» двумя экземплярами. Один из этих футляров был украшен циркульным орнаментом в центральной рамке и вертикальными линиями на краях и относится к типу III-Б по О.А. Кондратьевой (Кондратьева, 1995. С. 81). Тип второго футляра установить не удалось по причине его плохой сохранности.

Предметы культа. В северной части усадьбы «Е» было обнаружено сланцевое тесло эпохи неолита - раннего металла. В средневековье эти предметы были известны как «громовые топоры» и получили свою вторую жизнь в качестве культовых объектов. Считается, что они использовались в качестве оберегов от злых духов или как средства врачевания недугов в лечебной магии (Желтова и др., 2017. С. 239-240; Тянина, 2008. С. 174-183).

Детали транспорта

Водный транспорт представлен обломком весла и лодочной скамьей с парой треугольных вырезов на концах

К *сухопутному транспорту* на усадьбе «Е» относятся санные копылы (11 экз.) и обломок оглобли, использовавшейся в санной упряжи (Колчин, 1968. С. 54). Основная часть этих находок была сосредоточена в северной части владения и рядом с оградой «в заплот».

Находки *игрушек* свидетельствуют о присутствии на усадьбе детей. К их числу принадлежат деревянные шары (3 экз.), волчок и деревянные игрушечные стрелы (2 экз.)

Архитектурные детали по сравнению с предыдущим периодом весьма малочисленны. К ним относятся точеная балясина, происходящая из заполнения сруба Е27А и деревянная курица.

Различные предметы из дерева

К этой группе предметов относятся разнообразные деревянные *поделки* (69 экз.), деревянные *подпятники* (2 экз.) и *навершия* (3 экз.), одно из которых, вероятно, являлось кнутовищем (Дорофеева, 2017. С. 197-201),.

Различные предметы из кости включают неопределенные *поделки* (4 экз.), и также резцы бобра (?) без отверстий.

Различные предметы из металла представлены изделиями неизвестного назначения и отдельными кусками железа (13 экз.)

Прочие находки

К числу прочих находок на усадьбе «Е» относятся обрывки лыковых веревок (14 экз.), обрывки войлока (2 экз.), ткани (4 экз.), кусочки воска (4 экз.) и слюды (1 экз.).

5.5.3 Общая характеристика усадьбы «Е» в последней четверти X в.

В последней четверти X в. на усадьбе «Е» наблюдается активное развитие застройки, появляется ограда «в заплот» обозначающая восточную границу владения, и частокол, маркирующий его северный край. К этому времени здесь относятся четыре сооружения, разделяющие всю территорию на жилую и хозяйственную зоны.

В южной части усадьбы рядом с въездом располагались две большие постройки на фундаментной площадке, Е27А и Е27Б, соединенные между собой дворовыми вымостками. Со срубом Е27А связана основная часть украшений из стекла и камня, универсальные инструменты, столовая посуда, но в то же время практически отсутствовали проколки и пряслица, сопровождавшие центральную постройку в предыдущем ярусе.

Необычным представляется, что со второй крупной постройкой, Е27Б, не связано никаких предметов, кроме двух санных копылов, деревянной поделки и костяного гребня. Такой характер находок совершенно не типичен для больших срубов на фундаментной площадке. Возможно, это сооружение имело особый статус, исключавший постоянное присутствие в ней людей и ведение какой-либо регулярной деятельности.

Необходимо отметить концентрацию предметов в пространстве между оградой «в заплот» и дворовой вымосткой, откуда происходят детали бондарной тары, каменные жернова, многочисленные инструменты, пряслица и проколки. Такое скопление предметов обозначает высокую хозяйственную активность в этой зоне усадьбы, возможно, здесь находилась какая-то временная постройка.

В северной части усадьбы сохранность сооружений была значительно хуже, чем в южной. Здесь были обнаружены печь с подпечьем, погреб, различные хозяйственные ямы и сруб Б27К с глинобитной печью, восходящей к южнорусским традициям. С этой постройкой связано большое число находок, к которым относятся многочисленные деревянные поделки, обрывки веревок, днища туесов, мутовки, бисерины, каменные грузила, пряслица и костяные проколки. По всей видимости, данное сооружение имело хозяйственное назначение.

В хозяйственно-бытовом аспекте усадьба «Е» представляется вполне рядовым владением. Число его жителей установить невозможно, но характер находок свидетельствует о том, что здесь постоянно находилось несколько человек, среди которых были и мужчины, и женщины, и дети.

Жители этой усадьбы занимались охотой, рыболовством, а также земледелием, о чем свидетельствует крупнейшая коллекция сельскохозяйственных орудий среди всех ранних усадеб Неревского раскопа. В ремесленной деятельности важное место занимала деревообработка (резьба по дереву, изготовление посуды и пр.) и текстильное производство, прядение и ткачество, что традиционно относится к женским занятиям. Возможно, в незначительных объемах здесь практиковалась металлообработка, выплавка металлов, о чем свидетельствует комплекс из различных предметов, связанных с этой работой.

При этом на территории усадьбы в слоях последней четверти X в. не было обнаружено статусных вещей, предметов вооружения, конского снаряжения, а также вещей с яркой этнической окраской. По всей видимости, несмотря на наличие крупных построек и большую площадь владения, его следует рассматривать как усадьбу среднего горожанина.

В конце X в. вся территория усадьбы подверглась пожару, что подтверждает обширная угольная прослойка, перекрывающая срубы Е27А и Е27Б, массивный угольный слой в заполнении погреба, а также следы огня в постройке Б27К.

5.6 Усадьба «Е-1» в последней четверти X в.

5.6.1. Застройка усадьбы «Е-1»

В третьей четверти X в. к востоку от ограды «в заплот» появляются первые три постройки усадьбы «Е-1», обнаруженные в плохом состоянии (Рис. 49).

В юго-восточной части владения находились остатки какого-то сооружения, представленного бревном $2,7 \times 0,18$ м, лежащим с запада на восток, и двумя

перпендикулярными небольшими бревнами $1,6 \times 0,12$ и $0,8 \times 0,1$ м, опиравшимися на подкладку.. Рядом с ними было найдено несколько досок, и конский череп, лежащий также в направлении с юга на север (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 238). Пространство внутри данной конструкции было заполнено чистым навозом, перемежавшимся с прослойками щепы. Несмотря на то, что доступные для изучения остатки в целом не выразительны, можно предположить, что здесь находилось какое-то хозяйственное сооружение.

В центральной части усадьбы Е-1 было обнаружено бревно размерами $4,1 \times 0,18$ м., ориентированное с запада на восток, к которому вплотную примыкали четыре коротких бревна длиной 0,7 м, уложенные поверх длинной продольной подкладки длиной 5,7 м. Немного восточнее на одном уровне с этой конструкцией найдено бревно длиной 5,8 м, лежащее в направлении с севера на юг, рядом с которым также были зафиксированы различные подкладки (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1597. Л. 237). Исходя из размеров сохранившихся остатков и их ориентации в пространстве и стратиграфической синхронности, эти фрагменты конструкций были объединены в одно сооружение Е27В, что косвенно подтверждается расположением песчано-золистой прослойки и включениями пережжённых камней в северной части предполагаемой постройки.

У восточной границы усадьбы находилась постройка Е27Г. Она представлена двумя стенами, западной и северной, сложенными в «обло» и сохранившимися на высоту два венца. Длина западной стены составляла 6,1 м, длина северной – 3,9 м. Внутри дома частично сохранились переводины пола, уложенные на землю в направлении запад-восток, и настил из коротких брёвен, расположенных перпендикулярно к лагам, в направлении север-юг. Слой внутри дома состоит из тёмно-коричневой гумусированной земли, смешанной с материковой глиной, следов отопительного сооружения обнаружено не зафиксировано. В южной части постройки была открыта материковая яма округлой формы, также заполненная темно-коричневым слоем с глиной. Под срубом залегала глиняная подушка, являвшаяся основанием фундамента. Предположительно, постройка имела хозяйственное назначение (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1157. Л. 241).

Ближе к концу третьей четверти X в. в центральной части усадьбы сооружение Е27В сменяется срубом Е26Д, о чем свидетельствует более высокий уровень его залегания (Рис. 50). От этой постройки сохранилось только бревно западной стены $8,3 \times 0,18$ м и подкладка под южную стену длиной 0,5 м. Пространство внутри сруба заполнено слоем угля, обожженных камней и спечённой глины мощностью до 20 см. Из-за плохой сохранности установить размеры сооружения невозможно, однако, судя по длине западной стены, оно предположительно относилось к постройкам большой площади.

Рядом с северной границей усадьбы находился сруб E263, представленный бревном южной стены длиной 8 м, под которое в середине была подложена подкладка. Своей восточной частью это бревно перекрывало округлую материковую яму, на дне которой было обнаружено два бычьих черепа и ковш. В.В. Седов рассматривал это сооружение как ритуальное жертвоприношение с остатками скотоводческой братчины, совершенное перед постройкой этого дома (Седов, 1957. С. 28, 30). Со срубом E263 домом связаны также остатки отопительного сооружения, представленного развалом камней со слоями угля и золы, залегающим в глиняной подушке. Пространство в западной части постройки было заполнено темно-коричневым слоем со щепой, а в восточной части был зафиксирован обширный слой угля мощностью до 10 см, связанный с пожаром (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1157. Л. 241). Таким образом, можно предположить, что в северной части усадьбы находился большой дом площадью около 60 кв.м., который в конце X в. был уничтожен огнем.

5.6.2 Материальная культура усадьбы «Е-1»

Вещевая коллекция усадьбы «Е-1» в последней четверти X в. представлена 292-мя предметами из различных материалов. Рассмотрим их подробнее в рамках функциональных групп (Рис. 56-60).

Домашняя утварь

Столовая посуда. К этой группе предметов на усадьбе «Е-1» относятся резная чаша с выделанной ручкой и рисунком на дне, обломок деревянной чаши, резные ковши (2 экз.), точеная миска, точеные блюда (2 экз.) и резные ложки (3 экз.). Отдельно необходимо отметить фрагменты обнаруженной здесь парадной посуды, представленной обломком поливного сосуда, вероятно, византийского происхождения (Коваль, 2005. С. 163-176), и осколком стенки стеклянного сосуда синего прозрачного стекла с золотистым растительным и геометрическим орнаментом. Такая посуда считается продукцией византийских мастеров и известна в Херсонесе, Коринфе, на Кипре, и помимо Новгорода также встречена в Новогрудке, на Рюриковом городище и в некоторых других поселениях (Колесникова, 1973. С. 249-250; Носов и др., 2017. С. 44-45, ил. 7: 1,29; Щапова, 1963. С. 130-131).

Кухонный инвентарь включает в себя различные предметы, необходимые для приготовления пищи. К их числу принадлежат деревянные мутовки (2 экз.), железная и деревянная лопаточки и железные сковороды (2 экз.)

Берестяная тара традиционно представлена днищами берестяных туесов (3 экз.)

К *бондарной таре* на усадьбе «Е-1» относятся обломок бондарного обода и железные дужки ведра (2 экз.)

К *глиняной таре* относится ручка от византийской амфоры, в которых, как правило, привозили вино с берегов Черного или Мраморного морей (Волков, 1996. С. 90-98, 101, рис. 3).

Емкости для хранения мелких предметов представлены двумя небольшими пеналами из коры, которые имели один или несколько отсеков и небольшие прорези для привязывания крышки. Также к эту подгруппу включена точеная шкатулочка в форме маленькой баночки с крышкой.

В целом предметы домашней утвари зафиксированы в двух зонах: на юге усадьбы рядом с сооружением E27B и в северной части владения. Большая часть столовых и кухонных принадлежностей была сосредоточена на севере двора и была связана с постройками E26Д и E27Г.

Хозяйственный инвентарь

На усадьбе «Е-1» среди орудий труда обнаружены только *инструменты для обработки прядильных растений*, к которым относятся деревянные льнотрепала (3 экз.), и *орудия зернообработки*, представленные каменным жерновом и мельничными подшипниками (3 экз.). Универсальных орудий труда найдено не было.

Универсальные хозяйственные принадлежности из металла включают железные кольца (3 экз.) и железный крюк, относящийся, вероятно, к безмену.

Сельскохозяйственные орудия представлены железной косой, обнаруженной внутри сруба E26З.

Универсальные инструменты

Все обнаруженные на усадьбе «Е-1» *ножи* (5 экз.) соответствовали ножам группы IV по Р.С. Минасяну, для которых характерны прямая спинка, выраженный уступ при переходе к черенку, и соотношение длины клинка к черенку 2:1. Такие инструменты были широко распространены в лесной зоне Восточной Европы, в Прибалтике и Скандинавии (Минасян, 1980. С. 70).

Железные *ножницы* (3 экз.) относились по типу к пружинным и, судя по размерам, использовались как хозяйственные (Колчин, 1959. С. 59). Стержни одной пары ножниц были украшены двумя бронзовыми ободками у основания пружины и лезвия.

Также здесь найдены железные шилья с острием прямоугольного сечения (2 экз.), калачевидное кресало и обломок сланцевого оселка.

В пространственном отношении все универсальные инструменты были компактно сосредоточены на ограниченной территории рядом со срубами E27Г и E27В.

К *инструментам деревообработки* на усадьбе «Е-1» относится небольшое перовидное сверло, использовавшееся для изготовления отверстий малого диаметра (Сингх, 2015. С. 210). Этот предмет был найден рядом с постройкой E26Д.

Крепежи представлены железными гвоздями (9 экз.) и двумя железными заклепками длиной 3 см с ромбовидными клинк-шайбами. Традиционно такие заклепки связываются с

корабельным делом и рассматриваются в качестве средств крепления бортовых досок. Однако, область применения этих изделий не ограничивается кораблестроением. Неоднократно использование заклепок отмечалось и в других сферах, например, для крепления умбонов к щиту или для изготовления сундуков и ларей (Колчин, 1953. С. 126; Носов, Хвоцинская, 2018. С. 146-150).

Запорные системы на усадьбе «Е-1» представлены замком (1 экз.)¹⁶ и железными ключами (7 экз.). Один ключ был от навесного замка, он имел прямоугольную лопасть типа А, бытовавшего на территории Древней Руси в X-XII вв. (Колчин, 1959. С. 78-80; Кудрявцев, 2012. С. 121-124). Ключи от нутряных замков представлены двумя коленчатыми ключами типа А. Предположительно, один из них использовался для запираания построек, о чем свидетельствует его большой размер, а второй мог использоваться для запираания ларцов и сундуков (Колчин, 1959. С. 86; Кудрявцев, 2014. С. 93-94). Еще один ключ принадлежал к комбинированным замками первого варианта, распространенным в Новгороде со второй половины X в. (Кудрявцев, 2010. С. 243-244). Тип еще трех ключей не установлен.

Инструменты прядения и ткачества

К этой группе предметов традиционно относятся пряслица из различных материалов (10 экз.) и костяные проколки (3 экз.), рассматривающиеся как орудия работы на вертикальном ткацком станке. Среди пряслиц встречены битрапециоидные пряслица из розового шифера (4 экз.), битрапециоидное пряслице из серого шифера, полусферическое костяное пряслице, дисковидное пряслице из известняка, а также пряслица из глины (1 экз.), шифера (1 экз.) и кости (1 экз.), информация о которых была утрачена.

В пространственном отношении все пряслица концентрируются в двух зонах: вблизи сооружения Е26Е и между срубами Е27Г и Е27В. Костяные проколки, напротив, были встречены в основном в южной части двора и не были связаны с постройками, что не очень характерно для этой категории предметов.

Охотничий инвентарь

Данная категория предметов представлена роговым наконечником томара для охоты на пушного зверя и железными наконечниками стрел (3 экз.), использовавшимся как на охоте, так и в военном деле.

Два наконечника имели ромбовидную форму без упора для древка и относились к т.н. «новгородскому типу» (тип 46 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966. С. 67-68). Помимо них здесь был найден двушипный ланцетовидный черешковый наконечник стрелы без упора, относящийся к характерному только для X в. виду 2 типа 29 (по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1959. С. 164, рис. 13, 8). Как было показано на материалах Белоозера и Мининского

---

¹⁶ Информация железном замке (Н-57 - 32-1463) утрачена.

археологического комплекса, наконечники стрел без упора для древка характерны для памятников с выраженной охотничьей специализацией (Захаров, 1996. С. 216-217; Захаров, 2008. С. 29). Надо полагать, что найденные на этой территории наконечники также стоит рассматривать в качестве элементов снаряжения охотника (Медведев. 1966. С. 62).

Рыболовный инвентарь на усадьбе «Е-1» совсем не многочисленный и включает в себя заготовку рыболовного грузила, берестяной поплавок и деревянный челнок для плетения сетей.

Украшения

В слоях последней четверти X в. на усадьбе «Е-1» обнаружены 43 *стеклянные бусины*. Традиционно наибольшим числом представлены бусы в технике тянутой трубочки, включающие 26 находок.

Среди бус без декора, относящихся к этой технологической группе найдены пятичастная лимонovidная пронизка желтого стекла, четырехчастная пронизка молочно-белого стекла, трехчастные лимонovidные пронизки желтого стекла (2 экз.), двухчастные лимонovidные желтые пронизки (6 экз.) и лимонovidные желтые бусы (10 экз.). К декорированным бусам в технике тянутой трубочки относятся только двухчастная золотостеклянная пронизка и двухчастная серебростеклянная пронизка. Также среди бус этой технологической группы обнаружены четыре рубленые бисерины.

Навитые бусы без декора представлены зонными бусами синего полупрозрачного и непрозрачного стекла (6 экз.), зонной бусиной непрозрачного стекла травянисто-зеленого цвета, зонной бусиной полупрозрачного зеленого стекла и зонными бусами из непрозрачного бирюзового стекла (3 экз.). Последние на территории древней Руси встречаются редко. Зонные бусы из бирюзового стекла известны в материалах Старой Ладogi в верхних слоях городища (Львова, 1968. С. 121), а также в Сигтуне и Лунде. Кроме того, среди навитых бус была обнаружена бочонковидная бусина из прессованного оранжевого стекла, многочисленные аналогии которой происходят из Северной Европы, а также среди памятников Восточной Европы, связанных со скандинавским присутствием (Львова, 1968. С. 72).

К декорированным навитым бусам относятся глазчатая цилиндрическая бусина желтого стекла с гладкими реснитчатыми глазками, и зонная бусина светло-коричневого непрозрачного стекла, украшенная двумя молочно-белыми пересекающимися волнистыми линиями, между которых были заключены двухцветные глазки молочно-белого и красного стекла.

Также в верхней части яруса в слоях, пограничных с пожаром конца X в., была встречена навитая золотостеклянная бусина битрапециoidalной формы. Данный тип бус не характерен для X в. и встречается, как правило, в слоях XI- середины XII вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 197; Самойлович, 2006. С. 378), хотя в материалах Старой Ладogi они известны с 80-х гг. X в. (Седых, Френкель, 2017. С. 340-344).

К мозаичным бусам на усадьбе «Е-1» относится боченковидная бусина желтого стекла с добавлением капель зеленого и коричневого стекла.

Бусы из камня представлены янтарной бусиной, многогранной сердоликовой бусиной и шарообразной сердоликовой бусиной.

По территории усадьбы бусы распределены довольно равномерно, концентрируясь в основном рядом с постройками. Несколько больше их встречено в зоне между постройками Е27В и Е27Г.

Украшения из металла

Рядом со срубом Е27Г была найдена монетовидная бронзовая привеска, орнаментированная по краю выпуклыми полушариями и ложнозернеными треугольниками, окружающими выпуклое полушарие в центре. Такой тип украшений являлся довольно распространенным в Древней Руси в X-XII вв. (Седова, 1981. С. 37; Седова, 1997. С. 67).

В южной части двора обнаружено бронзовое височное кольцо с тремя напускными гладкими бусинами, спаянными из двух тисненых половинок (Седова, 1981. С. 14). Височные кольца этого типа хорошо известны на памятниках XI-XIII вв. Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, Белорусского Понеманья и ряда других регионов (Левашева, 1967. С. 19; Гуревич, 1962. С. 126-127, рис. 111, 112). Также рядом с височным кольцом был найден бронзовый браслет, информация о котором утрачена.

Детали костюма

Фибулы на усадьбе «Е-1» представлены двумя спиралеконечными застегками с дугой треугольного сечения. Данный тип фибул был широко распространен в X - первой половине XIII вв. в лесной зоне Восточной Европы, а также в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии (Мальм, 1967. С. 152-153; Хвощинская, 1999. С. 45-47; Thunmark-Nylen, 2006. S. 98, 110-111). Также здесь была найдена железная игла подковообразной фибулы.

Костяные булавки представлены застегкой с подтреугольно расширяющимся навершием и отверстием для привязывания. Предположительно такая булавка могла служить для скрепления верхней одежды.

Детали поясной гарнитуры включают поясная пряжку, бронзовое ремненное кольцо и железный держатель поясного разделителя или пряжки, состоящий из двух заклепанных пластин со следами инкрустации каким-то металлом (олово или серебро).

Помимо этого, как детали костюма рассматриваются небольшие конусообразные свинцовые грузики (2 экз.), обнаруженные в слоях конца X в. По мнению М.В. Седовой эти предметы являлись застегками грубой верхней одежды, о чем свидетельствуют этнографические параллели и находки в культурном слое Новгорода подобных грузиков с кожаными шнурками (Седова, 1981. С. 157-158).

Личные принадлежности

Среди предметов этой категории на усадьбе обнаружены роговые гребни (5 экз.) и вставка в гребень. Среди роговых расчесок в коллекции представлены только три экземпляра с боковыми накладками, украшенными циркульным орнаментом (тип В3 по К.Амброзиани) (Ambrosiani, 1984. S. 164). Такие гребни имеют довольно широкий ареал распространения. Они встречаются на множестве памятников Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в Польском Поморье, в Скандинавии, хотя известны также на территории Южной Руси и в Белой Веже. (Кондратьева, 1995. С. 72-74, 82-84; Snotliwy, 1977. S. 88, 96).

Торговый инвентарь, средства учета и нумизматика

Инструменты для взвешивания. На усадьбе «Е-1» в слоях последней четверти X в. найдены складное бронзовое коромысло от рычажных весов, целая чаша весов с четырьмя отверстиями для подвешивания и обломок венчика такой чаши с сохранившимся отверстием. Все эти предметы были встречены в сооружениях: целая чаша была найдена в материковой яме внутри сруба Е27Г, остальные находки были связаны с постройкой Е27В.

Средства учета представлены счетной биркой (1 экз.).

Среди *нумизматических находок* на усадьбе была обнаружена поддельная монета из медного сплава, имитирующая саманидский дирхем амира Насра б. Ахмада (Гомзин, Гайдуков, 2019. С. 403-404).

Предметы культа

В северной части усадьбы внутри сруба Е263 было обнаружено блоковидное кварцитовое кресало овальной формы с желобом вдоль боковой грани. В древнерусскую эпоху эти находки встречаются редко, в Новгороде их найдено всего несколько экземпляров в слоях конца X – XIV вв. Основное время распространения таких кресал приходится на вторую-третью четверть I тысячелетия н.э., когда они широко бытовали в Финляндии, Скандинавии, Южной и Восточной Прибалтике (Kivikoski, 1973. S. 39, Taf. 21. Abb. 186-189; Mugarēvičs, 1988. S. 588). Встречаются эти предметы также во второй половине I тысячелетия и в зоне распространения культуры псковских длинных курганов, в том числе и на финальном этапе этой культуры (IX – первая половина XI вв.) (Михайлова, 2011. С. 177-181). По всей видимости, вырванное из своего контекста, блоковидное кресало с усадьбы «Е» служило в каких-то ритуальных целях, как и другие каменные культовые предметы («громовые молоты», «громовые топоры» и пр.), что подтверждается отсутствием следов утилитарного использования (Желтова и др., 2017. С. 240).

Рядом со срубом Е26Д обнаружены два скульптурно орнаментированных деревянных навершия, залегающих на расстоянии двух метров друг от друга. Одно имеет антропоморфное окончание в виде человеческой головы длиной 5,3 и шириной 2,8 см с прочерченными чертами

лица. Общепринято эти предметы считаются ритуальными, символизирующими домовых, каких-то неопределенных идолов и пр. (Колчин, 1971. С. 42; Pokrovskaya, 2007. Р. 402, 414) Второе навершие представляло собой деревянный стержень с отверстием посередине, завершающееся резной головой орла завершением в виде головы орла (тип В по Г.Е. Дубровину) (Колчин, 1971. С. 44; Дубровин, 1990. С. 99).

Существует несколько точек зрения по вопросу интерпретации данных изделий. Часть исследователей рассматривает орнитоморфные навершия как ритуальные объекты, связанные с языческими верованиями, магическими обрядами, играми и т.п. (Колчин, 1971. С. 42; Pokrovskaya, 2007. Р. 405-406, 414). Г.Е. Дубровин рассматривает их в утилитарном ключе как рукояти плетей, изготовленные в подражание кнутовищам с металлическими и костяными затыльниками (Дубровин, 1990. С. 102-106; Дубровин, 2000. С. 150-152).

Детали транспорта

К *сухопутному транспорту* на усадьбе «Е-1» относятся санные копылы (5 экз.), вяз, служивший для соединения копылов между собой, и обломок оглобли, крепившийся к первому копылу (Колчин, 1968. С. 52-54). Все эти предметы были обнаружены на территории двора в разных частях усадьбы.

Водные средства передвижения представлены лодочным шпангоутом для крепления бортовых досок судна (Колчин, 1968. С. 60), лодочной скамьей с двумя треугольными вырезами и деревянной рыбиной, служившей днищевой обшивкой оконечности судна (Дубровин, 2000. С. 68-69). Среди крепежных элементов встречен деревянный нагель типа «Б» (по Г.Е. Дубровину), который рассматривается как судовое средства соединения (Дубровин, 2000. С. 100).

Среди элементов *настольных игр* на усадьбе «Е-1» обнаружен небольшой деревянный брусочек с насечками на гранях, являвшийся игральным кубиком для настольной игры-гонки дальдоз или сахкку, пришедшей на Русь в конце X в. с территории Ближнего Востока. В Новгороде такие брусочки и игральные доски для дальдоз встречаются в слоях конца X – первой половины XIII в. (Гринев, 2018. С. 81-88).

К *детским игрушкам* относятся деревянные точеные шары (3 экз.), волчок и деревянная фигурка коника, предположительно, изображавшая рабочую лошадь (Хорошев, 1998. С. 87).

Различные предметы из дерева

Среди предметов, функциональное назначение которых определить не удалось, обнаружены разнообразные деревянные *поделки* (50 экз.) и *навершия* (3 экз.).

Различные предметы из кости

К ним относятся костяная поделка подтреугольной формы с отверстием посередине, напоминающая формой амулеты из подъязычной кости оленей (Смирнова, 1999. С. 28-30, рис. 3,3), которая могла использоваться в качестве накладки, и костяной предмет со знаком.

Различные предметы из металла включают в себя неопределимые предметы из железа (20 экз.) и железный стержень.

Прочие находки

Среди прочих находок на усадьбе «Е-1» обнаружены обрывки веревок (7 экз.), кусочек слюды, раковины моллюсков (2 экз.), глиняный шарик, обрывки ткани (2 экз.), кусочки янтаря (2 экз.) и кусочки краски (2 экз.).

5.6.3 Общая характеристика усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

Усадьба «Е-1» приблизительно в 70-е гг. X в. формируется как отдельное владение, отделенное от усадьбы «Е» легкой оградой «в заплот». Сохранность сооружений на этой территории в слоях третьей четверти X в. очень плохая, из-за чего реконструкция их размеров и устройства представляется трудновыполнимой задачей. Предположительно, застройка этого времени разделяется на два этапа.

С первым этапом связаны три постройки, на которых не были зафиксированы следы пребывания в пожаре. По всей видимости, главным сооружением в этот период являлся сруб Е27В, располагавшийся в центральной части усадьбы. С ним были связаны стеклянные бусины, роговые гребни, пряслица, коромысло весов, дирхем, детали лодок. Столовая посуда, характерная для больших сооружений, здесь практически не была встречена.

Рядом с восточной границей усадьбы располагалось хозяйственное сооружение Е27Г, внутри которой были встречены стеклянные бусы, пряслица и универсальные инструменты и бронзовая чаша весов. Характер находок, обнаруженных между срубами Е27В и Е27Г свидетельствует о том, что эта зона играла большую роль в хозяйственной активности на усадьбе.

В юго-восточной части усадьбы располагалось хозяйственное сооружение Е27Д, заполненное внутри навозом. Находок рядом с ним обнаружено практически не было обнаружено.

На втором этапе застройки усадьбы «Е-1» обновляется сруб Е27В, и на его месте возникает сооружение Е26Д.¹⁷ Эта постройка представлена всего одним обгоревшим бревном длиной 8 м, и ее размеры и конструкцию восстановить не представляется возможным.

Также в это время у северной границы усадьбы «Е-1» появляется сруб Е26З, от которого сохранилось только бревно южной стены, жертвенная яма с резным ковшом и двумя черепами и отопительное сооружение, расположенное в северо-восточном углу постройки. Рядом с этим срубом в сравнительно большом количестве была найдена столовая посуда, кухонные

---

¹⁷ Сооружения разделены между собой на основании относительной глубины залегания сохранившихся бревен, а также потому что на бревна сруба Е26Д имели следы обугленности, которые не были зафиксированы у нижележащих конструкций.

принадлежности, пряслица, стеклянные бусы, детали костюма и пр. По всей видимости, сооружением имело жилой характер.

На основании анализа материальной культуры усадьбы «Е-1» можно сказать, что ее жители занимались охотой, обработкой прядильных растений, прядением. В отличие от соседней усадьбы «Е» здесь в очень небольшом количестве представлены костяные проколки, сельскохозяйственный инвентарь и рыболовные принадлежности, хотя были обнаружены лодочные детали.

В сравнении с другими владениями этого периода здесь было встречено довольно большое число инструментов для взвешивания и престижная посуда византийского происхождения (обломок поливного сосуда, обломок амфоры, обломок стеклянного сосуда, расписанного золотом). Данные находки наводят на предположение, что хозяева усадьбы «Е-1» были связаны с торговой деятельностью, хотя остальные находки свидетельствуют скорее о рядовом характере этого владения.

В конце X в. на территории усадьбы «Е-1» произошел большой пожар, о котором свидетельствуют сгоревший сруб Е26З, многочисленные угольные прослойки в центральной части двора и обгорелое бревно сооружения Е26Д.

5.7. Усадьба «Б» в последней четверти X в.

5.7.1 Застройка усадьбы «Б»

Усадьба «Б» располагалась к северу от усадьбы «Е» и к востоку от Великой улицы на участке пологонаклонной равнины с усиливающимся уклоном поверхности на северо-восток. Рассчитать площадь данного владения в последние десятилетия X в. не представляется возможным, поскольку неизвестна его восточная граница, но по приблизительной оценке она составляла около 800 кв.м.

В слоях этого времени сохранилось две постройки (Рис. 61-62). Сруб Б26Е располагался в северной части усадьбы в трех метрах от Великой улицы и был ориентирован относительно нее. Он представлял собой небольшую четырехстенную постройку, рубленную, по-видимому, в обло, размерами 3,5 × 3 м. Сруб стоял на глиняной площадке размерами около 6,5 × 6,5 м, где также были обнаружены включения красной обожженной глины, небольшие пережженные камни и прослойки золы (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860, Л. 95).

В центральной части усадьбы в 20 м к востоку от Великой улицы находился сруб средних размеров Б26Ж, который, в отличие от сооружения Б26Е, был ориентирован по сторонам света и совпадал по направлению с границей между усадьбами «Е» и «Б-1». От сруба сохранились лишь два бревна западной стены размерами 4 × 0,18 м, несколько столбов, отдельные фрагменты северной стены, подкладки и обломки настила пола (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860, Л. 160; Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1157. Л. 136). О конструкции и

размерах постройки судить трудно. Предположительно, она была четырехстенной (Фараджева, 2010. С. 182) и была возведена без фундаментной площадки на темно-коричневом слое со щепой и навозом. Западная сторона сруба равнялась примерно 7 м, печь находилась в его северо-западном углу, о чем свидетельствует зафиксированный здесь глиняный слой с углем и обожженными камнями, контрастирующий с основным заполнением сооружения.

Также, вероятно, в западной части усадьбы «Б» мог находиться несохранившийся дом. О его положении свидетельствует зафиксированный здесь древесный тлен с обильными включениями глины (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860, Л. 139), а также характерная для построек очень плотная концентрация находок, среди которых наиболее значимой является клад арабских серебряных монет. К этому же сруб, по всей видимости, относится небольшое бревно длиной 2,3 м, ориентированное вдоль Великой улицы.

В синхронных этим постройкам отложениях были зафиксированы отдельные слои угля и золы, но на сооружениях этого яруса следы горения не были отмечены. С одной стороны, плохая сохранность деревянных конструкций не предполагает наличия этих следов, но также вероятно, что пожар конца X в. на этой территории мог оказывать меньшее воздействие на сооружения, чем на других усадьбах.

5.7.2 Материальная культура усадьбы «Б» (Рис. 63-65)

Домашняя утварь

Столовая посуда. Данная группа представлена на усадьбе вполне традиционным набором вещей. К их числу относятся деревянные чаши (4 экз.), деревянные ложки (17 экз.), включая одну заготовку, и рукояти ковшей, украшенные резным зооморфным орнаментом (2 экз.). Типологическую принадлежность и технологию производства чаш установить невозможно, поскольку информация у них была утрачена. Среди ложек доступными для анализа являются всего несколько экземпляров. Известно, что большая часть из них относилась к распространенному в X в. типу с крутым перегибом между черенком и лопастью, одна ложка являлась дорожной и еще одна из ложек не имела резкого перехода между черенком и лопастью.

Кухонные принадлежности на усадьбе обнаружены в небольшом количестве. К их числу относятся две деревянные лопаточки и две мутовки

Бондарная тара характеризуется здесь находками бондарных днищ (2 экз.), деревянных обручей от бочек (2 экз.), железными дужками ведра прямоугольными в сечении (2 экз.). Также рядом с постройкой Б27Е была обнаружена целая деревянная бочка.

Берестяная тара представлена находками днищ берестяных туесов (16 экз.)

К прочим предметам домашнего обихода относятся небольшая точеная деревянная коробочка, предназначенная для хранения мелочей; небольшая костяная орнаментированная

накладка, украшавшая, по-видимому, ларец и небольшая костяная лопаточка с прямоугольной лопастью.

В пространственном отношении предметы домашней утвари в основном располагались в западной половине усадьбы: рядом с постройкой Б26Ж (деревянные чаши (4), ложки (5), рукоять ковша, лопатка, обрывки туеса) и на территории двора к юго-западу от нее. С сооружением Б27Е соотносятся только обрывки берестяных туесов (3), и точеная коробочка. В восточной части владения предметы домашней утвари встречаются значительно реже.

Хозяйственный инвентарь.

Универсальные деревянные орудия труда на усадьбе «Б» представлены чекмарем, вальками (2 экз.) и обломками лопат (2 экз.). К *инструментам для обработки прядильных растений* относятся чесала (2 экз.), одно из которых имело перпендикулярно ориентированную ручку.

К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* принадлежат звенья железной костыльковой цепи с перекрученными концами (3 экз.), небольшие железные кольца диаметром 3,5 и 4 см (2 экз.) и железный пробой.

Помимо этого здесь были обнаружены две деревянные застежки, использовавшиеся в хозяйстве универсально и деревянный угольный совок.

Запорные системы

Элементы запорных механизмов представлены на усадьбе двумя железными ключами, один из которых использовался в деревянном замке и имел форму коленчатого стержня с двумя зубьями на конце (тип А по А.А. Кудрявцеву), а второй принадлежал комбинированному замку первого варианта. Оба ключа были обнаружены в жилой зоне усадьбы рядом с предполагаемой постройкой у мостовой Великой улицы и рядом с сооружением Б26Е.

Универсальный инструментарий.

Ножи на усадьбе обнаружены в 13-ти экземплярах, большая часть из которых сохранилась в обломках. Основное их число относится к наиболее распространенной IV группе по Р.С. Минасяну, которая характеризуется наличием прямой спинки у лезвия и уступом при переходе от черенка к лезвию (Минасян, 1980. С. 70).

Помимо ножей на усадьбе «Б» были также найдены другие инструменты: железное *шило* и пружинные *ножницы* (2 экз.), одни из которых были украшены латунными накладками на концах стержней. *Рукояти* на усадьбе «Б» представлены одной находкой, изготовленной из рога.

К *приспособлениям для заточки инструментов* на этом участке относятся призматические точильные бруски (9 экз.) и один обломок сланцевого оселка с отверстием для подвешивания на конце.

Среди атрибутов универсального инструментария были найдены два небольших металлических клинышка, один из которых был изготовлен из железа, а другой – из бронзы. Подобные предметы обычно применялись для закрепления инструментов в рукоятях (Захаров, Адаменко, 2008. С. 10).

Кресала найдены на этой усадьбе в двух экземплярах. Оба они относились к наиболее распространенному в X-XII вв. типу калачевидной формы (Колчин, 1959. С. 99-100).

В пространственном отношении инструменты в основном были зафиксированы в западной части усадьбы рядом с постройкой Б27Е и к югу – юго-западу от нее. Наблюдается отмеченная ранее закономерность совместного нахождения ножей и средств их заточки.

Инструменты деревообработки представлены на усадьбе цельнометаллическим долотом для изготовления пазов в дереве и обломком пилы-ножовки. Оба предмета найдены в южной части двора.

Средства крепежа включают в себя находки железных гвоздей (13 экз.), скоб (2 экз.) и железных заклепок с ромбовидными шайбами (3 экз.). Также здесь в одном экземпляре был обнаружен деревянный нагель. Территориально крепежи были расположены в основном рядом с границами усадьбы, а также вблизи постройки Б27Е.

Инструменты прядения и ткачества

Эта категория находок включает в себя вполне традиционный набор вещей. Инструменты прядения представлены веретеном с остатками пряжи и довольно большим числом пряслиц (31 экз.), основная часть которых относилась к наиболее распространенному типу битрапециоидных пряслиц из розового шифера (17 экз.). Кроме них здесь были обнаружены пряслице зонной формы из розового шифера, битрапециоидные пряслица из серого шифера (2 экз.), дисковидные пряслица из известняка (2 экз.), заготовка такого пряслица и глиняные пряслица (6 экз.), из которых два имели зонную форму и были изготовлены на гончарном круге (Von Müller, von Müller-Muci, 1989. S. 25-28), а одно, битрапециоидной формы, было сделано вручную. К орудиям работы на ткацком станке традиционно относятся т.н. классические костяные проколки (12 экз.), применявшиеся для подбивания нитей утка к нитям основы. Еще одна проколка более плоской формы, имела отверстие для подвешивания на конце и, вероятно, использовалось в качестве кочедыка.

Костяные проколки в основном были обнаружены вокруг небольшой постройки Б26Е (4 экз.) и у южной границы владения, где в последней четверти X в. сооружений не находилось (6 экз.). Распределение каменных и глиняных пряслиц координирует с костяными проколками, но лишь отчасти. Их скопления зафиксированы у западного края двора рядом с мостовой Великой улицы, у южной границы усадьбы и рядом с сооружением Б26Ж.

Таким образом, инструменты прядения и ткачества в основном связаны с постройками, как и на большинстве владений этого времени. Однако, количественный и качественный состав предметов данной группы меняется в зависимости от сооружения. В то же время концентрация этих вещей в юго-западной части владения выбивается из общего ряда и может быть объяснена перемешанностью культурных отложений, поскольку известно, что в этой части усадьбы «Б» имелись постройки в первой половине XI в.

Рыболовный инвентарь

Средства рыбной ловли на усадьбе «Б» традиционно разделены на две группы: орудия крючкового лова и сетевого. Из крючковых снастей здесь был обнаружен только большой железный жерличный крючок. К средствам сетевого лова относилось значительно большее число предметов: рыболовные грузила из гальки с отверстием на конце (21 экз.); сетевые деревянные полукруглые поплавки с двумя отверстиями на концах (3 экз.), применявшиеся для крупных отцеживающих сетей (Куза, 2016. С. 75-77); небольшие поплавки из дерева (2 экз.) и бересты (1 экз.) для сетей меньших размеров.

В пространственном отношении можно выделить две основные зоны концентрации орудий рыбной ловли. Первая связана с постройкой Б26Е, вокруг которой было расположено 8 каменных грузил и один поплавок¹⁸. Второе скопление предметов этой группы, включавшее в себя пять каменных грузил и один поплавок, было расположено в западной и юго-западной частях усадьбы, к югу от предполагаемой постройки у мостовой Великой улицы.

Охотничий инвентарь на усадьбе «Б» представлен тремя роговыми томарами и обломком деревянной стрелы с массивным наконечником, который был орнаментирован в подражание роговым стрелам. По-видимому, все эти предметы применялись для охоты на пушных зверей.

Вооружение

Предметы вооружения на усадьбе «Б» немногочисленны, но включают в себя различные категории предметов. *Стрелы* представлены здесь двумя наконечниками черешковых ланцетовидных стрел типа 62, вар. 1 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 73-74), которые рассматриваются исследователями в качестве боевых (Каинов, 1999. С. 56-57).

К *оружию ближнего боя* относится роговая грушевидная гирька кистеня на железном стерженьке (тип I по А.Н. Кирпичникову), найденная в юго-западной части усадьбы. Кистени из рога были известны на территории Древней Руси в X-XIII вв., и помимо Новгорода они встречаются среди памятников степной и лесостепной зоны (Медведев, 1959. С. 137-138;

---

¹⁸ Вероятно, эти каменные грузила могли также использоваться как грузила вертикального ткацкого станка, учитывая, что в этом же месте было найдено большое число костяных проколов. Аналогичная ситуация была зафиксирована в постройке Б27К.

Кирпичников, 1966. С. 58-60). А.Н. Кирпичников считает, что появление и распространение кистеней было тесно связано с конным боем (Кирпичников, 1966. С. 65).

Защитное вооружение на усадьбе «Б» представлено обрывком кольчуги размером 15,5 × 2,4 см, состоявшей из 89 колец толщиной 1 мм (Медведев, 1959. С. 175). В эпоху образования Древнерусского государства этот тип доспеха являлся основным (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 136), для X в. кольчуги известны, как правило, по материалам дружинных могильников и редко встречаются на поселениях (Кирпичников, 1971. С. 81-82).

Украшения

Среди *стеклянных бусин* наибольшим числом представлены бусы в технике тянутой трубочки. Из многочастных недекорированных пронизок здесь найдены пятичастные пронизки из желтого (1 экз.) и синего (1 экз.) полупрозрачного стекла, трехчастные пронизки из желтого (3 экз.) и синего стекла (1 экз.) и двухчастные лимоновидные пронизки желтого стекла (12 экз.). К декорированным многочастным пронизкам здесь относятся только четырехчастная золотостеклянная пронизка и двухчастные золотостеклянные (ложнозолотостеклянные?) пронизки (2 экз.).

Одночастные бусы из тянутой трубочки без декора представлены лимоновидными бусинами из желтого стекла (18 экз.), лимоновидной бусиной синего стекла и лимоновидной бусиной из прозрачного стекла цвета морской волны. Также здесь была обнаружена одна ребристая бусина в технике тянутой трубочки из бесцветного прозрачного стекла.

К декорированным одночастным бусам в технике тянутой трубочки относятся продольно-полосатые лимоновидные бусы желтого цвета, украшенные полосками красного стекла (3 экз.), продольно-полосатая лимоновидная бусина желтого стекла, украшенная полосками коричневого стекла и одночастная золотостеклянная бусина.

Рубленный бисер встречен здесь в 20-и экземплярах. Из них 14 бисерин были изготовлены из стекла желтого цвета, три из стекла синего и темно-синего цвета и одна из голубого стекла. Тип еще двух бисерин не установлен. Кроме того, в одном экземпляре с усадьбы «Б» происходит призматическая бусина из граненой трубочки, изготовленная из синего прозрачного стекла.

Бусы, изготовленные в технике навивки, (37 экз.) представлены довольно большим количеством типов. Среди не декорированных навитых бус здесь найдены зонные бусы из синего прозрачного и непрозрачного стекла (18 экз.), двухчастные зонные бусы синего стекла (2 экз.), зеленые зонные бусы (2 экз.) и зонная бусина бесцветного стекла. Также на усадьбе «Б» были обнаружены навитые ребристые бусы синего стекла (2 экз.), округло-цилиндрическая бусина синего стекла, округло-боченковидная бусина синего непрозрачного стекла, голубая шарообразная бусина и битрапециоидная граненая (?) бусина желтого стекла.

Декорированные бусы этой технологической группы представлены в первую очередь глазчатыми бусами. К их числу принадлежат округло-боченковидные петельчатые бусы черного стекла с выпуклыми глазками красного цвета, заключенными в петли молочно-белого или голубого стекла (2 экз.), округло-боченковидная бусина с гладкими глазками коричневого стекла, боченковидная бусина печеночно-красного непрозрачного стекла с тремя выпуклыми глазками серо-голубого цвета, цилиндрическая бусина красного стекла с тремя выпуклыми желтыми глазками и короткоцилиндрическая бусина желтого непрозрачного стекла с накладными глазками черного стекла. Также здесь была встречена довольно редкая для Новгорода молочно-белая боченковидная бусина с реснитчатыми глазками с ядром коричневого стекла и ресничками желтого и красного стекла. По типологии Ю. Кальмера эти бусы относятся к типу В0300, который был распространен в Скандинавии в эпоху викингов. Особенно интенсивно эти бусы встречались в первой половине IX в., первой половине X в., и к началу XI в. они почти полностью выпали из оборота (Callmer, 1977. P. 87). Также на территории усадьбы была найдена еще одна бусина из молочно-белого непрозрачного стекла, имевшая зонную форму и украшенная двумя пересекающимися волнистыми линиями печеночно-красного стекла. Такие бусы соответствуют широко распространенному в Северной Европе типу В0160 по Ю. Кальмеру, время бытования которого практически полностью совпадает с описанным выше типом В0300 (Callmer, 1977. P. 81-82). Помимо этих изделий, к декорированным навитым бусам на усадьбе «Б» относятся цилиндрическая бусина синего цвета, инкрустированная спиральной нитью серого цвета и битрапицеоидная золотостеклянная бусина, распространение которых, как правило, приходится уже на XI в.

Мозаичные бусы, изготовленные из сваренных цветных стерженьков, выделяются на усадьбе «Б» в сравнительно небольшую группу. К их числу относятся крупная шарообразная бусина (около 2,5 см в диаметре), состоящая из стерженьков черного, зеленого, красного и молочно-белого стекла; зонная бусина с основной зеленого стекла с добавлением стерженьков желтого и белого стекла, а также три мозаичные пестрые граненые бусины в технике миллефиори.

Бусы из сердолика на усадьбе «Б» представлены всего несколькими экземплярами. В их числе 10-гранная призматическая бусина, 14-гранная бусина и многогранная бусина с пояском. Все указанные типы сердоликовых бус были широко распространены в X в. на территории Древней Руси и за ее пределами. Информация еще об одной каменной бусине утрачена.

Бусы из янтаря также являются здесь малочисленной группой. К ним относятся три битрапицеоидные бусины средних размеров, а также цилиндрическая заготовка янтарной бусины.

Украшения из стекла и полудрагоценных камней были распределены по территории усадьбы неравномерно. Большая их часть была сконцентрирована в западной половине двора рядом с постройками Б26Е и предполагаемым сооружением к югу от нее. На периферии владения, а также рядом со срубом Б26Ж встречены только отдельные находки бус.

К украшениям из металла на усадьбе «Б» относятся пластинчатые браслеты без орнамента, сделанные из тонкого листа цветного металла (2 экз.); широкосрединный пластинчатый перстень с незамкнутыми концами, украшенный чеканным орнаментом в виде двух зигзагов (Седова, 1981. С. 129); пластинчатая привеска, состоящая из трех трапециевидных привесок и оловянная круглая привеска с изображением птицы.

По мнению М.В. Седовой, найденная здесь трапециевидная привеска относится к ранним типам украшений, которые восходят к памятникам культуры длинных курганов (Седова, 1981. С. 35). В целом трапециевидные привески бытовали у населения лесной зоны Восточной Европы в течение достаточно длительного периода времени (Хвоцинская, 2017. С. 49).

Круглые привески с изображением птицы были распространены во второй половине X – XI вв. на территории Украины, в Гнездово, Рязанской Земле, Старой Руссе, Новгороде и Белоозере (Зозуля, Сингх, 2017. С. 81-82). Образ геральдической птицы был широко распространен в византийском декоративно-прикладном искусстве и, вероятно, был заимствован представителями северо-европейской военной аристократии в период, когда скандинавская элита встраивалась в политическую систему Византийской империи (Михайлов, 2010. С. 265). В Гнездово и Владимирских курганах были обнаружены стилистически близкие и изготовленные с помощью сложных ювелирных техник привески из серебра, которые принадлежали представителям знати. Имитация таких привесок из легкоплавких металлов носились рядовыми жителями, причем установлено местное производство этих изделий в Новгороде, Гнездове и Белоозере (Ениосова, Зозуля, 2012. С. 138-148).

В пространственном отношении практически все украшения из металла были обнаружены рядом с сооружением Б26Е и предполагаемым срубом вблизи мостовой Великой улицы.

Детали костюма

Фибулы представлены на этой территории пятью находками. Одна из них относится к типу латунных подковообразных спиралеконечных с дугой четырехгранного сечения. Фибула была разломана пополам, вторая ее часть нашлась на усадьбе «Г», расположенной по другую сторону Великой. Еще одна подковообразная фибула также являлась спиралеконечной и была изготовлена из дрота круглого сечения. Третья подковообразная фибула имела дугу шестигранного сечения с гвоздевидными головками на концах и была украшена насечкой по

поверхности дуги. Четвертая находка относилась к подковообразным фибулам с многогранными головками. Информация еще об одной застежке утрачена. Все обнаруженные на усадьбе «Б» фибулы принадлежат к распространенным в Новгороде типам и имеют множественные аналогии среди памятников лесной зоны Восточной Европы, Прибалтики, Финляндии и Скандинавии (Авдусина, Енисова, 2001. С. 94-101; Седова, 1981. С. 84-86; Хвоцинская, 1999. С. 39-49).

Пуговицы. В качестве застежки верхней одежды, по всей видимости, мог использоваться предмет из камня полушаровидной формы диаметром 1,7 см, в центре которого было просверлено отверстие. Близкие по типу пуговицы известны в протогородских и городских центрах X-XII, однако они были изготовлены из кости и рога (Дементьева, 2014. С. 121-126).

Предметы личного пользования.

Гребни и их фрагменты на усадьбе «Б» включают в себя следующие находки: гребни из дерева (3 экз.) и гребни из рога (4 экз.) и наборная пластина гребня. Два односторонних гребня с накладками украшены по краям вертикальными линиями (тип В-2 по К. Амброзиани) (Ambrosiani, 1984. S. 164), на спинке одного одностороннего гребня нанесена насечка (близкий к типу В-4 по К. Амброзиани). Информация еще об одном роговом гребне утрачена.

Три деревянных, вероятно, самшитовых, двусторонних гребня относятся к типу 1 (Колчин, 1968. С. 83-84), на одном из них вырезан рисунок в виде цепочки.

Футляры для односторонних гребней представлены одним целым экземпляром и отдельной боковой накладкой. Обе накладки первого футляра были украшены орнаментальной композицией из параллельных вертикальных линий на концах пластин и двух рядов циркульного орнамента, заключенных в ограничительные рамки (тип II-Б по О.А. Кондратьевой) (Кондратьева, 1995. С. 79-80). Накладка второго футляра была орнаментирована только вертикальными линиями на концах и, по-видимому, относилась к гребню типа В-2 по К. Амброзиани.

Нумизматика и инструменты взвешивания

Клад куфических монет. В западной части усадьбы «Б» рядом с мостовой Великой улицы был обнаружен клад, в состав которого входили 60 целых и 811 обрезанных монет, миниатюрная серебряная лунница, шесть железных гирек, покрытых медью, два свинцовых грузика, а также многогранная и призматическая хрустальные бусины. Клад был обнаружен в берестяном туесе, который лежал на слое материкового песка внутри сруба и, как отмечают авторы раскопок, не был зарыт. Из определенных в кладе монет (327 экз.) самой старшей является обломок полудрахмы 772-788 гг., а самой младшей – саманидский дирхем 971/972 гг. Основная часть монет датируется довольно узким периодом в 50 лет между 923-972 гг., таким образом, этот клад относится к кладами быстрого накопления (Янина, 1956. С. 180-181).

Гирьки. В составе описанного выше клада было обнаружено шесть боченковидных железных гирек, обтянутых медью, и бронзовая оболочка небольшой четырнадцатигранной гирьки (Янина, 1956. С. 207). Еще одна железная гирька была найдена в том же квадрате, что и гирьки из клада, но на пласт выше.

Отдельного внимания заслуживает заполненная свинцом черная глазчатая петельчатая бусина массой 8,16 г. По мнению В.Л. Янина эта бусина служила весовой гирькой и равнялась двум кунам (Янин, 2009. С. 201).

Средства учета

В эту группу предметов входят деревянные счетные бирки (4 экз.), из которых в коллекции сохранилась лишь одна бирка с восемью зарубками. В основном они были сосредоточены в восточной части двора рядом с усадьбой «А», где их было найдено значительно больше

К ***предметам культа*** на усадьбе «Б» относятся два сланцевых тесла, относящихся к эпохе неолита – раннего металла, и амулет из просверленного клыка дикого животного. Каменные тесла или «громовые топоры» в археологической литературе рассматриваются в качестве атрибутов лечебной магии и оберегов, обладающих отгонной силой (Тянина, 2008. С. 177-183), в то время как амулеты из клыков считаются скорее личными апотропеями, связанными с отгонно-поражающей магией (Тянина, 2011. С. 162-167).

Настольные игры характеризует деревянная игральная фишка конусовидной формы и небольшая каменная фишка со знаками на одной из сторон. К каким именно настольным играм принадлежали эти предметы установить невозможно.

Детские игрушки на этой территории представлены имитационными и состязательными игрушками. К первой группе относятся деревянные игрушечные мечи (2 экз.), один из которых имел резное навершие, и деревянная стрела детского лука. Вторая группа включает в себя только деревянные шары (9 экз.), точное назначение которых пока не установлено (Хорошев, 1998. С. 91).

Из деталей ***транспортных средств*** найдены только санные копылы (3 экз.), которые были расположены в южной части двора рядом с частоколом.

Элементы интерьера на усадьбе представлены четырьмя настенными крюками, которые были найдены как рядом с постройками, так и на окраине усадьбы.

Различные предметы из дерева

Разнообразные деревянные *поделки*, назначение которых не установлено, насчитывают 82 экз. Среди них заслуживает внимания деревянная дощечка в форме полукруга с процарапанным знаком Рюриковичей. Деревянные поделки были равномерно распределены по территории двора, но основная их часть сосредоточилась в западной половине владения.

Различные предметы из кости

Поделки неизвестного назначения из кости представлены пятью находками, из которых выделяется тонкая Г-образная накладка аналогичная накладке, обнаруженной на усадьбе «К».

Различные предметы из металла

Эта группа предметов включает в себя неопределимые предметы из железа и их обломки (22 экз.), железные стержни (2 экз.), пластины из железа и меди (2 экз.) и обрывок медной проволоки.

Прочие находки

К числу прочих находок на усадьбе «Б» относятся веревки (13 экз.), обрывки войлока (3 экз.), кусочки воска (3 экз.), кусочки слюды (2 экз.), обрывки ткани (5 экз.), поделки из камня (2 экз.) и пр.

5.7.3 Общая характеристика усадьбы «Б» в последней четверти X в.

В последней четверти X в. на усадьбе «Б» происходят заметные изменения, выражающиеся в появлении регулярной застройки и более четком определении границ, отделяющих это владение от усадеб «А», «Б-1» и «Е». В это время на усадьбе существуют, по меньшей мере, три постройки, однако их назначение устанавливается не достаточно точно, как и синхронность их существования (Рис. 61-62).

Вероятно, одним из первых здесь был поставлен небольшой четырехстенный сруб Б26Е, сооруженный на обширной глиняной площадке. Размеры и конструктивные особенности свидетельствуют о том, что постройка служила в хозяйственных целях (Фараджева, 2015. С. 129). В то же время известны примеры, когда небольшие срубы использовались в качестве временного жилья в период заселения усадьбы (Фараджева, 2004. С. 185). Выбор точки зрения в данном случае в значительной степени зависит от интерпретации зафиксированной здесь обожженной глины и пережженных камней. С постройкой Б26Е связано очень большое число различных находок, образующих большую плотность скопления. В их числе деревянные ложки, предметы бондарной тары, фрагменты туесов, многочисленные оселки и точильные камни, универсальные инструменты, костяные проколки, орудия рыбной ловли (грузила и поплавки), многочисленные бусины и детали костюма. Комплекс этих предметов характерен как для жилых, так и для хозяйственных сооружений.

В центральной части усадьбы примерно в это же время возникает постройка средних размеров Б26Ж с печью в северо-западном углу, которая, по всей видимости, имела жилой характер. С ней связано не такое большое число находок, но в то же время они вполне характерны именно для жилых сооружений. Здесь были найдены обломки столовой посуды (чаши, ковши), многочисленные ложки, пряслица, а также отдельные инструменты, каменные

грузила, охотничьи принадлежности и в небольшом количестве бусы. Вероятно, данное сооружение не было основным на усадьбе.

Особый интерес представляет зона к югу от постройки Б26Е рядом с мостовой Великой улицы, где зафиксировано одно из наиболее крупных скоплений вещей. Оно включало в себя отдельные предметы столовой посуды, предметы вооружения, многочисленные точильные бруски и оселки, ножи, пряслица, каменные грузила, роговые гребни и в большом количестве стеклянные бусы. Характер и плотность распределения этих находок свидетельствует о существовании здесь постройки, которая была основной на усадьбе, но по определенным причинам не сохранилась. Важно подчеркнуть, что именно здесь был обнаружен клад арабского серебра, и именно на этом месте было зафиксировано жертвоприношение с девятью резными чашами и свечами.

Судя по рассмотренному материалу этой усадьбы, в основном была освоена ее западная половина, в то время как восточная часть усадьбы производит впечатление малоиспользуемой земли. Количество и плотность распределения находок невелики, характер их невыразителен.

Облик материальной культуры усадьбы «Б» в целом типичен для хозяйств этого времени. Количество жителей этого владения достоверно установить невозможно. По всей видимости, здесь проживало несколько человек, и по характеру обнаруженных вещей можно предположить, что среди них были и мужчины, и женщины, и дети. Анализ вещевой коллекции свидетельствует о том, что ее жители усадьбы занимались рыбной ловлей, охотой, изготовлением тканей и пр. Хозяин этого владения, по всей видимости, имел отношение к воинской культуре, о чем в первую очередь свидетельствуют характерные предметы вооружения (фрагмент кольчуги, *боевые* стрелы, гири кистеня). Учитывая находки элементов всаднического снаряжения (каплевидная привеска, псалии, шумящая плеть) в предыдущем ярусе элементов всаднического снаряжения (каплевидная привеска, псалии, шумящая плеть), можно допустить, что это был конный воин. Важно подчеркнуть, что на этой территории в слоях второй половины X в. были встречены вещи, указывающие на связи с Византийской империей, а именно привеска и перстень с изображением птицы, обломки амфор и поливной посуды. Вероятно, данные находки являются отражением торговых контактов, или они появились здесь в результате участия владельца усадьбы в военных кампаниях.

Несмотря на невыразительную планировку и отсутствие больших построек, в целом усадьба представляется довольно зажиточной. Помимо предметов южного импорта и элементов воинского снаряжения об этом свидетельствует обнаруженный здесь клад восточных монет, а также сравнительно большое число украшений из стекла, предметов из цветного металла и роговых гребней.

Конец этого яруса усадьбы «Б», по-видимому, связано с пожаром конца X в., хотя он здесь практически не прослеживается. Предположительно именно с драматическими событиями этого периода следует связывать выпадение клада монет и исчезновение постройки, располагавшейся рядом с мостовой Великой улицы. Также об этом свидетельствует существенное изменение усадебной планировки на усадьбе «Б» в начале XI в. (Засурцев, 1963. С. 122).

5.8. Усадьба «Б-1» в последней четверти X в.

5.8.1 Застройка усадьбы «Б-1»

Усадьба «Б-1» располагалась к востоку от усадьбы «Е» и югу и юго-востоку от усадьбы «Б» на равнинном участке с незначительным уклоном на север. В последней четверти X в. отчетливо оформляются контуры этого владения, выраженные участком частокола длиной 10,2 м по северной границе усадьбы и двумя участками частокола длиной 3,6 и 0,8 м по западной границе. Отчетливо выраженных построек в отложениях этого времени обнаружено не было. В северной части усадьбы рядом с частоколом зафиксированы лишь скопление отдельных бревен, жердей и досок (Рис. 61, 62).

5.8.2 Материальная культура усадьбы «Б-1» (Рис. 67)

Домашняя утварь

Столовая посуда. По сравнению с соседней усадьбой «Б» столовая посуда обнаружена здесь в меньшем количестве. К ней относятся обломок точеной деревянной тарелки, обломок глиняного поливного сосуда, деревянные ложки (3 экз., включая рукоять и заготовку ложки) и костяная ложка с лопастью, орнаментированной сеточкой, и рукоятью, украшенной трехленточной плетенкой.

Кухонные принадлежности представлены на усадьбе мутовками (6 экз.), деревянной лопаточкой и обломками железных сковород (2 экз.).

К числу находок, характеризующих *бондарную тару*, принадлежат клепка ушата, обломки бондарных ободов (2 экз.) и затычки от бочек (3 экз.).

К *берестяной таре* традиционно относятся днища берестяных туесов (5 экз.), в том числе одно орнаментированное.

В пространственном распределении предметов домашней утвари выделяется две зоны их концентрации. В северной части усадьбы, где были зафиксированы различные скопления остатков деревянных конструкций, были обнаружены берестяные днища туесов (4), мутовки (4), сковороды (2), деревянная лопатка и ложка. В южной части двора на небольшом участке были найдены деревянные ложки (3 экз.), точеная тарелка, днища туесов (3 экз.) и обломок поливного сосуда.

Хозяйственный инвентарь

Находки, характеризующие эту группу, очень немногочисленны и представлены в основном отдельными орудиями труда. Здесь были найдены чекмарь, деревянное трепало, цилиндрическая рукоять инструмента с отверстием в центре, угольный совок и деревянная лопатка для смоления, обитая войлоком с остатками прикипевшего дегтя.

Запорные механизмы

Запорные механизмы на усадьбе «Б-1» представлены двумя железными ключами. Один из них коленчатый с двумя зубьями на конце, предназначавшийся для деревянного нутряного замка типа А. Второй ключ относится к навесным замкам кубической формы типа А и имеет прямоугольную форму рабочей лопасти (Кудрявцев, 2014. С. 81-82).

Универсальный инструментарий

К числу предметов этой функциональной группы на усадьбе «Б-1» относятся железные *ножи* (4 экз., в т.ч. обломок черенка ножа), один из которых имел горбатую спинку, *шилья* с острием круглого сечения (2 экз., в т.ч. один с сохранившейся деревянной рукоятью), обломок пружинных *ножниц* и цилиндрические *рукояти* (2 экз.), одна из которых была сделана из рога, а другая была изготовлена из дерева и украшена резьбой. *Инструменты для заточки* на усадьбе «Б-1» представлены тремя призматическими точильными брусками.

Из *средств крепежа* на этой усадьбе обнаружено только шесть железных гвоздей, расположенных в разных частях двора.

Инструменты прядения и ткачества

К этой немногочисленной группе предметов здесь принадлежат только битрапециоидные пряслица из розового шифера (2 экз.), каменное пряслице неустановленного типа и классические костяные проколки (3 экз.). Все эти вещи были обнаружены по отдельности в разных частях двора.

Рыболовный инвентарь на данной территории представлен находками двух берестяных поплавок для небольших сетей и бронзовой (железной, покрытой медью?) блесной-дорожкой из цельной пластины овальной формы, применявшейся для лова крупной речной рыбы (Куза, 2016. С. 70; Салмина, 1994. С. 169).

Из ***охотничьего инвентаря*** здесь присутствовали только цилиндрические роговые томары (4 экз.), применявшиеся для охоты на пушных зверей. Два томара были найдены вместе с обломками деревянных древков.

К предметам ***вооружения*** с определенной долей условности принадлежит только черешковый остролистный наконечник стрелы типа 61 по А.Ф. Медведеву. Стрелы этого типа были широко распространены на территории Древней Руси в X-XIV вв. (Медведев, 1966. С. 73), и, по-видимому, имели универсальный характер.

Украшения

Среди *стеклянных бусин* нетипично мало представлены бусы, изготовленные в технике тянутой трубочки. Из бус этой технологической группы без декора здесь найдены лишь лимонovidная одночастная бусина желтого стекла и лимонovidная одночастная бусина синего стекла. Также в этих слоях присутствовали две рубленные *бисерины* из стекла голубого и бордового цвета.

Навитые бусы представлены также сравнительно малочисленно. Среди бус без декора этой технологической группы встречены зонная бусина из синего полупрозрачного стекла, зонная бусина из зеленого прозрачного стекла, битрапециoidalные бусы синего стекла с соотношением высоты и диаметра 1:2 (2 экз.), зонная бусина из бирюзового непрозрачного стекла, близкая по форме к битрапециoidalной, а также зонная бусина черного стекла. К декорированным навитым бусам принадлежат глазчатая петельчатая боченовидная бусина черного непрозрачного стекла с выпуклыми глазками красного стекла и золотостеклянная боченовидная бусина. Тип еще двух бусины, одна из которых сильно оплавилась, определить не удалось.

К *бусам из камня* на территории усадьбы «Б-1» относится всего одна многогранная сердоликовая бусина.

Из *украшений из металла* здесь обнаружен только один узкомассивный бронзовый браслет овального сечения, который был украшен рядом параллельных линий, перемежающихся косыми крестами (Седова, 1981. С. 103). Узкомассивные браслеты были распространены в X-XII вв. на обширной территории, охватывающей Северо-Запад Новгородской земли, Ростово-Суздальскую землю, юго-восточную Прибалтику и Финляндию (Левашева, 1967. С. 242-243).

К *деталям костюма* на усадьбе «Б-1» относится только находка железной спиралеконечной подковообразной фибулы с иглой. Аналогичные фибулы уже были встречены на этой же усадьбе в слоях третьей четверти X в., а также на усадьбах «Е», «И» и «Д».

Предметы личного пользования

Гребни на усадьбе «Б-1» представлены находками как роговых односторонних расчесок (4 экз.), так и деревянными гребнями (2 экз.).

К числу первых относятся гребни типа В-3 по К. Амброзиани (Ambrosiani, 1981. Р. 62), боковые накладки которых украшены циркульным орнаментом и вертикальными полосами на краях пластины (3 экз.), и обломок одностороннего гребня без орнамента, типологическую принадлежность которого точно установить нельзя. Деревянные расчески включают в себя два самшитовых (?) расческами 1 вида по Б.А. Колчину (Колчин, 1968. С. 83-84).

Футляры односторонних гребней представлены всего двумя экземплярами. Один из них относится к типу III-Б по О.А. Кондратьевой и характеризуется композицией из

комбинированного циркульного орнамента и вертикальных полос на краях боковых пластин. На территории Древней Руси такие футляры известны в Лукомле и Новгороде (Кондратьева, 1995. С. 80-81). От второго футляра, относящегося к типу I-A по О.А. Кондратьевой, сохранилась только боковая накладка, украшенная рядом концентрических кружков, заключенных в ограничительные рамки, и вертикальными линиями по краям (Кондратьева, 1995. С. 78-79).

Инструменты взвешивания представлены двумя железными *гирьками*, обтянутыми медью. Внешняя оболочка у обоих предметов подверглась коррозии, поэтому знаки кратности не сохранились.

Из **средств учета** здесь обнаружена только деревянная счетная бирка

Транспортные средства

Сухопутный транспорт представлен на усадьбе «Б-1» деталями саней, а именно санным копылом и двумя обломками санных полозов.

К **водному транспорту** относится только обломок деревянного весла.

Также на этой территории встречены различные **игрушки** (8 экз.). К имитационным игрушкам среди них принадлежат две деревянные стрелы, а к числу состязательных относятся деревянные шары (2 экз.), деревянные волчки (3 ед.) и орнаментированная бабка из таранной кости животного.

Различные предметы из дерева

В отличие от большинства других усадеб, на данной территории было найдено сравнительно небольшое число предметов невыясненного назначения, к числу которых относятся разнообразные *поделки* (15 экз.) и *фигурка* в виде искусно вырезанной головы барана. Также здесь были найдены два деревянных *подпятника*, которые имели универсальных характер использования, и одна заготовка подпятника.

Различные предметы из кости

В эту группу предметов входят обломок костяной поделки, накладка с двумя отверстиями, две орнаментированные свиные лопатки с орнаментами, на одной из которых были изображены условные изображения человеческой фигуры (Рыбина, 1998. С. 22).

Различные предметы из металла

К данной группе относятся металлические пластины (2 экз.), обрывок медной проволоки и фрагмент золотой фольги

5.8.3 Общая характеристика усадьбы «Б-1» в последней четверти X в.

В последней четверти X в. появляются частоколы, отделяющие территорию к югу от усадьбы «Б» и к востоку от усадьбы «Е-1», но признаков заселения и активного хозяйственного пользования этой землей в данный период не прослеживается.

Как и в слоях, условно датированных третьей четвертью X в., здесь присутствуют различные предметы, характерные для всех остальных усадеб: столовая посуда, хозяйственные принадлежности, инструменты, орудия рыбной ловли, охотничий инвентарь, орудия прядения и ткачества, украшения и пр. Однако, в отличие от достоверно заселенных владений, в количественном выражении этих вещей обнаружено значительно меньше, а в пространственном отношении они распределены более разрежено, и практически не встречено характерных скоплений предметов. Возможно, во второй половине X в. данная территория использовалась владельцами соседних усадеб в каких-то хозяйственных целях, и в действительности, найденные здесь вещи скорее характеризуют их быт.

Из особенностей отметим три фрагмента человеческих черепов, обнаруженных в разных частях двора, что в целом необычно для ранних слоев Новгорода. Возможно, эти находки каким-то образом соотносятся с драматическими событиями, связанными с крещением Новгорода и пожаром конца X в.

5.9 Усадьба «А» в последней четверти X в.

5.9.1 Застройка усадьбы «А»

Усадьба «А» располагалась к северу от усадьбы «Б» и к востоку от Великой улицы на месте, где во время первоначального освоения находилась материковая западина, образованная временными водотоками. Усадьба изучена не полностью, в ходе работ на Неревском раскопе была раскопана лишь ее часть площадью около 350 кв.м. В слоях, датируемых последней четвертью X в. целых построек обнаружено не было, но об их присутствии свидетельствуют многочисленные бревна и их обломки, разбросанные по территории двора. Имеющиеся данные не позволяют судить ни о конструкции сооружений, ни об усадебной планировке, но, по всей видимости, один из домов располагался в юго-западной части владения рядом с Великой улицей. В слое, синхронном этим остаткам, встречены различные угольные прослойки (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 860. Л. 49),¹⁹ что дает возможность предположить, что данный сруб пострадал в результате пожара или был разобран после него, хотя следов воздействия огня на имеющихся бревнах отмечено не было (Рис. 61, 62).

5.9.2 Материальная культура усадьбы «А» (Рис. 66)

Домашняя утварь

Столовая посуда в слоях данного яруса представлена обломками точеных деревянных мисок (3 экз.), зооморфной рукоятью резного ковша, фрагментом глиняного поливного сосуда, обломками деревянных ложек (11 экз.), из которых большая часть принадлежит к типу с крутым перегибом от черенка к лопасти, и заготовкой деревянной ложки.

¹⁹ Угольная прослойка длиной около 8 м зафиксирована в восточной стенке раскопа I на глубине 33 пласта, также на отчетном чертеже 33 пласта в южной половине раскопа I обозначены многочисленные угольные прослойки, которые не были описаны ни в тексте отчета, ни в полевых дневниках.

Среди *кухонных принадлежностей* на усадьбе обнаружены только обломки мутовок (3 экз.).

Бондарная тара характеризуется находками бондарной клепки, железных дужек ведра (2 экз.), бондарных затычек (4 экз.) и бондарных крышек (3 экз.), одна из которых принадлежала к типу 3 по Б.А. Колчину (Колчин, 1968. С. 30) Еще на одной из крышек сохранились железные накладки,

Берестяная тара представлена довольно многочисленными для такой небольшой территории днищами берестяных туесов (14 экз.).

По территории усадьбы большая часть предметов этой функциональной группы располагалась в зоне, где было зафиксировано скопление бревен от разобранного сооружения.

Хозяйственный инвентарь.

Данная категория предметов представлена небольшим числом находок. К *универсальным деревянным орудия труда* относятся деревянные чекмари (2 экз.), *инструменты для обработки прядильных растений* характеризуются чесалами (2 экз.), из которых одно имело перпендикулярно расположенную ручку. Также здесь были найдены деревянный вертлюг, имеющий универсальное значение, и стенка деревянной клетки, использовавшейся, вероятно, для содержания птиц (Колчин, 1968. С. 85). *Кресала* представлены одним экземпляром калачевидной формы. Среди *универсальных металлических предметов хозяйственного назначения* на этой усадьбе встречены только железные кольца (2 экз.)

Универсальный инструментарий

Предметы, относящиеся к этой функциональной группе, найдены здесь в небольшом количестве. Железные ножи с прямой спинкой (IV группа по Р.С. Минасяну) обнаружены на усадьбе «А» в четырех экземплярах, два из которых сохранились вместе с костяными рукоятями. Рукоять одного из таких ножей была украшена резным орнаментом в виде причудливо переплетенных тел зверей (Рис. 66, 10), которые по совокупности декоративных элементов близки к стилю Урнес, получившему распространение в Скандинавии со второй четверти XI в. (Tochilova, 2018. P. 54-55; Wilson, Klindt-Jensen, 1966. P. 160). С другой стороны, ряд признаков свидетельствует о более архаичной по сравнению со стилем Урнес форме изображения животных, что сближает этот предмет со стилем Маммен.

Помимо ножей на усадьбе «А» были обнаружены цилиндрическая деревянная *рукоять*, и призматические *точильные бруски* (4 экз.).

Инструменты деревообработки. К их числу относятся два долота, необходимых для выдалбливания пазов и выступов в дереве. Одно из принадлежало к редкому типу шиповых втульчатых долот (Сингх, 2015. С. 203).

Средства крепежа представлены на этом участке шестью гвоздями, которые компактно были расположены в восточной части двора.

К *инструментам прядения и ткачества* на усадьбе «А» относятся только классические костяные проколки (2 экз.) и пряслица (3 экз.), среди которых встречены битрапециоидное пряслице из серого шифера, битрапециоидное лепное глиняное пряслице и битрапециоидное роговое пряслице, выточенное на токарном станке.

Рыболовный инвентарь на этой территории представлен только орудиями сетевого лова, которые включают в себя полукруглый деревянный поплавок, использовавшийся для крупных ставных сетей; галечные грузила с отверстием на конце (3 экз.) и каменное грузило в берестяной оплетке.

Украшения найдены на усадьбе «А» в небольшом количестве. Среди *стеклянных бусин* (24 экз.) очень малым числом представлены бусы в технике тянутой трубочки, которые, как правило, являются наиболее массовыми в это время. К их числу относятся двухчастная лимоновидная пронизка и одночастная лимоновидная бусина из желтого стекла, а также четыре рубленные бисерины, из которых две были изготовлены из желтого стекла, одна из темно-синего, а цвет последней бисерины не известен. Близкая ситуация была уже отмечена для усадьбы «Б-1» последней четверти X в.

Бусы, изготовленные в технике навивки, являются преобладающими на данном участке. К числу бус, входящих в эту технологическую группу, без декора относятся зонные бусы синего прозрачного и полупрозрачного стекла (4 экз.), кольцевидная бусина голубого прозрачного стекла, кольцевидная бусина темно-синего полупрозрачного стекла, округло-боченковидная бусина из темно-синего непрозрачного стекла и ребристая навитая бусина синего стекла. Одна бусина этой группы несколько выпадает из общего ряда. Обломок зонной бусины желтого прозрачного стекла, найденный рядом с мостовой Великой улицы, является не вполне характерной вещью для рассматриваемого периода. Бусы этого типа широко встречаются в Древней Руси в XII-XIV вв., поэтому попадание данного предмета в более раннее время следует рассматривать как случайность (Щапова, 1956. С. 168).

К декорированным бусам в технике навивки относятся округло-боченковидная глазчатая темно-лиловая бусина с глазками красного стекла, помещенными внутрь петель из нитей голубого цвета и цилиндрическая белоромбическая бусина синего стекла.

Кроме того, на усадьбе «А» была найдена граненая (?) битрапециоидная бусина желтого стекла, технологию изготовления которой установить невозможно. Эта бусина известна только по карандашному рисунку в камеральной описи, аналогов ей среди известных памятников X в. найти не удалось. Также не установленной является типологическая принадлежность еще шести стеклянных бусин, происходящих с этого участка.

К *бусам из камня* на усадьбе «А» относится только небольшая шаровидная сердоликовая бусина.

Среди *украшений из металла* здесь обнаружен только браслет, сделанный из двух перевитых друг с другом проволок круглого сечения. Аналогий этому изделию найти не удалось.

К *предметам личного пользования* на усадьбе «А» относится только обломок *футляра* гребня типа I-Б по О.А. Кондратьевой, который украшен циркульным орнаментом, заключенным в ограничительные рамки, и вертикальными полосами на краях боковых пластин (Кондратьева, 1995. С. 78-79).

К предметам *вооружения* относится черешковый наконечник стрелы ромбовидной формы с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40 по А.Ф. Медведеву). Этот тип стрел был распространен в X-XIV вв. преимущественно в Прикамье и в отдельных случаях встречается на Северо-Западе Руси (Медведев, 1966. С. 64-65).

Предметы культа на усадьбе «А» представлены двумя не очень выразительными вещами. В материалах отчета имеются сведения о находке на этой территории окаменелого белемнита или «чертова пальца», который использовался в лечебной магии (Желтова и др., 2017. С. 240). Кроме того, здесь был обнаружен браслет (?) диаметром 8 см из перекрученного железного дрота круглого сечения и с обломанными концами. Предположительно, изначально эта вещь являлась железной «гривной Тора», характерной для североевропейских языческих культов, но впоследствии она была использована вторично в качестве браслета.

Средства учета отражены на усадьбе «А» счетными бирками (7 экз.), которые сохранились только в обломках. На одной из бирок, имеющей следы пребывания в пожаре, метки были сделаны с двух сторон.

К находкам, связанным с *транспортными средствами*, на этой территории относится только обломок деревянного весла.

Детские *игрушки* представлены шестью находками. Здесь были найдены деревянный волчок, деревянные шары (4 экз.) и костяная игральная бабка.

Среди *элементов интерьера* обнаружены настенный крюк и полочка (подвесная) с процарапанным крестом.

Различные предметы из дерева и бересты

Разнообразные деревянные *поделки*, функциональное назначение которых не определено, являются на этой территории довольно многочисленной категорией предметов (48 экз.). Среди них выделяются квадратная привеска с процарапанным крестом и отверстием для подвешивания, орнаментированный деревянный круг с отверстием в центре и др. Также здесь были встречены два деревянных *навершия* и четыре фрагмента бересты с рисунками.

Различные предметы из кости

Эта группа предметов включает в себя три поделки, одна из которых была обломана, имела слегка изогнутую форму и украшена на конце точечным орнаментом (роговой псалий?).

Прочие находки

На усадьбе «А» в эту группу входят обрывки веревок (18 экз.), кусочки воска (5 экз.) и восковая свеча, обрывки ткани (3 экз.), скорлупа грецкого ореха, шлак, глиняный шарик, раковина моллюска и неопределенные предметы из железа (3 экз.)

5.9.3 Общая характеристика усадьбы «А» в последней четверти X в.

В последней четверти X в., усадьба «А» формирует свои контуры, хотя граница, отделяющая ее от усадьбы «Б» прослеживается достаточно условно. По всей видимости, уже в это время здесь появляются первые постройки, которые пострадали в пожаре конца X в. и были разобраны. Отчасти это подтверждается очень плотным скоплением различных находок в том же месте, где были зафиксированы остатки сооружений.

Поскольку усадьба изучена не полностью, охарактеризовать ее быт всесторонне трудно. В основном здесь обнаружены те же вещи, которые были свойственны и для других владений X в.: столовая посуда, хозяйственный инвентарь, инструменты, рыболовные принадлежности, стеклянные бусы и пр. Из особенностей важно подчеркнуть небольшое число пряслиц и костяных проколов и одну из самых высоких концентраций деревянных счетных бирок в сравнении с другими владениями Неревского конца. Связать эти бирки с какой-то специфической деятельностью хозяев усадьбы не представляется возможным.

5.10 Усадьба «Д» в последней четверти X в.

5.10.1 Застройка усадьбы «Д»

Усадьба «Д» располагалась к северо-западу от перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц на участке равнины с очень незначительным уклоном на восток. Границы, отделяющие данное владение от других, в это время фиксируются недостаточно четко. Хорошо определима западная граница усадьбы, отстоящая от Великой улицы на 26 м, которая представлена двумя участками частокола длиной 2,7 и 4 м. В дальнейшем это ограждение практически не меняло своего положения. В 29 м к северу от Кузьмодемьянской улицы был зафиксирован небольшой частокол, сохранившийся на длину 3,5 м, однако, оснований, чтобы считать его северным пределом усадьбы «Д», недостаточно. Возможно, в конце X в. эта граница проходила достаточно условно и в сферу влияния владельцев входила также территория будущей усадьбы «Д-1».

На усадьбе «Д» было обнаружено три постройки (Рис. 68, 69). У перекрестка Великой и Кузьмодемьянской располагалось сооружение средних размеров Д27А, которое представляло собой четырехстенный сруб с привходной конструкцией, возведенный на фундаментной

площадке, ограниченной по краям бревнами. От основной камеры постройки, размеры которой составляли $4,7 \times 4,5$ м, сохранилось бревно западной стены размерами $5 \times 0,18$ м, обломок восточной стены с чашей-врубкой у северного края размерами $3,5 \times 0,18$ м, и, вероятно, подкладки под северный и южный концы западной стены. Остатки фундаментной площадки представлены обломком бревна размерами $4,1 \times 0,15$ м по западной стороне сруба, бревном $5,1 \times 0,22$ вдоль северной стенки и обломком бревна $2,4 \times 0,14$ м по восточной стенке основной камеры (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1278. Л. 131). Форма привходной конструкции не вполне ясна. Н.Н. Фараджева предполагает, что сруб Д27А относился к дому с открытыми сенями (Фараджева, 2015. С. 128). Данных, позволяющих судить о внутренней планировке постройки, недостаточно, положение печи не установлено. На сохранившихся частях сруба заметны следы пожара.

В 15 м к северу от сооружения Д27А и в 7,5 м к западу от Великой улицы располагалась малая постройка Д26Х (по П.И. Засурцеву), представлявшая собой четырехугольный сруб размерами $4,1 \times 3,4$ м. От него сохранились северная, восточная и южная стены, переводина и доски пола, ориентированные с запада на восток. Отопительное устройство обнаружено не было. По всей видимости, постройка была предназначена для каких-то хозяйственных целей. Также рядом с этим срубом была обнаружена яма диаметром 1,8 и глубиной 0,8 м., которая, вероятно, служила погребом (Засурцев, 1963. С. 112).

В четырех метрах к востоку от постройки Д26Х рядом с мостовой Великой улицы располагалось сооружение Д25У размерами $3 \times 2,7$ м. От него сохранился северо-западный угол, сложенный в обло из двух бревен длиной 2,7 и 2 м, и юго-восточный угол, представленный частоколом. В центре этой конструкции находилась яма диаметром 1,6 и глубиной около 1,3 м, заполненная навозом, углем и золой (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 993. Л. 176). По всей видимости, эта постройка также имела хозяйственное значение. П.И. Засурцев предполагал, что это был крытый погреб, конструкция которого дважды обновлялась (Засурцев, 1963. С. 112).

В двух метрах к северу от сооружения Д25У на уровне предматерика зафиксировано скопление глины, в том числе пережжённой, с включениями угля. Вероятно, здесь находилась дворовая печь, которая впоследствии была разобрана (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 993. Л. 175).

На остальной части усадьбы построек этого времени не обнаружено, но вместе с тем были зафиксированы крупные материковые ямы с большим количеством находок, в особенности в северо-западной части двора (раскоп XXVI). Рассмотрим наиболее значимые из них.

Яма № 5 (раскоп XXVI) круглой формы имела диаметр 3,2 и глубину около одного метра. Она была заполнена темно-коричневым слоем со щепой, углями и обломками обгоревшего дерева от пожара конца X в. Здесь сосредоточено очень большое число вещей, которые будут рассмотрены ниже, керамика и кости почти отсутствовали (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1940. Л. 24)

Яма № 6 (раскоп XXVI), расположенная рядом, имела неправильную форму, ее размеры составляли 3,7 × 2,6 м, а максимальная глубина достигала 44 см. Сооружение было заполнено темно-коричневым слоем со щепой и глиной, который сверху перекрывался углем пожара конца X в. Здесь было встречено довольно много костей и керамики (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 1940. Л. 22).

Яма № 3 (раскоп XXVI) находилась в 6 м к северо-западу от постройки Д26Х. Она имела овальную форму, вытянутую с севера на юг, ее размеры составляли 7,2 × 3,6 м, глубина изменялась от 0,4 до 1 м. Яма была заполнена перемешанным темно-коричневым слоем со щепой, навозом и вкраплениями угля, в котором было найдено большое число керамики, костей и различных находок. Сверху сооружение было перекрыто двумя бревнами длиной 3 и 3,7 м, которые залегали непосредственно на предматерике. Возможно, эти бревна принадлежали какой-то разобранный постройке.

5.10.2 Материальная культура усадьбы «Д» (Рис. 70-72)

Домашняя утварь

Столовая посуда на усадьбе «Д» представлена большим числом разнообразных находок. К ним относятся деревянные чаши (4 экз.), из которых две были резными с подтреугольной ручкой и одна точеная, стоян от деревянного блюда, резные ковши (5 экз.), рукояти ковшей (3 экз.), в том числе зооморфно украшенные, обломки амфор (2 экз.), ножка поливного керамического сосуда и обломок стенки стеклянного сосуда из синего прозрачного стекла. Также в эту группу входят деревянный черпак, деревянные ложки с резким переходом от черенка к лопасти (4 экз.) и два обломка костяной ложки с плоской трапециевидной в сечении ручкой без орнамента.

К числу *кухонных принадлежностей* на усадьбе принадлежат деревянные мутовки (5 экз.), деревянные лопаточки (6 экз.), два обломка железной сковороды и заклепанное ушко железного котла.

Бондарная тара включает в себя бодарные днища (3 экз.), обломок бондарной крышки, деревянный обруч, деревянные затычки (2 экз.) и железную дужку ведра прямоугольного сечения.

Берестяная тара характеризуется довольно большим числом днищ берестяных туесов (19 экз.) и орнаментированным обрывком стенки сосуда.

К числу *прочих* емкостей для хранения относятся два фрагмента плетеных из прутьев корзин и три фрагмента плетеных лыковых лукошек.

В пространственном отношении предметы домашней утвари в основном связаны с постройками и отчасти с ямами. Внутри сруба Д27А обнаружены только деревянная чаша и несколько днищ туесов, но с прилегающей к нему территории происходят многие другие предметы этой функциональной группы. Рядом с сооружениями Д26Х и Д25У компактно была сосредоточена столовая посуда (ковши, чаши, черпак), деревянные лопатки (6 экз.), бондарная и берестяная тара. На остальной части усадьбы предметы домашней утвари расположены разрежено, отдельные вещи (ковши, обломки амфор, мутовки) происходят из материковых ям.

Хозяйственный инвентарь

К *универсальным деревянным орудиям труда* на усадьбе относятся чекмари (2 экз.) и деревянные лопаты (2 экз.), одна из которых обгорела.

Орудия обработки прядильных растений включают в себя деревянные чесала (2 экз.), в том числе одно с перпендикулярно отогнутой ручкой, и трепало.

К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* принадлежат звено костыльковой цепи и железные кольца различного диаметра (4 экз.). Также на территории усадьбы был обнаружен деревянный угольный совок и четыре деревянных клина, которые вероятно использовались для раскалывания бревен.

Сельскохозяйственные орудия включают в себя всего две находки: обломок железной косы и серп.

Запорные системы

Замки на усадьбе «Д» представлены одним экземпляром навесного замка типа А с кубическим корпусом, который известен в Новгороде в слоях X-XI вв. (Кудрявцев, 2014. С. 81-83).

Ключи встречены на этой территории в трех экземплярах, из которых один относится к коленчатым ключам от деревянных замков и имел два зуба на конце, а типологическую принадлежность двух других ключей установить невозможно.

Также на этой территории была найдена железная личина, принадлежавшая комбинированному замку первого варианта, и деревянная щеколда от двери.

Универсальный инструментарий

Нож обнаружены на усадьбе «Д» в количестве 23-х экземпляров. Среди них доступными для изучения являются всего восемь ножей, относящихся к распространенной в это время IV группе по Р.С. Минасяну (Минасян, 1980. С. 70). Два ножа сохранились вместе с рукоятями, одна из которых была изготовлена из рога, а другая из дерева. Также здесь были

найлены две роговые *рукояти*, предназначавшиеся, судя по всему, для ножей, и одна заготовка рукояти.

Среди прочих универсальных инструментов на усадьбе «Д» обнаружены железные *шилья* (5 экз.), а также двое пружинных железных ножниц.

Приспособления для заточки инструментов наряду с ножами являются довольно многочисленной группой предметов на этой усадьбе. Они представлены призматическими точильными брусками (16 экз.), и небольшими сланцевыми оселками (10 экз.), два из которых имели отверстие на конце для подвешивания. Также здесь был найден обломок оселка, изготовленного из полосатого сланца, которые не были предназначены для заточки инструментов. Аналогичные предметы на Неревском раскопе известны на усадьбах «Е» и «К».

Инструменты деревообработки.

К их числу относятся железные топоры (4 экз.), из которых три принадлежат характерному для X-XII вв. типу V по А.Н. Кирпичникову с прямой спинкой и опущенным вниз лезвием (Колчин, 1959. С. 25-27; Сингх, 2015. С. 201), а один был узколезвийным. Также здесь было найдено небольшое перовидное железное сверло с лучковым приводом для проделывания отверстий небольшого диаметра (Сингх, 2015. С. 210).

На территории двора большинство инструментов сосредоточено в западной и северной частях участка, при этом почти все они были обнаружены вне сооружений. Наблюдается закономерность в чередовании ножей и средств их заточки, отмеченная ранее для других усадеб.

Кузнечное дело и металлообработка

В юго-западной части усадьбы практически у границы были обнаружены кузнечные *клещи* с шарниром, применявшиеся для извлечения заготовки из горна и удерживания ее на наковальне во время последующей обработки (Колчин, 1953. С. 55). С этого же участка двора происходит глиняная льячка и различные шлаки (6 экз.). В целом предметы этой группы сосредоточены на усадьбе компактно и свидетельствуют о какой-то деятельности, связанной с обработкой металлов.

Крепежи

Средства крепежа представлены значительным числом находок и включают в себя железные гвозди (40 экз.), скобы (6 экз.) и железные заклепки (4 экз.).

Инструменты прядения и ткачества

К этой категории предметов относится значительное число находок. Самыми массовыми являются пряслица (22 экз.), основную массу которых традиционно составляют шиферные пряслица (16 экз.), включающие в себя битрапециоидные пряслица из розового шифера (6 экз.),

битрапециоидные пряслица серого шифера (3 экз.) и розовые пряслица зонной формы (2 экз.). Кроме того найдены пряслица из камня (2 экз.), глины (1 экз.) и кости (2 экз.).

Орудия работы на ткацком станке, как и на большинстве других усадеб, представлены большим числом разнообразных проколов (21 экз.), применявшихся для подбивания нитей утка к нитям основы. Большая часть из них относится к т.н. «классическим» проколкам, но в то же время в их числе есть и нестандартные вещи. Так, одна из проколов была изготовлена из рукояти ложки, украшенной сложным орнаментом из многократно переплетенных лент. Больше всего подобных ложек было обнаружено в Средней Швеции в Сигтуне и Бирке, откуда они, вероятно, и были привезены в последней четверти X в. на Северо-Запад Руси

Также были найдены и швейные принадлежности, к которым относятся костяные иглы (3 экз.), железные иглы (2 экз.) и полые костяные игольницы (2 экз.).

Распределение инструментов прядения и ткачества по территории усадьбы дает следующую картину. Рядом с основной постройкой Д27А было найдено всего три проколки и три пряслица, но на фоне в целом небольшого числа находок, связанных с этим сооружением, это демонстрирует схожую с другими усадьбами ситуацию. Вблизи построек Д26Х и Д25У также были обнаружены три пряслица, три проколки, и железная игла с костяной игольницей.

Основная же часть предметов этой функциональной группы была сосредоточена в северо-западной и юго-западной частях владения в районе материковых ям. Пространственное и количественное распределение проколов и пряслиц на этой территории находит множество сходств с жилыми зонами усадеб, что ставит вопрос об особенностях хозяйственного использования этих участков.

Рыболовный инвентарь

Эта категория предметов включает в себя орудия двух разных способов рыбной ловли. Крючковые снасти на усадьбе «Д» представлены деревянной жерличной рогулькой и железным крючком для ловли крупной речной рыбы. Принадлежности сетевого лова, как и на большинстве других усадеб, включают в себя большее число предметов. К ним относятся галечные грузила с отверстием на конце (10 экз.), деревянные полукруглые поплавки с двумя отверстиями на концах (4 экз.), небольшие круглые деревянные поплавки с отверстием в центре (4 экз.) и берестяной поплавок для сетей малых размеров (Куза, 2016. С. 75).

Из ***охотничьего инвентаря*** представлены цилиндрические роговые наконечники томаров (3 экз.), обломок древка томара с вырезанным уступом для крепления наконечника, деревянные стрелы с массивными утолщенными наконечниками (2 экз.) и роговой двушипный наконечник стрелы без упора. Найденные на этой территории наконечники стрел свидетельствуют о том, что владельцы усадьбы участвовали в охоте как на мелких пушных зверей, так и на крупных животных (Меснянкина, 2008. С. 231-232).

Из предметов **вооружения** обнаружены только железные стрелы (5 экз.), которые имели как боевой, так и универсальный характер. Среди них ромбовидные стрелы т.н. «гнездовского типа» (тип 41 по А.Ф. Медведеву, 2 экз.), ромбовидная стрела с широким острием (тип 53 по А.Ф. Медведеву), характерная для степной и лесостепной полосы Восточной Европы (Медведев, 1966. С. 70), и ланцетовидная стрела без упора (тип 62 по А.Ф. Медведеву). Также здесь была найдена редкая для Древней Руси бронебойная пирамидальная стрела квадратного сечения с валиком на шейке, относящаяся к типу 86 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 82).

Украшения

Из *стеклянных бусин* традиционно больше всего было обнаружено бусин, изготовленных в технике тянутой трубочки (64 экз.). Многочастные пронизки без декора представлены пятичастной пронизкой желтого стекла, четырехчастной пронизкой синего стекла, трехчастными пронизками (3 экз.) желтого, синего и зеленого непрозрачного стекла, а также двухчастными лимоновидными пронизками желтого стекла (9 экз.). Из декорированных многочастных пронизок здесь встречены четырехчастная серебростеклянная и четырехчастная золотостеклянная пронизки.

Одночастные бусины без декора традиционно для слоев этого времени представлены желтыми лимоновидными бусами (19 экз.), одна из которых оплавилась, лимоновидными бусами из синего прозрачного и полупрозрачного стекла (3 экз.) и лимоновидной ребристой бусиной желтого стекла.

К декорированным одночастным бусам относятся две продольно-полосатые бусы: белая с черными полосками и желтая с красными полосками, а также серебростеклянные лимоновидные бусы (3 экз.)

Рубленный бисер найден на усадьбе в 15 экземплярах, из которых десять были изготовлены из стекла желтого цвета и четыре из стекла голубого цвета. Цвет еще одной бисерины не известен. Также помимо бисера здесь была обнаружена одна цилиндрическая граненая бусина, изготовленная из трубочки непрозрачного стекла цвета морской волны.

Навитые бусы на усадьбе «Д» представлены довольно многочисленно. Среди не декорированных навитых бус здесь обнаружены зонные бусы синего прозрачного и полупрозрачного, в том числе заглушенного, стекла (13 экз.), зонные бусы из травянисто-зеленого полупрозрачного (?) стекла (3 экз.), зонная бусина из непрозрачного стекла темно-зеленого цвета, бордовая зонная бусина, а также обломок боченковидной бусины из печеночно-красного непрозрачного стекла.

Декорированные бусы в технике навивки встречены здесь в небольшом количестве. Из них к глазчатым навитым бусам относятся темно-лиловая округло-боченковидная петельчатая бусина с петлями белого цвета и выпуклыми реснитчатыми глазками красного и синего стекла,

черная округло-боченковидная бусина с глазками желтого цвета и округло-боченковидная бусина голубого непрозрачного стекла, украшенная выпуклыми глазками красного цвета. Прочие навитые бусы с декором представлены обломком ребристой боченковидной золотостеклянной бусины и округло-боченковидной темно-лиловой бусиной с накладным пояском молочно-белого стекла.

Мозаичные бусы обнаружены на усадьбе всего в двух экземплярах. К ним относятся лимоновидная бусина из стерженьков желтого (в основе), белого и коричневого стекла и зонная бусина с основной белого стекла и стерженьков желтого, зеленого и коричневого цветов.

Еще одна из бусин была изготовлена в технике однократного обертывания вокруг стержня стекла зеленого, белого и коричневого цветов. Предположительно, она соотносится с бусами V группы по З.А. Львовой, которые в Старой Ладоге в основном известны в материалах горизонта «Д» (Львова, 1968. С. 80).

Бусы из камня (сердолика) (5 экз.), несмотря на небольшое количество, разнообразны по форме. В их числе две призматических, одна 14-гранная, одна многогранная с поперечным пояском и каплевидная многогранная сердоликовая бусина.

Украшения из металла. Из ювелирных украшений на усадьбе найдено два изделия. Это широкосрединный «усатый» перстень из латуни, концы которого завязаны небрежным узлом, а щиток орнаментирован чеканным узором в виде креста с тремя кружочками на концах. Как отмечает М.В. Седова, такие украшения были распространены в конце X – начале XIII вв. в Финляндии, Прибалтике, на Северо-Западе Руси и в Волго-Окском междуречье, и они являлись характерным признаком финно-угорских племен (Седова, 1981. С. 130).

Кроме перстня был найден ширококонечный массивный литой браслет, плоскость которого поделена на две части горизонтальной чертой, по краям этих половин отштампован орнамент «волчий зуб», а конец украшен вертикальными полосами. Подобные предметы известны среди памятников XI-XII вв. Эстонии, Приладожья, Северо-Запада Новгородской земли, во Владимирских курганах (Седова, 1981. С. 110).

Кроме того, в качестве нагрудного украшения, по-видимому, использовалась византийская монета с отверстием для подвешивания, которая будет описана ниже.

Детали костюма

Фибулы представлены на усадьбе «Д» в четырех экземплярах, из которых две были изготовлены из цветных металлов и две были выкованы из железа. К числу первых принадлежат подковообразная спиралеконечная фибула с дугой треугольного сечения и подковообразная фибула с многогранными головками на концах. Оба типа были широко распространены на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси, в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии в X-XI вв. (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 94-101; Седова, 1981. С. 84-86;

Хвоцинская, 1999. С. 39-49). Железные фибулы, происходящие с этой территории, также относятся к известному на обширной территории типу со спиральными концами.

Пуговицы включают в себя четыре находки, однако, их атрибуция в качестве застежек верхней одежды не бесспорна, тем более, что данные о двух пуговицах утрачены. Одна из предполагаемых пуговиц представляет собой изготовленный из эпифиза бедренной кости шар диаметром 2,5 см со сквозным отверстием в центре. Исследовательница аналогичных предметов из Гнездова считает, что они могли использоваться и как пряслица (Дементьева, 2014. С. 124-125).). В качестве застежки верхней одежды, по мнению М.В.Седовой, могли использоваться свинцовые конусовидные грузики (Седова, 1981. С.156-158), один из которых был найден на усадьбе «Д». Кроме того, среди деталей костюма на этом владении встречены бронзовый грушевидный *бубенчик* с крестовидной прорезью, поясная пряжка, информация о которой утрачена, и обломок костяной булавки с резной головкой.

Предметы личного пользования

Гребни. Эта категория включает в себя следующие находки: роговые односторонние гребни (7 экз.), гребни из дерева (3 экз.) и роговые вставки в гребни, одна из которых обгорела в пожаре.

Среди роговых гребней обнаружены гребни типа В-2 по К. Амброзиани (4 экз.), характерной особенностью которых является орнамент в виде вертикальных полос и небольшие выступы на концах боковых накладок, и два обломка гребня типа В-1:3 по К.Амброзиани, украшенного попарно пересекающимися линиями в форме угла (Ambrosiani, 1984. S. 164).

Также в древнейших культурных напластованиях усадьбы «Д» был обнаружен односторонний гребень, с крупными боковыми накладками, концы которых были украшены выступами в виде стилизованных звериных голов. Гребень был орнаментирован по центру сеткой с расходящимися в стороны узкими косыми линиями, что стилистически сближает его с гребнями группы 1, типа 2, вида *в* по О.И. Давидан. По материалам Старой Ладogi такие расчески известны в горизонте «Д-верхнее», который датируется 70-90-ми гг. X в (Давидан, 1968. С. 57).

Все деревянные гребни относятся по форме к двусторонними прямоугольными, что соответствует расческам виду 1 по Б.А. Колчину (Колчин, 1968. С. 84). По-видимому, все они были сделаны из самшита.

Футляры гребней (3 экз.). Два из них относятся к распространенному типу I-Б, который характеризуется наличием циркульного орнамента вдоль края боковой накладки и вертикальными линиями на концах (Кондратьева, 1995. С. 78-79). Еще один обломок футляра был украшен только вертикальными линиями по краю накладки.

По территории усадьбы все предметы данной группы распространены равномерно и встречены как рядом с постройками, так и на периферии владения.

Нумизматика

Клад куфических монет. В юго-восточной части усадьбы под срубом Д27А был обнаружен крупный клад куфических монет, включавший 735 монет, в том числе 131 целую и многочисленные обломки и обрезки. Хронологически этот клад очень близок кладу, найденному на усадьбе «Б». Подавляющее большинство монет в нем относится к саманидским дирхемам, дата старшей монеты в кладе 720-750 гг., младшая монета датируется 974/975 гг. В целом в состав клада входили монеты десяти восточных династий, подражания этим монетам и византийский милиариссий Константина VII и Романа II (942-951 гг.). (Янина, 1963. С. 287-331) Кроме того, за пределами клада в северной части усадьбы была обнаружена *отдельная византийская монета* Романа I 919-921 гг. (Кропоткин, 1962. С. 26).

Инструменты взвешивания представлены бронзовым коромыслом весов со складывающимися плечиками.

Средства учета

К этой группе относятся деревянные счетные бирки (6 экз.), сохранившиеся в обломках. Большая их часть была обнаружена в северной части усадьбы вокруг сооружения Д25У.

Предметы культа

Амулеты найдены в двух экземплярах, один из которых был изготовлен из просверленного клыка медведя, а второй – из таранной кости бобра. Привески из костей диких животных связываются, как правило, с отгонно-поражающей и благопожелательной магией и использовались в качестве личных апотропеев (Тянина, 2011. С. 167). Амулеты из просверленных таранных костей бобра были широко распространены в финно-угорских древностях и рассматриваются исследователями как атрибут людей, занимавшихся бобровым промыслом (Голубева, 1997. С. 157).

Кроме того, к культовым предметам на усадьбе «Д» относится окаменелый белемнит, использовавшийся в лечебной магии (Желтова, и др., 2017. С. 240)

Транспортные средства

Сухопутный транспорт представлен на этой территории многочисленными деталями саней, среди которых встречены деревянные санные копылы (15 экз.), санный полоз и грядка саней. Большая часть этих находок была зафиксирована на периферии усадьбы. Кроме того отмечу скопление из шести копылов в яме №5. Рядом с хозяйственной постройкой Д27Х обнаружены только два копыла, полоз и грядка саней, принадлежавшие, вероятно, одному комплекту.

К *водному транспорту* относятся обломки деревянных весел (2 экз.), обломок лодочной уключины и деревянный кляп со следами пребывания в огне. Как и детали сухопутного транспорта, эти предметы обнаружены в разных частях усадьбы преимущественно на ее периферии.

Игрушки на усадьбе «Д» являются довольно многочисленной категорией предметов и представлены как индивидуальными, так и коллективными игрушками. Первая группа включает в себя деревянные фигурки в виде птиц (2 экз.), игрушечную модель башни, деревянную свистульку и стрелу от детского лука. Ко второй группе относятся находки деревянных шаров (8 экз.) и волчок.

Различные предметы из дерева

Эта группа предметов включает в себя неопределенные деревянные *поделки* (58 экз.), *навершия* (3 экз.), а также деревянные *подпятники* (2 экз.), имевшие универсальный характер использования.

Различные предметы из кости

В эту категорию предметов входят поделки из кости (3 экз.), из которых одна имела форму куба с широким отверстием в центре и орнаментом на четырех сторонах, и различные отходы косторезного производства, опиленные рога и кости (5 экз.)

Различные предметы из металла

К данной группе относятся неопределимые предметы из железа и их обломки (24 экз.), железные стержни (2 экз.), а также пластины из железа (1 экз.) и бронзы (1 экз.).

Прочие находки

Прочие находки включают в себя обрывки веревок (28 экз.), которые были сосредоточены в основном в западной части усадьбы; кусочки воска (4 экз.), охры (3 экз.), слюды (2 экз.); раковины моллюска (2 экз.); обрывки войлока, ткани, два фрагмента кожаных изделий и пр.

5.10.3. Общая характеристика усадьбы «Д» в последней четверти X в.

Освоение территории к северо-западу от перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц произошло несколько позднее, чем заселение соседних усадеб «К», «И» и «Е». В последней четверти X в. формируется западная граница усадьбы «Д» и появляются первые постройки, в то время как северный ее край обозначается довольно условно. По всей видимости, в это время территории будущих усадеб «Д» и «Д-1» составляли единый комплекс.

В юго-восточной части двора рядом с перекрестком улиц располагался сруб средних размеров Д27А с сенями открытого типа, который был сооружен на фундаментной площадке. Сооружение очевидно было главным на этой территории и имело жилой характер, хотя печь здесь не зафиксирована. С ним связано небольшое количество находок, среди которых

предметы столовой посуды, пряслица, костяные проколки, универсальные инструменты и пр. В основном эти вещи были сосредоточены в районе сеней.

В 13-15 м к северу от основной постройки располагались два хозяйственных сооружения малых размеров: неотапливаемый четырехстенный сруб Д26Х и постройка Д25У, служившая, по-видимому, крытым погребом. В этой зоне наблюдается очень высокая плотность находок, среди которых выделяются предметы столовой посуды (чаши, ковши, черпаки), деревянные лопатки, детали бондарной тары, стеклянные бусы, счетные бирки, рыболовный и охотничий инвентарь. Вероятно, здесь хранились припасы и хозяйственные принадлежности.

В северной части усадьбы построек обнаружено не было и находки были зафиксированы здесь разрежено, что свидетельствует о малой освоенности этой зоны. Большой интерес вызывает западная окраина усадьбы, где также не было отмечено сооружений, но плотность и характер распределения вещей свидетельствуют о высокой активности в этой части двора. Здесь в большом количестве были встречены бусы, пряслица, костяные проколки, рыболовные принадлежности, инструменты и средства их заточки, днища туесов, гребни, детали саней (преимущественно в яме №5) и пр. Значительная часть этих находок была обнаружена в материковых ямах в северо-западной части усадьбы. Отмечу также скопление в юго-западной и западной частях двора предметов, связанных с металлообработкой.

Возможно, в последней четверти X в. здесь находились какие-то постройки, которые были уничтожены пожаром и разобраны. Вместе с тем, особенности распространения находок наводят на мысль о перемешанном характере слоя, что отчасти объясняет равномерное распределение многих категорий предметов.

Количество проживающих на этой территории человек достоверно установить невозможно, однако, как и на остальных усадьбах X в., здесь имеются свидетельства присутствия мужчин, женщин и детей. В сферу хозяйственной деятельности жителей этого владения входили производство текстиля, рыбная ловля, охота, сельское хозяйство. Возможно, в западной части двора располагалась небольшая мастерская, связанная с обработкой металла.

Хозяева этой усадьбы, по-видимому, имели отношение к финно-угорскому миру, о чем свидетельствуют находки характерных для этого региона украшений и амулетов (усатый перстень, ширококонечный браслет с орнаментом, привеска из таранной кости бобра). Допустимо также предположение, что они были связаны с пушным промыслом, и именно эта деятельность стала основой экономики данного владения. О состоятельности жителей усадьбы свидетельствует большой клад восточных монет, а также редкие находки престижной посуды (обломок амфоры, поливного сосуда и стеклянного сосуда из синего прозрачного стекла).

В конце X в. на усадьбе произошел пожар, оставивший наиболее заметные следы на сооружении Д27А и в виде обширных угольных прослоек в северо-западной и западной частях

усадьбы. Очевидно, что это была часть того же пожара, который был зафиксирован и на других усадьбах этого времени.

5.11 Усадьба «Д-2» в последней четверти X в.

5.11.1 Застройка усадьбы «Д-2»

Усадьба «Д-2» располагалась к западу от усадьбы «Д» и примыкала с севера к Кузьмодемьянской улице. Она была исследована не полностью, но в ходе работ на Неревском раскопе была открыта большая ее часть, составляющая около 600 кв.м.

Всего на усадьбе «Д-2» обнаружено две постройки (Рис. 73, 74). Сооружение Д26Б располагалось в центральной части владения в 20 м к северу от Кузьмодемьянской улицы. Это четырехугольная в плане постройка очень плохой сохранности, примерные размеры которой составляли $5 \times 5,7$ м. Она была представлена двумя обломками бревен западной стены длиной 2,3 и 1 м, тонким бревном южной стены длиной 5,7 м и тремя небольшими досками, уложенными перед южной стеной. Сверху это сооружение было перекрыто слоем пожара, относящегося, по-видимому, к концу X в.

В четырех метрах к югу от этой постройки была обнаружена конструкция из десяти плотно уложенных друг к другу тонких бревен длиной около 2,8 м, ориентированных с севера на юг. По всей видимости, это была дворовая вымостка перед сооружением Д26Б.

В шести метрах к северу от сруба Д26Б располагалась постройка Д26В, которая представляла собой рубленный в обло прямоугольный сруб размерами $4,5 \times 3,5$ м с примыкающим с юга крыльцом-площадкой. От основной камеры сохранились стены, сложенные из бревен диаметром 22 см, три врубленные насквозь переводины пола, ориентированные с севера на юг. Привходная конструкция, ограниченная выпусками боковых бревен основной камеры, имела размер $3,2 \times 2,2$ м, и состояла из двух лаг, поверх которых были положены доски шириной до 20 см (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 2542. Л. 63). По-видимому, данная постройка имела хозяйственные функции (Фараджева, 2015. С. 131).

В 4,8 метрах к востоку от сруба Д26В рядом с частоколом была обнаружена конструкция из нескольких бревен длиной около двух метров, уложенных в три ряда, поперек которых располагались две доски. У северо-западного угла этого сооружения были зафиксированы небольшие подкладки, ориентированные перпендикулярно бревнам. Назначение этой конструкции не вполне ясно. Возможно, это были остатки разобранной в конце X в. хозяйственной постройки или фрагменты дворовой вымостки.

Оба сооружения в северной части усадьбы располагались не на предматерике, а на тонкой прослойке плотной темно-коричневой земли над ним. При этом сверху и та, и другая конструкция была перекрыта угольным слоем пожара, который, по всей видимости, датируется концом X в. (Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. Ед. хр. 2542. Л. 40-43).

5.11.2 Материальная культура усадьбы «Д-2» (Рис. 75, 76)

Домашняя утварь

Столовая посуда. Как и вся домашняя утварь в целом, эта категория предметов представлена небольшим числом находок. К ним относятся деревянная чаша с полукруглой орнаментированной ручкой, обломок деревянного сосуда, резной ковш, черпак и два обломка деревянных ложек.

Кухонные принадлежности на усадьбе «Д-2» включают в себя только две деревянные мутовки.

Бондарная тара характеризуется вполне традиционным набором вещей, в которых входят бондарные днища (2 экз.), крышка от бочки, деревянный обод, затычки от бочки (2 экз.) и железная дужка ведра.

К *берестяной таре* принадлежат четыре днища берестяных туесов и одна стенка берестяного сосуда.

Практически все предметы этой функциональной группы располагались рядом с постройками Д26Б и Д26В. Отметим, что обломок резной чаши, черпак и большая часть донцев туеса были обнаружены в связи с сооружением Д26Б.

Хозяйственный инвентарь

Универсальные деревянные орудия труда на усадьбе «Д-2» включают в себя находки деревянных лопат (2 экз.), цилиндрическую рукоять с отверстием в центре, чекмарь и конопатку для уплотнения щелей. Среди *орудий для обработки прядильных растений* найдено только деревянное чесало. К *универсальным металлическим предметам хозяйственного назначения* относятся находки железных колец (2 экз.) и железный пробой с кольцом. Прочие предметы этой функциональной группы представлены деревянным коромыслом, деревянным кольцом для петли лассо и двумя деревянными клиньями для раскалывания бревен.

Запорные системы

Ключи представлены на этой усадьбе двумя экземплярами типа А от деревянных нутряных замков, характерной особенностью которых является коленчатая форма и наличие зубьев на конце. Оба предмета были найдены в южной части двора рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Универсальный инструментарий

Эта категория находок представлена вполне традиционным набором предметов, который включает в себя железные *ножи* (6 экз.) с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку, отдельную находку деревянной *рукояти*, пружинные ножницы (2 экз.) и шилья с острием круглого сечения (3 экз.). Среди *инструментов для заточки* здесь встречены только призматические точильные бруски (7 экз.).

Крепежи

К средствам крепежа на усадьбе «Д-2» относятся железные гвозди (8 экз.), скобы (2 экз.) и небольшая железная заклепка с шайбой ромбовидной формы.

Литейное дело

К предметам, связанным с литейным делом, относятся глиняная льячка и обломок медной проволоки, использовавшейся, вероятно, в качестве сырья.

Инструменты прядения и ткачества

В древнейших отложениях усадьбы «Д-2» было обнаружено одно деревянное веретено и 15 пряслиц, среди которых были встречены битрапециоидные пряслица из розового шифера (11 экз.), битрапециоидное пряслице из кости и пряслица из глины (3 экз.). Среди глиняных пряслиц два имели конусовидную форму и обладали очень плотной структурой (Рис. 75, 18, 19). Конусовидные пряслица из глины широко известны на территории Швеции, Норвегии и Дании, а также в регионах, связанных с присутствием выходцев из Скандинавии (Andersson, 2003. Р. 73-76, 118-121). По-видимому, эти предметы в Новгороде следует рассматривать в качестве североевропейского импорта.

Из ткацких инструментов на этой территории присутствуют классические костяные проколки (8 экз.) и железная игла.

В пространственном отношении больше половины предметов этой функциональной группы были обнаружены в связи с постройкой Д26Б, в то время как рядом с хозяйственным сооружением Д26В находились лишь отдельные пряслица (3 экз.) и одна проколка. Также небольшое скопление пряслиц (4 экз.) было зафиксировано у восточной границы усадьбы к северо-востоку от основной постройки.

Рыболовный инвентарь на усадьбе «Д-2» представлен только средствами сетевого лова, к которым относятся каменные грузила (5 экз.), заготовки каменных грузил (8 экз.), деревянные поплавки (8 экз.) и берестяной поплавок (1 экз.). Информация о большей части каменных грузил и поплавков утрачена, известно только, что один из поплавков имел полукруглую форму с двумя отверстиями на концах и использовался для крупных отцеживающих сетей. В пространственном отношении основная часть рыболовного инвентаря была сосредоточена рядом с постройкой Д26Б у ее западной стены.

Из предметов ***вооружения*** на усадьбе найдена только целая роговая гирилка кистеня с железным стержнем и ушком для подвешивания, относящаяся к типу I по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966. С. 59).

Украшения из стекла

Эта категория предметов на усадьбе «Д-2» включает в себя исключительно находки стеклянных бус (40 экз.), среди которых, традиционно для X в., преобладающими являются

бусы в технике тянутой трубочки (26 экз.). Среди них к многочастным пронизкам без декора относятся двухчастные лимоновидные пронизки синего стекла (2 экз.) и желтая двухчастная пронизка. Декорированные пронизки представлены только продольно-полосатой двухчастной пронизкой белого стекла с черными накладными нитями.

Из одночастных бус без декора в технике тянутой трубочки больше всего найдено лимоновидных бус синего полупрозрачного стекла (7 экз.), которые вместе с двумя описанными выше синими пронизками составляют один комплекс. Кроме них, здесь присутствуют лимоновидные бусы желтого стекла (4 экз.) и ребристая лимоновидная желтая бусина. Среди декорированных одночастных бус обнаружен только обломок продольно-полосатой лимоновидной желтой бусины с нитями красного стекла.

Рубленный бисер, представленный исключительно бисеринами желтого стекла, встречен на усадьбе в девяти экземплярах, что составляет почти четверть от числа всех найденных бус.

Навитые бусы без декора найдены здесь в сравнительно небольшом количестве. К их числу принадлежат зонные бусы из прозрачного и полупрозрачного стекла (2 экз.), зонная бусина голубого стекла, зонная бусина бордового стекла, таблетковидная бусина голубого непрозрачного стекла и желтая цилиндрическая бусина.

Декорированные навитые бусы представлены двумя золотостеклянными битрапециоидными бусинами, шаровидной черной бусиной с поперечным пояском красного стекла²⁰ и цилиндрической бусиной из желтого с включениями светло-коричневого непрозрачного стекла, которая была украшена волнистой нитью светло-зеленого стекла по центру и прямыми нитями такого же стекла по краям. Рассмотрим последнюю вещь более подробно. Типологически близкие бусины со схожей орнаментацией являются характерной находкой в Скандинавии (типы V021O, V308O, V615ST-O по Ю. Кальмеру), где основное время их бытования пришлось на вторую половину IX – первую половину X в. (Callmer, 1977. P. 83). В более позднее время эти украшения встречаются единично. По мнению Ю. Кальмера, немногочисленные цилиндрические бусы с волнистым орнаментом, изготовленные из желтого непрозрачного стекла, являлись результатом неудачной окраски, и по этой причине он не стал выделять их в отдельный тип. В то же время все известные в Новгороде бусины этого вида изготовлены именно из желтого непрозрачного стекла, что заставляет критически подойти к выводам Ю. Кальмера. Присутствие в синхронных культурных отложениях цилиндрической бусины с волнистым орнаментом и золотостеклянных навитых бус свидетельствует либо о более длительном бытовании первых на Северо-Западе Руси, либо о сильной спресованности напластований второй половины X в. на усадьбе «Д-1» и возможном более раннем ее освоении.

---

²⁰ Точный тип бусины установить невозможно, поскольку она представлена только некачественным карандашным рисунком в дневнике находок за 1962 г.

Украшения из металла

К этой группе предметов на усадьбе «Д» относятся только обрывок бронзовой цепочки и серебряный дирхем с приклепанным ушком для подвешивания, который использовался в качестве нагрудного украшения. Оба предмета были найдены недалеко от сруба Д26Б.

Детали костюма

Эта группа предметов включает в себя следующие находки: подковообразную латунную фибулу с гвоздевидными головками, иглу подковообразной фибулы, грушевидный бубенчик (с крестовидной прорезью?) и язычок поясной пряжки. С постройкой Д26Б связаны только фибула и язычок, остальные предметы происходят с окраины усадьбы.

Предметы личного пользования

Гребни обнаружены на усадьбе «Д-2» в пяти экземплярах, все были изготовлены из рога. Три из них принадлежали к типу В-2 по К. Амброзиани, основной особенностью которого является орнамент из вертикальных линий и небольшие выступы на краях накладок. Еще два гребня были орнаментированы циркульным орнаментом (тип В-3 по К. Амброзиани), причем на одном из них центральные части пластин были украшены двумя рядами концентрических кружков, а на втором ряд кружков располагался вдоль верхнего края накладки и был заключен в ограничительные рамки.

Футляры гребней представлены здесь всего одним экземпляром, накладки были украшены комбинацией из циркульного орнамента в центре и вертикальных линий на краях.

К *инструментам взвешивания* на усадьбе принадлежит железная боченковидная гирька, обтянутая медью.

Из *средств учета* внутри сруба Д26Б обнаружена деревянная счетная бирка (1 экз.).

К *предметам культа* на усадьбе «Д-2» относится только сланцевое тесло эпохи неолита – раннего металла, которое использовалось древними новгородцами в лечебной магии и для отпугивания духов (Тянина, 2008. С. 180-183).

Детали *транспортных средств* представлены здесь только санными копылами (4 экз.), зафиксированными преимущественно в южной части двора рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Детские *игрушки* на усадьбе «Д-2» очень малочисленны. К ним относятся рукоять деревянного игрушечного меча, деревянная фигурка и волчок.

Из *элементов интерьера* в южной части двора найден деревянный подвесной крюк.

Различные предметы из дерева

Данная группа предметов включает в себя различные деревянные поделки неопределенного назначения (33 экз.), детали средних размеров (3 экз.), обруч из прутьев и фрагмент плетеного изделия из прутьев, деревянную застежку.

Различные предметы из металла

К этой категории вещей относятся различные неопределимые предметы из железа (8 экз.), пластина, железный крюк, втулка от какого-то инструмента и обрывок медной проволоки.

Прочие находки

К ним принадлежат обрывки веревок (3 экз.), раковина каури, раковина unio и неопределенная костяная поделка.

5.11.3 Общая характеристика усадьбы «Д-2» в последней четверти X в.

Заселение территории к западу от усадьбы «Д» произошло ближе к последней четверти X в., хотя высокая концентрация лепной керамики в этой части Неревского конца (Смирнова, 1976. С. 4) может свидетельствовать о более раннем хозяйственном освоении данного участка.

В древнейшем ярусе усадьбы «Д-2» зафиксировано две постройки, расположенные на удалении от мостовой Кузьмодемьянской улицы. Сооружение средних размеров Д26Б было здесь основным. С ним связаны находки столовой посуды, глиняные и шиферные пряслица, костяные проколки, украшения из стекла и металла, бронзовая фибула, отдельные гребни и инструменты. В целом этот набор вещей характерен для центральных построек и на других усадьбах этого времени.

В шести метрах к северу от него находилось хозяйственный сруб с крыльцом-площадкой Д26В. Рядом с ним были найдены различные хозяйственные принадлежности, детали бондарной тары, многочисленные деревянные поделки, а также отдельные пряслица, бусы и некоторые другие предметы. В нескольких метрах к востоку от постройки Д26В было обнаружено еще одно деревянное сооружение, назначение которого не было установлено.

Пространственное распределение находок по территории усадьбы демонстрирует высокую плотность вещей в северной половине двора и низкую их концентрацию в южной части владения, а также отчетливо различает жилую и хозяйственную зоны усадьбы. В целом вещевая коллекция усадьбы «Д-2» довольно типична и не имеет ярко выраженных особенностей. Анализ материальной культуры свидетельствует о том, что здесь проживала семья из нескольких человек, в состав которой входили мужчины, женщины и дети, они занимались изготовлением тканей, рыбной ловлей, домашними ремеслами и пр. Из деталей отметим находки, связанные со скандинавскими древностями, а именно редкие для Новгорода конусовидные глиняные пряслица и боченовидную бусину желтого стекла с волнистым орнаментом.

Обе постройки, Д26Б и Д26В, были перекрыты тонкой, но обширной угольной прослойкой, образовавшейся в результате пожара конца X в. По всей видимости, именно с ним связан конец этого яруса застройки.

Заключение

Усадьбы Неревского конца в X в. располагались на полого-наклонной равнине между двумя холмами: Софийским и Неревским. Эта равнина была сложена из осадочных пород озерного происхождения и имела незначительный уклон в сторону Волхова, который постепенно увеличивался к реке. Данный район был наиболее пригодным для хозяйственного освоения.

Древнейшее ядро Новгорода располагалось в Людином конце, где самые ранние постройки и мостовые датируются 930-ми гг. (Фараджева и др. 2014. С. 144-148). В течение следующих десятилетий город активно развивался, и к 50-м гг. X в. началось освоение Неревского конца.

Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, что появлению первых сооружений в этой части города предшествовал т.н. «доярусный слой» мощностью до 1 м, с которым связана наиболее архаичная лепная керамика (Смирнова, 1976. С. 9-10). Детальный анализ первоначального рельефа и древнейших напластований Неревского раскопа показал, что использование термина «доярусный слой» не вполне правомерно. Самые ранние постройки здесь возводятся на предматерике, под ними не было обнаружено культурных отложений более раннего периода, хронология лепной керамики укладывается в общие представления о бытовании этой посуды на Северо-Западе Руси (Плохов, 2009. С. 428-431), а распространение лепной керамики по усадьбам скорее отображает динамику развития города в 50-60-е гг. X в.

Освоение Неревского конца началось в середине X в., о чем свидетельствуют дендродаты, полученные с лаг 28-го яруса Кузьмодемьянской улицы (953 г.). Постройки этого времени обнаружены на четырех усадьбах («К», «И-2», «И», «Е»), примыкающих к Великой улице.

На усадьбе «К» в третьей четверти X в. располагался жилой сруб на фундаментной площадке с печью в углу, две хозяйственные постройки, связанные между собой деревянным настилом, и колодец. Жители этого владения занимались рыболовством, резьбой по дереву и текстильным производством. Комплекс характерных предметов вооружения и деталей конского снаряжения свидетельствует о том, что хозяин был конным воином и, вероятно, участвовал в походах князя Святослава на Балканы в 60-70-е гг. X в.

На усадьбе «И» в это время находилась одна большая постройка, имевшая, вероятно, полифункциональное назначение, хозяйственная постройка малых размеров, и дворový настил, выходящий на Кузьмодемьянскую улицу. В хозяйственном отношении усадьба «И» представляла собой вполне рядовое владение, жители которого занимались охотой, рыбной ловлей, прядением, ткачеством и пр. Предположительно, что один из членов проживающей

здесь семьи имел отношение к военному делу, на что указывают некоторые косвенные свидетельства.

Усадьба «И-2» была исследована частично, в пределы раскопа попала только одна хозяйственная постройка, датированная третьей четвертью X в. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эта территория была мало отличалась от соседних усадеб в хозяйственном отношении.

На усадьбе «Е» в третьей четверти X в. находилось два сруба, которые были соединены между собой дворовой вымосткой. Один из домов имел значительные размеры и был жилым, второе сооружение носило хозяйственный характер. Анализ материальной культуры свидетельствует о том, что эта усадьба была вполне ординарной для своего времени, имеющиеся предметы не позволяют выделить какую-то специфическую деятельность ее владельцев. В круг занятий хозяев усадьбы «Е» входила промысловая добыча (охота, рыбная ловля), сельское хозяйство, текстильное производство.

Территория к северу от усадьбы «Е» и к востоку от Великой улицы в третьей четверти X в. была еще не заселена, однако здесь имелся культурный слой, вмещающий находки этого времени. Рельеф данного участка представлял собой полого-наклонную равнину с уклоном на северо-восток, который постепенно усиливался и переходил в промоину, образованную временными водотоками.

На территории, где впоследствии расположилась усадьба «А», были зафиксированы лишь отдельные участки частокола вдоль уличных вымосток и в зоне материковой западины, а также доски и бревна, которые не формировали каких-либо выраженных конструкций. При полном отсутствии построек данный участок оказался очень богат находками, которые к тому же имели одну из наиболее плотных концентраций в сравнении с другими усадьбами Неревского конца X в.

Обнаруженные здесь вещи отличаются большим разнообразием представленных категорий, которые в целом характерны и для других владений этого времени (предметы быта, хозяйственный инвентарь, инструменты, промысловые орудия, украшения и пр.). Особенностью данной коллекции является очень высокая концентрация стеклянных бус, разнообразных фибул из цветного металла, роговых гребней и костяных проколов. Такого количества вещей не было найдено ни на одной другой из усадеб. Из специфических деталей следует отметить находки редких для X в. элементов конского и всаднического снаряжения, большое разнообразие железных стрел и высокую концентрацию счетных бирок. Часть находок, очевидно, попала сюда из верхнего яруса в результате вертикального перемешивания слоев.

Вероятно, в 50-60-е гг. X в. в низине, где впоследствии была расположена усадьба «А» под воздействием временных водотоков постепенно аккумулировался культурный слой с находками. Эта гипотеза также подтверждается анализом распределения вещей в пространстве. Большая их часть оказалась сосредоточена в месте наиболее резкого перепада высот, а также рядом с линией частотола, который выступал естественной преградой при плоскостном смыве. Кроме того, нельзя исключать, что в некоторых случаях низина на окраине освоенной территории могла использоваться для утилизации ненужных вещей.

Пространство между промоиной и северной границей усадьбы «Е», где впоследствии расположились усадьбы «Б» и «Б-1» также не было освоено в третьей четверти X в. Здесь наблюдается определенное запустение и встречаются лишь отдельные предметы преимущественно из материковых ям. Важно отметить, что среди находок на предматерике было встречено довольно яркие предметы воинского и конского снаряжения, амулеты и разнообразные личные принадлежности.

Для всех усадеб третьей четверти X в. отмечается ряд общих признаков. На каждой из них имелся главный жилой дом, одна – две хозяйственные постройки, расположенные на периферии владения, и дворовые вымостки, соединяющие эти постройки. Все владения этого времени имели схожую вещевую коллекцию. Здесь были встречены бусы, из которых основную часть составляли бусы в технике тянутой трубочки, универсальные инструменты, домашняя посуда, односторонние гребни, инструменты прядения и ткачества, рыболовный инвентарь, детали саней и пр. Также важно подчеркнуть, что на всех ранних усадьбах были найдены предметы, связанные с древностями Северной Европы (шейная гривна, предмет с трискелионами, полосатые сланцевые оселки, бронзовая круглая привеска с подтреугольным орнаментом, молочно-белые бусы, зооморфные остроконечники, глиняные грузила вертикального ткацкого станка). Возможно, на некоторых из владений скандинавы были среди первопоселенцев (Мусин, Тарабардина, 2019. С. 778, 782).

В последней четверти X в. в Неревском конце наблюдается активное развитие застройки. В это время обновляются и удлиняются мостовые улиц, расширяется застройка и оформляются границы на усадьбах «Е» и «И», появляются первые постройки на усадьбах «Е-1», «Д», «Д-2», «Б», «А» и «Г». Предположительно, эти изменения были связаны с приходом в Новгородскую землю князя Владимира в 970 г. (Петрухин, 1995. С. 163).

На усадьбе «К» в последней четверти X в. оформляются постоянные границы владения, но вместе с тем акцент в застройке сильно смещается в южную половину усадьбы. В это время здесь располагалось два сруба на фундаментной площадке, один из которых имел жилое, а второй хозяйственное назначение. Несмотря на существенные изменения в планировке, характер материальной культуры абсолютно не изменился по сравнению с предыдущим

периодом, что свидетельствует о постоянном проживании одной семьи. Здесь по-прежнему встречаются предметы вооружения и конского снаряжения и характерные для предыдущего яруса предметы быта: инструменты деревообработки, текстильного производства, рыболовный инвентарь, детали транспорта. Также на усадьбе «К» продолжают бытовать вещи скандинавского круга древностей, но исчезают другие импорты.

Усадьба «И» по сравнению с предыдущим периодом расширилась. В последней четверти X в. здесь находилось четыре постройки, две из которых были жилыми, а две служили в хозяйственных целях. В бытовом плане в целом наблюдается преемственность по отношению к предыдущему периоду: по-прежнему, важное место здесь занимала рыбная ловля, охота, обработка льна и текстильное производство. Но вместе с тем появляются предметы, связанные с литейным производством, и исчезают предметы вооружения, что свидетельствует об определенных переменах в деятельности жителей усадьбы.

Усадьба «И-2» также подвергается изменениям, как в планировке, так и в материальной культуре. Хозяйственная постройка из центра усадьбы смещается в юго-западную ее часть. В вещевой коллекции появляется большое число предметов, связанных с ювелирным делом, а также предметы вооружения, имеющие аналоги в Южной Руси.

На усадьбе «И-1» построек в слоях последней четверти X в. не обнаружено, но в то же время имеются следы хозяйственной активности на этой территории. Здесь встречены различные бытовые принадлежности, рыболовный инвентарь, инструменты текстильного производства, бусы из стекла и камня, изделия из цветного металла. Важно отметить наличие на усадьбе украшений и деталей костюма, связанных со скандинавскими и финно-угорскими древностями.

На усадьбе «Е» в последней четверти X в. наблюдается активное развитие застройки, формируются границы владения. В это время здесь существовало два больших дома, соединенных между собой вымостками, в южной части двора и несколько хозяйственных сооружений в северной. В хозяйственной деятельности наблюдается преемственность по отношению к предыдущему периоду. Жители этой усадьбы занимались деревообработкой, текстильным производством, охотой, рыбалкой, а также земледелием, о чем свидетельствует крупнейшая среди всех усадеб Неревского раскопа коллекция сельскохозяйственных орудий. Вместе с тем, в материальной культуре исчезают предметы скандинавского круга древностей.

Усадьба «Е-1», расположенная к востоку от усадьбы «Е», только формируется в последней четверти X в. В это время здесь выделяется два условных этапа застройки, которые не представляется возможным датировать точно. На первом этапе существовало три постройки, одна жилая, расположенная в центральной части усадьбы, и две хозяйственные. Ближе к концу этого периода основная постройка усадьбы обновляется, а у северного частокола возникает еще

одно жилое сооружение. Вероятно, в течение определенного времени постройки первого и второго этапа сосуществовали. Жители усадьбы «Е-1» занимались охотой, обработкой прядильных растений, прядением и пр. В отличие от большинства других владений этого времени здесь в очень небольшом количестве был найден рыболовный инвентарь и орудия работы на ткацком станке. В то же время были обнаружены инструменты для взвешивания и престижная посуда византийского происхождения, что свидетельствует о связях владельца усадьбы с Южной Русью.

Усадьба «Б» также начинает формироваться в последней четверти X в., хотя ее границы в данный период четко не выражены. К этому времени относятся три постройки, две из которых являлись жилыми, и одна служила в хозяйственных целях, о чем свидетельствуют ее малые размеры. Облик материальной культуры усадьбы «Б» в целом типичен для хозяйств этого времени. Анализ вещевой коллекции свидетельствует о том, что ее жители усадьбы занимались рыбной ловлей, охотой, изготовлением тканей и пр. Хозяин этого владения, по всей видимости, имел отношение к воинской культуре, о чем в первую очередь свидетельствуют характерные предметы вооружения и элементы всаднической экипировки. Также важно подчеркнуть, что на этой территории в слоях второй половины X в. были встречены вещи, связанные с византийскими древностями, что указывает на контакты владельцев усадьбы с южными регионами, клад восточных монет, большое количество предметов из цветного металла, стекла и роговых гребней.

В эти десятилетия отдельно формируется территория к востоку от усадьбы «Е-1» и к югу от усадьбы «Б», где были обнаружены разнообразные находки, но сооружения отсутствовали, за исключением отдельных развалов бревен. Здесь были встречены обломки столовой посуды, хозяйственные принадлежности, инструменты, орудия рыбной ловли, охотничий инвентарь, орудия прядения и ткачества, украшения и пр. Возможно, во второй половине X в. данная территория использовалась владельцами соседних усадеб в каких-то хозяйственных нуждах.

Также в последней четверти X в. формируются контуры усадьбы «А», исследованной на Неревском раскопе частично. От сооружений этого времени здесь остались только развалы бревен и досок, часть из которых обгорела. Материальная культура здесь представлена типичными для других усадеб вещами: обломками посуды, инструментами, стеклянными украшениями и пр. Среди прочего здесь было найдено большое количество счетных бироков.

Примерно в 70-е гг. X в. начинается освоение территории к северо-западу от перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. На усадьбе «Д» в эти годы формируются усадебные границы, и появляются первые постройки. В последней четверти X в. здесь располагались жилой сруб на фундаментной площадке, небольшая хозяйственная постройка, погреб и ряд ям, зафиксированных на периферии владения. Вещевая коллекция усадьбы «Д» состояла в

основном из типичных для владений этого времени предметов. В сферу хозяйственной деятельности жителей входили производство текстиля, рыбная ловля, охота, сельское хозяйство. Возможно, в западной части двора располагалась небольшая мастерская, связанная с обработкой металла. Хозяева усадьбы, предположительно, были связаны с пушным промыслом и имели отношение к финно-угорскому миру, что подтверждают характерные для этого региона украшения и амулеты. Находки на этой территории большого клада восточных монет и обломков престижной посуды, свидетельствуют об определенном благосостоянии жителей усадьбы.

Усадьба «Д-2» также начинает заселяться только в последней четверти X в. В это время здесь располагались жилой сруб средних размеров и небольшая хозяйственная постройка с крыльцом. Материальная культура усадьбы «Д-2» типична и не имеет ярко выраженных особенностей. Здесь занимались текстильным производством, рыбной ловлей, домашними ремеслами и пр. Среди особенностей стоит отметить отдельные находки предметов, относящихся к скандинавскими древностями.

Таким образом, в последней четверти X в. была заселена большая часть усадеб, исследованных на Неревском раскопе. Особенностью этого периода является активное освоение новых территорий и расширение застройки на владениях, сформированных ранее. В последней четверти X в. рельефно проявляется социально-культурная принадлежность некоторых усадеб. Усадьбы «К» и «Б», по-видимому, принадлежали людям, связанным с воинской субкультурой; на усадьбе «И-2» проживал ювелир-ремесленник; усадьбой «Д», вероятно, владел человек, занимавшийся пушным промыслом.

Также в эти десятилетия наблюдается уменьшение количества предметов скандинавского круга древностей и, напротив, возрастает число вещей, связанных с южными регионами (Южная Русь, Византия). По-видимому, это явление было вызвано приходом в Новгород князя Владимира в 970 году. Кроме того, на некоторых усадьбах отмечены вещи, характерные для финно-угорских древностей, но они составляют меньшинство этно-определимых находок.

В конце X в. в Новгороде произошел большой пожар, уничтоживший значительную часть застройки практически на всех владениях Неревского конца. Обширные угольные прослойки и обгоревшие сооружения были зафиксированы на усадьбах «К», «И», «И-2», «Е», «Е-1», «Б», «А», «Г», «Д» и «Д-2» (Рис. 77), а также на мостовой Великой и Кузьмодемьянской улицы 26-го яруса (989 г.). По материалам Троицкого раскопа на значительной части усадеб также фиксируется пожар в слоях 990-1000 гг. (Фараджева и др., 2014. С. 137-158). Очевидно, это явление носило общегородской характер и было вызвано драматическими событиями конца X в., связанными с крещением Новгорода (Янин, 2008. С. 26-29).

Список использованных источников

1. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 587
2. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 860.
3. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 993.
4. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 1157.
5. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 1278.
6. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 1597.
7. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 1802.
8. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 1940.
9. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 2381.
10. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1, Ед. хр. 2542.

Список использованной литературы

1. Авдусина С.А. Гнездовский клад 2001 года // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М. 2014. С. 98-117.
2. Авдусина С.А., Ениосова Н.В., Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. М. 2001. С. 93-101. (Труды ГИМ. Вып. 124).
3. Арциховский А.В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.-Л., 1949. (МИА; № 11). С. 119-151.
4. Арциховский А.В. Раскопки в Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. Вып. XXXIII. С. 3-16.
5. Арциховский А.В. Раскопки 1951 года в Новгороде. // Советская археология. 1953. Т.18. С. 342-371.
6. Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 1. М., 1956. (МИА; № 55). С. 7-43.
7. Белецкий С.В. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X-XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 195-205.
8. Бычкова Я.В., Ениосова Н.В., Нилус И.М., Пушкина Т.А, 2008. Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнездова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. М., 2008.

9. Васильева Н.В., Субетто Д.А., Вербицкий В.Р., Кротова-Путинцева Е.А. История формирования Ильмень-Волховского бассейна // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. № 153-2.
10. Вербицкий В. Р., Вербицкий И. В., Васильева О. В., Саванин В. В. и др. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1 : 1 000 000 (третье поколение). Серия Центрально-Европейская. Листы О-35 – Псков, (N-35), О-36 – Санкт-Петербург. Объяснительная записка. – Спб., 2012.
11. Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 90-103.
12. Гайдуков П.Г. О времени заселения Людина конца Древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 1. Новгород, 1988. С. 61-63.
13. Горюнова В.М. Городок на Ловати X-XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016. 352 с.
14. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X-начала XI вв. // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб, 2005. С. 82–121, 231–316 (табл. 59–144).
15. Гринев А.М. Деревянные конские путы X в. с Неревского раскопа // Археологические вести. 2017. Вып. 23. СПб. С. 250-252.
16. Гринев А.М. О новых видах настольных игр в средневековом Новгороде // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 2. С. 81 - 88.
17. Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья. М.-Л., 1962. 222 с.
18. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск, 1994. 290 с.
19. Дернович С.Д., Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск. 2006. 86 с.
20. Доброва О.П. О некоторых типах бус по материалу Неревского раскопа Новгорода Великого // «Нескончаемое лето». (Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной). Москва – Великий Новгород. 2018. С. 36-40.
21. Доброва О.П. Стекланные бусы Гнездова по материалам раскопок Центрального Городища // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018. С. 102-126
22. Дорофеева Т.С. Деревянные наперстки Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 31. Великий Новгород, 2017. С. 197-201.

23. Дубровин Г.Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X-XV вв. по археологическим данным. Т. 1. М., 2000. 292 с.
24. Дубровин Г.Е. Зооморфные деревянные навершия // Материалы по археологии Новгорода 1988. Москва, 1990. С. 99-136.
25. Ениосова Н.В. Находки-индикаторы ювелирного производства из раннегородского центра Гнездова // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию И.И. Ляпушкина (1902-1968). СПб., 2012.
26. Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Тигли Гнездовского поселения // Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999.
27. Ершевский Б.Д., Конечкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 61-65.
28. Желтова М.Н., Тарабардина О.А., Тянина Е.А., Мусин А.Е. Каменные артефакты эпохи неолита и раннего железного века из культурного слоя средневекового Новгорода: характер вторичной депозиции и особенности использования // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб., 2017.
29. Жилина Н.В. Древнерусское прикладное искусство в эпоху становления государственности // Русь в IX-XII веках: общество, государство, культура. Москва, Вологда, 2014.
30. Зайцева И.Е. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 57-142.
31. Зайцева И.Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX-XII веках: общество, государство, культура. Москва, Вологда, 2014.
32. Зайцева И.Е. Поясные наборы из Шекшова в Суздальском Ополье // КСИА. 2014. № 236.
33. Зайцева И.Е., Макаров Н.А. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из камня и глины // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 253 – 269.
34. Засурцев П.И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. 206 с.
35. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4. (МИА; № 123). М., 1963. С. 6 – 126.

36. Засурцев П.И., Янин В.Л. Рецензия на книгу Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX-XIII вв. // СА. 1975. №3. М. С. 274-276.
37. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозера. М., 2004. 392 с.
38. Захаров С.Д. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. 1996. № 2. С. 207-218.
39. Захаров С.Д., Адаменко О.Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из железа // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 7 – 53.
40. Захаров С.Д., Кузина И.Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 142 – 215.
41. Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. 2012. Вып. 18. С. 124-144.
42. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.
43. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 2. (МИА; № 65). М., 1959. С. 192-222.
44. Йотов В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI век). София, 2004. 356 с.
45. Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В. Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
46. Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16: Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке: (источники и исследования). Сыктывкар, 1999.
47. Казеннов С.М. Реконструкция палеорельефа территории Новгородского кремля на начальный период активного градостроительного освоения (XI – XII вв.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб, 1995. С. 137-142.
48. Каинов С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездово // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999.
49. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. М., 1966. 141с. (САИ; Вып.Е1-36).
50. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М., 1966. 146 с. (САИ; Вып.Е1-36);

51. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973. 140 с. (САИ; Е1-36).
52. Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. (МИА № 65). М., 1959. С. 306-362.
53. Коваль В.Ю. Византийская керамика на Руси в IX-XV вв. // Русь в IX – XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 163-175.
54. Колесникова Л.Г. Восточное стекло из собраний Херсонесского музея // Византийский временник. Т. 34. М., 1973.
55. Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 3. М., 1963. (МИА; № 117). С. 5-103.
56. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 2. М., 1959. С. 7-120. (МИА; № 65). С. 7-120.
57. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. 178 с. (САИ; Вып.Е1-55). 185 с.
58. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. 62 с. (САИ; Вып.Е1-55). 62 с.
59. Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 1. М., 1956. (МИА; № 55). С. 44-137. С.3-137.
60. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156-177.
61. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 92-111.
62. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953. (МИА № 32). 260 с.
63. Кондратьева О.А. Гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Проблемы истории северо-запада Руси. СПб., 1995. (Славяно-русские древности. Вып. 3). С.72-84.
64. Корзухина Г.Ф. Из истории игры на Руси // СА. 1963. № 4. С. 103-114.
65. Крюгер И., Рыбина Е.А. Средневековые стеклянные зеркала. М., 2013. 247 с.
66. Кудрявцев А.А. Дверь X века из Новгорода (по материалам Троицкого XII раскопа) // КСИА. 2012. № 226. С. 239-244.
67. Кудрявцев А.А. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода. Дисс... канд. истор. наук. М., 2014.
68. Кудрявцев А.А. Замки и ключи средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 24. Великий Новгород, 2010. С. 233-248.

69. Кудрявцев А.В. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119-124.
70. Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб., 2016. 320 с.
71. Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.). // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. статей. – СПб., 2008.
72. Левашева В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни IX-XIII вв. М., 1967. (Труды ГИМ. Вып. 43).
73. Леонтьев А.Е. Ростов в X-XI вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2: Славянский средневековый город. М., 1997.
74. Леонтьев А.Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
75. Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги: Ч. I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968.
76. Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. (Труды ГИМ. Вып. 43)
77. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 2. М., 1959. С. 121-191. (МИА; №65). С. 121-191.
78. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII-XIV вв. М., 1966. 116 с. (САИ; Вып.Е1-36).
79. Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 86-97.
80. Меснянкина С.Д. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни X-XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 215 – 253.
81. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья: (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л., 1980.
82. Михайлова Е.Р. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. Академика В.В. Седова: Материалы 57-го заседания. Москва, Псков, 2011.
83. Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М., Вологда. 2012. С. 436-447.

84. Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X-XIII вв.). М., 2000. 142 с.
85. Мусин А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 555-602.
86. Мусин А.Е., Тарабардина О.А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785
87. Новиков В.В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в 9-11 вв. (по материалам погребений и поселений). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.
88. Новикова Г. Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси (культовые предметы: типология и хронология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1992.
89. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. Находки железных заклепок на Рюриковом городище в свете проблем развития судостроения Северной Руси // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. Москва – Великий Новгород, 2018. С. 145-151.
90. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011-2012 гг.) // Stratum plus. 2014. № 6: Время войны. Победители и побежденные. СПб., Кишнев, Одесса, Бухарест.
91. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 370-384.
92. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Плохов А.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017. 286 с.
93. Петров М.И. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 226-242.
94. Петров М.И. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 27-37.
95. Петров М.И. К вопросу о формировании строительного яруса. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 108-120.
96. Петров М.И. Славенский конец Средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2006. Развитие застройки участка // Новгород и Новгородская земля: история и археология. – Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 24-39.
97. Петров М.И. Функциональная группа «неопределяемые предметы» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30. М., СПб., 2015. С. 337-340.

98. Петрова Л.И., Трояновский С.В., Фирсова Н.Д. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С. 172-192.
99. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск, М. 1995. 320 с.
100. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 285 с.
101. Плохов А.В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород - СПб. - М., 2009. С. 417-431.
102. Поветкин В.И. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. 2009. № 2. М. С.133-143.
103. Покровская Л.В. Металлические предметы скандинавского происхождения из раскопок на Троицком раскопе: топография // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. СПб., 2007. С. 280-284
104. Покровская Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X-XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 51-64.
105. Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты с усадеб Ярышевой улицы Троицкого раскопа // РА. 2015. № 4. С. 89-100.
106. Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Вып. 1. Новгород, 1994. С. 75-82.
107. Пушкина Т.А. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. (Труды ГИМ. Вып. 82).
108. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. М., 1975. (САИ. Вып. Е1-32). 179 с.
109. Рыбина Е.А. Новгородское вещеведение (наблюдения и размышления) // Новгородские археологические чтения. Вып. 2. Великий Новгород, 2004. С. 99-102.
110. Рыбина Е.А., Хвощинская Н.В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб, 2010. С. 66-78.
111. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. М., 1981. 124 с. -
112. Рябцева С.С. Региональные ювелирные уборы IX-XI вв. и их соотношение с уборами из кладов // Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005. С.36-74.

113. Рябцева С.С. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII-XI вв. // *Stratumplus. Культурная антропология и археология. 2005-2009. № 5.* СПб, Кишнев, Одесса, Бухарест, 2009.
114. Салмина Е.В. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // *Археологическое изучение Пскова. Вып. 2.* Псков, 1994.
115. Самойлович Н.Г. Стекланные бусы Ростова Великого // *Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова).* Москва, 2006.
116. Седов В.В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде (новые материалы по языческой братчине) // *КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20-30.*
117. Седов В.В. Языческая братчина в Древнем Новгороде. // *КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 138-141.*
118. Седова М.В. Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла: Украшения из меди и сплавов // *Археология. Древняя Русь. Быт и культура.* М., 1997.
119. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) // *Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 2. М., 1959. С. 232-261. (МИА; № 65). С. 223-261.*
120. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. 196 с.
121. Седых В.Н., Френкель Я.В. Об одной категории находок из раскопок Тимеревского поселения (о времени функционирования археологического комплекса) // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье.* М., 2017. С. 340 – 344.
122. Сингх В.К. Деревообработка средневекового Новгорода // *Археология и история Псков и Псковской земли. Материалы 60-го заседания. Вып. 30.* М.; Псков; СПб., 2015. С. 200-211.
123. Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951-1954 гг.) // *Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 1. М., 1956. (МИА; № 55). С. 228-248.*
124. Смирнова Г.П. О трех группах новгородской керамики X – начала XI вв. // *КСИА. 1974. Вып. 139. М. С. 17-22.*
125. Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода. // *КСИА. 1976. Вып. 146. М. С. 3-10.*
126. Смирнова Г.П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // *Древняя Русь и славяне.* М., 1978. С. 165-171.
127. Смирнова Л.И. 1999а. Проколки. Хронология и функциональное назначение. // *Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С.142-162.*

128. Смирнова Л.И., 1999б. Сырье новгородский косторезов (рог, кость и «рыбий зуб») // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 122-134.
129. Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. 2000. Вып. 7. С. 236-246.
130. Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. 61 с.
131. Сорокин П.Е. Водные пути Северо-Западной Руси. СПб. 1997. 208 с.
132. Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX – XIII вв. Л., 1972. 276 с.
133. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. 1962. Вып. 87.
134. Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П. Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 80-89.
135. Точилова Н.Н. Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства Древнего Новгорода X-XIII вв. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 263-273.
136. Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. 2011. Вып. 17. С. 159-168.
137. Тянина Е.А. Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 172-184.
138. Тянина Е.А. Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания в Северной Евразии // Археология Севера России: Югра – Волость Новгорода Великого в XI-XV вв. Свод источников и исследований. Часть 1. Сургут, Нефтеюганск, Екатеринбург, 2018. С. 304-307.
139. Фараджева Н.Н. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I-XI раскопов): Дисс... канд. истор. наук. М., 2010.
140. Фараджева Н.Н. Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. Проблемы их сложения и эволюции (по материалам Троицкого раскопа). // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 12. Великий Новгород, 1998. С. 70-75.
141. Фараджева Н.Н. Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // РА. 2015. № 4. С. 123-133.
142. Фараджева Н.Н. Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 401-410.

143. Фараджева Н.Н. Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 563-575.
144. Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 127-140.
145. Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца Средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX – XII веках: общество, государство, культура. М., Вологда, 2014. С. 134-159.
146. Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. (Труды ГИМ; Вып. 43).
147. Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. №2. М.
148. Френкель Я.В., 2000. Некоторые замечания о раннесредневековых бусах молочно-белого стекла скандинавского происхождения // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников седьмого коллоквиума. (Санкт-Петербург, 8-14 апр. 1999 г.). СПб. С. 94-95.
149. Хвоцинская Н.В. Подковообразные фибулы Рюрика города // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 176-179.
150. Хорошев А.С. Новгородские усадьбы X-XV вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.2. Славянский средневековый город. М.,1997. С. 411-424.
151. Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 12. Великий Новгород, 1998. С. 82-94.
152. Чернецов А.В. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. 1976. Вып. 146.
153. Шнорре Э.Д. Нукшинский могильник. Рига, 1957.. (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Вып. 1)
154. Штакельберг Ю.И. Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962.
155. Щавелев С. Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII—XI вв. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Чернігів, 2003. С. 185—194.
156. Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 1. М., 1956. (МИА; № 55). С. 164-179.

157. Щапова Ю.Л. Стекланные изделия Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. М., 1963. (МИА; № 117). М., 1963. С. 104-163.
158. Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138-155.
159. Янин В.Л. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. – Вып. 1. – Великий Новгород, 1994.
160. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. - М., 2008. 397 с.
161. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. – М., 1977. 240 с.
162. Янина С.А. Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 1. М., 1956. (МИА; № 55.). С. 180-207.
163. Янина С.А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 3. М., 1963. (МИА; № 117). С. 287-331.
164. Янссон И. Скандинавские находки IX-X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М. 1999. С. 18-38.
165. Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб., 1893. (МАР. Т. X)
166. Ambrosiani K. Kämmе // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 161 – 176.
167. Ambrosiani K. Viking Age combs, comb making and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm, 1981.
168. Arbman H. Birka I. Taffeln. Stockholm, 1940
169. Arne T.J. La Suède et l'orient. Uppsala, 1914.
170. Bielenstein A. Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Bd. II. Petrograd, 1918.
171. Callmer J. Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka II:3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1989.
172. Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800-1000 A.D. Lund, 1977.
173. Capelle T. Der Metallschmuck von Haithabu. Studien zur wikingischen Metallkunst. Neumünster, 1968. (Die Ausgrabungen in Haithabu. Vol. 5)
174. Cnotliwy E. Rzemioslorogowniczena Pomorzu wczesnosredniowiecznym. Wroclaw, 1977.
175. Dekan J. Wielkie Morawy. Epoka I sztuka. Bratyslava, Wroclaw. 1979.
176. Filipowiak Wl., Filipowiak Woj. Korabnictwo, ort Izeglugawczesno sredniowiecznego Wolina // Wolin wczesnosredniowieczny. 2. Warszawa, 2014.
177. Herfert P. Frühmittelalterliche Bootsfunde in Ralswiek, Kr. Rügen // Ausgrabungen und Funde. Bd. 13, Heft. 4. Berlin, 1968.

178. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
179. Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland. Helsingfors, 1980. (SMYA; 80 FFT)
180. Laszlo Gy. A kenézlôihonfoglaláskoriíjtegez // Folia archeologica. 1955. № 7. Budapest
181. Martensson L., Nosch M.-L., Andersson Strand E. Shape of things: understanding a loom weight // Oxford journal of archaeology. 2009. 28(4). Oxford, MA.
182. Mikhailov K.A., Kainov S. Yu. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. № 62. Budapest.
183. Morris C. A. Craft, Industry and Everyday Life: Wood and Woodworking in Anglo-Scandinavian and Medieval York. York, 2000. (The Archaeology of York. The Small Finds 17/13)
184. Mugerēvičs E. Eisenzeitliche Funde an der unteren Daugava (Düna), Lettland // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster, 1998.
185. Olsson A. Maritima Birka. Arkeologisk rapport över marinarkeologiska undersökningar av kulturlager och påanläggning i vattenområdet utanför Svarta jorden på Björkö 2004–2014. Stockholm, 2017.
186. Ottaway P. Anglo-scandinavian ironwork from 16-22 Coppergate, York c. 850-1100 A.D. Vol.1. 1989.
187. Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
188. Pokrovskaya L.V. Ritual objects from Novgorod: the finds from Troitsky excavations 1973-1999 // Wood Use in Medieval Novgorod. Oxford, 2007.
189. Resi H. Die Wetz- und Schleifsteine aus Haithabu. Neumünster, 1990. (Berichte über Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 28).
190. Schwarz-Mackensen G. Die Knochennadeln von Haithabu. Neumünster, 1976. (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 9).
191. Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950 – 1450): An Industry in Transition. London, 2005. (BAR International Series; Vol. 1369).
192. Sorokin A. N. The use of wood in construction // Wood use in medieval Novgorod. Oxford, 2007.
193. Ström K. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // Birka II:I. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm, 1984. S. 127 – 140.
194. Szabo M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J. Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt, Bern, New York, 1985. (Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holstein, Serie A, Bd. 5).
195. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm, 1992.

196. Thunmark-Nylen, Die Wikingerzeit Gotlands II. Taffeln. Stockholm, 1998.
197. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands III:1. Text. Stockholm, 2006.
198. Thålin H. Ringspangen // Birka II:I. Systematische AnalysenderGräberfunde. Stockholm, 1984.
199. Von Müller A., von Müller-Muci K. Ausgrabungen, Funde und naturwissenschaftliche Untersuchungen auf dem Burgwall in Berlin-Spandau. Berlin, 1989.
200. Westphal F. Die Holzfunde von Haithabu. Neumünster, 2006. 234 s. (Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 11)

Список сокращений

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – Географические информационные системы
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НГОМЗ – Новгородский государственный областной музей-заповедник
НовГУ – Новгородский государственный университет
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
SMYÄ – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Планы усадеб Неревского раскопа и таблицы находок

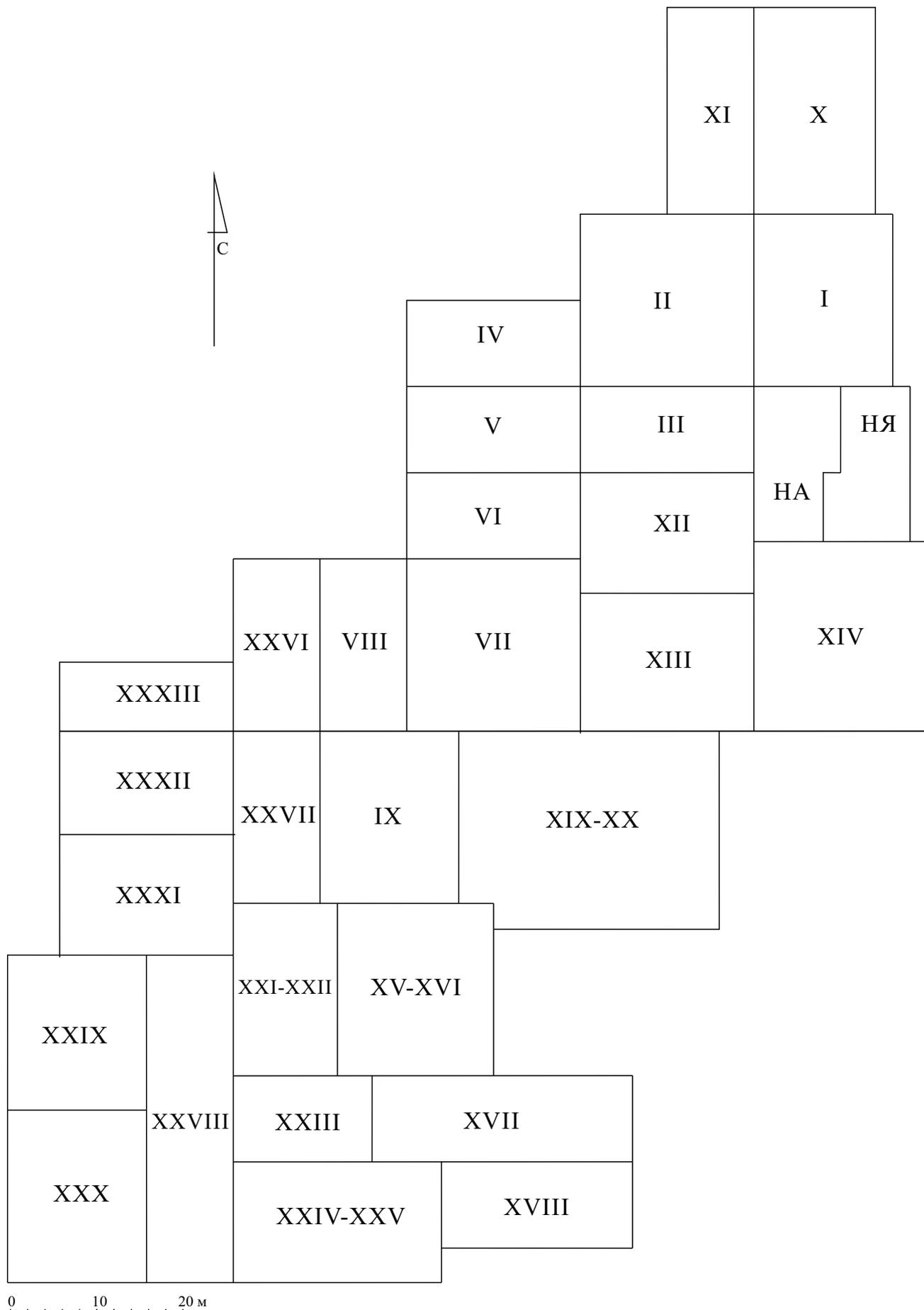

Рис. 1. Общий план Неревского раскопа

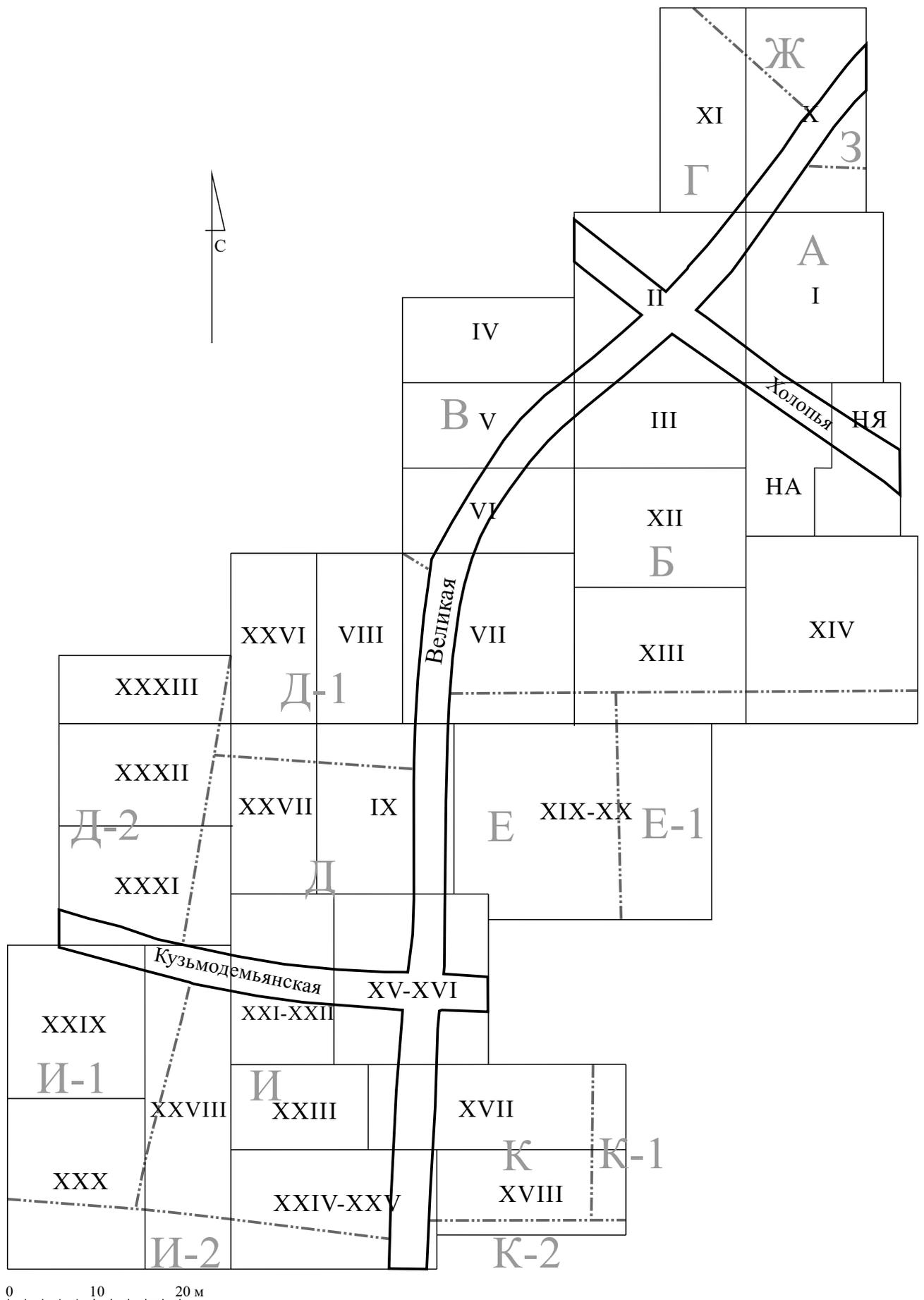

Рис. 2. Общий план усадеб Неревского раскопа.

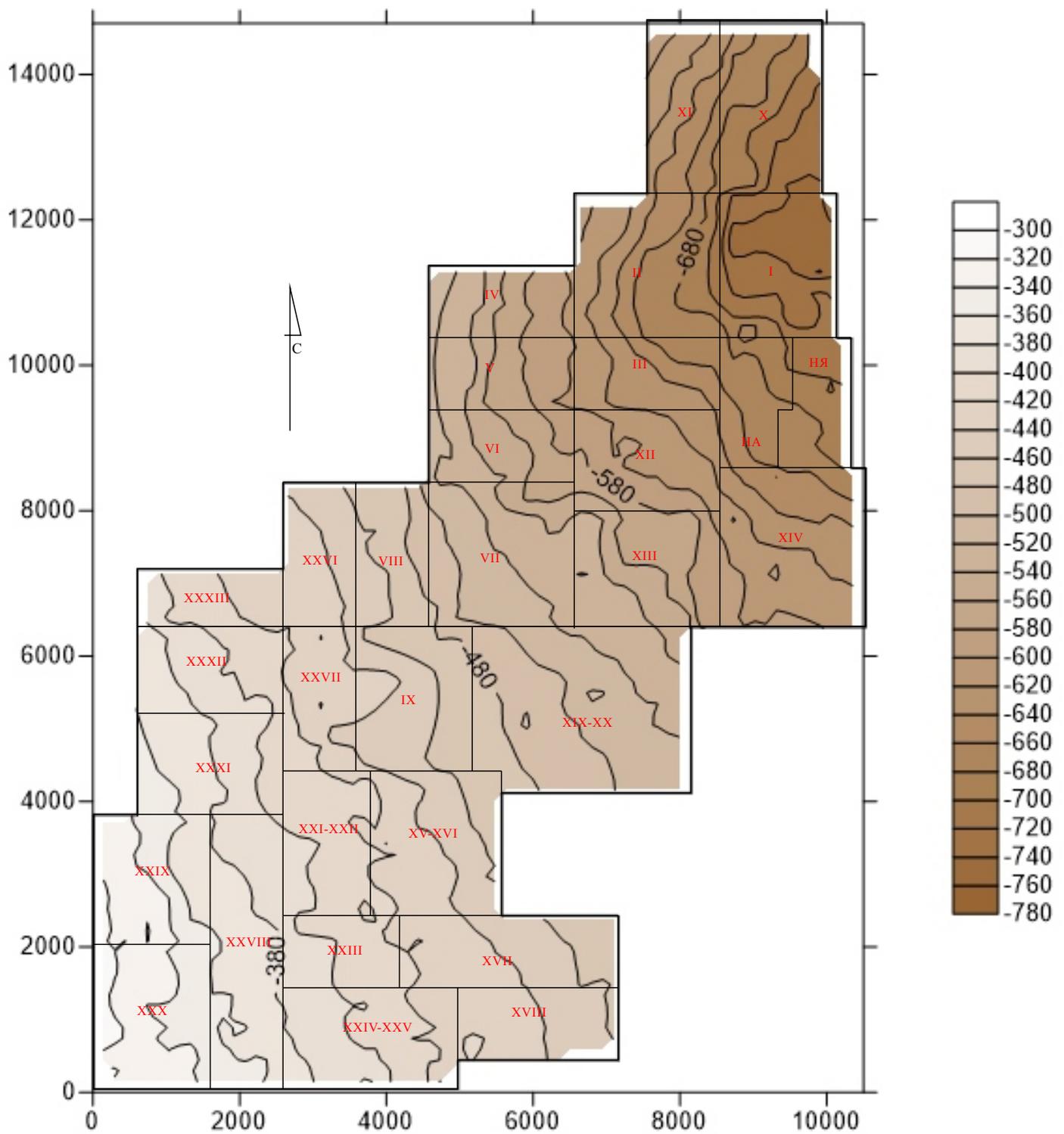

Рис. 3. Гипсометрический план поверхности материка Неревского раскопа

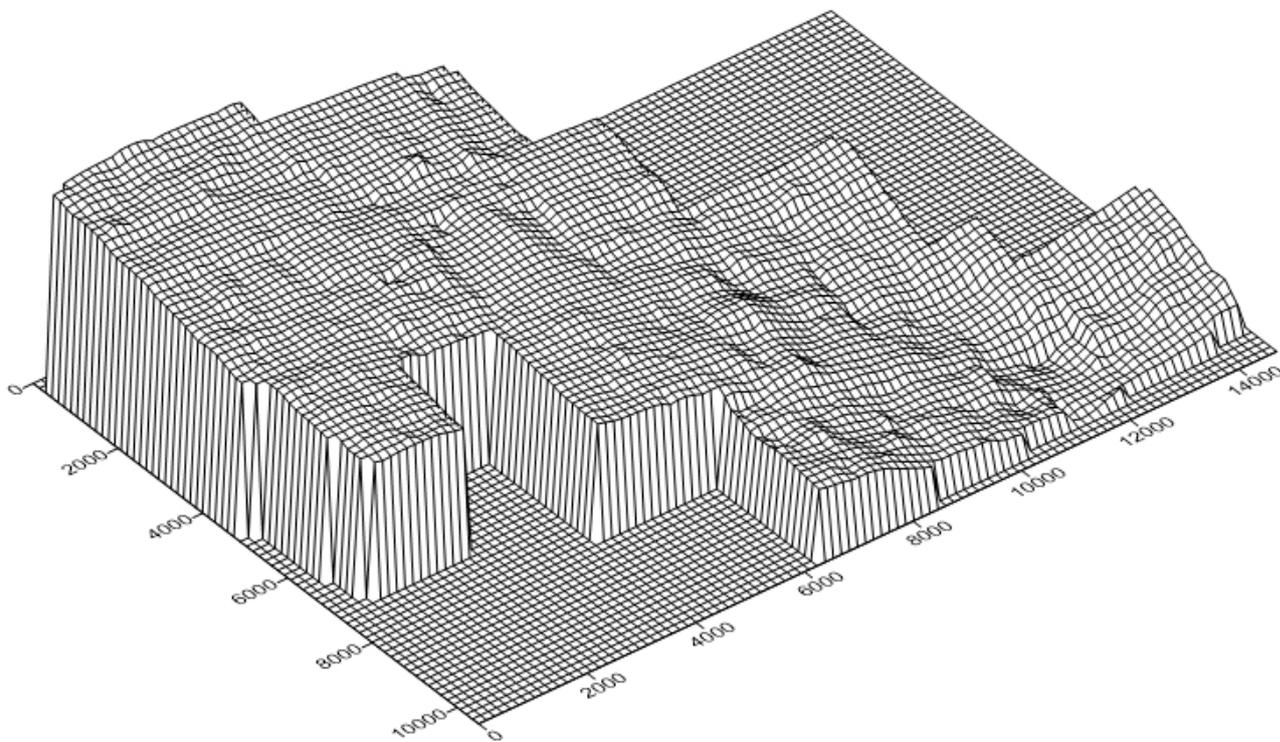

Рис. 4. 3D Wireframe модель поверхности материка Неревского раскопа

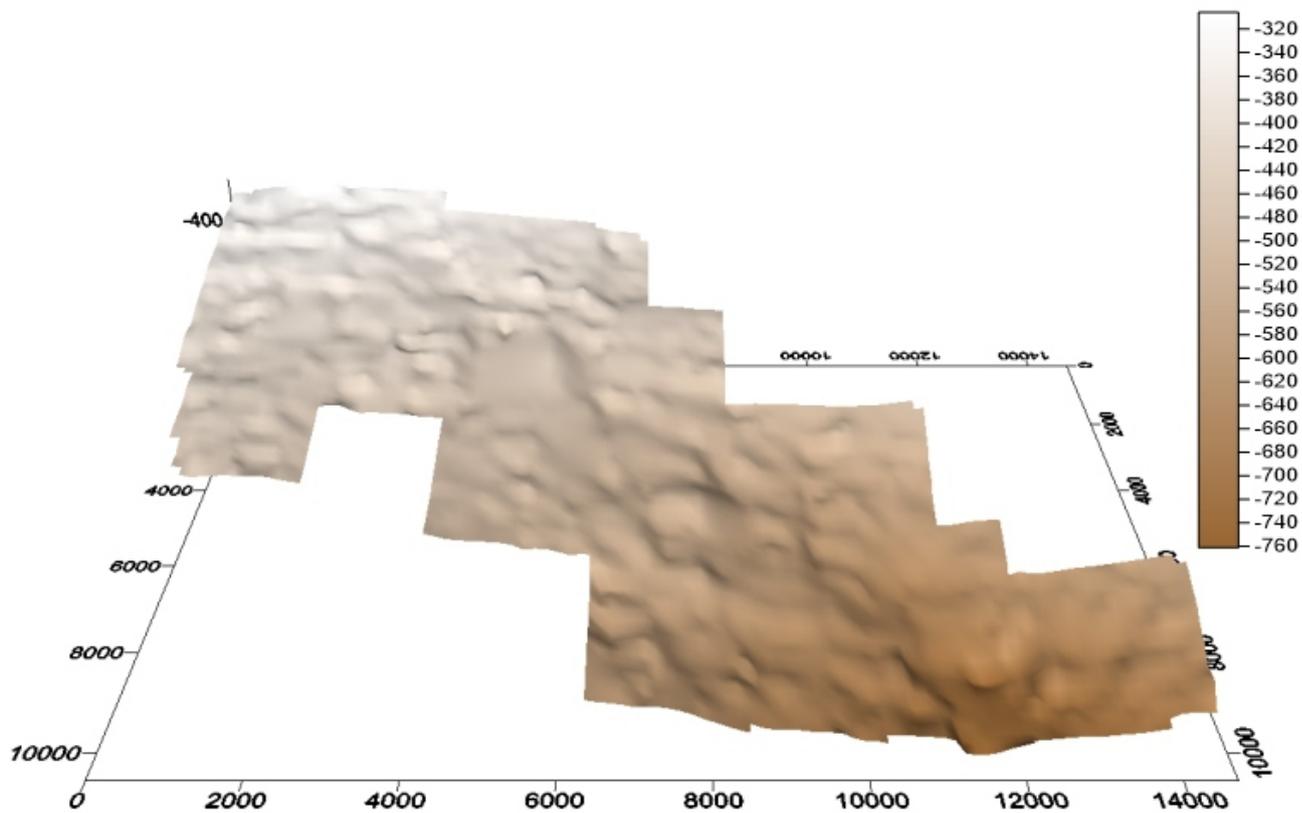

Рис. 5. 3D модель поверхности материка Неревского раскопа

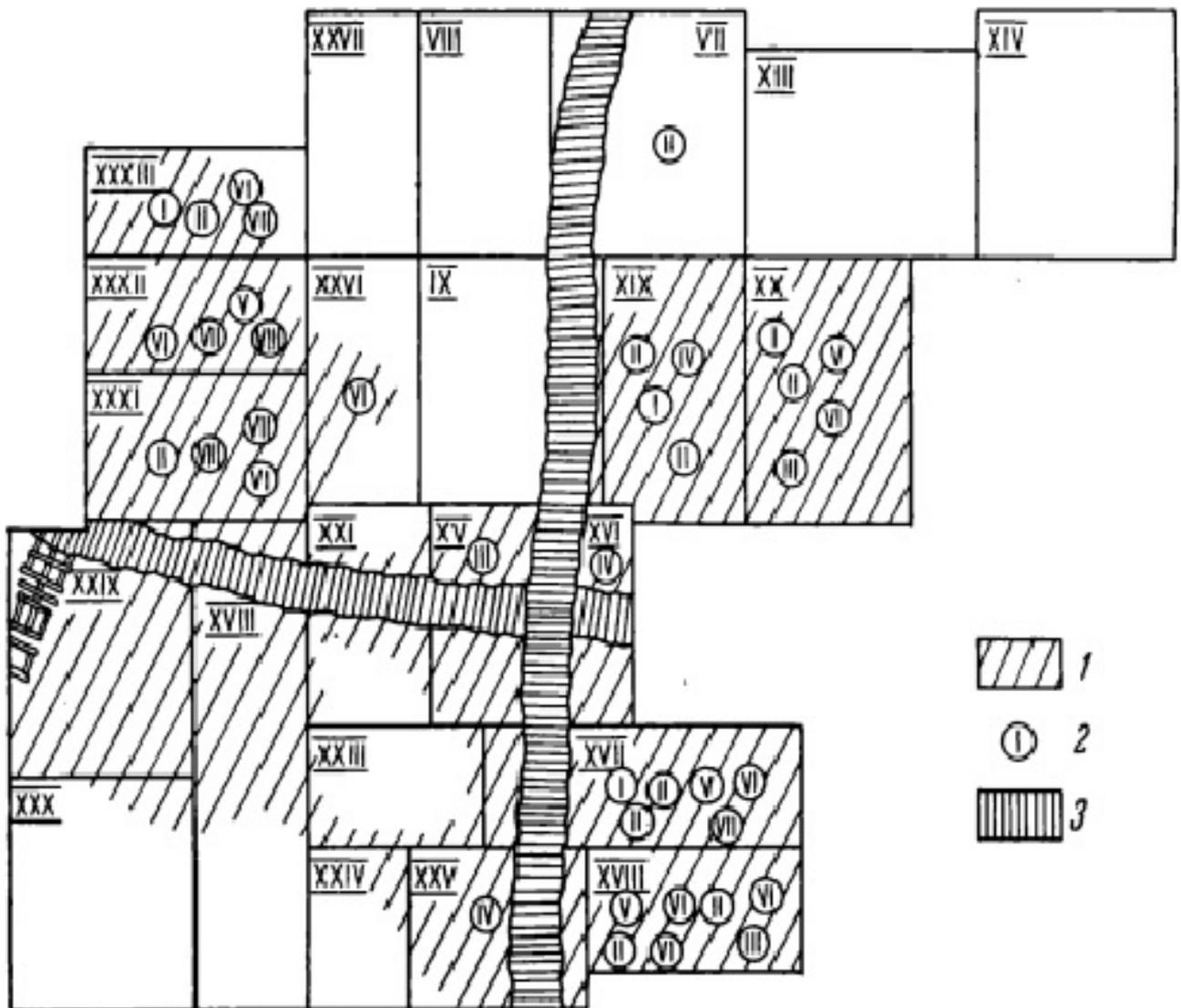

Рис. 6. Границы предполагаемого днепровского слоя и распространение лепной керамики (по Г.П. Смирновой)

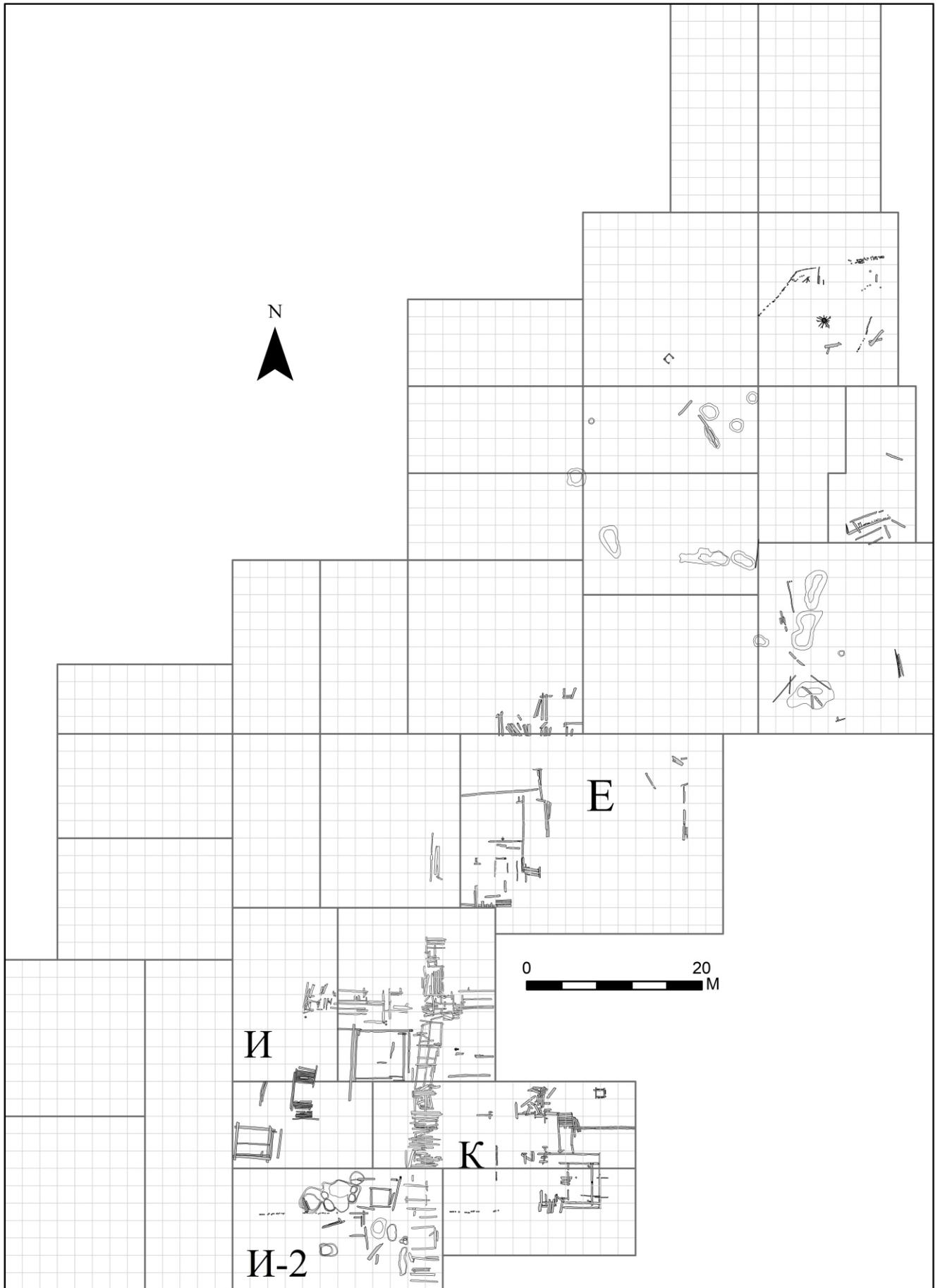

Рис. 7. Общий план усадеб Неревского раскопа в третьей четверти X в.

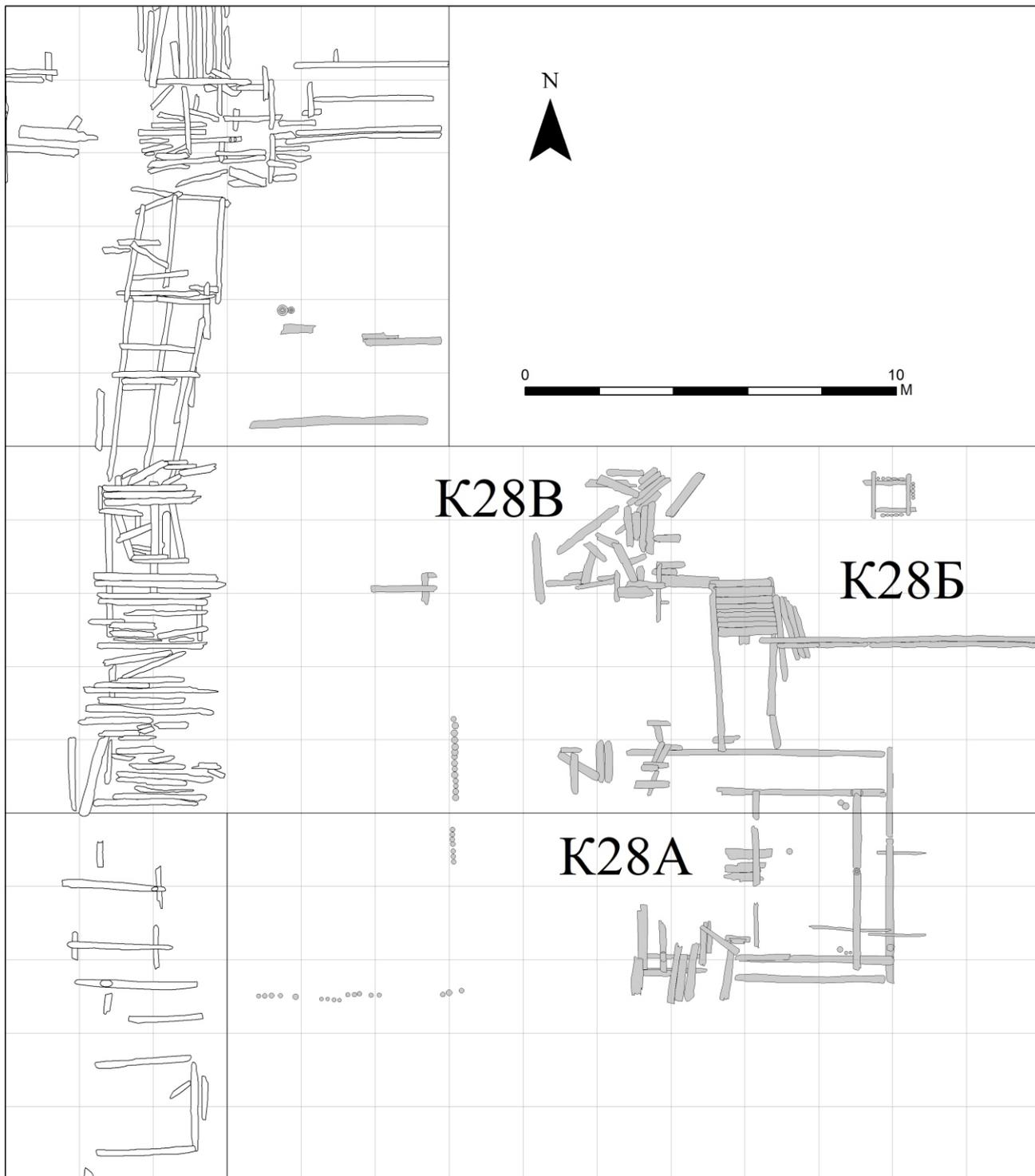

Рис. 8 - Застройка усадьбы «К» в третьей четверти X в.

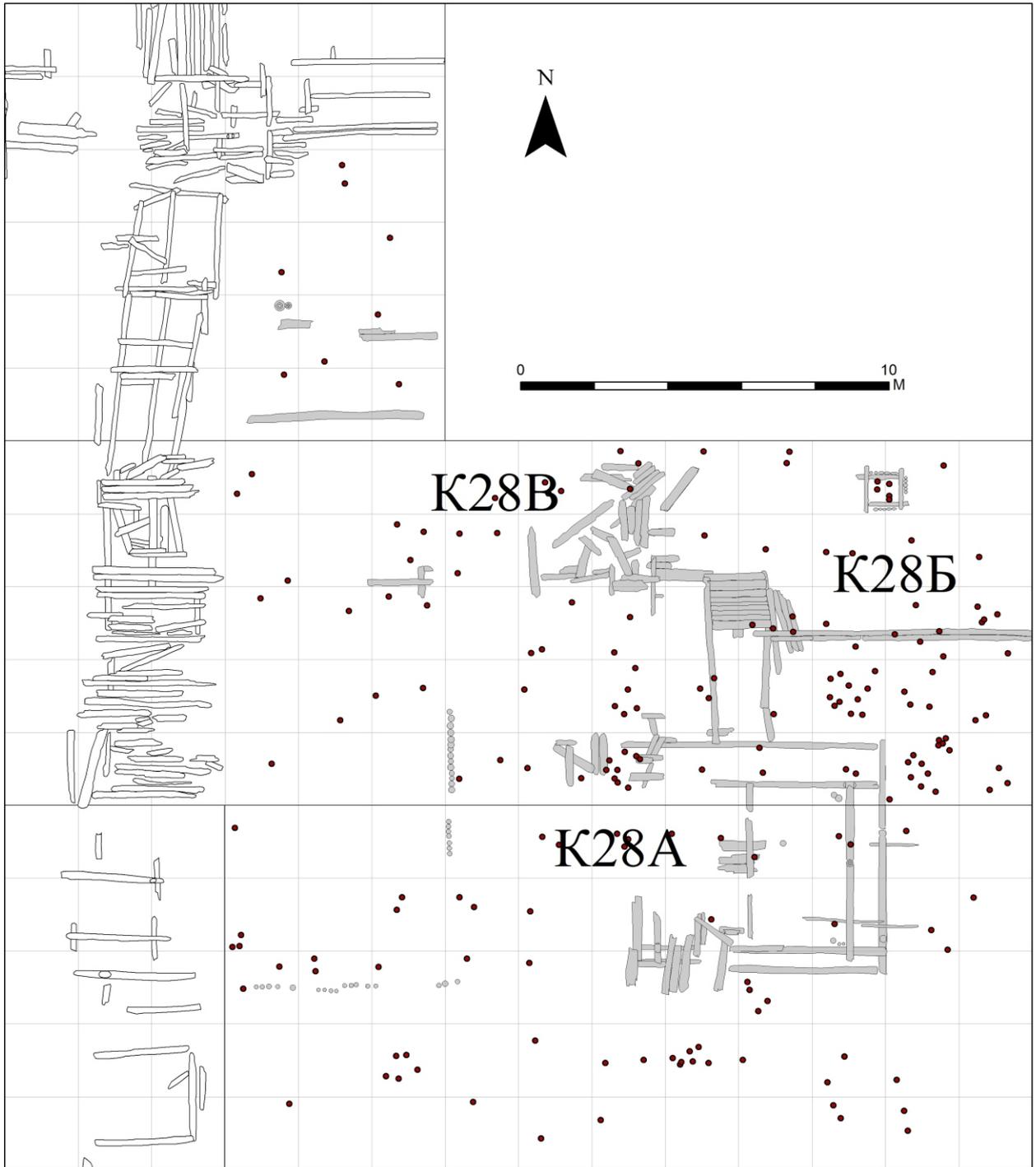

Рис. 9 - Общий план распределения находок на усадьбе «К»

Рис. 10 - Материальная культура усадьбы «К» в третьей четверти X в.

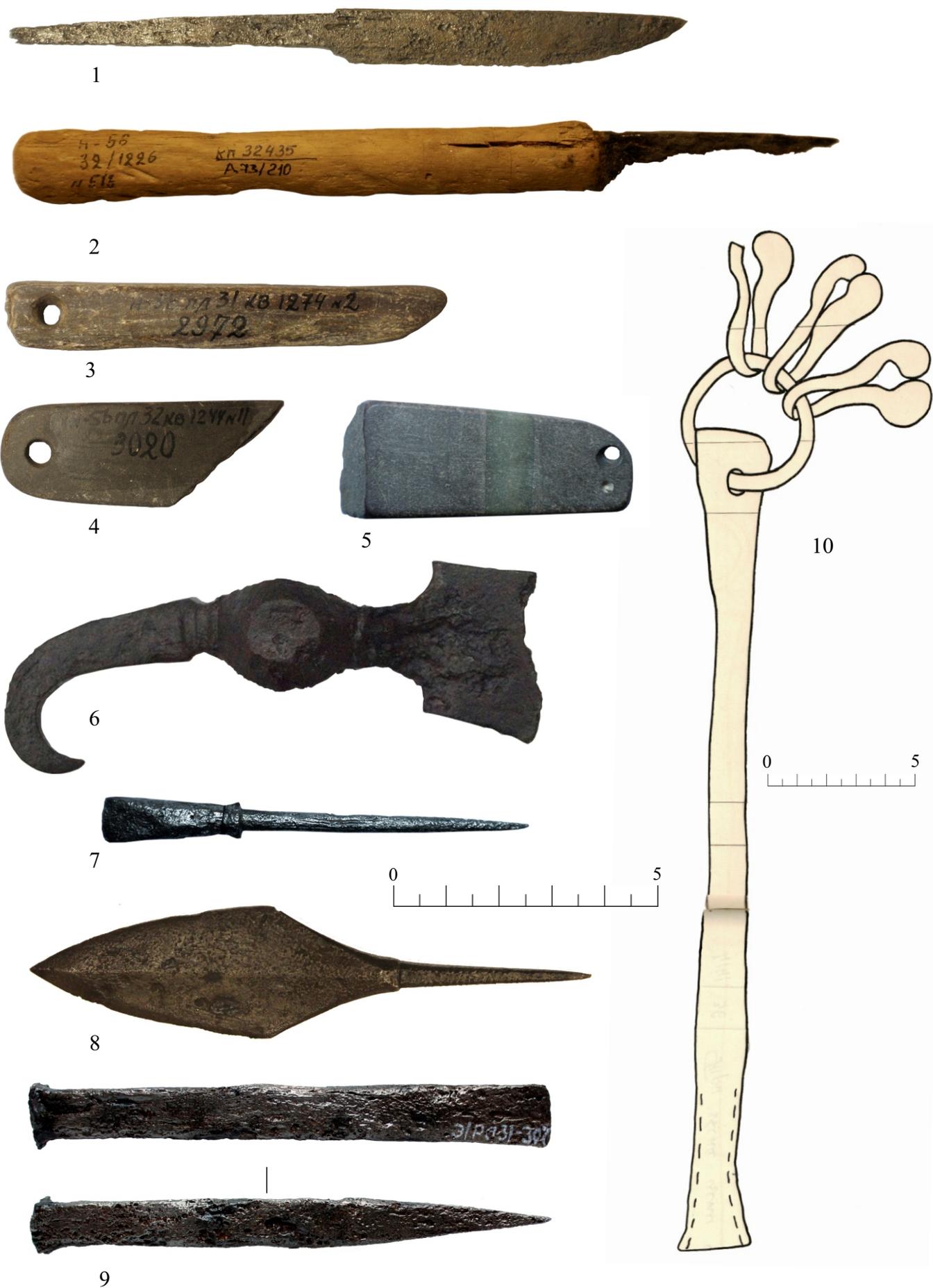

Рис. 11 - Материальная культура усадьбы «К» в третьей четверти X в.

Рис. 12 - Материальная культура усадьбы «К» в третьей четверти X в.

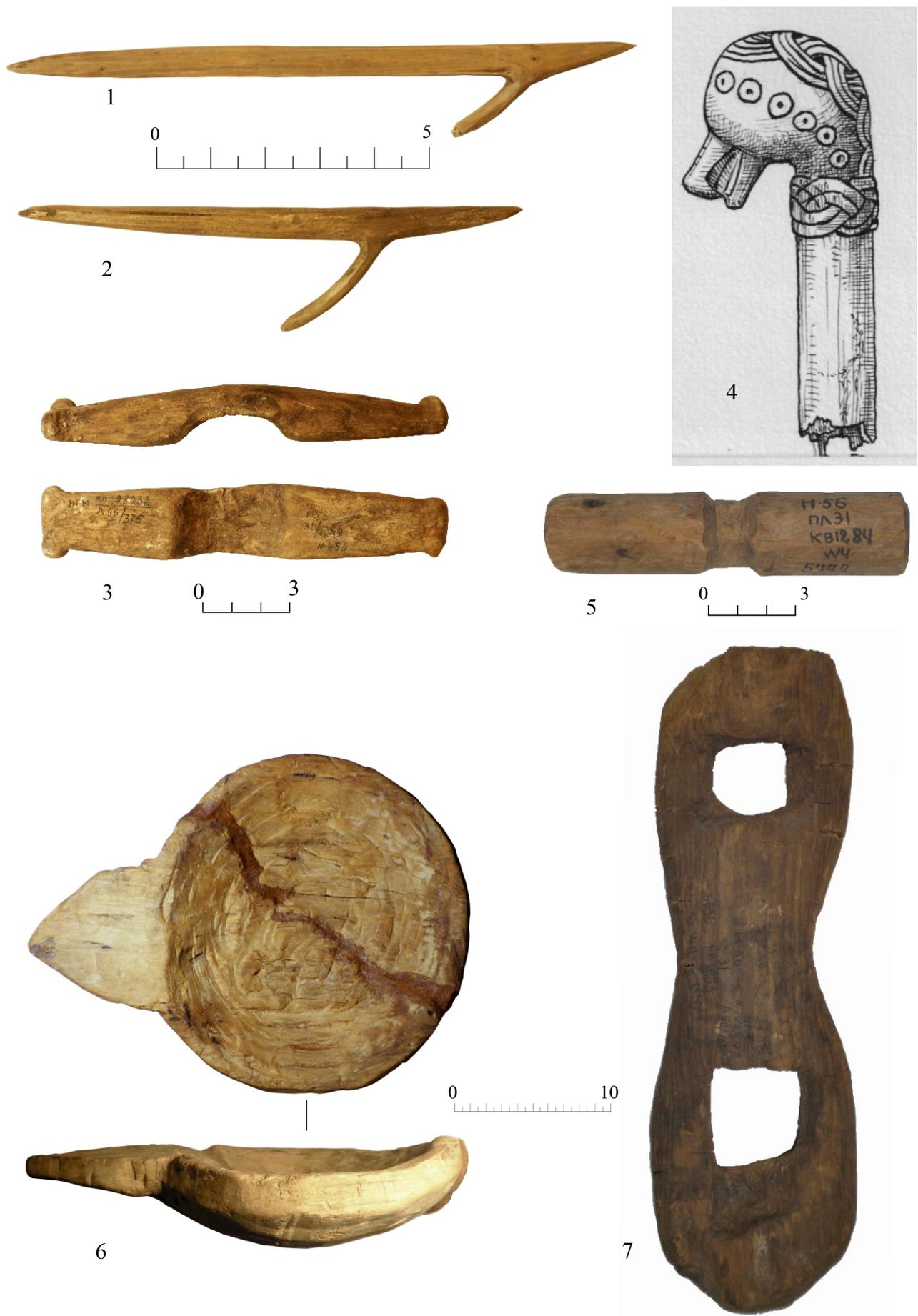

Рис. 13 - Материальная культура усадьбы «К» в третьей четверти X в.

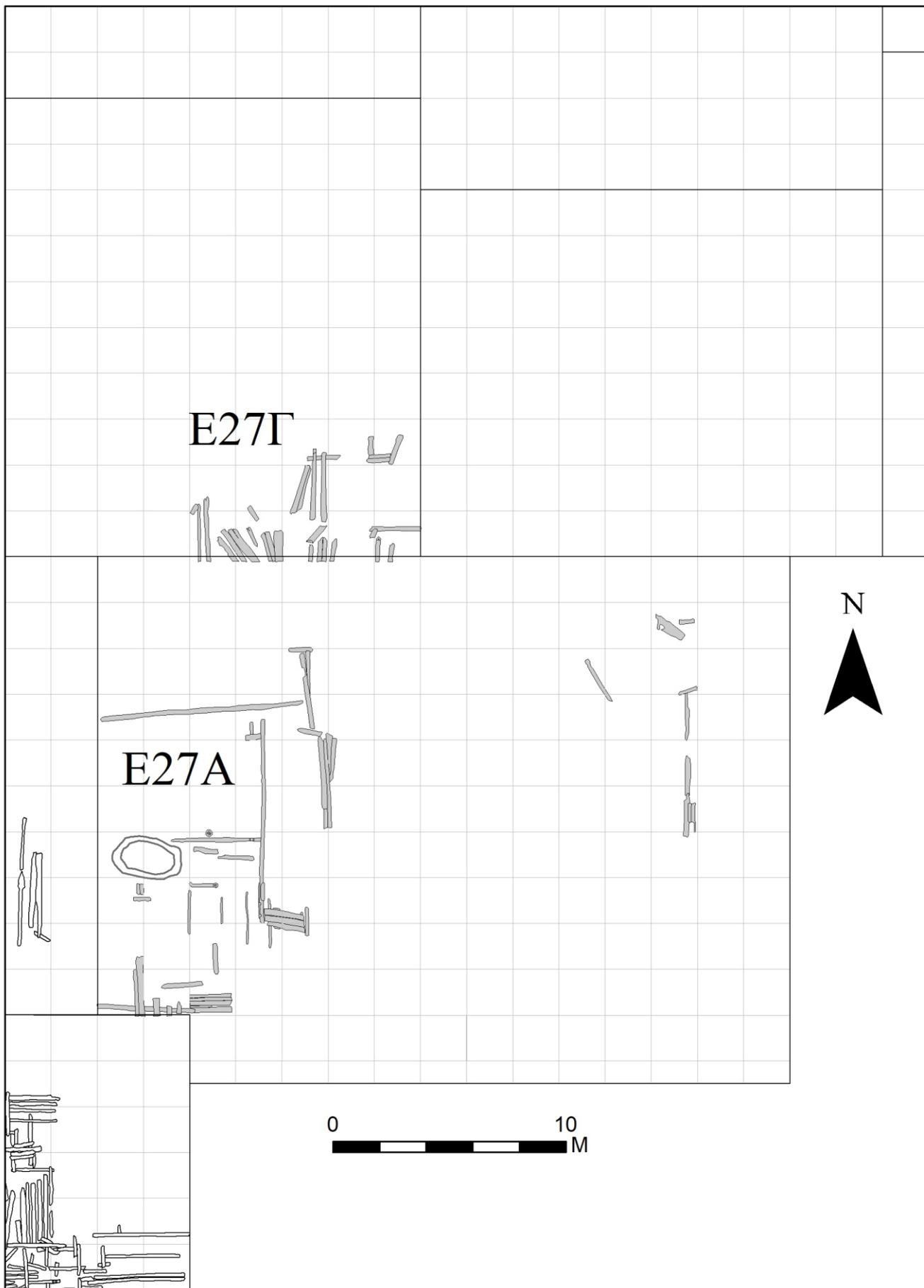

Рис. 14 - Застройка усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

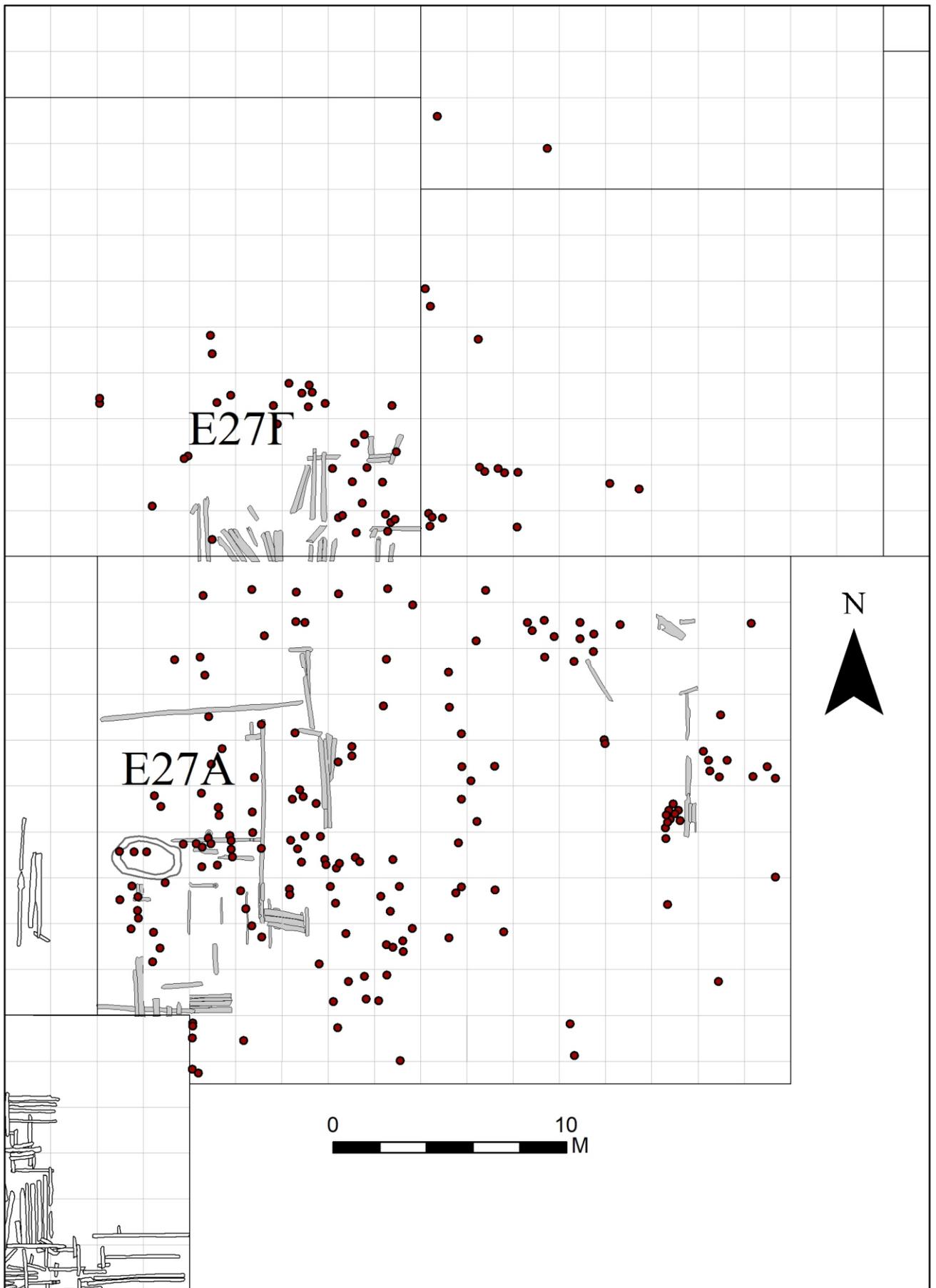

Рис. 15 - Общий план распределения находок на усадьбе «Е»

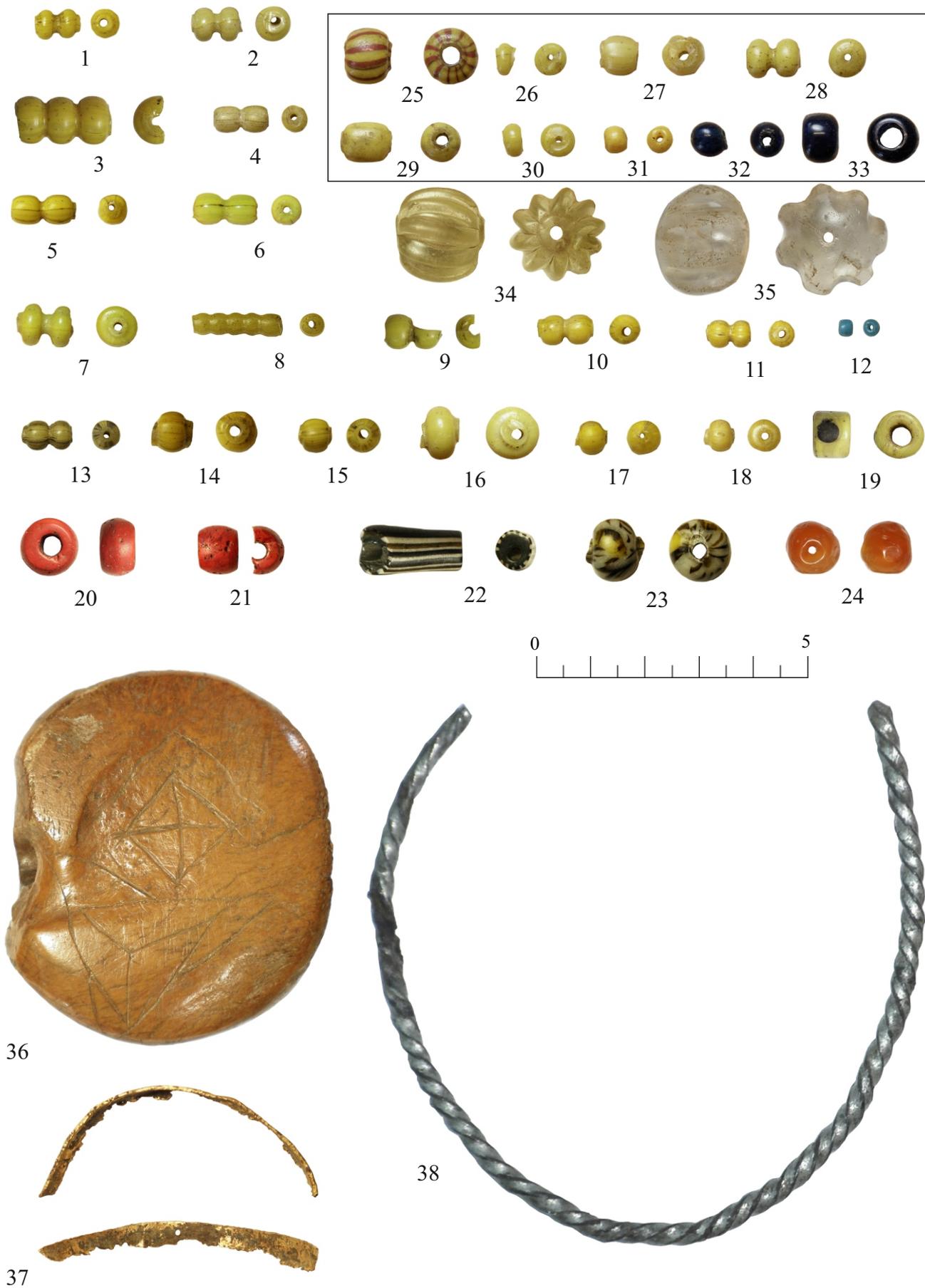

Рис. 16 - Материальная культура усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

Рис. 17 - Материальная культура усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

Рис. 18 - Материальная культура усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

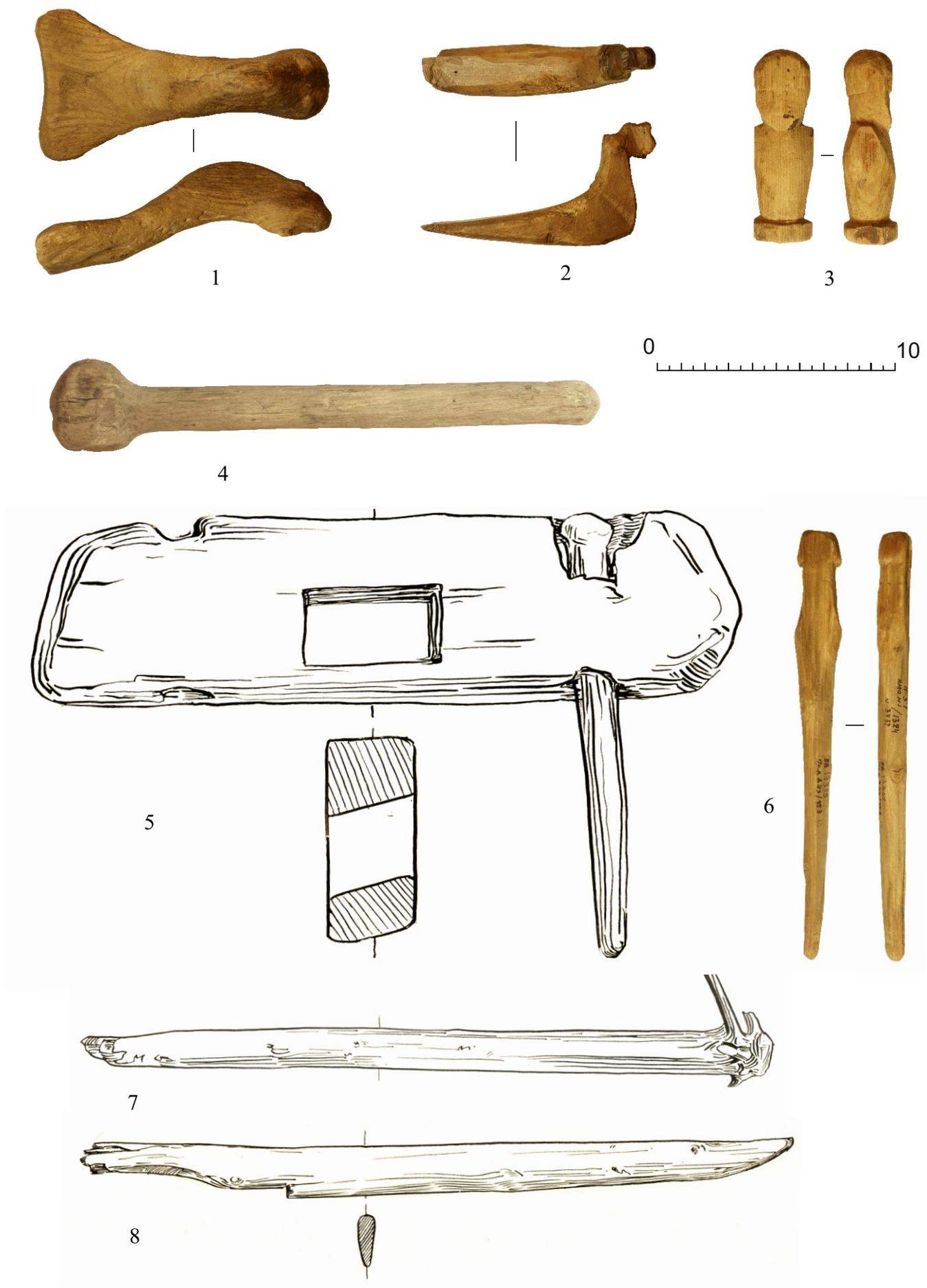

Рис. 19 - Материальная культура усадьбы «Е» в третьей четверти X в.

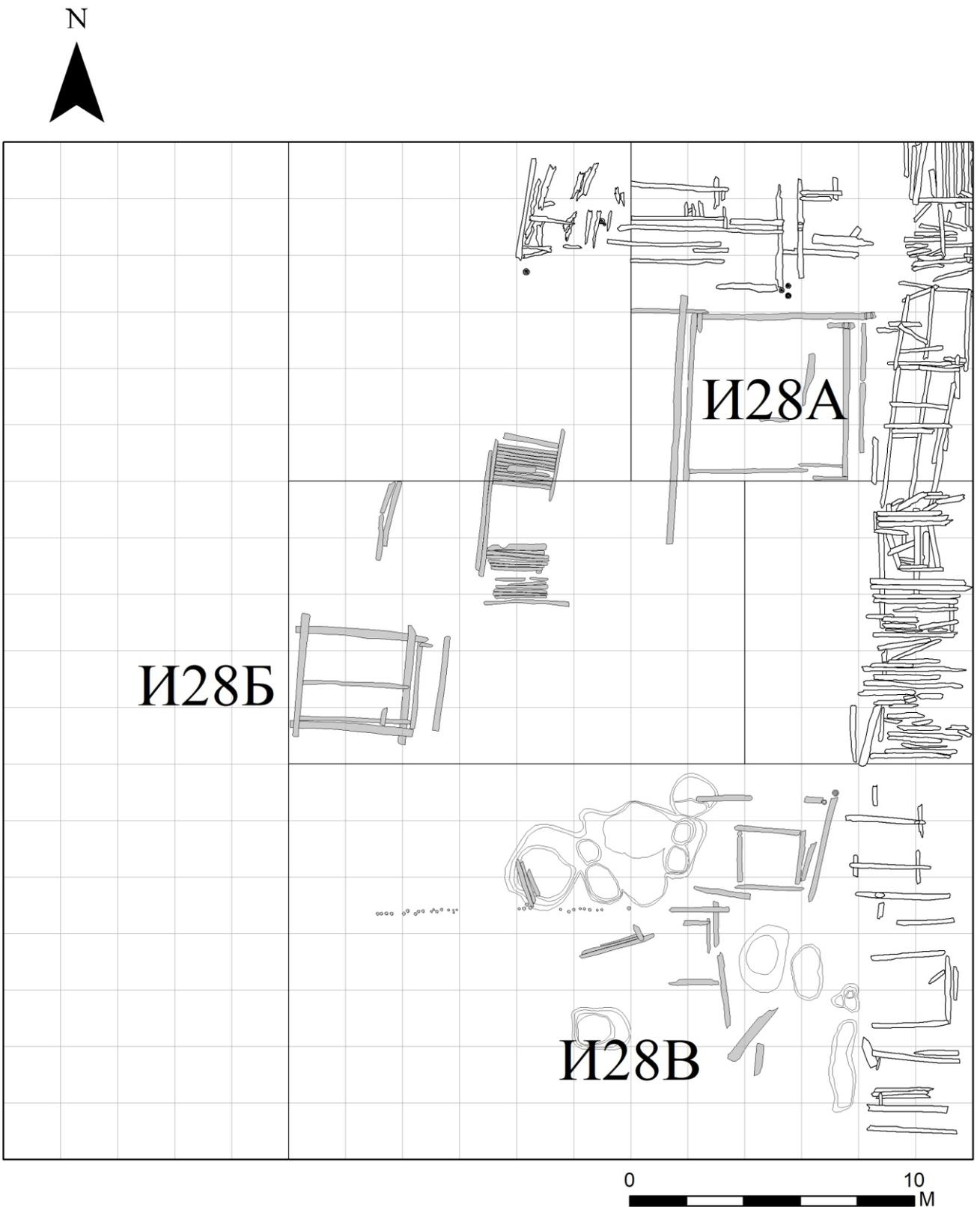

Рис. 20 - Застройка усадеб «И» и «И-2» в третьей четверти X в.

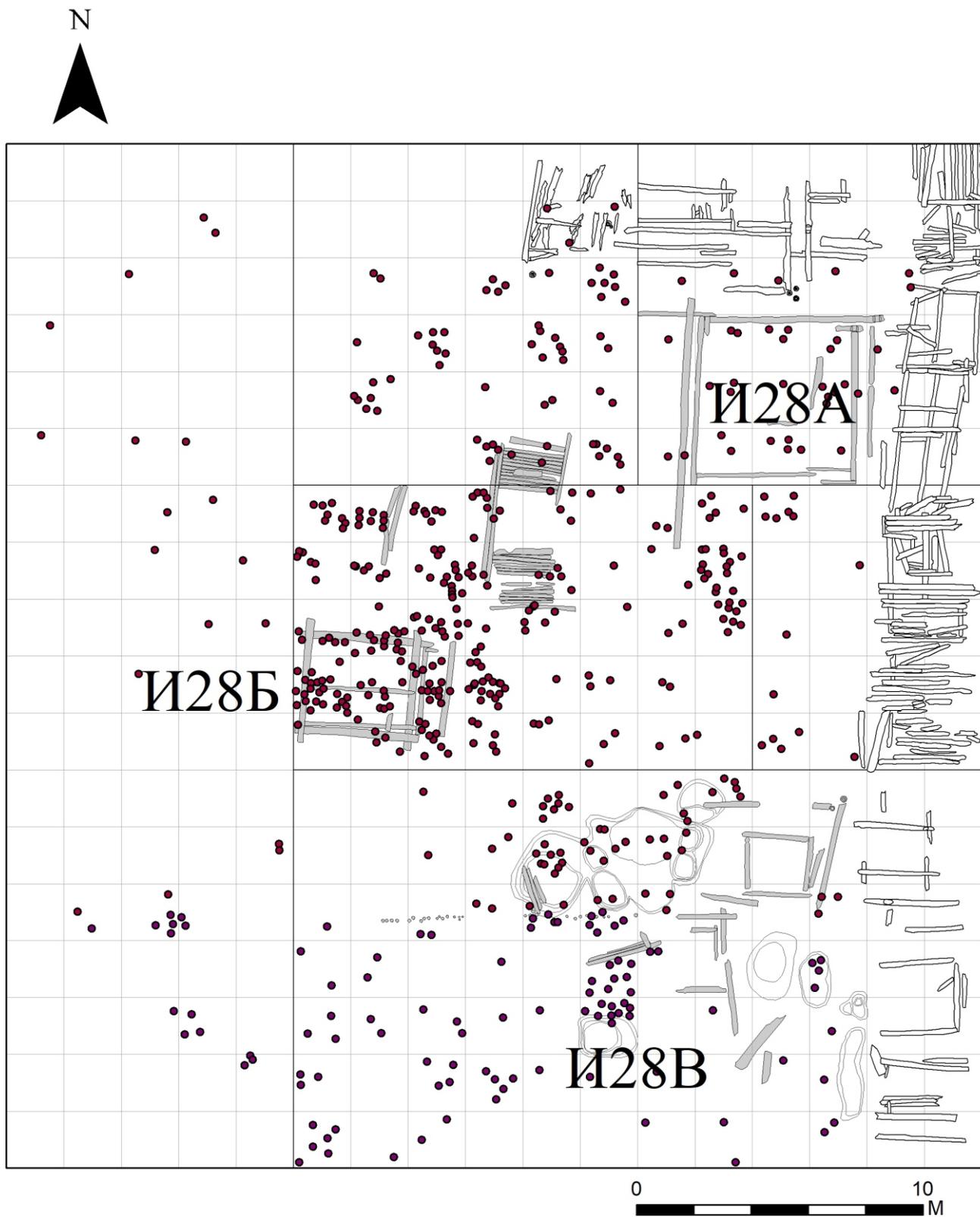

Рис. 21 - Общий план распределения находок на усадьбах «И» и «И-2»

Рис. 22 - Материальная культура усадьбы «И» в третьей четверти X в.

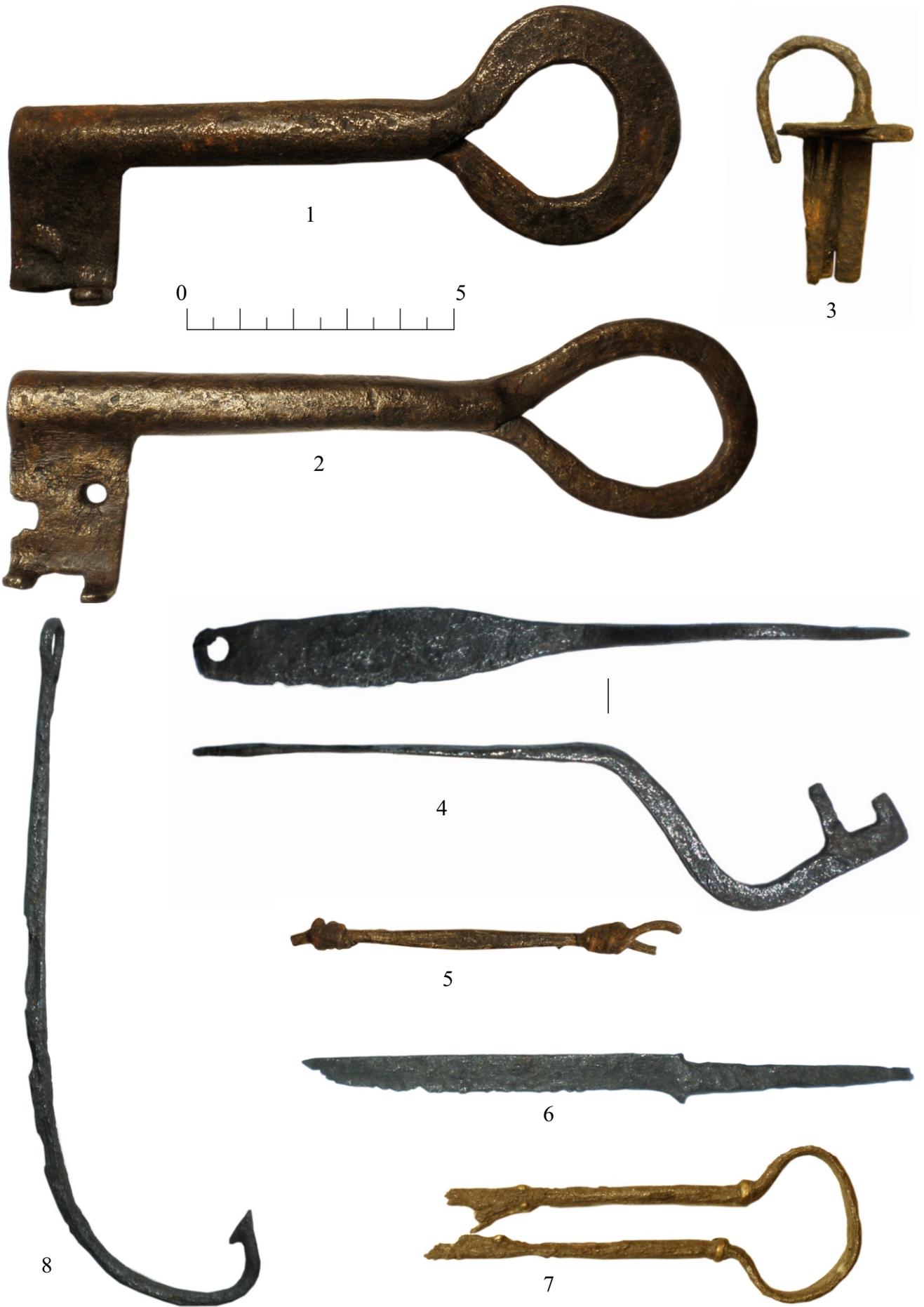

Рис. 23 - Материальная культура усадьбы «И» в третьей четверти X в.

Рис. 24 - Материальная культура усадьбы «И» в третьей четверти X в.

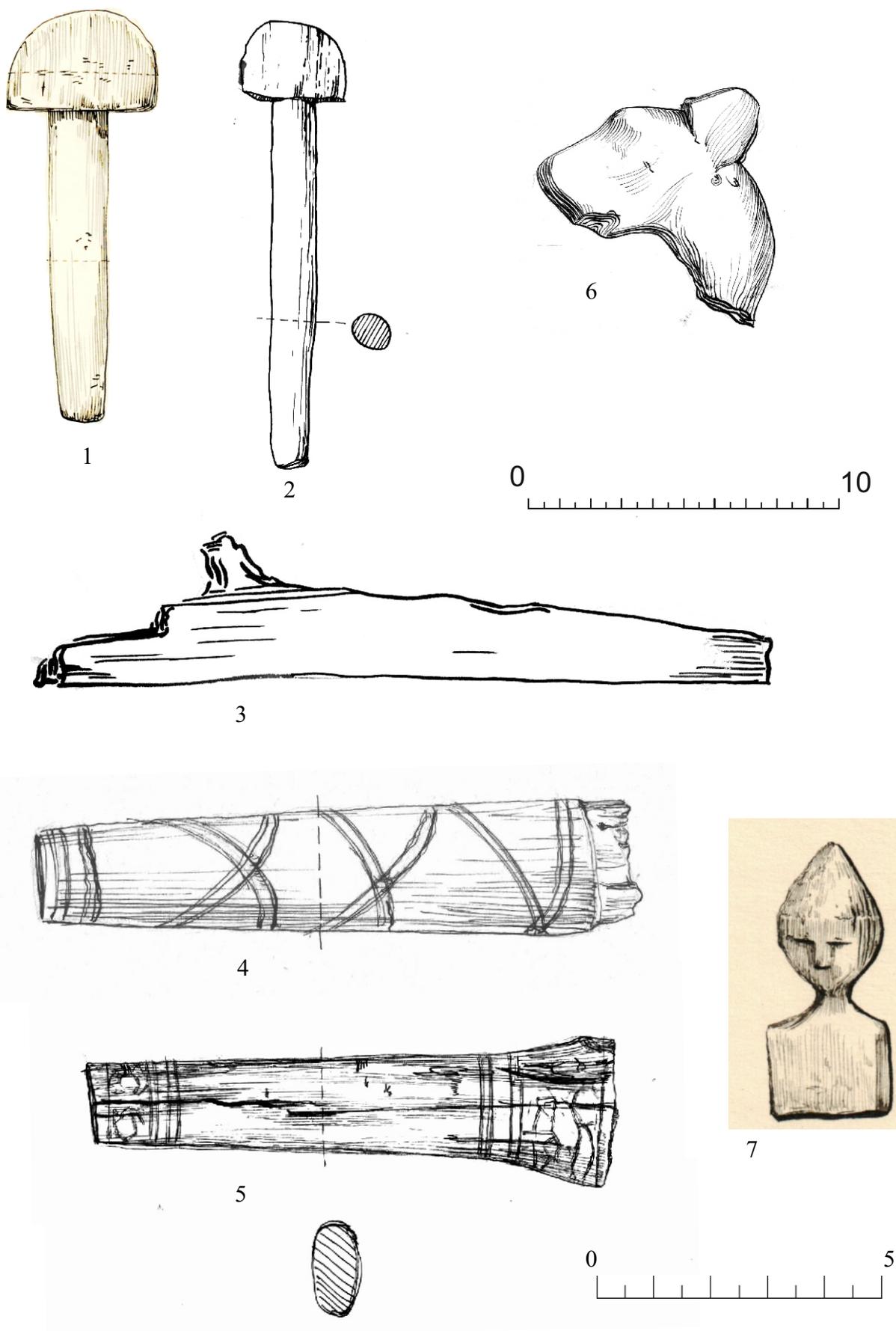

Рис. 25 - Материальная культура усадьбы «И» в третьей четверти X в.

Рис. 26 - Материальная культура усадьбы «И-2» в третьей четверти X в.

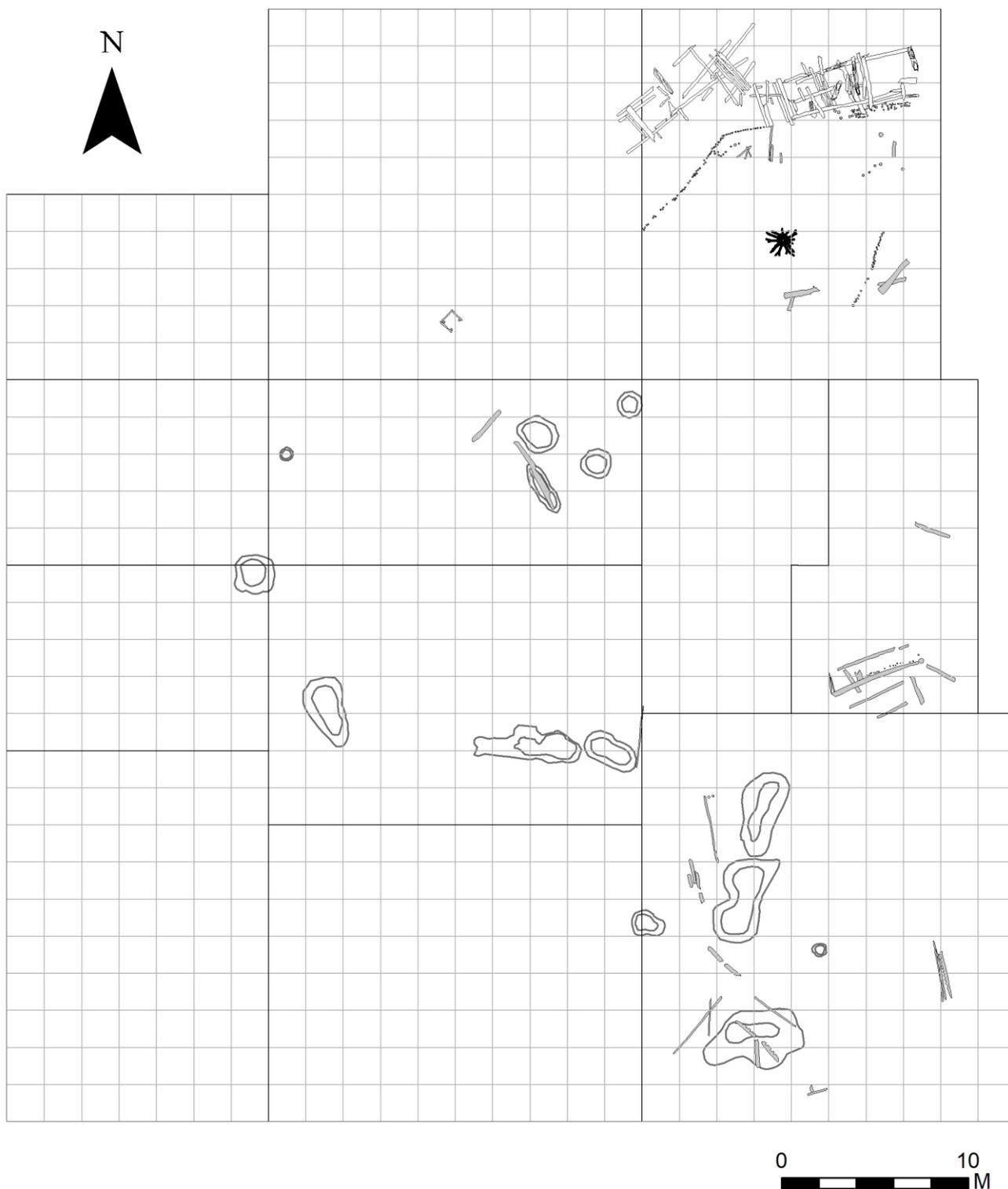

Рис. 27 - Территория усадеб «А», «Б», «Б-1» в третьей четверти X в.

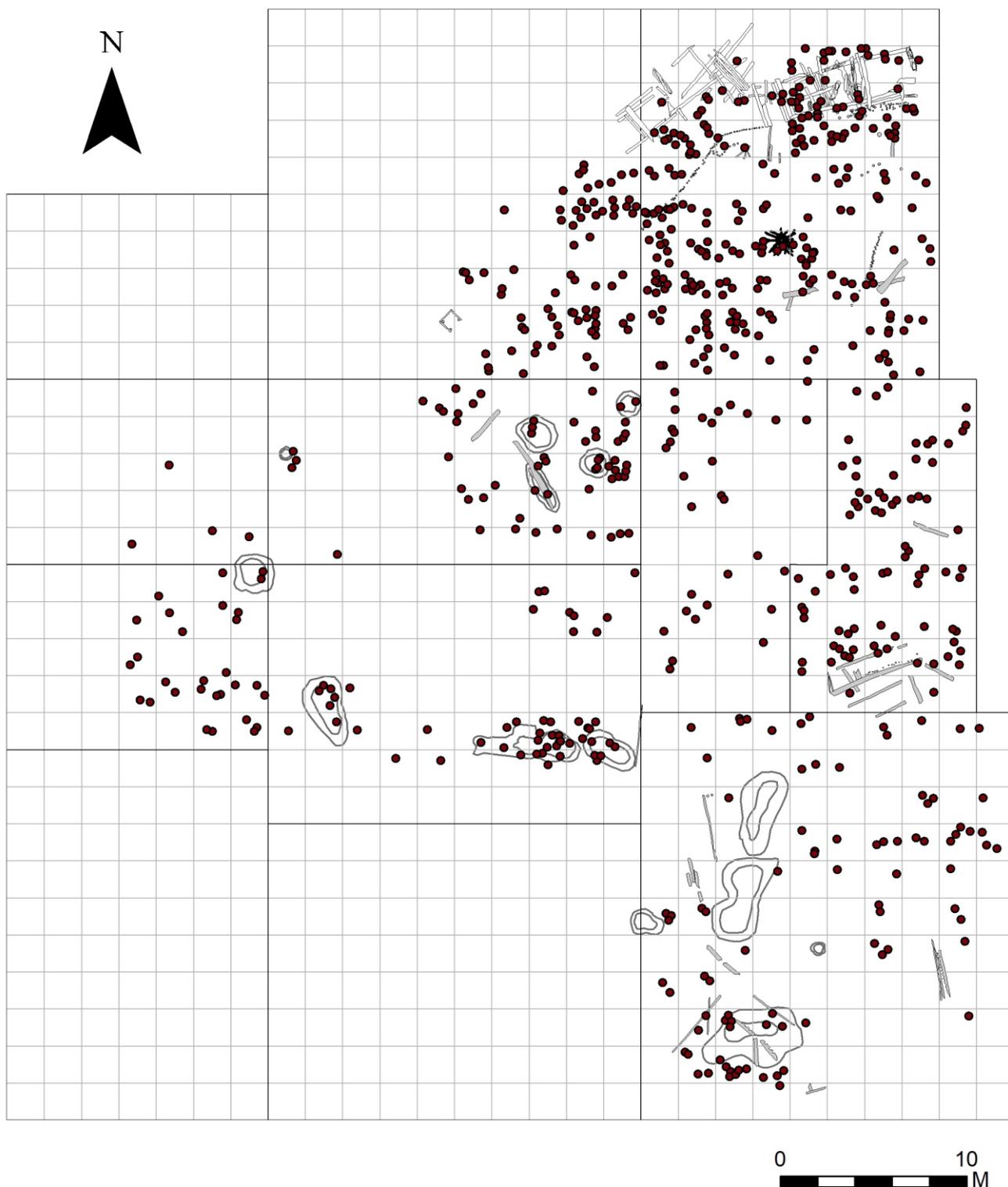

Рис. 28 - Общий план распределения находок на территории усадеб «А», «Б», «Б-1» в третьей четверти X в.

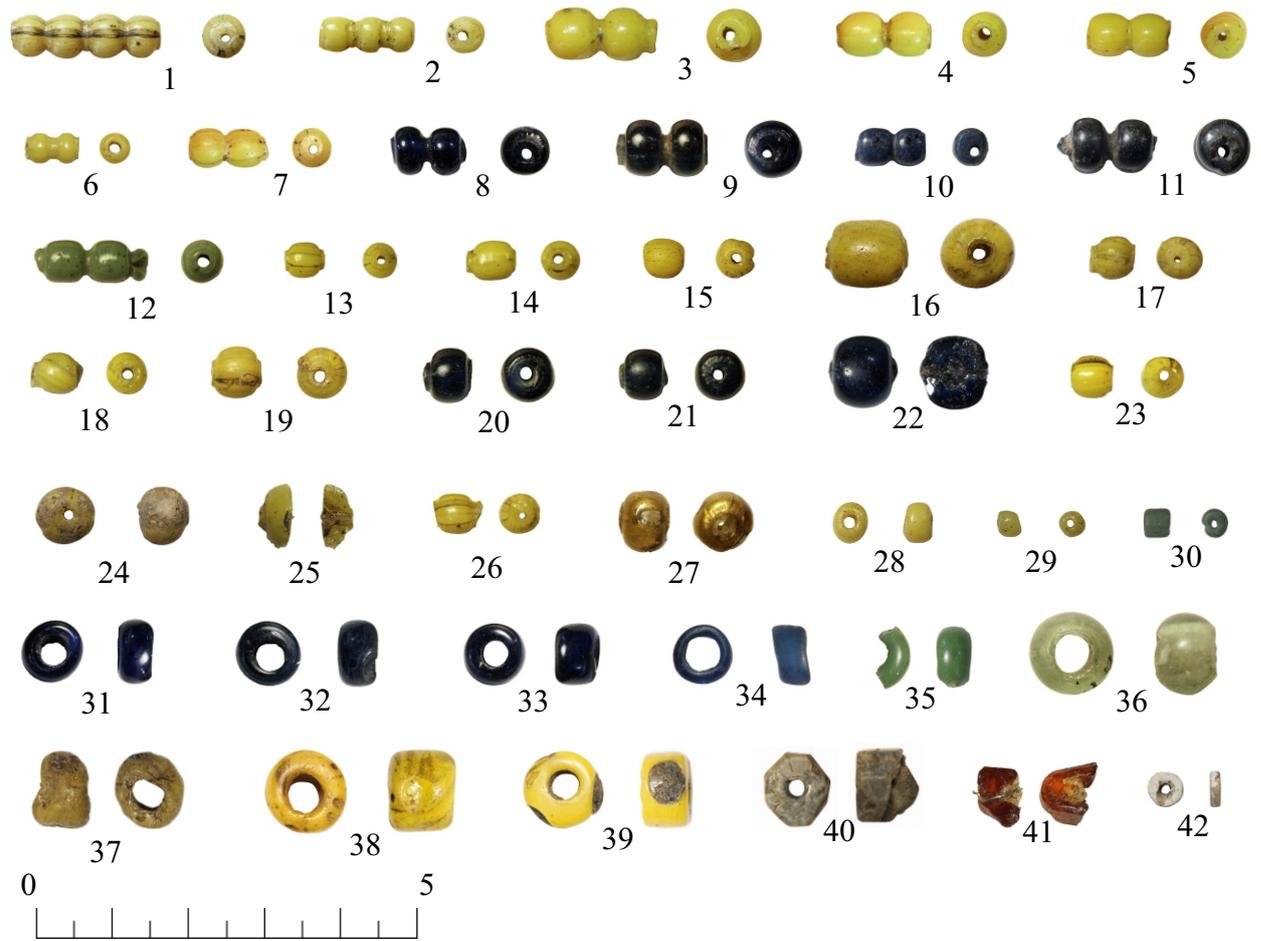

Рис. 29 - Находки из древнейших культурных отложений на территории усадеб «А» и «Б»

Рис. 30 - Находки из древнейших культурных отложений на территории усадеб «А» и «Б»

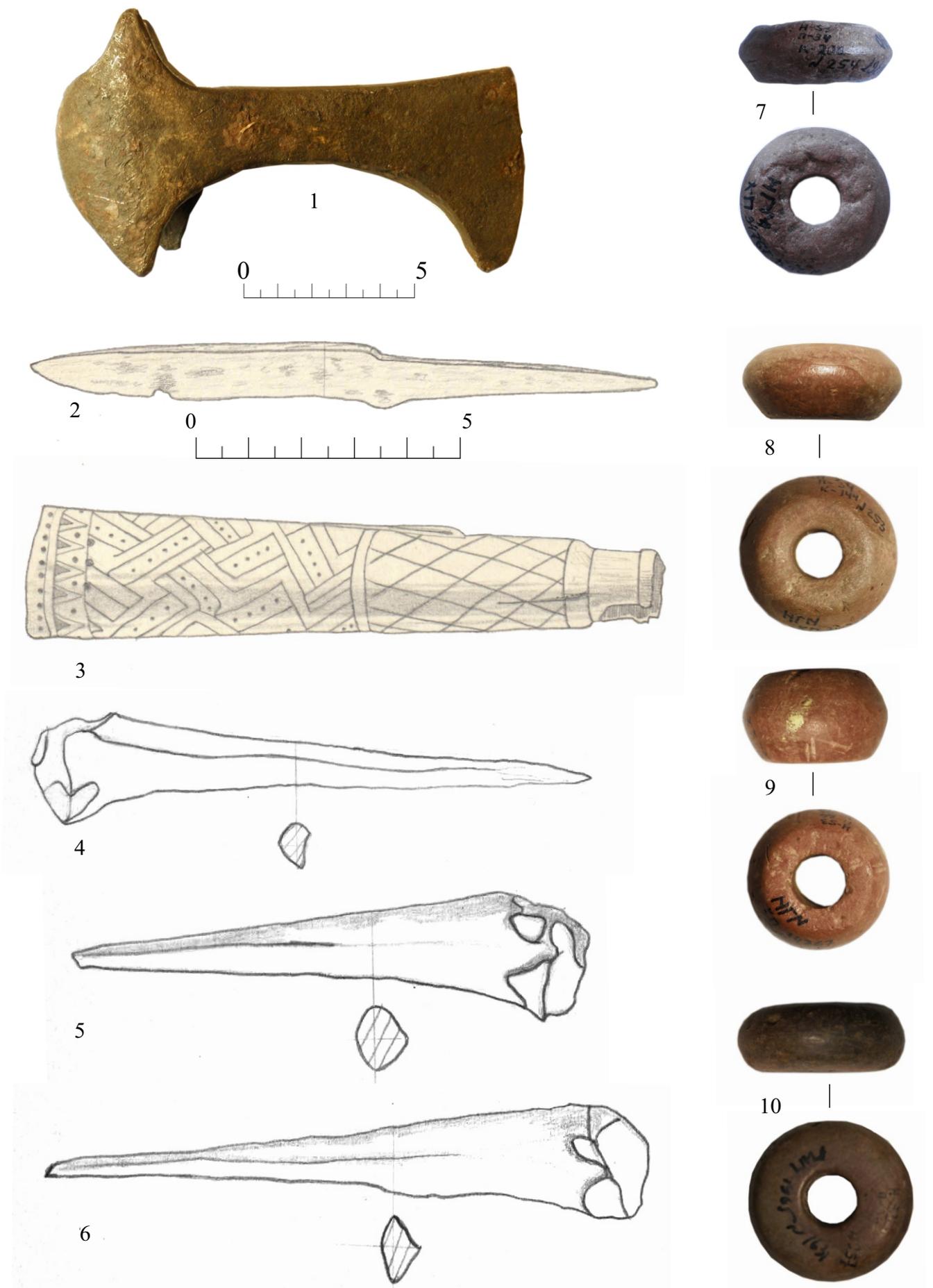

Рис. 31 - Находки из древнейших культурных отложений на территории усадеб «А» и «Б»

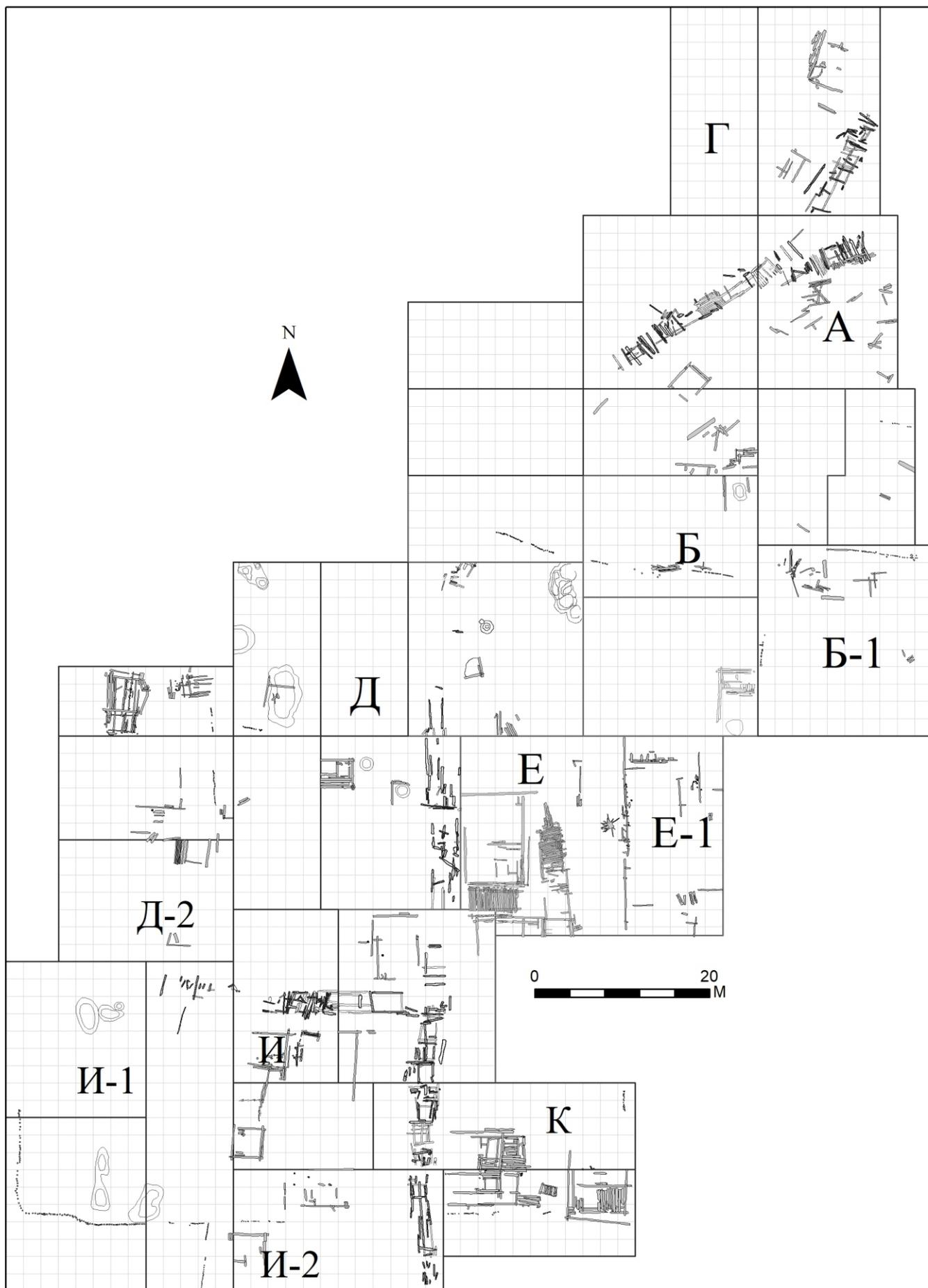

Рис. 32 - Общий план усадеб Неревского конца в последней четверти X в.

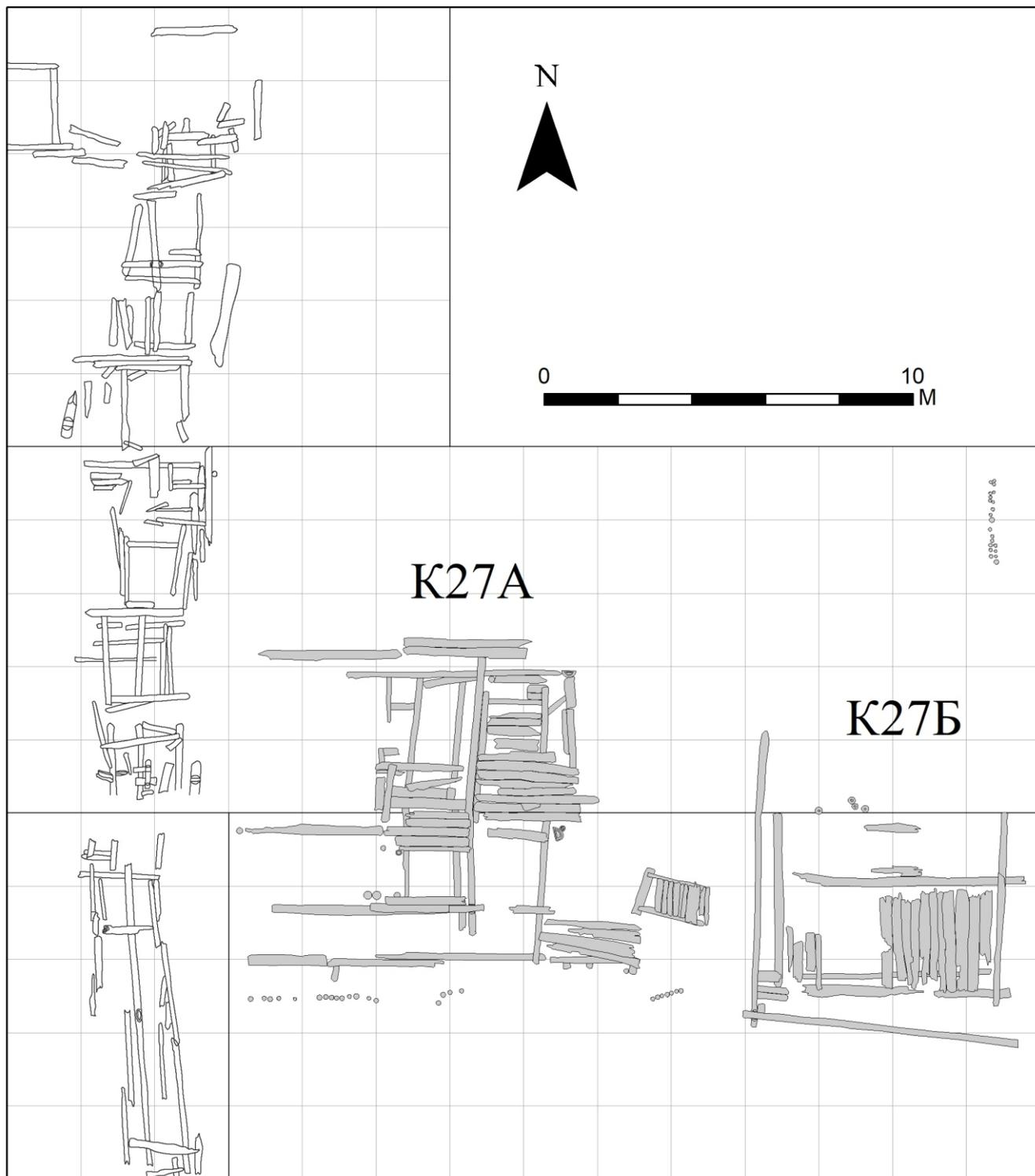

Рис. 33 - Застройка усадьбы «К» в последней четверти X в.
Подъярус 1

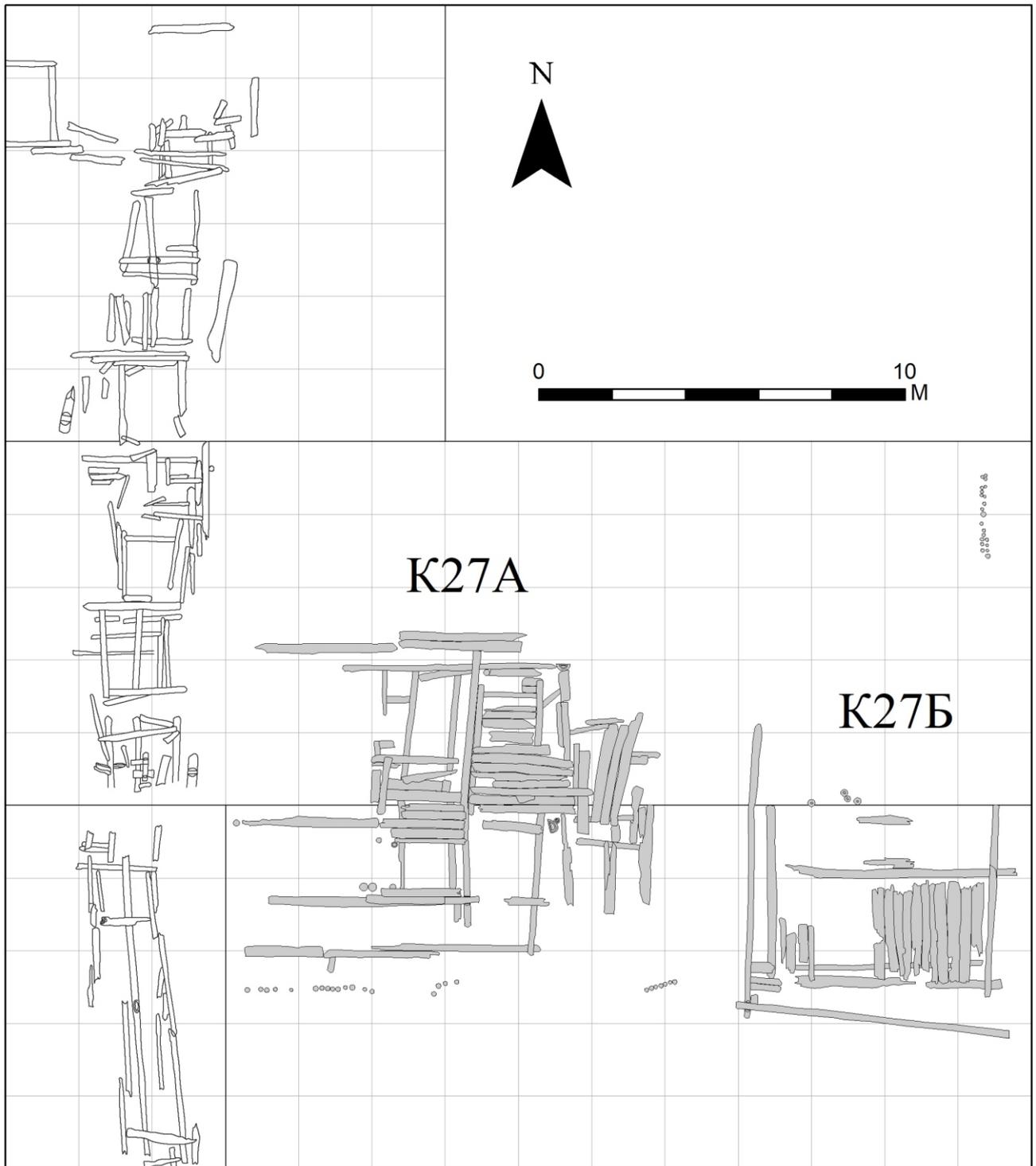

Рис. 34 - Застройка усадьбы «К» в последней четверти X в.
Подъярус 2

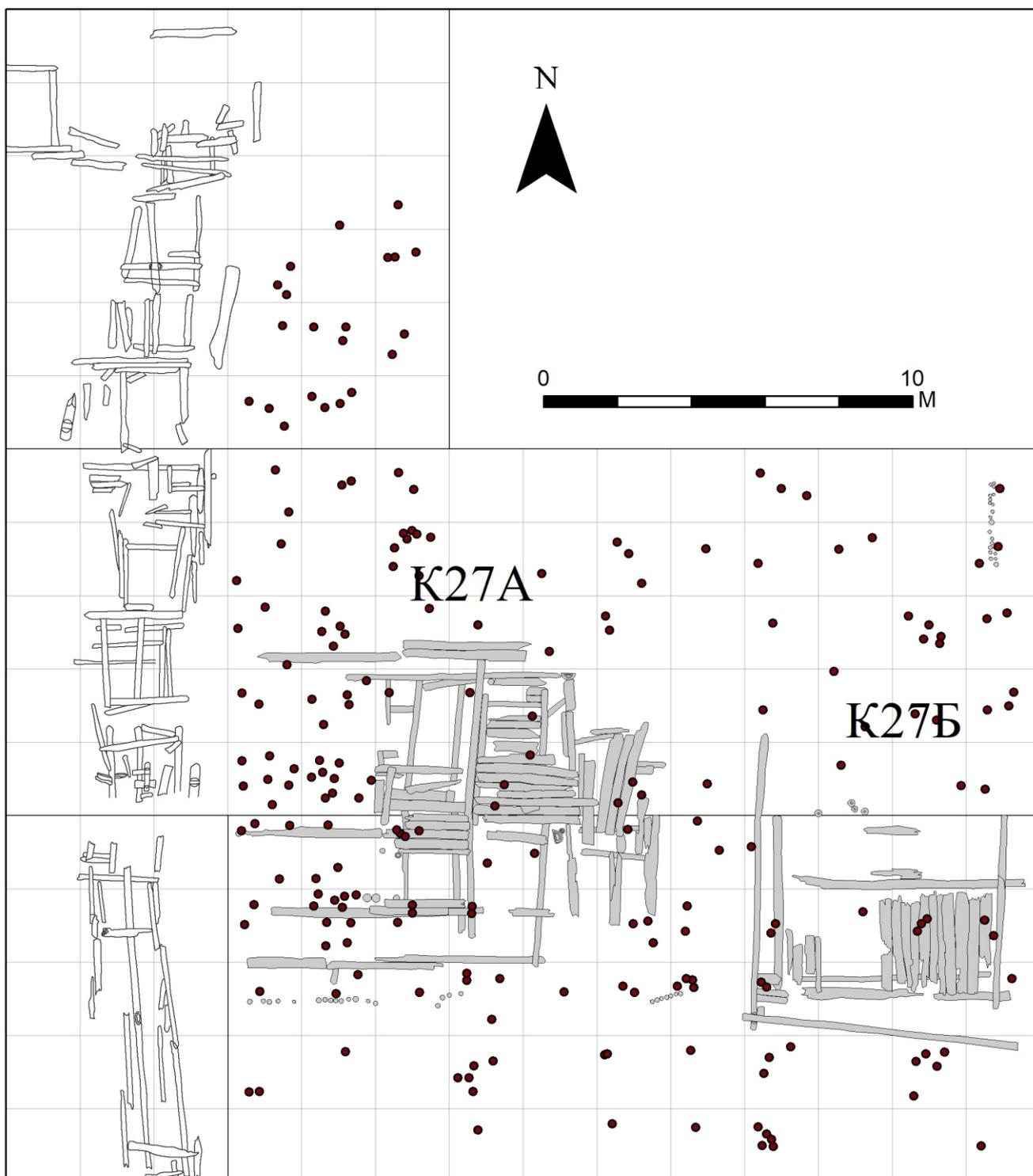

Рис. 35 - Общий план распределения находок на усадьбе «К» в последней четверти X в.

Рис. 36 - Материальная культура усадьбы «К» в последней четверти X в.

Рис. 37 - Материальная культура усадьбы «К» в последней четверти X в.

Рис. 38 - Материальная культура усадьбы «К» в последней четверти X в.

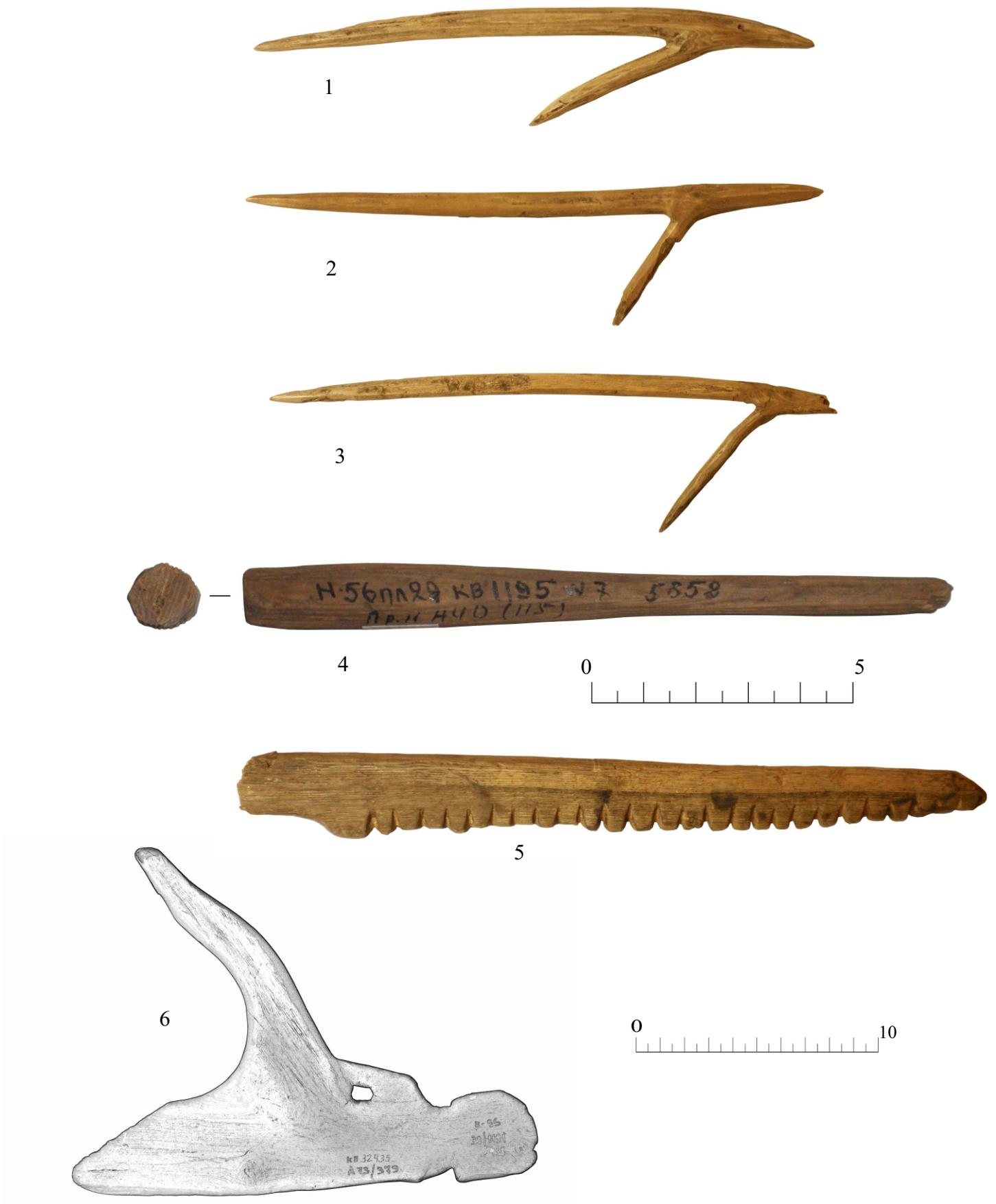
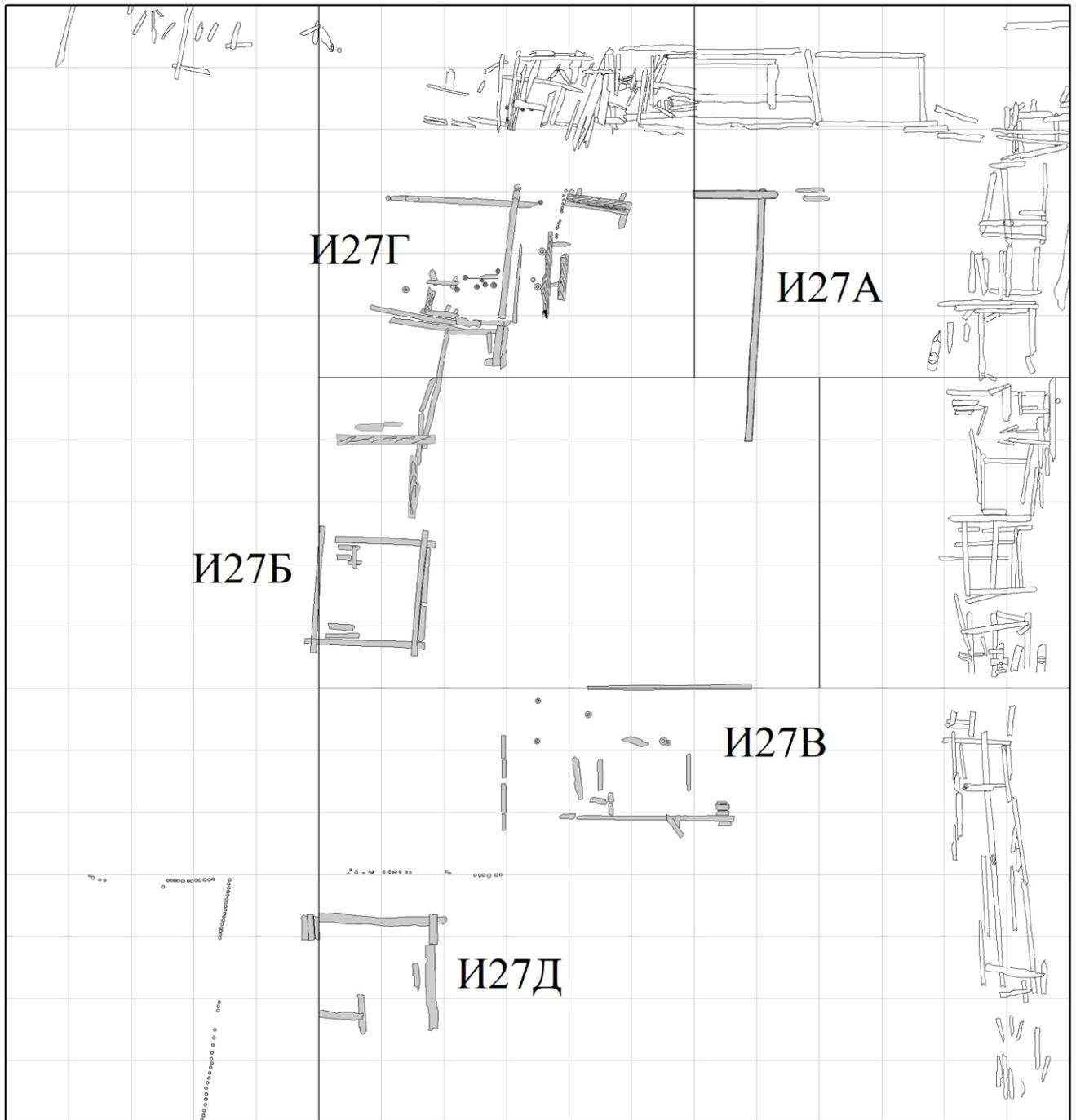

Рис. 39 - Материальная культура усадьбы «К» в последней четверти X в.

0 10 М

Рис. 40 - Застройка усадеб «И» и «И-2» в последней четверти X в.

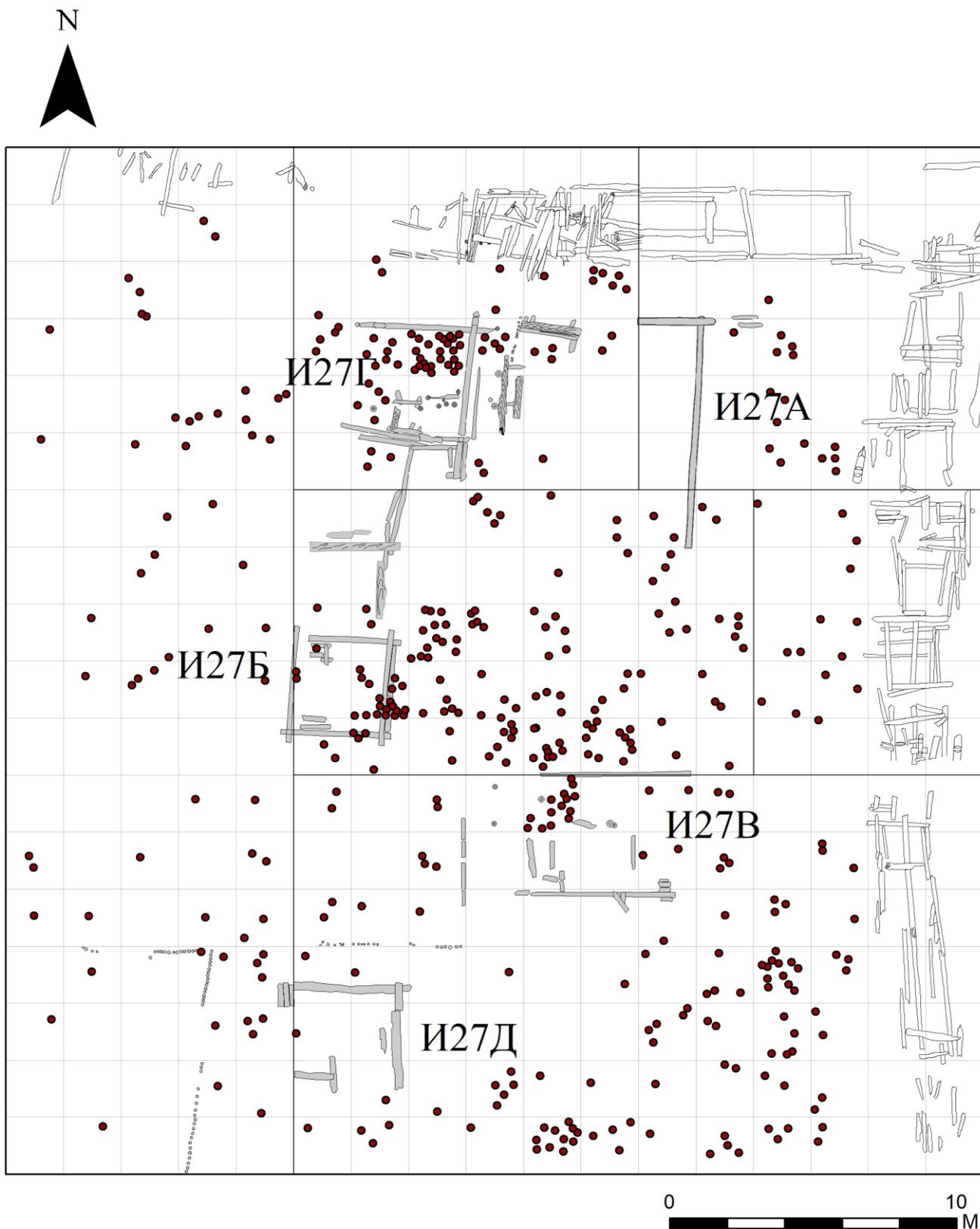

Рис. 41 - Общий план распределения находок на усадьбах «И» и «И-2»

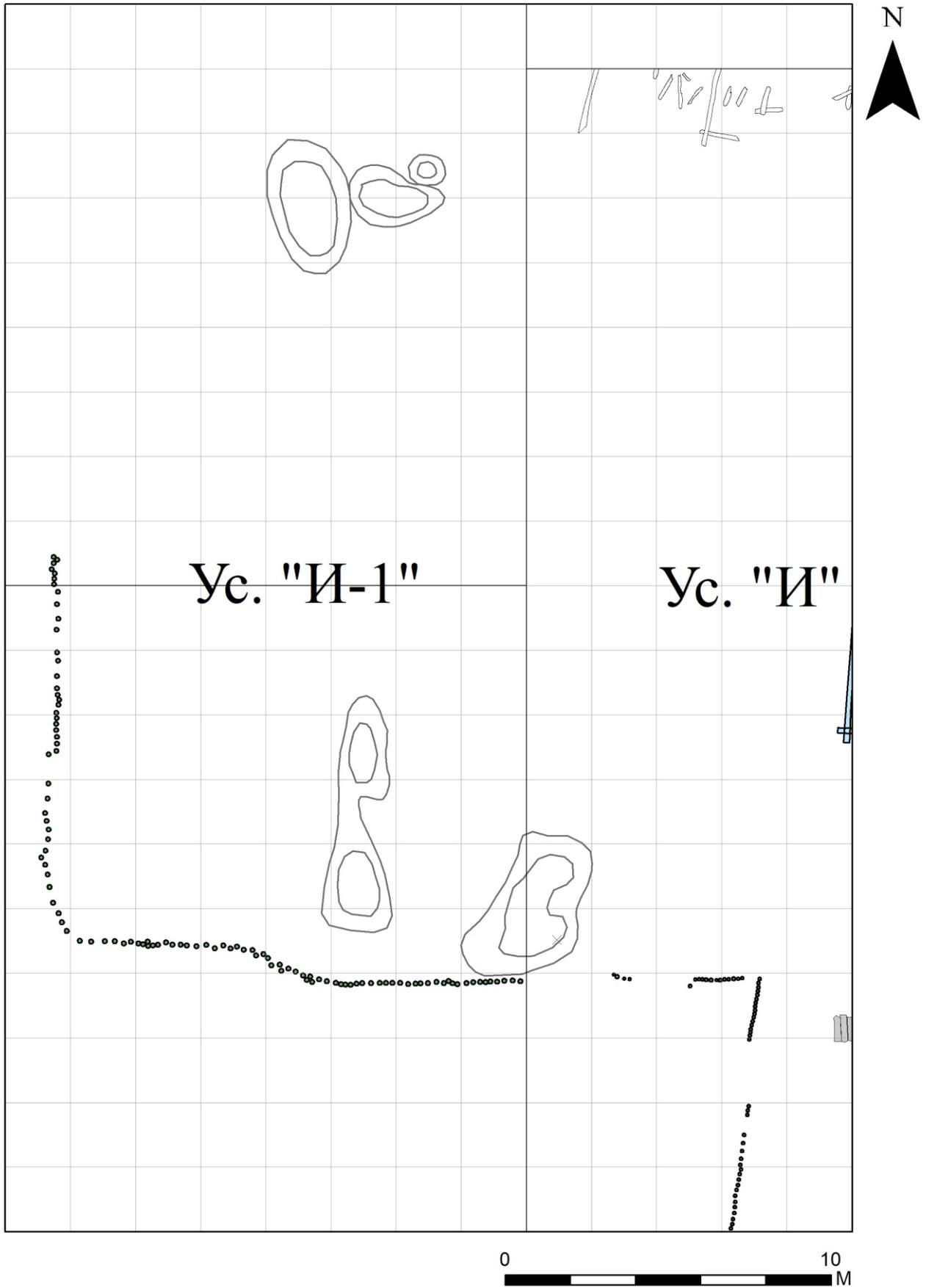

Рис. 42 - Территория усадьбы «И-1» в последней четверти X в.

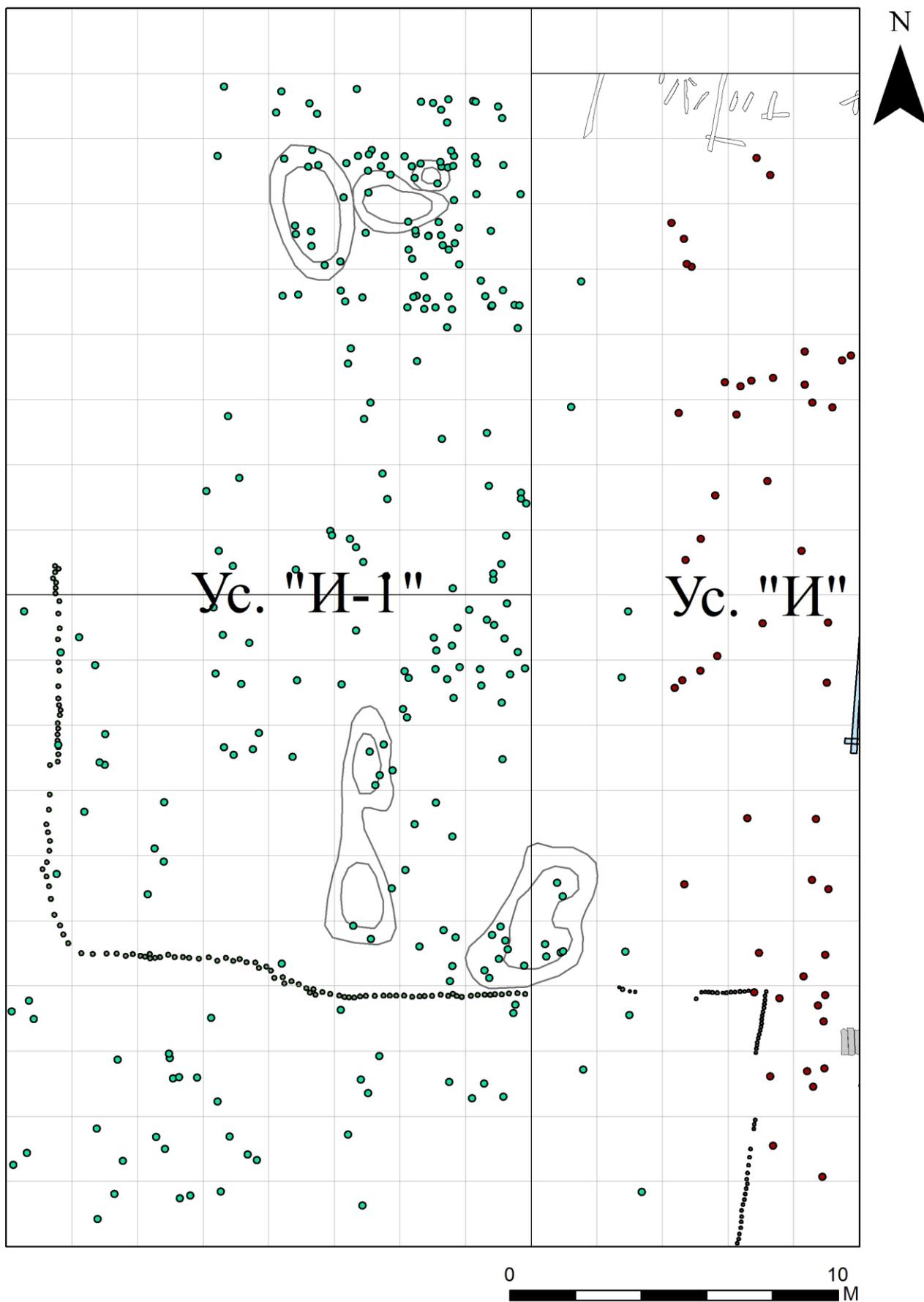

Рис. 43 - Общий план распределения находок по территории усадьбы «И-1»

Рис. 44 - Материальная культура усадьбы «И» в последней четверти X в.

Рис. 45 - Материальная культура усадьбы «И» в последней четверти X в.

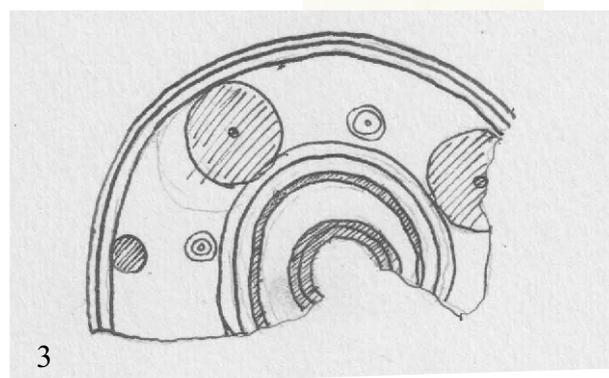
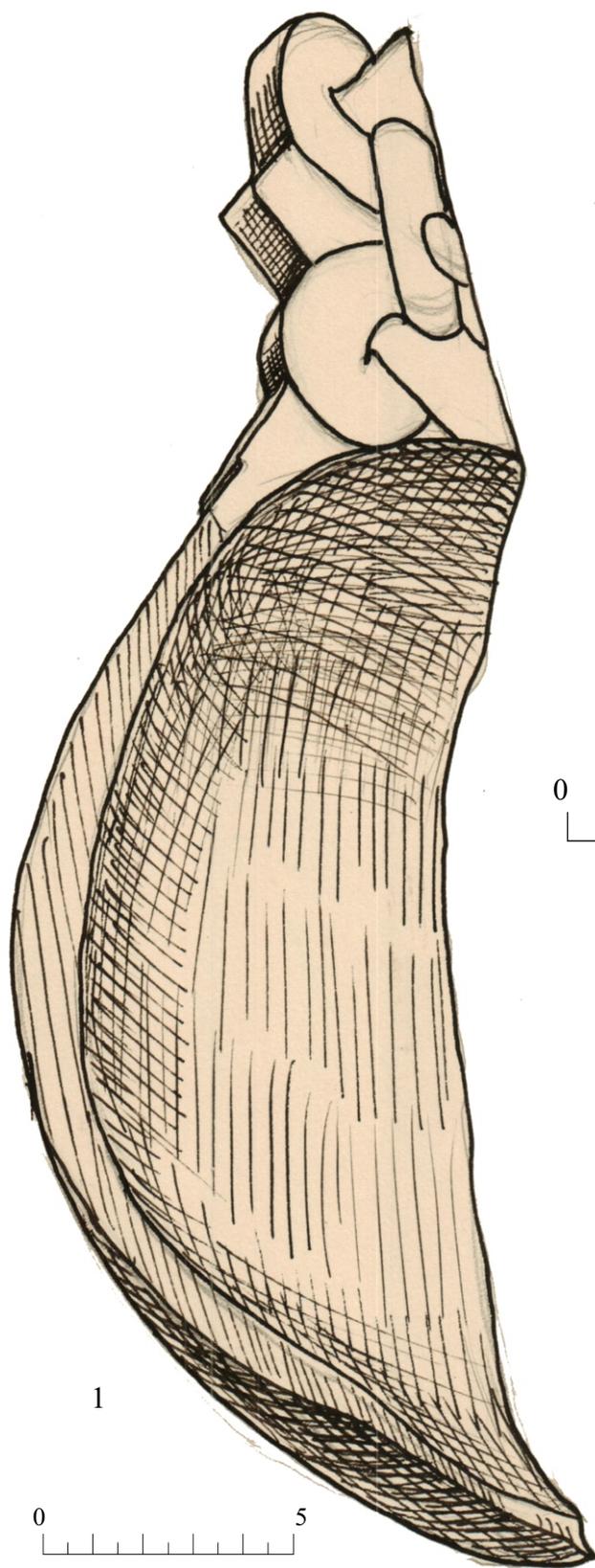

Рис. 46 - Материальная культура усадьбы «И» в последней четверти X в.

Рис. 47 - Материальная культура усадьбы «И-2» в последней четверти X в.

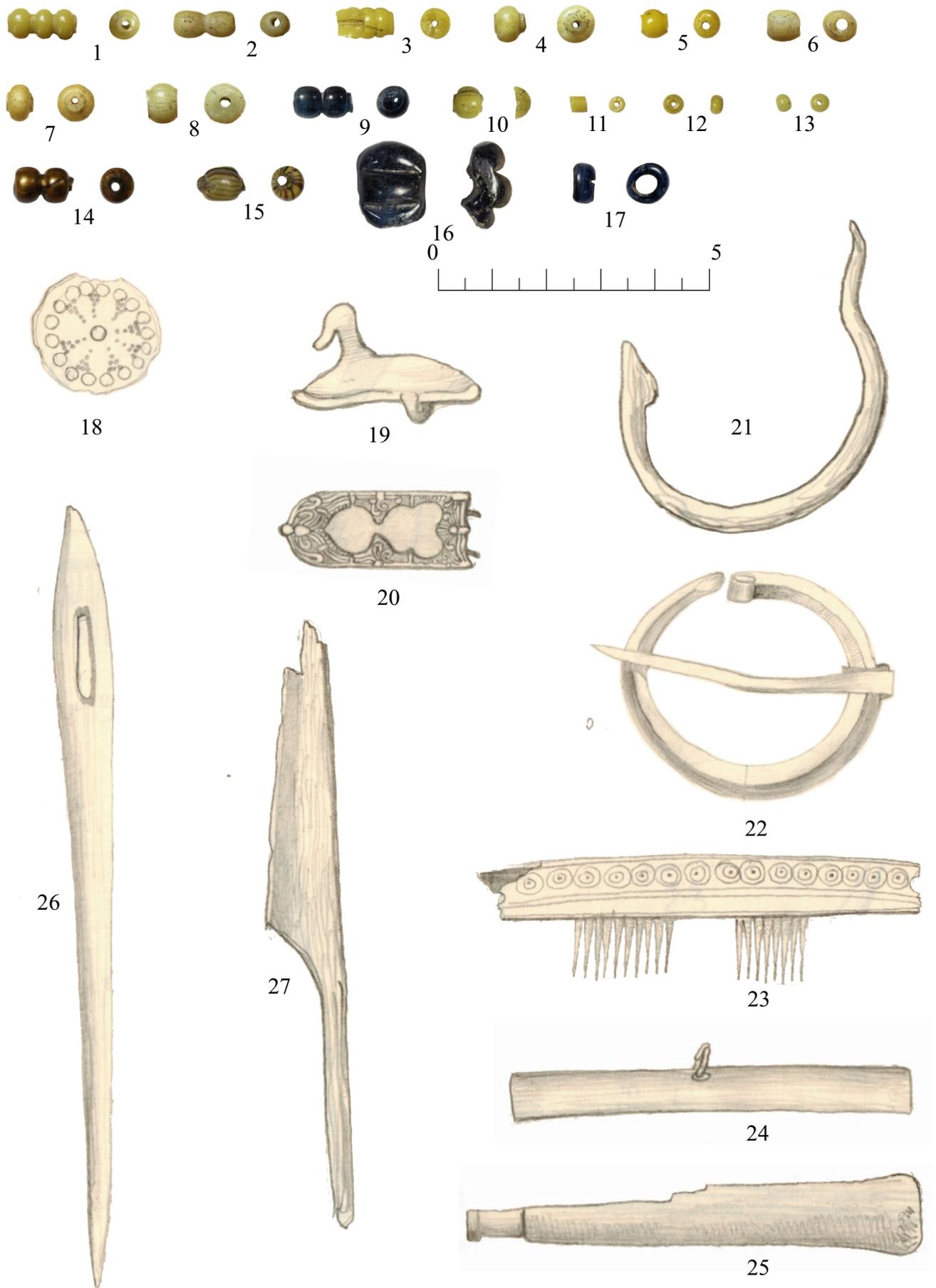

Рис. 48 - Материальная культура усадьбы «И-1» в последней четверти X в.

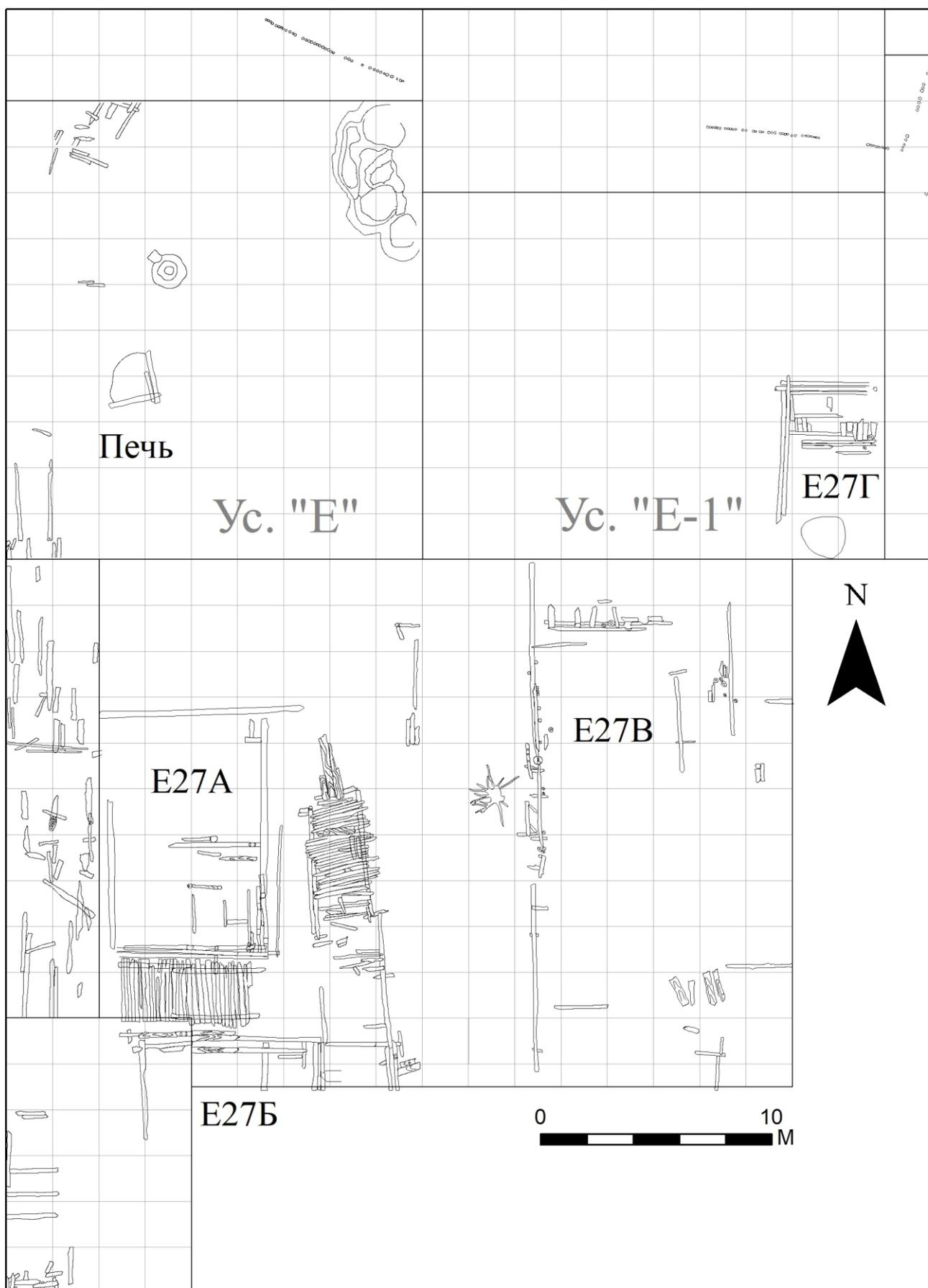

Рис. 49 - Застройка усадеб «Е» и «Е-1» в последней четверти X в.
Подъярус 1

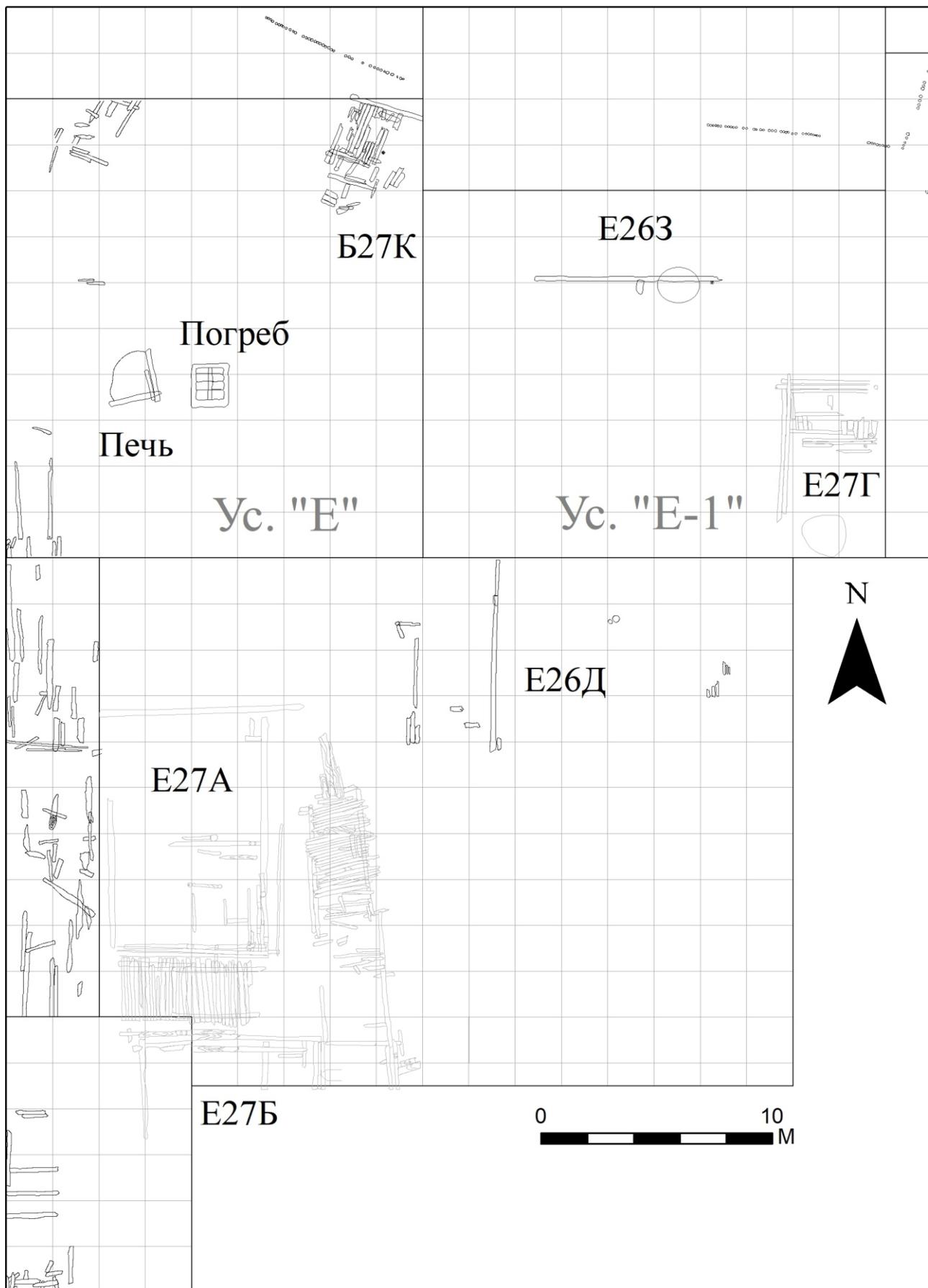

Рис. 50 - Застройка усадеб «Е» и «Е-1» в последней четверти X в.
Подъярус 2

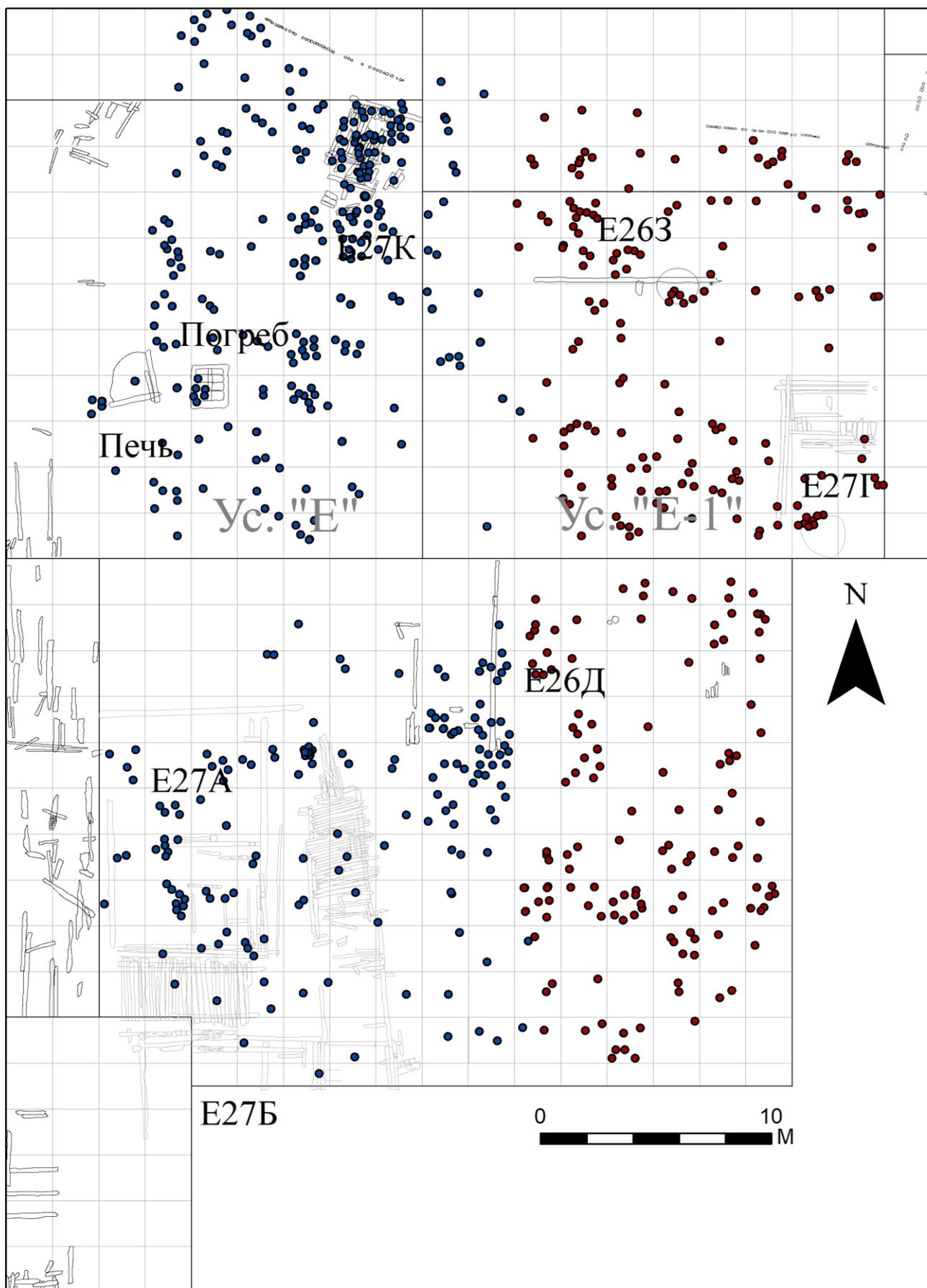

Рис. 51 - Общее распределение находок на усадьбах «Е» и «Е-1»

Рис. 52 - Материальная культура усадьбы «Е» в последней четверти X в.

Рис. 53 - Материальная культура усадьбы «Е» в последней четверти X в.

Рис. 54 - Материальная культура усадьбы «Е» в последней четверти X в.

Рис. 55 - Материальная культура усадьбы «Е» в последней четверти X в.

Рис. 56 - Материальная культура усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

Рис. 57 - Материальная культура усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

Рис. 58 - Материальная культура усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

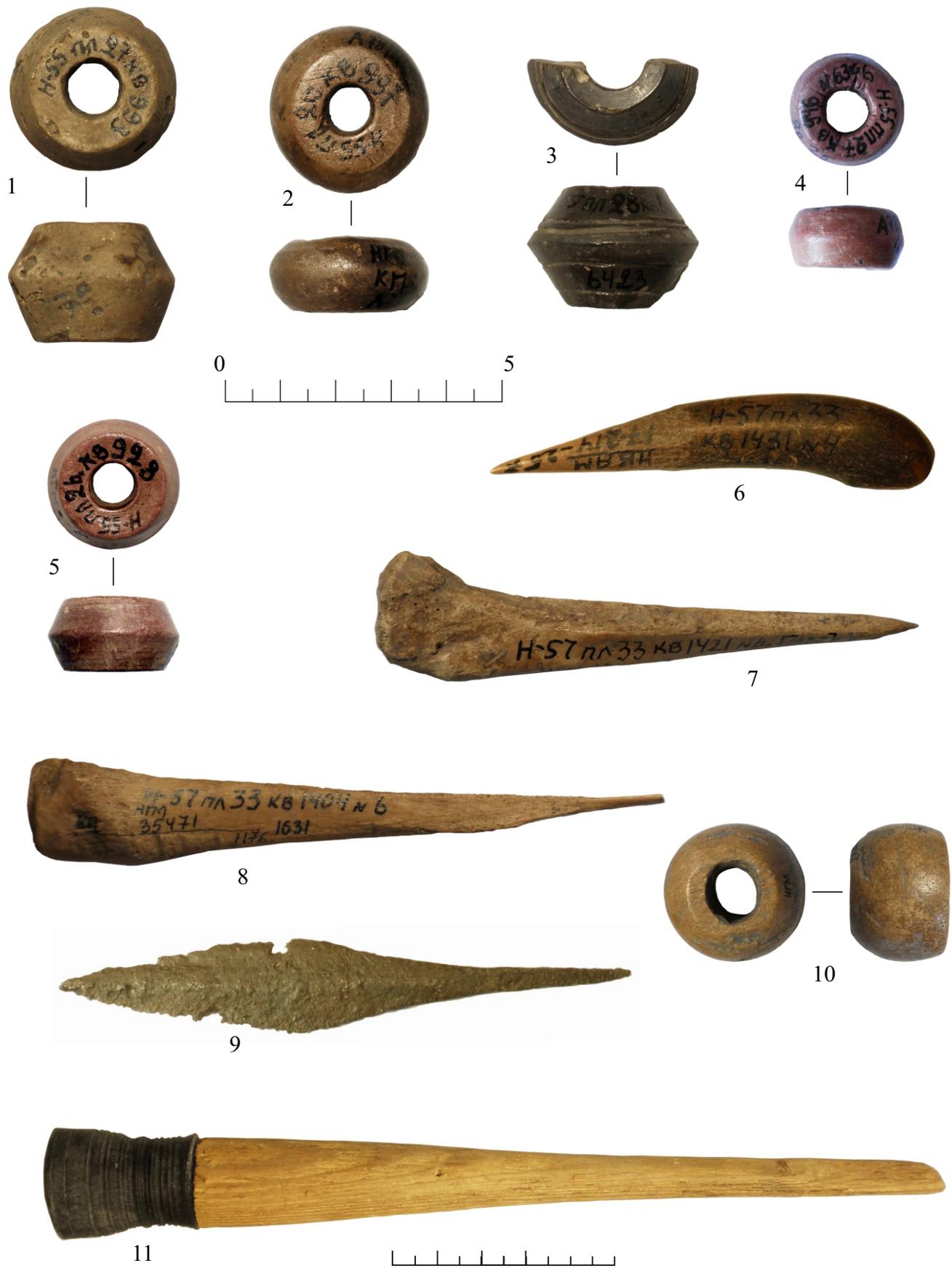

Рис. 59 - Материальная культура усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

Рис. 60 - Материальная культура усадьбы «Е-1» в последней четверти X в.

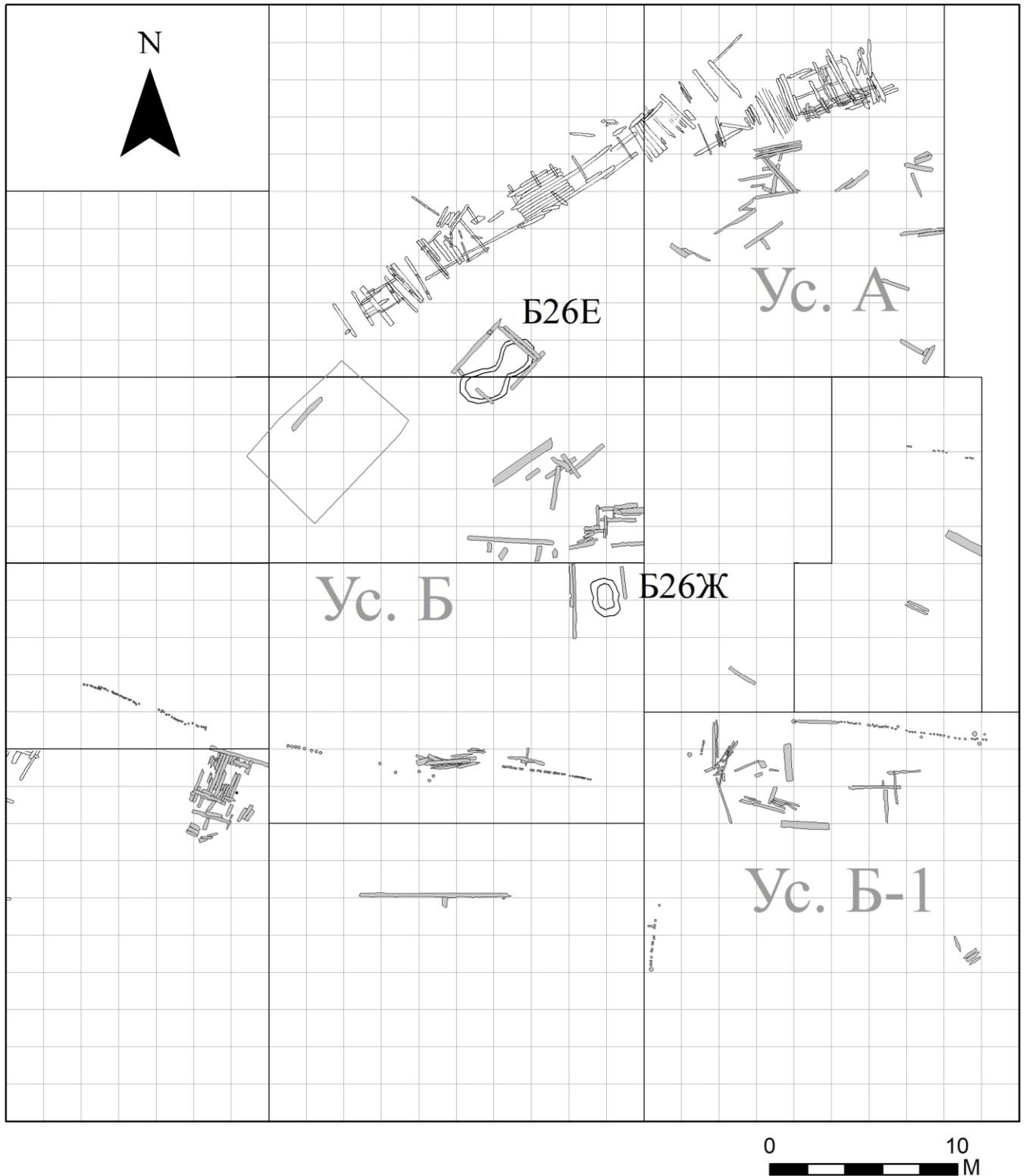

Рис. 61 - Застройка усадеб «Б», «А» и «Б-1» в последней четверти X в.

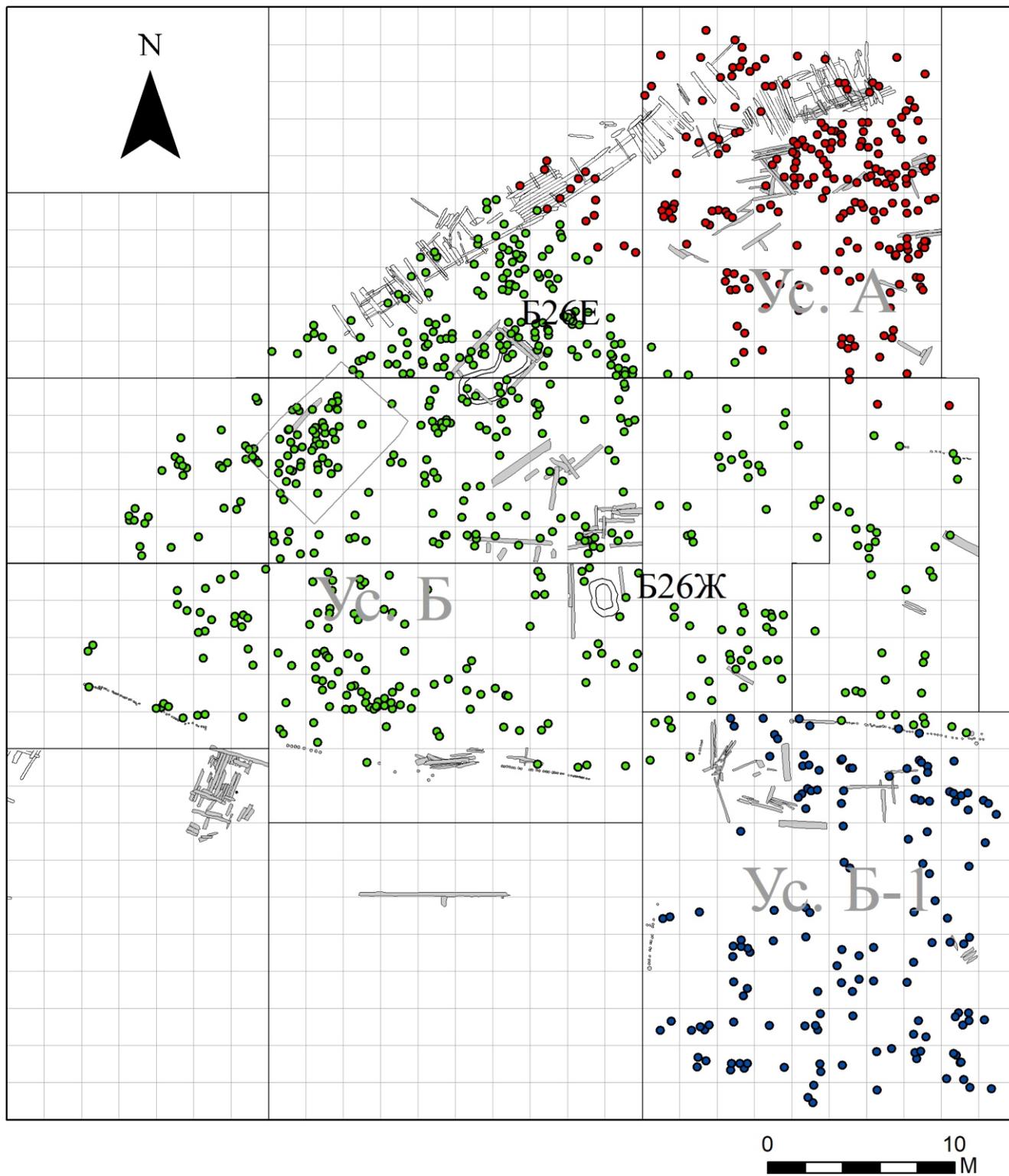

Рис. 62 - Общий план распределения находок на усадьбах «Б», «А», «Б-1»

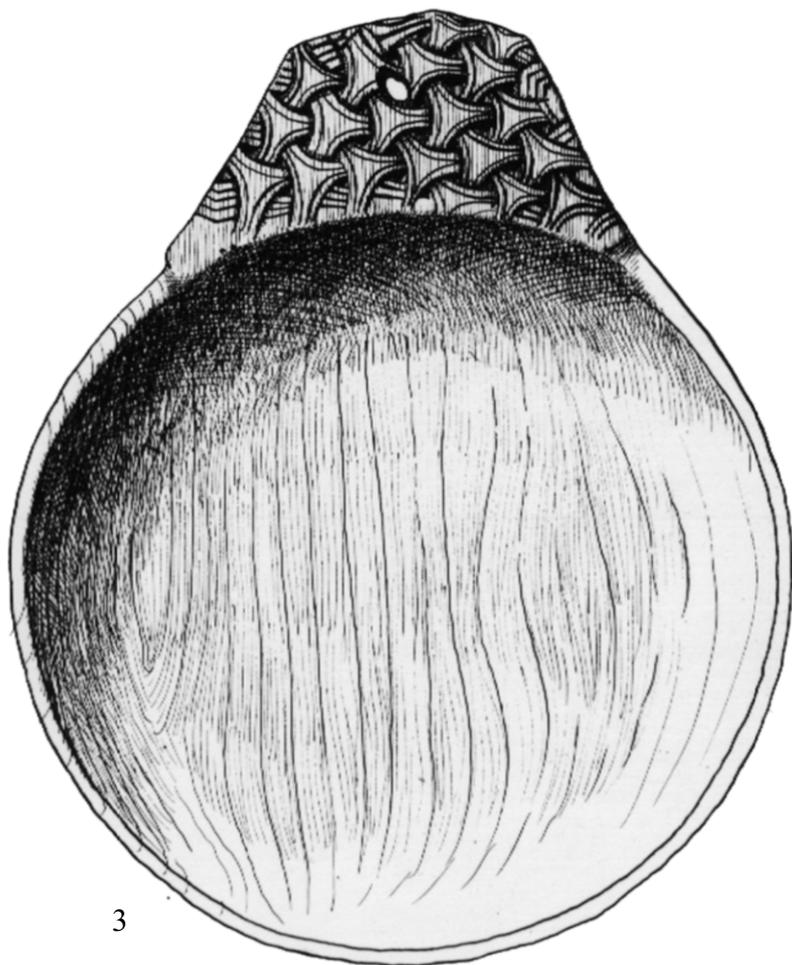
Рис. 63 - Материальная культура усадьбы «Б» в последней четверти X в.

Рис. 64 - Материальная культура усадьбы «Б» в последней четверти X в.

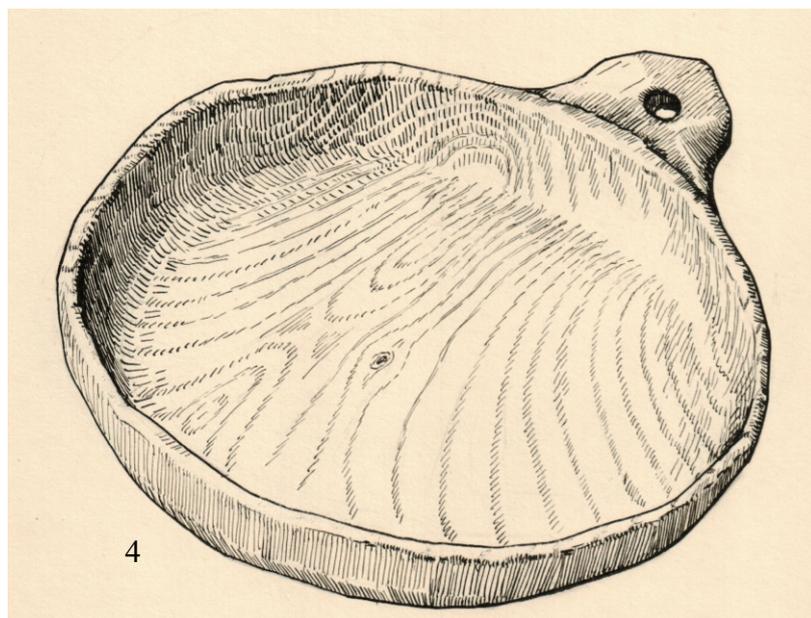
1

3

2

4

Рис. 65 - Материальная культура усадьбы «Б» в последней четверти X в.

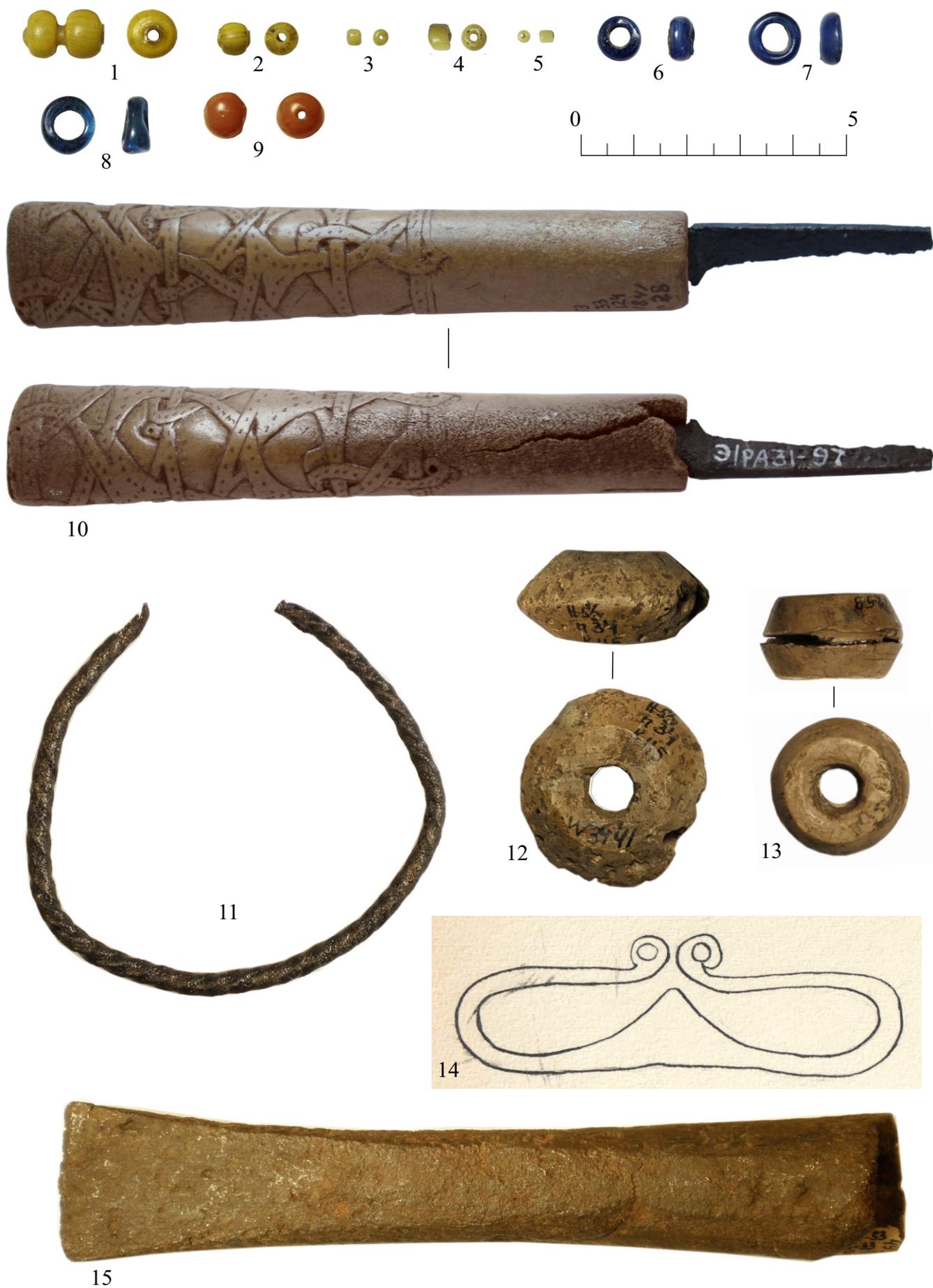

Рис. 66 - Материальная культура усадьбы «А» в последней четверти X в.

Рис. 67 - Материальная культура усадьбы «Б-1» во второй половине X в.

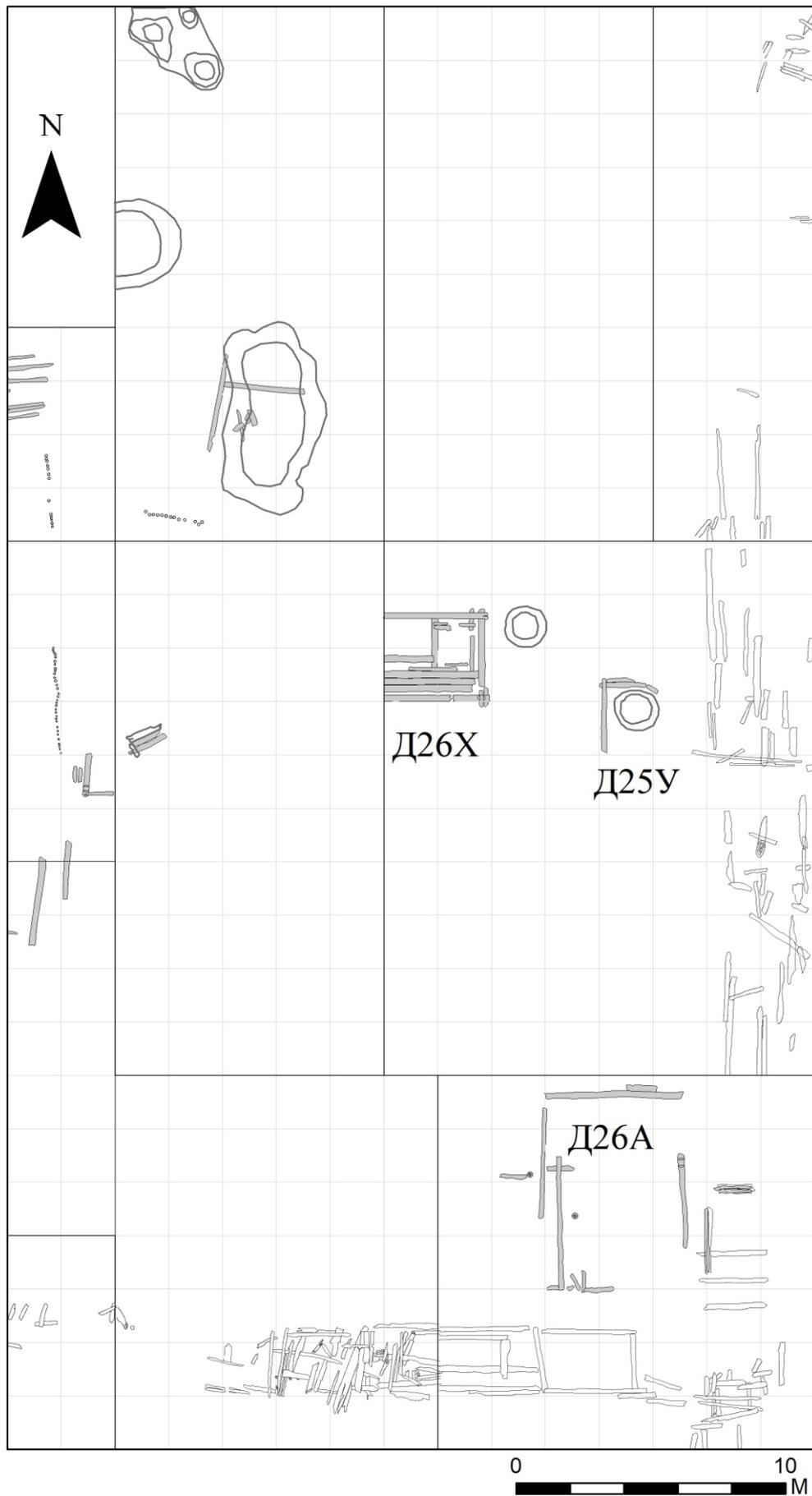

Рис. 68 - Застройка усадьбы «Д» в последней четверти X в.

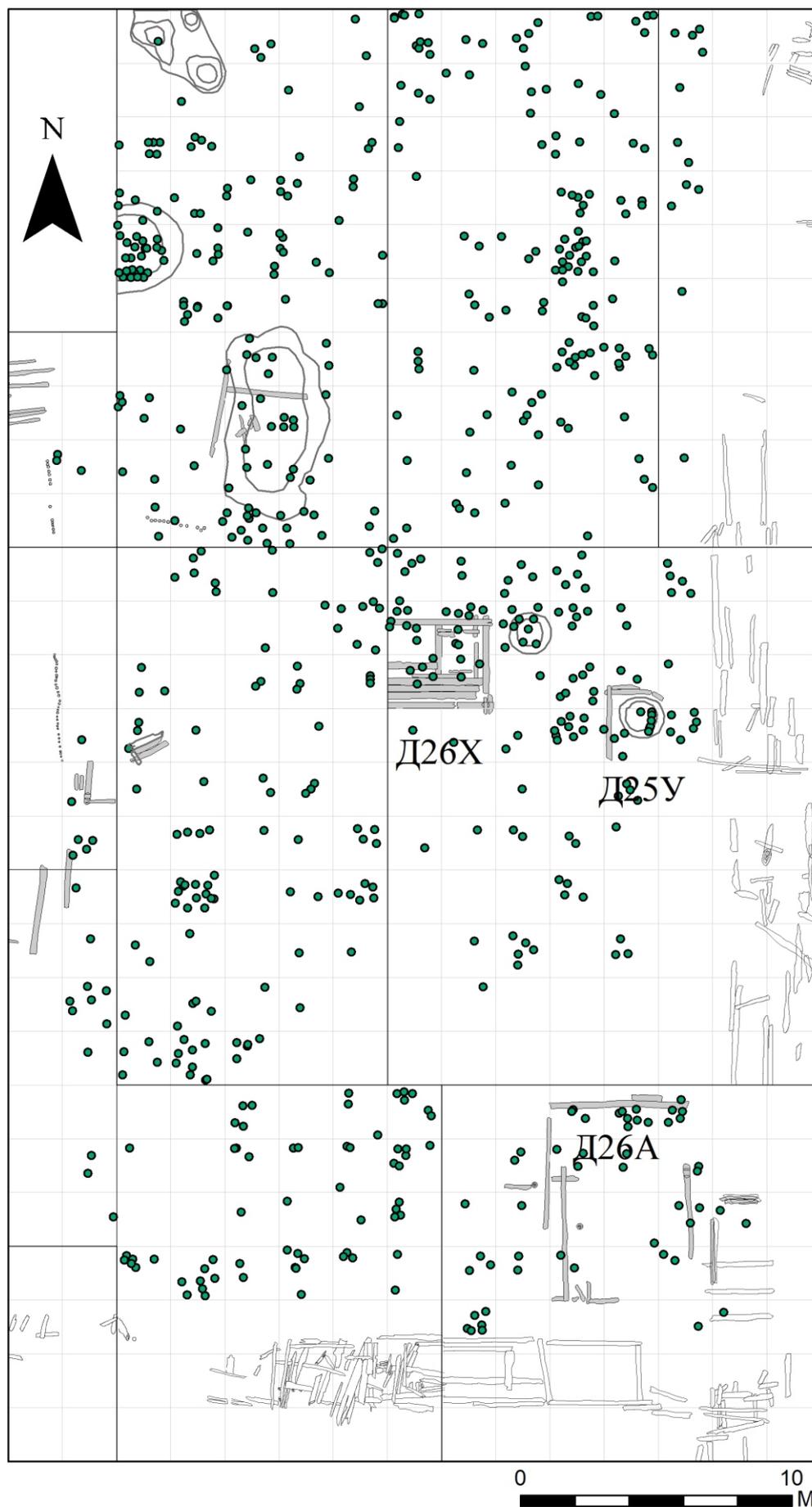

Рис. 69 - Общий план распределения находок на усадьбе «Д»

31 Рис. 70 - Материальная культура усадьбы «Д» в последней четверти X в.

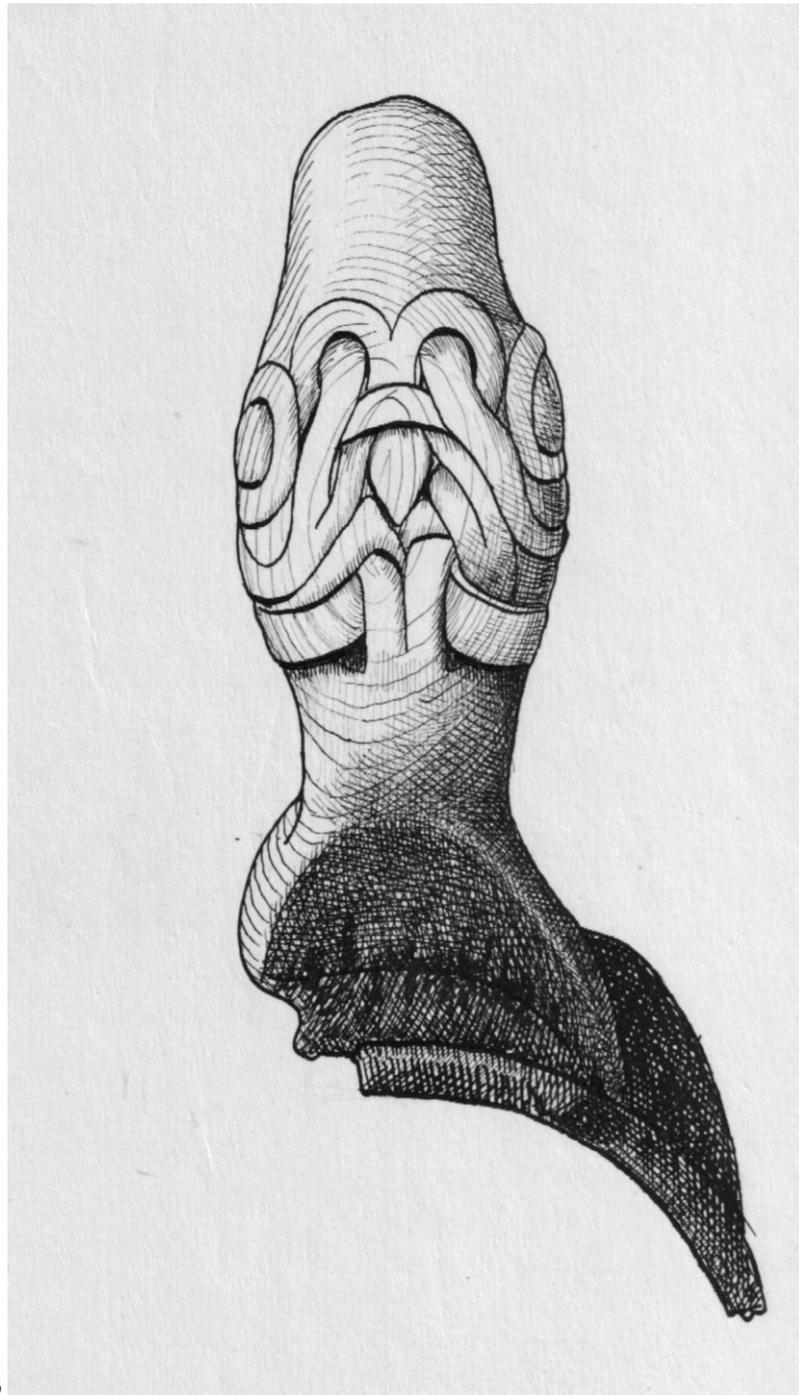

Рис. 71 - Материальная культура усадьбы «Д» в последней четверти X в.

1

2

3

Рис. 72 - Материальная культура усадьбы «Д» в последней четверти X в.

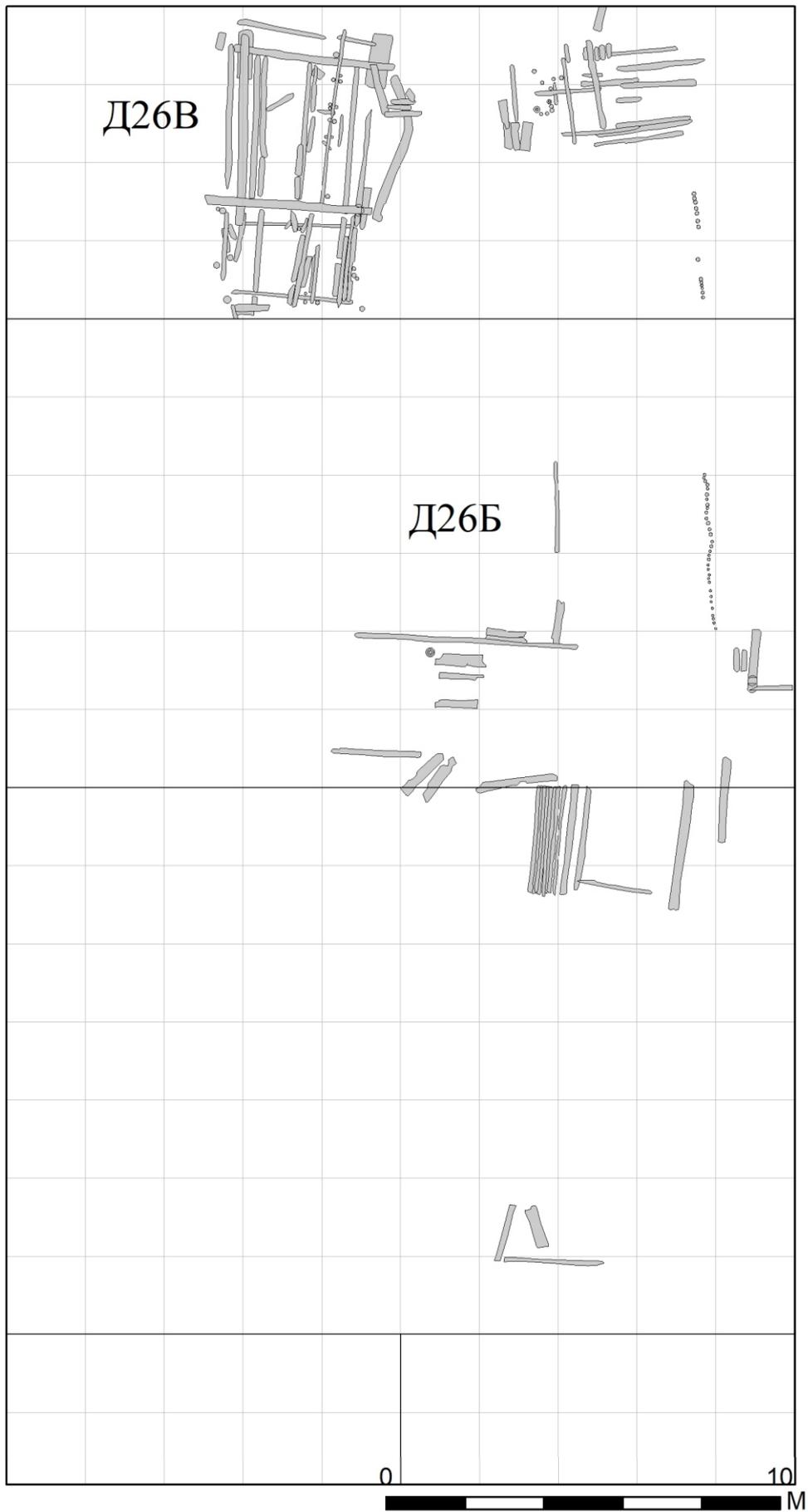

Рис. 73 - Застройка усадьбы «Д-2» в последней четверти X в.

Рис. 74 - Общий план распределения находок на усадьбе «Д-2»

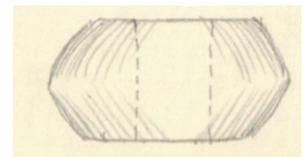
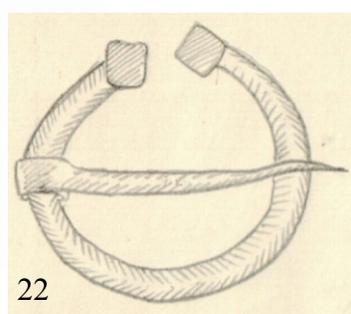
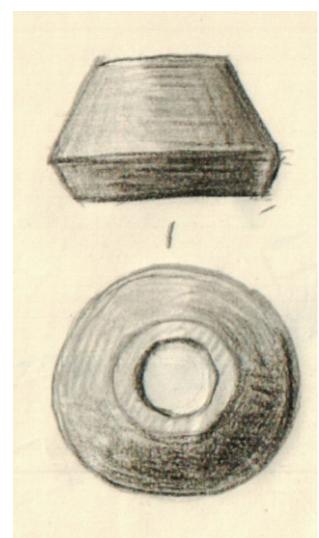
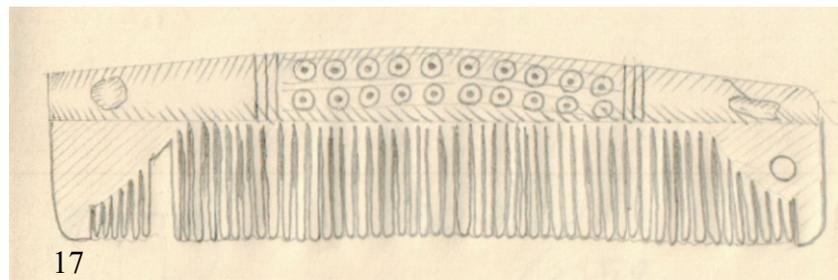
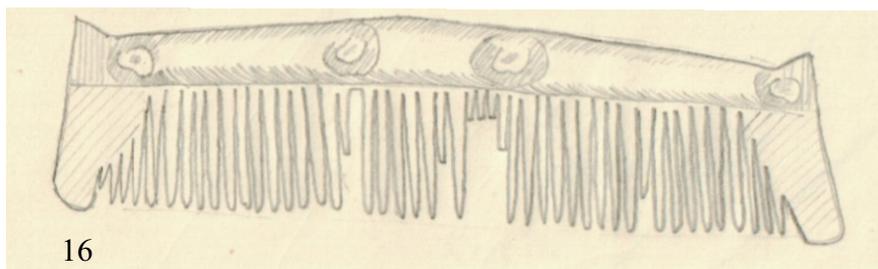

Рис. 75 - Материальная культура усадьбы «Д-2» в последней четверти X в.

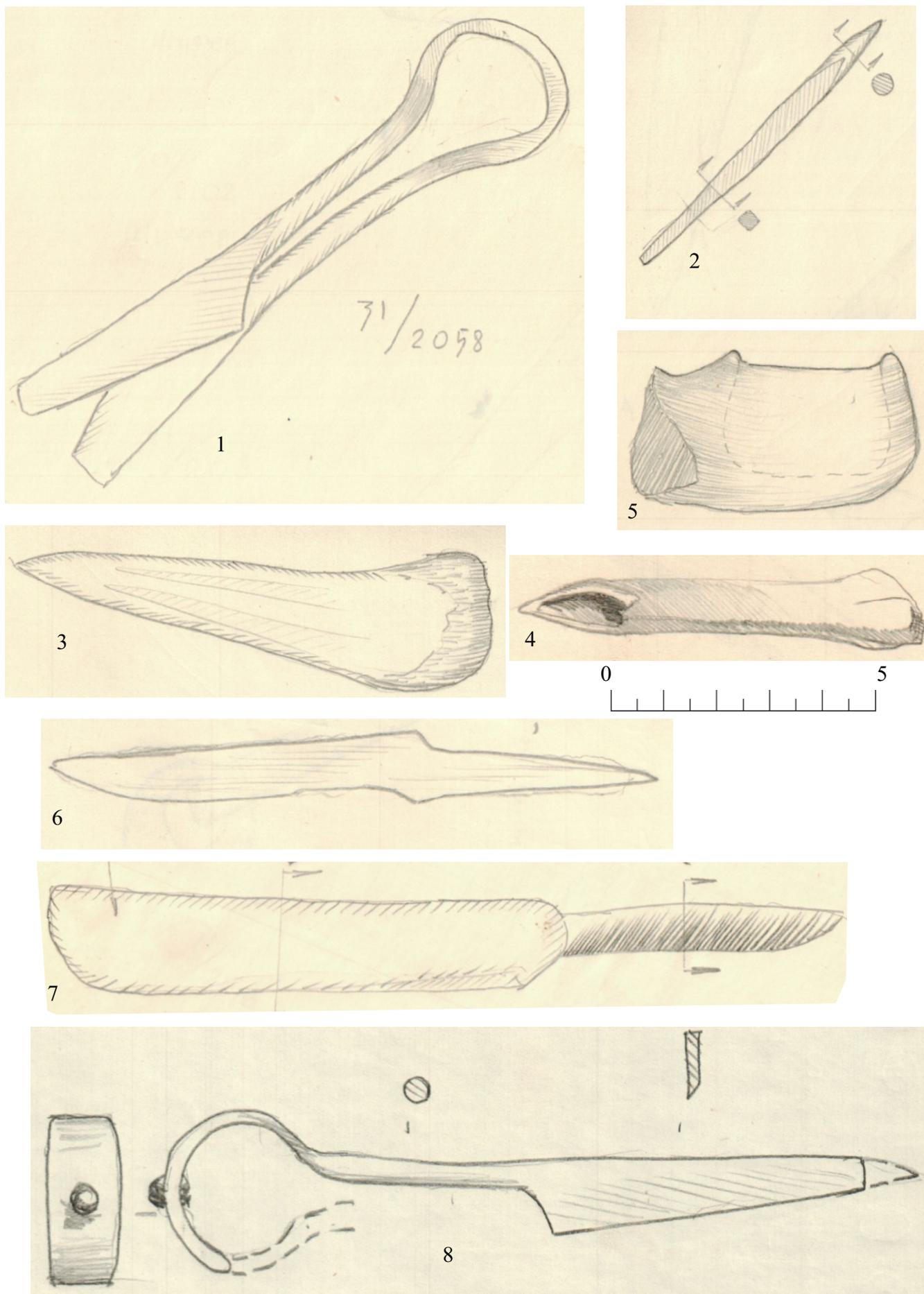

Рис. 76 - Материальная культура усадьбы «Д-2» в последней четверти X в.

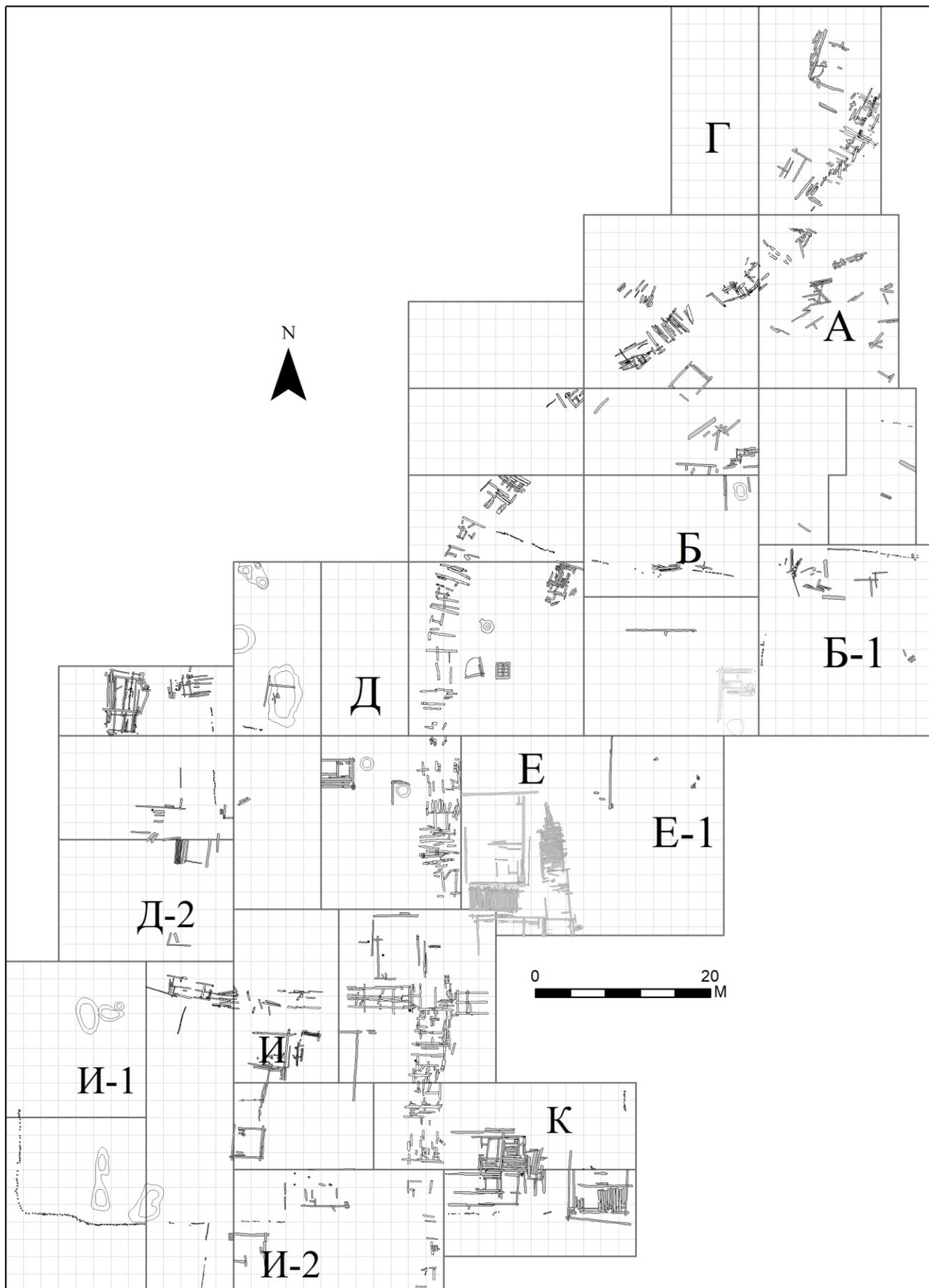

Рис. 77 - Общий план усадеб Неревского конца на момент пожара конца X в.